

Московский Государственный Университет им. М.В. Ломоносова

На правах рукописи

Безменова Лариса Петровна

Поэзия С.Я. Надсона. Стилистика и версификация

Специальность 10.01.01 – русская литература

Диссертация на соискание ученой степени

кандидата филологических наук

Научный руководитель:

Доктор филологических наук, профессор

А.А. Илюшин

Научный консультант:

Кандидат филологических наук, доцент

Г.В.Москвин

Москва – 2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава I. Метрика С.Я. Надсона	23
Глава II. Стилистическое своеобразие поэзии С.Я. Надсона	48
2.1. Стилистическая манера Надсона: общие особенности	48
2.2. Тропы и фигуры: стилистические предпочтения Надсона	52
Глава III. Поэзия С.Я. Надсона: основные темы и мотивы	78
3.1. Декларативно-медитативная поэзия мысли: размышления о загадке бытия	79
3.2. Гражданская поэзия: «лишний человек» в эпоху «безвременья»	86
3.3. Поэт и Муза (Вдохновение): «сюжет соблазна»	106
3.4. Сюжет «любви к мертвой возлюбленной» («дешевовский» цикл)	110
3.5. Тема природы: образные оппозиции	124
3.6. Стихи для детей и юношества. Топос «странного» ребенка	139
3.7. Надсон и последующая литературная традиция (на примере творчества ранних рабочих (пролетарских) поэтов)	145
Заключение	166
Список использованной литературы	174
Приложения	188
Приложение 1	188
Приложение 2	271

ВВЕДЕНИЕ

Известность Семёна Яковлевича Надсона (1862–1887) при его жизни и в ближайшие годы после смерти была феноменальной, пожалуй, не имеющей аналогов в истории русской литературной культуры. Молодежь приезжала к нему в Кронштадт, следила за его появлениями в Петербурге и Киеве («в редкие мои приезды в Петербург меня брали нарасхват»¹, писал он своей корреспондентке), его засыпали письмами поклонницы и начинающие поэты, на даваемых им «вечерах» он всегда имел оглушительный успех, а реакция образованной части русского общества на его безвременную кончину была сопоставима только с реакцией на смерть А.С. Пушкина². До 1917 года вышло более двадцати переизданий собрания его стихотворений, причём их тиражи зачастую превышали тиражи изданий самых популярных поэтов Серебряного века.

Прижизненная литературная критика относилась к «феномену» Надсона более скептически, хотя уже с конца XIX века ему неизменно уделялось место в «историях» и «очерках» по русской литературе. Дореволюционная академическая наука и критика оставили, пожалуй, наибольшее число откликов на поэзию Надсона. В современном литературоведении наблюдается спад интереса к творчеству этого поэта. С начала прошлого века не было опубликовано ни одной специальной монографии, посвященной его стилю, жанрово-тематическому составу его поэзии и ее версификационным особенностям. В целом, научная литература по указанным вопросам достаточно скромна. Ниже мы предложим обзор того, что было сделано в надсоноведении за прошедшие сто тридцать лет.

Изучение поэзии Надсона можно разделить на несколько периодов.

Первый период составляют работы, созданные в дореволюционные годы (1885–1917). По большей части они были написаны современниками, которые непосредственно были знакомы с поэтом, либо авторами, для которых память о Надсоне была еще живой. Среди них его друзья и знакомые: Д.С. Мережковский,

---

¹ Полное собрание сочинений С.Я. Надсона. Т. 2. Пг., 1917. С. 561.

² См.: Весслинг Р. Смерть Надсона как гибель Пушкина: «образцовая травма» и канонизация поэта «большого поколения» // <http://magazines.russ.ru/nlo/2005/75/ba7.html>

А.Н. Плещеев, Н.М. Минский, А.И. Леман, М.А. Российский, П.А. Тулуб, М.В. Дандевилль, Н.И. Позняков, И.Л. Леонтьев-Щеглов, А.П. Налимов, М.В. Ватсон и др. Среди публикаций данного периода преобладают в основном журнальные и газетные статьи³, критические очерки, заметки мемуарного характера, некрологи. После его смерти было написано около тридцати стихотворных посвящений и эпитафий. Показательно, например, стихотворение Я.П. Полонского «ПАМЯТИ С.Я. НАДСОНА» с рефреном «Спи с миром, юноша-поэт!»; строки

И был тот голос с нервной дрожью,
Как голос брата, в час глухой
Подслушан *пылкой молодежью*
*И чуткой женскою душой*⁴ (курсив наш. – Л. Б.), –

точно и конкретно обозначают круг его читательской аудитории, ее настроения.

К чисто мемуарным очеркам можно отнести следующие работы: Батуев А. Семен Яковлевич Надсон (Казанский листок. 1887. 30 января. № 24), Гольцев В. Памяти С.Я. Надсона (Русские ведомости. 1887. 25 января. № 24), Круглов А.В. С.Я. Надсон. Биография и характеристика (б. м., 1914), Жерве Н. Кадетские, юнкерские и офицерские годы Надсона. По воспоминаниям его товарищей и письмам поэта (СПб., 1907), Леман А. Рассказы (СПб, 1888), Российская-Кожевникова М.А. Воспоминания о Надсоне (М., 1912), Теплов В.В. С.Я. Надсон (Киев, 1887), Шведер Е. С.Я. Надсон (М., 1917), Ясинский И.И. Надсон в Киеве (Биржевые ведомости. Утренний выпуск. 1897. 1 февраля) и др.

Мемуары, равно как и изданные в серии «Библиотека для детей и юношества» повести типа «Юноша-поэт» Ал. Алтаева (Петроград, 1915), способствовали канонизации образа поэта-страдальца, перенесшего много жизненных тягот (смерть отца, отчима, матери, учеба в военной гимназии, смерть любимой девушки, плохое здоровье, ранняя смерть). Надсон описывается в подобной литературе с позиции идеализирующей, облик его подается трафаретно и шаблонно, в духе поэзии самого Надсона, в соответствии с созданным там

³ Например, «С.Я. Надсон. Сборник журнальных и газетных статей, посвященных памяти поэта, с приложением портрета. СПб., 1887».

⁴ С.Я. Надсон. Сборник журнальных и газетных статей. С. 155.

образом лирического героя: «одиноким», «измученный», «больной телом, страдающий душой»⁵, «нежная душа», «кристальное сердце»⁶.

Особняком в мемуарной литературе, посвящённой Надсону, стоит очерк В. Бибикова «С.Я. Надсон»⁷. Его свидетельства как нельзя лучше раскрывают суть литературной репутации Надсона, причины его популярности, особенности творческой манеры, а кроме того, дают представление об облике надсоновского читателя. «Решительно нельзя было представить студента первых курсов, гимназистки старших классов или курсистки, которые не знали бы наизусть почти всех стихотворений Надсона. Его имя сделалось любимым, его одним из первых искали в оглавлении журнальной книжки», – вспоминает автор, отмечая, правда, что популярность Надсона «дальше молодёжи» не шла⁸. В. Бибиков делает также попытку охарактеризовать стиль поэзии Надсона, скрываясь за фигурами неких «зрелых любителей поэзии», которые указывали молодым поклонникам поэта на «некоторую деланность» его стихотворений, «бедность образов, нетвёрдость и условность рисунка, преимущественно в пьесах, проникнутых гражданской скорбью»; на аллегоричность образов природы, на переимчивость Надсона, перефразирующего Веневитинова, Огарева, Лермонтова, Некрасова, Плещеева⁹.

Авторы «критических очерков» рубежа XIX–XX вв., в соответствии с выбранным научным жанром, уже более критически подходили к оценке поэзии Надсона. Так, Арсений Введенский в очерке «Поэт переходного времени» (Дело. 1886. № 5. С. 3-22) одним из первых противопоставляет «искренность» поэта «форме» его стихотворений: «В лице г. Надсона мы имеем дело с поэтом, не всегда вполне овладевающим формою, но *искупающим недостатки ея своею страстною и глубокою искренностию*»¹⁰. Развивая эту идею, критик утверждает: «Русская литература, таким образом, получает в поэзии г. Надсона явление скорее смысла отрицательного, чем положительного. <...> г. Надсон не представляет

⁵ Алтаев Ал. Указ. соч. С. 75, 88.

⁶ Круглов А.В. Указ. соч. С. 6.

⁷ Бибиков В. Рассказы. СПб., 1888. С. 385–400.

⁸ Там же. С. 386-387.

⁹ Там же. С. 387-388.

¹⁰ Введенский Арс. Указ. соч. С. 8. Курсив здесь и далее, за исключением оговоренных случаев, принадлежит авторам цитируемых произведений.

собой носителя каких-либо известных положительных идеалов; потому что стремление к прошлому, неопределенному, не может считаться положительным, исполнимым идеалом». Говоря о «сущности» поэзии Надсона, А. Введенский подчеркивает «неопределенность его воззрений на жизнь», «отсутствие в нем, в наличности его поэзии какого-либо исповедания веры общественной»¹¹.

В рассматриваемый период вокруг творчества Надсона в критической литературе о нём шла напряженная борьба между восторженными его сторонниками, писателями-демократами (Н. Михайловский, М. Панов, П. Якубович, Е. Богословский), и критически настроенными литераторами буржуазно-либерального и декадентского лагерей (М.О. Меньшиков, А. Белый).

Представители демократического лагеря отстаивали общественную значимость, гражданское содержание поэзии Надсона. Наиболее характерна высокая оценка П.Ф. Якубовича, утверждавшего, что Надсоном талантливо и полно были выражены думы и чаяния «больного поколения» восьмидесятых годов, пережившего духовный кризис после поражения народничества: «Только на лире Надсона нашлись струны, отвечающие чувствам и мыслям огромного числа людей его времени; в его чувствах отразились горе и радость почти всего поколения», «в песнях Надсона, посвященных родине, в известной степени отразился героизм эпохи»¹². Считая Надсона «милым невеждой в вопросах политики и философии», П. Якубович подчеркивает, что поэт «силен и обаятелен другим – красотой своего любящего сердца, задушевной искренностью своих увлечений и страданий»¹³.

Е. Богословский, называя Надсона «восходящим солнцем русской поэзии», отождествляет стихотворный текст и гражданскую позицию автора: «Честное и горячее сердце бьётся в груди поэта и болит оно о людском горе, о людских слезах, о пошлой бестолковой жизненной суете; поэт готов отречься от личного счастья для борьбы со злом и пороком», «самая поэзия Надсона истекает из этого

---

¹¹ Введенский Арс. Указ. соч. С. 20.

¹² Мельшин Л. (П.Ф. Якубович). С.Я. Надсон. К двадцатой годовщине смерти. М., 1906. С. 17, 31.

¹³ Там же. С. 37.

чувства связи души поэта с общею жизнью»¹⁴. Под пером критика возникает образ борца за счастье родины, готового отдать за нее «всю душу».

Приверженцы консервативной и близкой к ней эстетической критики, наоборот, всячески принижали значение надсоновского творчества, игнорируя в нем гражданские мотивы. Надсона они объявляли лишь певцом крайнего, безнадежного пессимизма. Невысока либо противоречива была оценка ими его художественного мастерства.

Так, М. Меньшиков в «Критических очерках» (1899) высказал точку зрения, что популярность Надсона зиждилась на том, что современникам была интересна его личность. Именно черты характера поэта, близкие молодым читателям, делали его стихи симпатичными им.

А. Белый в статье «Сравнительная морфология ритма русских лириков в ямбическом диметре» (1909) на основании составленной им таблицы ритмических фигур высказался категорично: «Искренние излияния Надсона, рисующие нам прекрасную человеческую душу, еще не поэзия; во всех отношениях Надсон слаб <...> ритмическая беднота и малая оригинальность Надсона *чрезвычайны*»¹⁵.

Поэты-символисты вообще негативно высказывались о Надсоне. В 1908 году В.В. Брюсов в статьях «Н.М. Минский. Опыт характеристики» и «Вячеслав Иванов. Андрей Белый. Кормчие звезды» назвал Надсона «младенцем в области стихотворной техники, не знавшим ее азбуки»¹⁶. «Невыработанный и пестрый язык, шаблонные эпитеты, скудный выбор образов, вялость и растянutosть речи – вот характерные черты надсоновской поэзии, делающие ее безнадежно отжившей»¹⁷, – так безжалостно и не во всём справедливо определил стиль поэта В. Брюсов. А.А. Блок в заметке-«программе» «О списке русских авторов» (1919), перечисляя писателей, достойных быть включенными в «избранные произведения русских классиков», отозвался о Надсоне двойственно: «Есть поучительнейшие

¹⁴ Богословский Е. Очерк поэтической деятельности С.Я. Надсона. «Еще одна тяжелая утрата». Екатериноград, 1887. С. 1, 3, 10.

¹⁵ http://az.lib.ru/b/belyj_a/text_11_1909_simvolizm.shtml

¹⁶ Брюсов В.Я. Собрание сочинений. В 7-ми томах. Т. VI. М., 1975. С. 293.

¹⁷ Там же. С. 235.

литературные недоразумения, вроде Надсона, нельзя не отдать ему хоть одной страницы»¹⁸. Итак, поэты-модернисты косвенно отрешивались от влияния на них Надсона, что следует учитывать при изучении вопроса о традициях Надсона в русской поэзии.

В 1890-е годы начинается «монографическое» изучение надсоновского наследия. Продолжают также выходить публикации в газетах и журналах.

Н.А. Котляревский в очерке «Поэзия гнева и скорби» (М., 1890) характеризует Надсона как тип, «портрет» из галереи современной литературной молодежи, ярчайшим представителем и предводителем целого литературного направления, которое он называет «Скорбная поэзия». Понятия «скорбные поэты», «поэты-скорбители» осталось в истории русской литературы как общее обозначение авторов 1880-х годов.

В 1895 г. выходит одно из самых обширных на тот момент исследований творчества Надсона – книга казанского профессора, богослова и филолога, А.А. Царевского «С.Я. Надсон и его поэзия «мысли и печали» (1895). В ней он дает высокую оценку творчеству Надсона, «лучшего из поэтов новейшего времени»¹⁹, вскользь касаясь слабых его сторон. «Явившийся мимолетным метеором, Надсон, однако, не есть в истории русской поэзии, да и в истории вообще дней наших, явление случайное, изолированное, ничем и ни с кем не связанное», – отмечает А. Царевский, считая Надсона поэтом «истинно-талантливым», явившимся «как естественное, законное и только лучшее, счастливейшее порождение своего времени и своего поколения»²⁰. Исследователь относит Надсона к «скорбным» поэтам, наряду с Минским, Мережковским, Фофановым, Андреевским, Апухтиным, Голенищевым-Кутузовым и другими, и даже считает его «лучшим представителем» этой «современной школы»²¹. Решая вопрос о том, что задавало «тон» поэзии Надсона – личный недуг или общественная обстановка, А. Царевский склоняется ко второму ответу: «По характеру своей поэзии, по тону и содержанию сказавшегося в ней личного

¹⁸ Блок А. Собр. соч. М.; Л., 1962. Т. 6. С. 138.

¹⁹ Царевский А.А. Указ. соч. С. 8.

²⁰ Там же. С. 31.

²¹ Там же. С. 34.

авторского настроения, Надсон есть прежде всего именно *выразитель* своего времени»²². Отличительной особенностью поэзии Надсона, а с современной точки зрения – его стиля, А. Царевский считает «лиризм», «искренний», «глубокий» и «даже слишком субъективный». Это был «чистейший лирик», это был «субъективный лирик», – подчеркивает исследователь²³. Противопоставляя далее творчество Надсона некрасовской поэзии «мести и печали» и даже отдавая ему перед Некрасовым «пальму поэтического превосходства»²⁴, А. Царевский выделяет в нем такую характерную черту, как «мысль», «пытливую», «тревожную», «раздумье, идею, тенденцию – как угодно назовите»; «в лице Надсона, очевидно, возрастал и креп, – отмечает он, – выдающийся талант редкого вообще, не только для одной русской литературы, так сказать, философа-поэта»²⁵. И наконец, говоря о «типичном надсоновском стиле», А. Царевский даёт самую общую его характеристику, непосредственно соотнося качества Надсона как человека с «внешним», словесным их выражением: «Глубокий лиризм Надсона, его вдумчивое и в общем грустное настроение, его душевная теплота, нежность и сердечность нашли себе как нельзя больше подходящее, соответствующее и внешнее выражение»²⁶.

В 1897 году вышла брошюра «Поэзия Надсона», автор которой, М.М. Могиланский, стремится «объяснить бросающуюся в глаза раздвоенность поэта», а также опровергнуть утвердившуюся к тому времени точку зрения о том, что настроение поэзии Надсона продиктовано его личным недугом: «Недуг поэзии Надсона следует искать глубже физического недуга, – он в недуге его времени»²⁷. Исследователь считает, что Надсон был «своевременной» фигурой в русской литературе, явив собой «образ больного интеллигента», песнь которого «отражала кристальную, любящую душу идеалиста»²⁸.

---

²² Царевский А.А. Указ. соч. С. 34.

²³ Там же. С. 38-39.

²⁴ Там же. С. 121.

²⁵ Там же. С. 41, 49.

²⁶ Там же. С. 97.

²⁷ М. М. <М. М. Могиланский>. Поэзия Надсона. СПб., 1897. С. 11.

²⁸ Там же. С. 21, 25.

В 1899 г. М. Протопопов публикует статью «Поэты переходного времени (С.Я. Надсон, П.Ф. Якубович)», где в свободной, не обремененной научностью форме характеризует талант Надсона: «унылый, но ласковый, не строгий, не карающий, не осмеивающий», «не слишком крупный, но и не так чтобы очень мелкий»²⁹. Язвительно критик определяет и главного читателя Надсона – это среднестатистическая «тетенька», которой не нужна ни серьезная борьба, ни реальная правда. И наконец, «содержание поэзии Надсона» он видит в том, «что поэт неустанно жалуется, и чем горче и искреннее его жалобы, тем легче и читателю: разделенное горе – полугоре»³⁰.

В 1901 году в том же журнале, «Русская Мысль», появляется критико-психологический этюд о С.Я. Надсоне, точнее, первая его часть. Вторую часть автор, М. Панов, умерший от скоротечной чахотки, написать не успел. Критик высказал мысль, что в поэтическом произведении главное не форма, а идейное наполнение. В противовес существующей традиции приписывать причину мрачного настроения стихов Надсона его болезни М. Панов предполагает, что «полный разлад внутреннего мира, то есть болезнь моральная, подготовила благодатную почву и для болезни физической»³¹.

В 1906 году Ю. Айхенвальд в своем эссе о Надсоне³² помещает поэта в «историю русской дряблости». О надсоновском стиле критик высказывается довольно категорично: «Ни для кого не тайна, что размеры таланта были у юноши-лирика вполне ограничены и даже о самой наличности таланта можно говорить здесь не совсем уверенно. Если исключить несколько грациозных пьес (вроде «Жалко стройных кипарисов; как они позеленели»), несколько поэтических изречений (вроде «муки слова»), несколько стихов, где Надсон выступает пейзажистом, то все остальное эстетическим требованиям совершенно не удовлетворяет». Язык Надсона Ю. Айхенвальд назвал «элементарным и полным общих мест».

---

²⁹ Протопопов М. Поэты переходного времени (С.Я. Надсон, П.Ф.Якубович) // Русская мысль. 1899. № 1. Январь. С. 42-43.

³⁰ Там же. С. 45.

³¹ Панов М. Сломленные крылья. Критико-психологический этюд // Русская Мысль. 1901. № 6. С. 129.

³² http://dugward.ru/library/nadson/aihenv_nadson.html

В 1908 году преподаватель Санкт-Петербургской гимназии Н. Трубицын издает очерк «Один из восьмидесятников – Надсон»³³, где рассуждает о причинах феноменальной популярности поэта в 1880-е годы. Эта работа носит критический характер, автор кратко разбирает в ней основные мотивы поэзии Надсона, останавливается на языке и стиле отдельных произведений («Надсон отличный стилист; внешность его произведений гладкая, звучная, подчас даже кокетливая»)³⁴. Вердикт же, который выносит Трубицын, заключается в том, что Надсон был типичным представителем своего времени, времени «дряхлых и беспомощных людей»³⁵.

В.М. Шулятиков в обзорной статье 1910 г. «Этапы новейшей лирики»³⁶ пытается найти место поэзии Надсона в литературном процессе рубежа XIX–XX вв. Критик усматривает в творчестве Надсона приметы модернизма, выделяет у него «культ страдания», ссылаясь при этом на Ницше, находит «социальный агностицизм и пессимизм». В.М. Шулятиков считает Надсона «рубежным» писателем, в творчестве которого находят отклик «старое и новое» в русской поэзии.

В 1912 г. В.Ф. Ходасевич написал доклад-очерк «Надсон»³⁷. Критически оценивая поэзию Надсона, он считает его «властителем эмоций, чувств», а не «дум», причины же популярности поэта видит в читательском сотворчестве и в общей «смутности» общего их идеала: «Его лира, не призывавшая ни к чему в частности, легко объединяла всех, мечтавших о чем-то неопределенно-прекрасном и высоком. Когда увлекают *только* вперед, к *идеалу вообще* – всякий волен в это слово вкладывать любое содержание, подразумевать под ним что угодно, какую угодно цель, лишь бы она находилась впереди, а не позади, не на том пути, который уже пройден. Так и было. Легко было признать Надсона как поэта и вождя, ибо мечтания его аудитории были так же смутны, как собственные. Не слова, а голос Надсона, единственного в те дни поэта,

---

³³ Трубицын Н.Н. Один из восьмидесятников – Надсон. Варшава, 1908. 31 с.

³⁴ Трубицын Н.Н. Указ. соч. С. 4.

³⁵ Там же. С. 9.

³⁶ http://az.lib.ru/s/shuljaticow_w_m/text_1000.shtml

³⁷ <http://hodasevich.lit-info.ru/hodasevich/kritika/hodasevich/nadson.htm>

призывавшего на борьбу, равно волновал всех». В целом же, Надсон был для начинающего критика скорее поводом поговорить о «новых поэтах» (Брюсов, Бальмонт, Балтрушайтис, Сологуб, Белый, Блок), которые «вытеснили» его (Надсона) поэзию.

В 1917 году вышел очерк Леонида Андреева «Надсон и наше время»³⁸, в котором автор сделал попытку заступиться за С.Я. Надсона: «Я не стану спорить, что Надсон писал плохо, и не стану доказывать, что все-таки Надсон был поэт. Первое – неоспоримо, а второе – недоказуемо для догматиков и слишком ясно для людей с высокой поэтической душой». Андреев высказал свой взгляд на причины популярности Надсона у молодежи: «<...> можно сказать с уверенностью: если за Верб<ицкой> и Сев<еряниным> шли низы молодежи, ее моральные *morituri* (мертвецы), за Надсоном, как ныне за Блоком (не говорю об огромной разнице их дарований), следовали верхи ее, те чистые и светлые души, для которых небо всегда было ближе, чем земля. Плоха та молодость, которая не чувствует Надсона, сказала, если не ошибаюсь, сама изысканная З. Гиппиус, судья строгий и взыскательный, но не лишенный чуткости, как всякий подлинный поэт».

Подытожим. Дореволюционная критика сосредоточила свое внимание на соотношении личного (болезнь, тяжёлая жизнь, пессимизм) и общего (общественно значимого) в творчестве Надсона; занималась изучением биографии поэта, причин его популярности у молодого поколения; указала на переключки с предшествующей поэтической традицией; дала оценку отдельным сторонам и темам, особенно гражданской, его поэзии; высказалась, самыми общими словами, о стиле Надсона.

Второй период включает в себя работы, изданные после 1917 года и до начала 50-х годов прошлого века. Работ этих немного. Во время становления новых реалий советского государства на литературную сцену этого времени взошли другие кумиры, изменилась не только государственная политика, но и лицо русской поэзии. После победы Октябрьской революции оценки и мнения о роли Надсона в литературном процессе опять-таки разделились на две

---

³⁸ Русская воля. 1917. № 18, 19 января.

противоположные группы. Это связано, прежде всего, с тем, что для исследований, созданных в это время, характерна, с одной стороны, сочувственная оценка творчества Надсона на фоне расположения к нему В.И. Ленина, с другой – критика на волне высмеивания его поэзии В.В. Маяковским, И. Северяниным, В. Каменским. Во многих обзорах того времени по истории русской поэзии само существование Надсона вообще замалчивалось. Именно в 1920-е гг. в советской литературной критике и литературоведении закрепилось мнение о Надсоне как о «нытике», пессимисте, унылом и однообразном поэте-эпигоне. Эта традиция была поддержана такими разными поэтами, как О. Мандельштам, Э.Багрицкий, А. Блок.

Небольшим, но значимым и даже концептуальным является раздел о Надсоне в «Очерках истории новейшей русской литературы»³⁹ В.Е. Евгеньева-Максимова. Его позиция довольно сдержанная, но объективная. Советский исследователь называет Надсона художником субъективного склада, в произведениях которого главное место занимает не изображение действительности как таковой, а «порождаемые ею в сознании художника его думы, чувства, настроения». Критик вслед за предшественниками указывает на бедность «исключительно литературного» надсоновского языка, банальность образов, упрощенность «музыкальной архитектуры» его стихов, «однообразие» размеров, «многословие», противопоставляя им «напряженность его чувства», «искренность» и подчеркивая, что «Надсон завоевал сердца читателей тем, что в полном смысле этого слова явился выразителем их дум, чувств, настроений»⁴⁰.

В 1937 в Малой серии «Библиотеки поэта» вышла книга стихов Надсона со вступительной статьей советского ортодокса А.Л. Дымшица⁴¹. Главным достоинством лирики Надсона провозглашается ее демократическая направленность, а Надсон объявляется «поэтом-демократом». По мнению А.Л. Дымшица, одна из главных сторон поэзии Надсона состояла в отражении кризиса народничества. В Надсоне исследователь усматривает прямого

³⁹ Евгеньев-Максимов В. Очерки истории новейшей русской литературы. М., 1927. С. 20-25.

⁴⁰ Там же. С. 24-25.

⁴¹ Надсон Семен Яковлевич (1862-1887). Стихотворения / Вступ. статья и ред. текста А. Дымшица. М.-Л., 1937. 285 с.

продолжателя традиций Некрасова и в этом видит его главное значение для русской литературы. Не отрицая за Надсоном репутации поэта-романтика, А.Л. Дымшиц призывает не игнорировать реалистические черты его поэзии: «Эти черты, выраженные гораздо скупее, нежели романтические, все же заметны и ощутимы, и зачастую именно они в сочетании с революционной патетикой обеспечивали его произведениям силу воздействия на демократические массы»⁴². Хотя общая концепция А.Л. Дымшица представляется нам устарелой, она навела нас на мысль о влиянии Надсона на поэтов – младших современников, но не модернистов, а «демократов», так называемых «пролетарских поэтов».

К третьему периоду изучения жизни и творчества Надсона относятся исследования 1950–1990-х годов. В работах советских литературоведов этого времени (М. Клеветский, С. Михайлова-Штерн, В. Жданов, С. Козлов, Л. Назарова, Г. Бялый, Н. Гайденко, В. Краснянский) отчасти был развит подход к наследию Надсона, предложенный А.Л. Дымшицем: его творчество изучалось в русле демократической поэзии XIX века. Так, о переключке судеб и поэзии А. Полежаева и Надсона писал Н.Л. Васильев⁴³. В эти годы библиографом С.С. Михайловой-Штерн были восполнены «белые пятна» в биографии поэта. Впервые начинают появляться труды, в которых дается объективная оценка деятельности Надсона, взвешенная и строящаяся на анализе его стихотворений. Продолжают, однако, звучать мнения о том, что поэзия Надсона являлась традиционной по форме, а в целом – подражательной.

В 1962 г. в Большой серии «Библиотеки поэта» впервые после 1917 г. вышло полное собрание стихотворений С.Я. Надсона со вступительной статьей Г.А. Бялого⁴⁴. Исследователь соотнес поэта и его лирического героя с образом «лишнего человека», а среди главных мотивов надсоновской поэзии назвал мечту о счастливом будущем и сомнения в реализации этой мечты⁴⁵. Г.А. Бялый отказывается видеть в стихах Надсона сугубо автобиографические признания,

⁴² Надсон Семен Яковлевич. Стихотворения. С. 19.

⁴³ Васильев Н.Л. А.И. Полежаев и русская литература. Саранск, 1992. С. 37, 153; Васильев Н.Л. Поэзия А.И. Полежаева в контексте русской литературы: АДД. М., 1994. С. 25.

⁴⁴ Надсон Семен Яковлевич. Полное собрание стихотворений / Вступ. статья Г.А. Бялого [с. 5-46]; подготовка текста и примеч. Ф.И. Шушковой. М.-Л., 1962. 505 с.

⁴⁵ Там же. С. 10-14.

расширяя их значение до истории поколения. Вслед за А.Л. Дымшицем он отмечает некрасовские традиции в творчестве Надсона, который стремился соединить «боевую тенденциозность Некрасова с культом красоты в поэзии «чистого искусства»⁴⁶. Г.А. Бялый указывает на афористичность стиля поэзии Надсона, ее ораторский пафос и аллегоричность образов. Критические замечания в адрес языка и стиля сводятся к обнаружению стандартной образности, безвкусной лексики. В целом, ученый вслед за дореволюционными исследователями (А. Царевский) считает, что поиски Надсоном новой манеры не получили своего завершения.

Современное литературоведение – четвертый период (публикации, вышедшие со второй половины 1990-х годов по настоящее время) – Надсоном интересуется мало. Такие ученые, как С. Сапожков, Е. Тарланов, Л. Щенникова, А. Илюшин, С. Лурье, уделяют ему обзорные или сравнительные главы в общих трудах о русской поэзии последней четверти XIX века, в учебниках по русской литературе этого периода, в «словарях писателей». Возрождается также интерес к мифотворчеству, связанному с именем Надсона, к его взаимоотношениям с одиозным критиком В. Бурениным (Р. Весслинг, А. Рейтблат). В 2010-е годы появляются отдельные статьи, посвящённые частным аспектам поэтики Надсона (В.В. Чаркин, Т.Ю. Мишина, А.В. Гостева). В 2014 году вышла книга тобольского краеведа Т. Солодовой (Матиканской) «Феномен Семёна Надсона. Жизненный и творческий путь поэта». Вопреки своему названию, эта работа касается в основном «жизненного» пути поэта, иллюстрациями к которому становятся его стихотворения и выдержки из дневников и писем.

С.В. Сапожков в одной из глав своей докторской диссертации «Русская поэзия 1880–1890-х годов в свете системного анализа: от С.Я. Надсона к К.К. Случевскому (течения, кружки, стили)» (М., 1999) продолжает тему, заданную еще Н. Котляревским в конце XIX века. Он называет Надсона предводителем «скорбных поэтов», отмечает крайнюю шаткость и непоследовательность его мировоззрения, которому свойственны хаотичность,

---

⁴⁶ Надсон Семен Яковлевич. Полное собрание стихотворений М.-Л., 1962. С. 37 и др.

утверждение самоценности лирического порыва. Отсюда у Надсона «тяга к напористому, эмоциональному синтаксису, к гиперболическим образам, к максималистским выводам и обобщениям, а также к афористичности поэтического высказывания. Вся образная ткань стиха нередко выдержана в «превосходнейшей» степени». По С.В. Сапожкову, «поэтика Надсона – это поэтика предельных состояний человеческого духа, резко контрастных «перескоков» чувства. Лирический сюжет подчас оказывается насквозь «прошит» такими «бросками» из одного положения в диаметрально противоположное. Положения равновесия лирическая эмоция Надсона не знает. «Зачины» и «концовки» в рамках одного и того же стихотворения нередко отрицают сами себя»⁴⁷.

Полемичной в этом смысле выглядит позиция Л.П. Щенниковой в ее докторской диссертации «Русская поэзия 1880–1890-х годов как культурно-исторический феномен» (Екатеринбург, 2003). Она не согласна с мнением об «осколочной картине мира», которую С.В. Сапожков усматривает в творчестве Надсона и других «скорбителей». По ее мнению, «специфика субъективности отечественной поэзии рассматриваемого времени определялась не столько утратой общественных идеалов и ощущением социально-политического угнетения, сколько переживанием богооставленности и мирового одиночества». Экзистенциальное ощущение потери «светоносного Центра мира лирически выражается в художественном образе наступающих на человека духовных «сумерек», «темноты», «потемок», «мглы», «ночи». Л.П. Щенникова утверждает, что поэзия Надсона проникнута христианскими мотивами, что, на наш взгляд, выглядит неубедительно⁴⁸. Надсон, по свидетельству мемуаристов, а также, судя по его дневникам и письмам, не был убежденным ортодоксом в вопросах религии, неоднократно высказывая сомнения в постулатах и догмах христианской веры. Самих стихов на религиозную тему в его творчестве немного. Скорее мы

⁴⁷ <http://www.dissercat.com/content/russkaya-poeziya-1880-1890-kh-godov-v-svete-sistemnogo-analiza-ot-s-ya-nadsona-k-k-k-sluchev>

⁴⁸ См. также полемическую статью-рецензию С.В. Сапожкова «Русская поэзия 1880–1890-х гг.: «конструктивность хаоса» или «эстетический имморализм»? в журнале «НЛО» за 2005 г. // <http://magazines.russ.ru/nlo/2005/75/ss31.html>

согласимся с мнением исследовательницы, что «поэт до конца дней остался верен этике христианской любви и братства как жизнестроительной и спасительной силе»⁴⁹.

Докторская диссертация Е.З. Тарланова «Поэзия К. М. Фофанова и тенденции в русской лирике конца XIX века»⁵⁰, одна из глав которой посвящена сравнительному анализу поэзии Фофанова и Надсона, не содержит концептуального взгляда на творчество Надсона. Существенной основой его поэзии для исследователя является «антиномия «святой веры» в животворящую, «великую силу любви», приближающую «обновленный и радостный мир», и едкой горечи безверия в жизнь». Этим противоречием Е.З. Тарланов вслед за критиком конца XIX века Е. Богословским объясняет неясность, расплывчатость надсоновского идеала и «надломленный, болезненный характер его человеколюбивой музыки, обращенной к «усталым, страдающим братьям» по крови». Ученый отмечает, что для Фофанова, как и для его современников, субъективное художественное видение Надсона во многом сливалось с собственным мировосприятием реальности.

Говоря о современном надсоноведении, обратим внимание на то, что исследователи редко обращаются к сопоставлению творчества Надсона и поэтов эпохи Модерна, прямо себя ему противопоставлявших. Так, О.А. Лекманов указывает на «присутствие» фигуры Надсона в сонете О. Мандельштама «Паденье – неизменный спутник страха...»⁵¹; С.Ю. Дудаков находит у Н.А. Заболоцкого прямые переключки и даже заимствования из поэзии Надсона (тема «некрасивой девочки», философские мотивы)⁵². Автор недавно защищенной докторской диссертации о поэзии И.А. Бунина, Т.М. Двинятина, говорит о влиянии Надсона на бунинские стихи 1886–1888 гг. и о «полемике» Бунина с

---

⁴⁹ Щенникова Л.П. Русская поэзия 1880–1890-х годов как культурно-исторический феномен: АДД. Екатеринбург, 2003. 46 с.

⁵⁰ Тарланов Е.З. Поэзия К.М. Фофанова и тенденции в русской лирике конца XIX века: АДД. СПб., 1999. 49 с.

⁵¹ Лекманов О.А. Мандельштам и Эдгар По (к теме: «постсимволизм и романтики») // Постсимволизм как явление культуры: Материалы международной научной конференции. М., 1995. С. 39-41.

⁵² Дудаков С.Ю. Этюды любви и ненависти: Очерки. М., 2003. С. 11-16.

надсоновским «гражданственным идеалом»⁵³.

Таким образом, проблема «Надсон и поэты-модернисты» в отечественном литературоведении уже поставлена и разрабатывается; нас же будет интересовать совсем не изученный пласт литературной культуры рубежа XIX–XX вв., а именно влияние Надсона на рабочих (пролетарских) поэтов.

Как отмечалось выше, работы, относящиеся к первому периоду изучения творчества Надсона, характеризуются экспрессивными и субъективными оценками авторов – современников поэта. Наибольшую ценность они представляют для библиографов и историков идей – своим обширным фактическим материалом. В исследованиях второго периода указанная субъективность повернулась в диаметрально-противоположную сторону: Надсон объявлялся либо «поэтом-демократом», либо бездарностью. Более всего нам импонирует характеристика поэзии Надсона, данная советскими литературоведами, прежде всего Г.А. Бялым, как наиболее взвешенная и объективная. Нарочитая «концептуализация» или «деконцептуализация» творчества поэта, данная современными литературоведами, нам не близка.

Проведённый выше аналитический обзор даёт нам право утверждать, что за сто тридцать лет изучения С.Я. Надсона не было дано *комплексного анализа* его поэзии в вопросах версификации, стиля, мотивно-тематического состава, развития им традиций предшественников и влияния на позднейших поэтов. Хотя в исследовании проблематики надсоновского творчества достигнуты определенные успехи, вопросам стиля, жанра и поэтики уделено совсем небольшое место в надсоноведении, а художественное мастерство поэта, как правило, недооценивается. В настоящей диссертации мы предложим углубленное изучение указанных вопросов, что позволяет говорить об *актуальности* нашего исследования.

Впервые в истории изучения творчества Надсона дается статистический анализ его метрики, составлены метрический справочник и словарь рифм;

---

⁵³ Двигатина Т.М. Поэзия И.А. Бунина: Эволюция. Поэтика. Текстология: дис. ... докт. филол. наук. СПб., 2015. С. 23-27.

рассмотрены и классифицированы основные тропы, использованные поэтом; систематизированы основные темы и мотивы; рассмотрены отдельные «сюжетные ситуации» и «несобранные» циклы; найдены и проанализированы аллюзии и реминисценции поэтов-предшественников; определены пути влияния Надсона на демократическую («пролетарскую») поэзию рубежа XIX–XX вв. Всё это обуславливает *научную новизну* нашей работы.

Материалом нашего исследования является *поэзия С.Я. Надсона* во всём имеющемся на сегодняшний день объёме – 497 стихотворных текстов, составивших полное собрание его сочинений в Большой серии «Библиотеки поэта». К анализу привлекались также дневники и письма Надсона.

Объектом нашего исследования является поэтика С.Я. Надсона в контексте русской поэзии XIX – начала XX вв., а *предметом* – основные мотивы творчества, стилистические, метрико-ритмические его особенности.

Целью диссертационной работы является выявление наиболее характерных черт поэзии С.Я. Надсона в трёх взаимосвязанных аспектах – версификационном, стилистическом, мотивно-тематическом.

Достижению указанной цели служит постановка и решение следующего круга *задач*:

- 1) изучить основные литературно-критические работы по творчеству Надсона, дать им оценку;
- 2) выявить репертуар размеров Надсона, определить наиболее характерные для его творчества метры и размеры стиха;
- 3) описать и проанализировать стилистическое своеобразие поэзии Надсона, наиболее востребованные тропы и приемы;
- 4) систематизировать и исследовать основные темы и мотивы, несобранные циклы, сюжетные ситуации и образные оппозиции поэзии Надсона;
- 5) определить традиции предшествующих поэтов, которым следовал Надсон, а также влияние его поэзии на творчество пролетарских поэтов.

Теоретической основой исследования послужили работы как дореволюционных, так и современных исследователей творчества С.Я. Надсона и

русской поэзии, отреферированные в настоящем Введении и используемые в конкретных разделах диссертации. Стихovedческая часть работы опирается на исследования В.М. Жирмунского, Л.И. Тимофеева, В.Б. Томашевского, В.Е. Холшевникова, М.Л. Гаспарова, А.А. Илюшина, Ю.Б. Орлицкого, В.П. Москвина, Е.В. Хворостьяновой, К.Ю. Тверьянович, Е.С. Лалетиной и др.

В центре *методологии* нашего исследования – системный метод. В изучении версификации мы использовали метод количественного подсчета; анализ работ наших предшественников, а также стихотворений Надсона в контексте эпохи потребовал привлечения историко-литературного метода; многочисленные сопоставления опирались на биографический, сравнительный, сравнительно-исторический, типологический и интертекстуальный методы; филологическому анализу подверглись стиль и поэтика стихотворений; метод исторической поэтики использовался при рассмотрении «общих мест» лирики Надсона.

Теоретическая значимость работы заключается в исследовании версификационных предпочтений Надсона, в составлении словаря рифм и метрического справочника, в выявлении ряда «сюжетных ситуаций» лирики Надсона, «несобранных» циклов и интертекстов.

Практическая ценность исследования состоит в том, что его результаты и выводы могут быть использованы в разработке университетских курсов по истории и теории литературы, спецкурсов по стиховедению, стилю писателя, проблемам интертекста, филологического анализа поэтического текста, в практике школьного преподавания.

Основные положения, выносимые на защиту:

1) «Феномен Надсона» как литературное явление базировался на утвердившихся версификационных и стилистических приемах, которые были им оригинально интерпретированы. Эксперименты для него не характерны. Надсон – поэт классической русской силлабо-тоники, которая под его пером приобретает свои отточенные формы. Он тяготеет к использованию длинных стихотворных размеров. Рифма Надсона традиционна: он предпочитает рифмы точные, грамматически однородные.

2) Поэтический стиль Надсона основывается на «среднепоэтическом языке» второй половины XIX века, в котором поэт сумел найти «золотую середину» между слова-сигналами гражданской поэзии и поэзии «чистого искусства». В число излюбленных им стилистических приемов входят антитеза, аллегория, эпитет, метафора, анафора, диалогичность и «обращенность».

3) «Поэзия мысли» Надсона сосредоточена вокруг оппозиции Жизнь – Смерть, что позволяет увидеть в его поэзии экзистенциальную составляющую. Основной жанровой формой для воплощения этой темы становится элегия.

4) Надсон и П. Якубович представляют в границах одного поколения два различных художественных и общественных типа – активный и созерцательный. Если у Надсона страстная жажда подвига и сознание полного бессилия были связаны с психологией «лишнего человека», то этот же комплекс переживаний Якубовичем был разрешен в плоскости практической – в политической борьбе. Образ героической личности в гражданской поэзии Надсона связывается с фигурами русских писателей (Ф.М. Достоевского и А.И. Герцена) и складывается в скрещенье полярных традиций – христианской и романтической («наполеоновской»).

5) Образными воплощениями поэтического вдохновения в произведениях Надсона становятся Муза, умершая возлюбленная, «мрачный гений», Мефистофель. Образ Музы имеет у Надсона демонические черты. Поэт подключается здесь к романтической теме «мой демон», развивая мотив «соблазна».

6) Центром любовной лирики Надсона является несобранный цикл, посвященный Н. Дешевой. Основной сюжетной ситуацией «дешевовского» цикла оказывается «любовь к мертвой возлюбленной», а его пафосом – «духовное некрофильство».

7) В стихах о природе выделяются идейно-образные оппозиции «Север – Юг» и «Ночь – День». «Ночная» поэзия Надсона является частью «ночной» поэзии русского романтизма и «петербургского текста» русской литературы.

8) Для стихотворений Надсона о детях характерны мотивы взросления, раннего одиночества, отчуждения, тоски по матери. Собственное раннее сиротство и нелегкое детство обусловили особый ракурс в этих стихах: поэт обращает внимание прежде всего на «странных» детей: рано повзрослевших, одиноких «романтиков» или же детей некрасивых (цикл о «дурнушке»).

9) Надсон оказал существенное тематическое и стилистическое воздействие на так называемых «пролетарских» поэтов рубежа XIX–XX вв. В особенности близки им оказались автобиографизм Надсона, трактовка им темы назначения искусства, мотивы борьбы и протеста с соответствующим репертуаром «слов-сигналов», социальный ракурс подачи темы природы, а также «украшающие» цветочные эпитеты.

Структура диссертационного исследования определяется его целью, задачами и предметом. Основной текст диссертации состоит из Введения, трех глав и Заключения, а также Списка использованной литературы. Логика расположения глав основана на том, что сначала внимание обращено на техническую сторону стиха; затем рассматривается стиль поэта в широком и узком его понимании; после этого комплексно исследуются основные темы и мотивы, сюжетные ситуации, несобранные циклы, интертексты и слова-сигналы лирики Надсона, а также влияние его стиля на творчество ряда пролетарских поэтов. Завершается диссертация двумя Приложениями: 1) Словарём концевых рифм С.Я. Надсона с сопроводительной статьей, 2) Словарём внутренних рифм.

Апробация работы. Материалы диссертации апробировались в научных публикациях, рекомендованных ВАК, публикациях РИНЦ, а также на конференциях: «XLII Международной филологической конференции СПГУ» (2013), VIII Международной научно-практической конференции «EUROPEAN RESEARCH» (Пенза, 2017), «Филология поэзии. Поэзия филологии» (МГУ, 2017). Всего по теме диссертации опубликовано шесть работ.

ГЛАВА I

МЕТРИКА С.Я. НАДСОНА

Перед тем как приступить непосредственно к обзору метрических особенностей поэзии С. Я. Надсона, скажем несколько слов о принятых в современном стиховедении способах описания стиха. Наиболее полным вариантом описания системы стихосложения поэта является метрический справочник: это алфавитный перечень по возможности всех известных его стихотворений с указанием их метра (стихотворного размера), конфигурации и видов рифм, строфы, особенностей графики, отклонений от схем метра, строфы и рифмовки, количества стихов (строк), а также с нестиховой информацией (дата произведения, жанр, источник текста и т. п.). В русском стиховедении, начиная с «Метрического справочника к стихотворения А. С. Пушкина» (1934) Н. В. Лапшиной, И. К. Романовича и Б. И. Ярхо, к такому чисто описательному перечню добавляется статистический анализ метрики, строфики, особенностей ритмики и рифмы, представленный в виде таблиц с комментариями и фиксирующий не только все наследие поэта *en masse* (в синхронии), но и прослеживающий изменение пропорций размеров и строф во времени (в диахронии). Статистическое описание версификации отдельных поэтов имеет историко-литературное значение: данные по нескольким поэтам эпохи дают представление о предпочитаемых и пренебрегаемых стиховых формах этой эпохи, на фоне которой точнее и явственнее проступают индивидуальные особенности стиха отдельных авторов. Чем больше индивидуальных стиховых систем будет описано статистическим образом, тем более точными будут наши представления о стиховых тенденциях того или иного времени, об эволюции русского стиха вообще и о месте того или иного поэта на исторической кривой.

Для того, чтобы сделать результаты, добываемые разными исследователями, сопоставимыми, в середине 1970-х годов М. Л. Гаспаровым, М. Ю. Лотманом и коллегами была разработана инструкция по составлению метрических

справочников⁵⁴. Работы, выполненные с ориентиром на предложенные рекомендации, были собраны в сборнике «Русское стихосложение XIX века» (1979). Это издание и справочники, напечатанные там, послужили ориентиром для стиховедов последующих поколений. С развитием компьютерной техники и программирования появилась возможность автоматизировать подсчет, расширить материал, собирать его в гигантских базах данных и даже предоставить машине определять метры самостоятельно. Усовершенствованием с учетом компьютерных технологий методики описания стиха, предложенной М. Л. Гаспаровым, явился проект группы исследователей из Санкт-Петербургского университета Е. В. Хворостьяновой, К. Ю. Тверьянович, Е. С. Лалетиной и др., которые анонсировали создание программы для сбора всей стиховой и релевантной внетекстовой информации о произведении и для последующей автоматической обработки внесенных исследователем данных⁵⁵. Важнейшим вкладом этих ученых в сравнительно-статистическое описание русского стиха стал сборник «Петербургская стихотворная культура» и ряд работ⁵⁶.

Параллельно, с 2006 г., в Институте русского языка РАН шла работа над созданием поэтического подкорпуса национального корпуса русского языка (НКРЯ). Все тексты там сопровождаются в числе прочего и стиховедческой информацией, а для этого они размечаются по отдельным стиховым признакам. Корпус позволяет находить стихотворения по заданным параметрам метрики, ритмики, рифмы и строфики, одному или сразу нескольким, тем самым он во многом решает проблему автоматизации подсчетов различных стиховых форм для одного или нескольких авторов. Сейчас в НКРЯ представлены стихотворения

---

⁵⁴ См.: [М. Л. Гаспаров.] От редакции // Русское стихосложение XIX в. Материалы по метрике и строфике русских поэтов. М.: Наука, 1979. С. 3–13.

⁵⁵ См.: Хворостьянова Е. В., Тверьянович К. Ю. Инструкция к составлению метрико-строфических справочников по произведениям русских поэтов XVIII–XX вв. // Петербургская стихотворная культура: Материалы по метрике, строфике и ритмике петербургских поэтов. СПб., 2008. С. 11–63; А. В. Нестеров, О. С. Лалетина, К. Ю. Тверьянович, Е. В. Хворостьянова. Исследовательская и обучающая электронная база данных по метрико-строфическому репертуару русской поэзии XVIII–XXI вв. (Проблемы разработки, результаты и перспективы) // Poetry and Poetics. A Centennial Tributeto Kiril Taranovsky, Edited by Barry P. Scherr, James Bailey, Vida T. Johnson, Bloomington, Indiana: Slavica, 2015. P. 273–287.

⁵⁶ См.: Петербургская стихотворная культура: Материалы по метрике, строфике и ритмике петербургских поэтов. СПб., 2008; О. С. Лалетина, Е. В. Хворостьянова. Метрика и строфика М. В. Ломоносова // Там же. С. 64–122; К. Тверьянович. Поэтика Бенедикта Лившица. Система стиха. СПб: Симпозиум, 2008.

Надсона в максимальном объеме, по изданию из серии «Библиотека поэта» (2001). Таким образом, создатели поэтического корпуса фактически изготовили метрический справочник к стихотворениям Надсона как таковой, как они это делают для всех других поэтов, помещенных в этот ресурс. Любой пользователь интернета в настоящий момент может, находясь на странице НКРЯ, задать подкорпус стихотворений Надсона и далее вывести на экран информацию, в том числе и стиховедческую, о любом из его текстов.

Нашей целью в данной главе является статистический обзор метрики и разбор наиболее характерных или необычных версификационных приемов Надсона. Материалом для исследования послужило то же издание стихотворений Надсона, которое легло в основу его подкорпуса в НКРЯ. Справочники, собранные в книге 1979 г., а также в недавних изданиях группы петербургских стиховедов являются для нас лишь ориентирами в работе. Наша задача – не всестороннее описание стиха Надсона, как это предполагается в вышеперечисленных изданиях и руководствах, а первый подступ к описанию его метрики, который должен дать представление об основных пропорциях размеров, об особенностях обращения с отдельными метрами, об излюбленных и отвергаемых метрических формах. Поскольку метрический справочник к произведениям Надсона уже фактически создан в НКРЯ, мы решили, прежде всего, перепроверить содержащиеся там сведения, чтобы основывать свой подсчет на более надежных данных.

Данные корпуса заведомо нуждаются в проверке потому, что, во-первых, стиховедческая разметка там проводится, по большей части, вручную. Дело не столько в том, что некоторые стихотворные размеры могут быть определены создателями НКРЯ ошибочно, сколько в наличии текстов с неоднозначной метрической интерпретацией. Во-вторых, для целого ряда форм создатели корпуса применяют либо новые, либо неточные или недетализированные обозначения, которые необходимо было соотнести с более привычной терминологией, использованной в хрестоматийных трудах М. Л. Гаспарова и его последователей, прежде всего, в статистических обзорах русского стиха.

Приведем все расхождения между определениями метра в корпусе и нашей интерпретацией, а затем прокомментируем их⁵⁷.

Название	НКРЯ	наши данные
«Прочтя только что твое посланье...» (1883)	Я4(1), усеченная строка ⁵⁸ , 17 строк ⁵⁹	Я4, 16 строк
«Царевна Софья» (1880)	Я5(4,6)	Я5 (3 строки Я6, Я4 нет)
«Весна, весна идет!.. Как ожила с весною...» (1886)	Я6(4,5)	Яв
«Сегодня как-то я особенно устал...» (1883)	Я6(2,4,5)	Яв
«Июль» (1886)	Я5(2)	Ярз
«Мы были молоды -- и я, и мысль моя...» (1884)	Я6(4)	Я6 пмф Яв
В альбом («Мы - как два поезда...», 1881)	Я6(4)	Я6 пмф Яв
Отрывок («Ложились сумерки...», 1884)	Я6(4,5)	Я6 пмф Яв
«Певец, восстань! Мы ждем тебя – восстань!..» (1884)	Я6(4,5)	Я6 пмф Яв
«Среди убогих стен чужого городка...» (1883)	Я6(4,5)	Я6 пмф Яв
«Блажен, кто в наши дни родился в мир бойцом...» (1883)	Я6(4,5)	Я6 пмф Яв
« Не упрекай меня за горечь этих песен...» (1882)	Я6(1,3)	Я6 пмф Яв
«Сбылося всё, о чем за школьными стенами...» (1882)	Ярз / Я6+Я3, Я4, Я5	Ярз пмф Яв
«В тот тихий час, когда неслышными шагами...» (1879)	Я6(4,5)	Ярз пмф Яв

⁵⁷ Здесь и далее приняты следующие условные стиховедческие обозначения: Я — ямб, Х — хорей, Д — дактиль, Амф — амфибрахий, Ан — анапест, Я4 — 4-стопный ямб, Яв — ямб вольный, Ярз — ямб разностопный урегулированный, ПМФ — переходная метрическая форма (например, Ярз пмф Яв — переходная метрическая форма от ямба разностопного к ямбу вольному), Я6(3) — 6-стопный ямб с отступлениями от данного метра в виде одной-двух строк 3-стопного ямба, 3-сл па — трехсложные размеры с переменной анакрусой, цу — усечение на цезуре или псевдоцезуре.

⁵⁸ Если в тексте встречается одна-две строки меньшей стопности (меньшего размера), чем основной метр, такая строка в НКРЯ именуется "усеченной", а в метрической формуле в скобках указывается размер (количество стоп) подобной строки. Размер других уклоняющихся от основного метра строк, которые представлены в крайне малом количестве (1—3 строки, правда, не известно, каков процент от общего объема они должны занимать, чтобы считаться отклонениями) также указывается в скобках. См.: Е. А. Гришина, К. М. Корчагин, В. А. Плунгян, Д. В. Сичинава. Поэтический корпус в рамках Национального корпуса русского языка: общая структура и перспективы использования // Национальный корпус русского языка: 2006—2008. Новые результаты и перспективы. СПб.: Нестор-История, 2009. С. 71—113: 91.

⁵⁹ Последней, 17-й строкой в корпусе сочли подпись «Ес Н'дсон». По нашему мнению, подпись не является частью текста стихотворения.

«Какая-то печаль мне душу омрачает...» (1885)	Я6(5)	ямб, недописанные строки
«Святое, чистое, прекрасное страданье...» (1882)	Я6(3)	ямб, недописанные строки
«Мелкие волнения, будничные встречи...»	Д4	Х6
«Много позорного в сердце людском...» (1885)	Д4(1)	дактиль, недописанная строка
«Он к нам приехал прошедшей весной...» (1884)	Аф, Д ⁶⁰	Амф4(одна строка Д4)
«Снилось мне, что в глубокою полночь один...» (1885)	Ан4(1,3)	Ан в
Dornröschen (1881)	Ан в	Ан рз
«Надо жить! Вот они, роковые слова!..» (1885)	Ан в	Ан4(одна строка Ан3)
Счастье (1881)	Ан в	Ан рз пмф Ан в
«Тихо дремлет малютка в кроватке своей...» (1884)	Ан в	Ан рз пмф Ан в
«Чего тебе нужно, тихая ночь?..»	Ан, Амф, тонический, Дк – вольный; нарушения анакрус ⁶¹	3-сл па цу, вольный
«Последняя ночь... Не увижу я больше рассвета...» (1884)	Ан, Амф, тонический, Дк – вольный; переменная анакруса	3-сл па цу, вольный
«Ровные, плавные строки...» (1882), 16 строк	Ан, Аф, Д, тонический, Дк; переменная анакруса	3-сл па, в трех строках односложные и трехсложный интервал
«В солнечный день мы скользили по глади реки...» (1883)	Ан, Д	3-сл па, вольный
«Всё это было, — но было как будто во сне...»	Ан, Д	3-сл па, вольный

Одни расхождения между нашими данными и корпусными являются результатом неверного определения метра в корпусе, другие – следствием разного подхода к определению метра, третьи – комбинацией первых двух. Как видно,

⁶⁰ В НКРЯ для силлаботоники таким образом, с наличием запятой, обозначаются несколько разнородных случаев: единичные отклонения от метра (для таких случаев употребляется также помета "нарушение анакрус") и случаи переменной анакрус, когда вступающие в чередование метры имеют одинаковое количество слогов в стопе (см.: Е. А. Гришина, К. М. Корчагин и др. Указ. соч. С. 85–86).

⁶¹ Обозначение «нарушения анакрус», как и «переменная анакруса» в НКРЯ входят в поле «Дополнительные параметры», и, введя в это поле в форме поиска один из этих терминов, можно найти стихотворение с данным параметром. Однако этих обозначений нет среди списка «Дополнительных параметров», которые предлагается не вводить самостоятельно, а выбрать. Выходит, что пользователь заранее не знает, что он может искать в поэтическом подкорпусе тексты с «переменной анакрусой».

ошибок в определении метра довольно мало, но они есть, причем довольно грубые, например, хорей определен как дактиль. Большинство расхождений касается не чистых, а смешанных форм: стихов с переменной анакрусой, нарушениями регулярности чередования метров, инометрическими и иноразмерными вставками. К несовпадениям второго типа относятся метрические характеристики стихотворений с недописанными или испорченными строками. Если текст был явно испорчен при публикации, что привело к нарушению размера, мы его относили в особый разряд, например, «ямб испорченный, недописанные строки», определяя метр стихотворения, но не определяя его размера, то есть стопности. Если в тексте встречаются недописанные строки, мы его относили в тот же разряд только в том случае, если от строки осталось только окончание (слово в рифме) или отдельные несвязанные слова. Создатели подкорпуса произведений Надсона в НКРЯ в этих случаях определяли размер недописанных или испорченных строк, что, на наш взгляд, не имеет смысла. Недописанные строки в недоработанных, незаконченных стихотворениях учтены и в нашем справочнике, но это такие строки, которые представляют собой связанный текст, который располагается без пропусков слов от начала строки. О них см. ниже.

К этому же, второму типу расхождений, относятся и так называемые «переходные метрические формы» (ПМФ). Таких обозначений в корпусе нет, но мы их применяем по стиховедческой традиции. В общем, мы следуем искусственному, но устоявшемуся принципу считать ПМФ такие стихотворения, в которых отклонений от основного метра от 5 % до 24 %. Если таковых отклонений 25% и более, то необходимо менять определение основного метра⁶². Например, в стихотворении «Мы были молоды – и я, и мысль моя...» (1884) 16 строк, из них 2 написаны 4-стопным ямбом, остальные – 6-стопным. 2 строки – это 12,5 % всего объема стихотворения, следовательно, мы определяем его размер как переходную метрическую форму от 6-стопного ямба к ямбу вольному (Яб пмф Яв). Создатели поэтического (в частности, надсоновского) подкорпуса НКРЯ

---

⁶² См.: Гаспаров М. Л. Современный русский стих. Метрика и ритмика. Москва: Наука, 1974. С. 45.

решили особым образом размечать тексты, в которых имеются одна-две-три строки того же метра, но иного размера (стопности), чем размер всех прочих строк того же стихотворения. Поэтому то же самое стихотворение в НКРЯ имеет метр Я6(4). Подобным же образом в корпусе определен метр стихотворения «Снилось мне, что в глубокую полночь один...» (1885): Ан4(1,3), – отклонения от Ан4 встречаются в трех строках. Однако, с общепринятой точки зрения, все дело в том, каков объем всего стихотворения. 3 строки из 10 – это 30,3 %, это больше 25 %, значит, метр следует определять как анапест вольный, а не как анапест с вкраплением укороченных строк (последняя строка вообще не дописана).

Стихотворению «Июль», где имеются 2 строки 2-стопного ямба на фоне прочих 5-стопных в НКРЯ приписан метр Я5(2), однако создатели корпуса сами же справедливо указывают на то, что «Июль» является разновидностью рондо, то есть твердой формы, и именно поэтому, на наш взгляд, это не 5-стопный ямб с отклонениями, а ямб разностопный, с урегулированным появлением коротких строк на концах строф.

Таким же образом помечаются в корпусе отклонения от привычных видов разностопного урегулированного стиха, каковым, например, является стихотворение «В тот тихий час, когда неслышными шагами...» (1879). Здесь 12 строк, объединенных в 3 строфы по 4 строки в каждой; строфы состоят из стихов 6-стопного ямба, но последний стих в двух строфах – ямб 5-стопный, а в одной – ямб 4-стопный. Эти завершающие, более короткие строки обладают композиционной функцией, то есть налицо определенное правило относительно длины строк, поэтому мы определяем организацию этого стихотворения как разностопную, но переходную к ямбу вольному. В корпусе это Я6(4,5). От разобранного примера ничем по структуре не отличается стихотворение «Сбылося всё, о чем за школьными стенами...» (1882), однако корпус определяет его метр иначе. Здесь 24 строки, 3 строфы по 8 строк; 7 первых строк строфы – Я6, завершающая строка – один раз Я3, два раза – Я4, но внутри первой строфы имеется одна строка Я5. Итого – 2 отклонения от схемы строфы Я66666664, т.е.

8,3%. Мы определяем метр этого текста, как и предыдущего, как Ярз пмф Яв, корпус – как Ярз.

Расхождения третьего типа, т.е. вызванные комбинацией неверного определения размера и особой, отличной от нашей, корпусной разметки, продемонстрируем на стихотворениях, которые НКРЯ выдает как примеры дольника. Все три корпусных примера на дольник у Надсона, с нашей точки зрения, дольниками не являются. Метр стихотворения «Чего тебе нужно, тихая ночь?..» определен в виде перечня размеров: Ан, Амф, тонический, Дк, – при этом ищется оно, если в соответствующей строке поиска задать размер дольник, и не ищется по остальным указанным в перечне размерам, а также по слову «тонический». По-видимому, это означает, что система считает метром этого стихотворения именно дольник, как такой, которому не противоречат схемы анапеста и амфибрахия. Между тем в этом тексте подавляющее большинство интервалов двусложные, а односложный встречается только один раз (!) на 8 строк, в середине первой строки, и этот пропуск слога может рассматриваться как цезурное усечение, хотя здесь и нет цезуры, как постоянного словораздела. Так же один раз вместо односложной, амфибрахической, анакрusy использована двусложная, анапестическая. По нашему определению, это трехсложник с переменной анакрusy и цезурным усечением (3-сл па цу). Корпус заменяет понятие 3-сл па на перечень трехсложных метров (и это – принципиальное расхождение между нашими данными), а одинарный пропуск слога считает метрообразующим признаком (а это уже ошибка). В сущности, только один надсоновский текст может претендовать на воплощение тонического, либо дольникового ритма, но все равно дольником его стих назвать трудно. Это стихотворение «Ровные, плавные строки...» (1882). Из 16 строк в трех (19 %) наблюдаются односложные интервалы вместо двусложных, причем в одной из этих стяженных строк два односложных интервала идут подряд: «О мои песни, как вы стали далеки». Однако эту же строку можно читать, атонируя «как», но тогда придется объяснять возникновение 3-сложного безударного интервала.

Итак, проще всего считать это стихотворение написанным некой переходной формой от трехсложника к дольнику, и отмечать переменную анакрису.

Нововведение, принятое в корпусе, выделять стихотворения с 1-3 гетероразмерными, но гомометрическими вставками, мы в целом приняли (за исключением тех случаев, о которых сказано выше). Оно представляется разумным, во всяком случае, по отношению к Надсону и в отношении тех текстов, где вкрапление единично. Дело в том, что многие из таких текстов являются недоработанными, инометрическая вставка представляет собой укороченный на стопу или две последний стих. Очень часто он не рифмован (это и понятно: поэт не успел дописать строку), то есть иноразмерность в таких стихотворениях является случайной. Таким образом, если в корпусе отмечено, что стихотворение содержит одну «усеченную строку» или более, оно просматривалось *de visu*, для того чтобы определить некоторые параметры укороченной строки: полная она или неполная (незаконченная), рифмована или нет. Далее из всех таких стихотворений в соответствующие графы сводной таблицы по метрике Надсона заносились только тексты с одной иноразмерной строкой. Если иноразмерных строк две или три, то оценивалось, какова их доля по отношению к количеству строк в стихотворении. Если меньше 5%, то они фиксировались как стихи с иноразмерными вставками. Если больше (до 25 %) – то как ПМФ. Все стихи с иноразмерными вставками нескольких видов [в корпусе они могут быть определены, например, как Я6(4,5)] тоже просматривались *de visu*. Они, как правило, попадали в иные рубрики: оказывались либо вольными ямбами, либо переходными метрическими формами.

В целом ряде стихотворений с финальными укороченными строками мы точно не можем сказать, что перед нами – результат недоработанности или намеренный обрыв поэтической мысли, а вместе с нею и строки. Вот пример такого стихотворения со спорной концовкой:

Долго ли, жизнь, суждено мне по свету скитаться?

Где же та пристань, где мог бы и я отдохнуть?

Где же тот взгляд, на который я б мог любоваться?

Где же та грудь, на которую б мог я прильнуть!

Вечно один...

Вот пример стихотворения недоработанного («Музе»):

Долой с чела венец лавровый, –

Сорви и брось его к ногам:

Терн обагренный, терн суровый

Один идет к твоим чертам.

Оставь же лавр мечу...

Любопытно, что стихотворения с авторским названием или подзаголовком «отрывок» не имеют в конце укороченных, псевдонезавершенных строк. Выбирая пример на намеренный обрыв строки, невозможно быть совершенно уверенным в своем выборе. Тем не менее, кажется, Надсон пользовался таким приемом для достижения определенного эстетического эффекта, как, например, в следующем стихотворении:

Как мощный враг страны иноплеменной,
 Как буйный вихрь, прошла по мне любовь.
 И думал я, грозой ее сраженный,
 Что слабых крыл мне не расправить вновь,
 Что я навек утратил вещий голос,
 Что мой алтарь повергнут в дольний прах,
 И я лежу, надломленный, как колос,
 У милых ног в уныньи и в цепях.
 Но мчались дни, и тихо угасала
 Моя печаль...

Самое последнее слово здесь не рифмовано, поэтому оно может быть всего лишь случайно оказавшимся в конце стихотворения, а на самом деле, серединным словом недосочиненной строки. Однако его мужское окончание как бы продолжает чередование окончаний предыдущих, полных строк, а по своей фонетике оно созвучно слову «мчались», расположенному так же, как и «печаль»,

в начале предыдущей строки. Эти наблюдения позволяют предположить здесь намеренный обрыв стиха.

Надсон, безусловно, мог играть на двойственности подобных окончаний стихотворений, поэтому мы решили пристальнее рассмотреть поведение укороченных строк в его ямбе, где их вообще больше, чем в других метрах (17,2 % всех ямбических произведений; 15,8 % строк).

Таблица 1. Ямб с иноразмерными строками

Размер	Произведений	%	Строк	%
Я4(1)	1	1,9	13	1,2
Я4(2)	3	5,6	139	12,6
Я4(3)	1	1,9	5	0,5
Всего Я4 с усеч.	5	9,3	157	14,3
Я5(2)	3	5,6	24	2,2
Я5(4)	1	1,9	6	0,5
Я6(2)	3	5,6	29	2,6
Я6(3)	11	20,4	272	24,7
Я6(4)	6	11,1	127	11,6
Я6(5)	19	35,2	320	29,1
Я6(7)	1	1,9	6	0,5
Всего Я6 с усеч.	40	74,1	754	68,6
Ямб с двумя иноразмерными	3	5,6	124	11,3
Я6(4)	2	3,7	85	7,7
Я6(5)	1	1,9	39	3,5
Ямб испорченный, недописанные строки	3	5,6	34	3,1
Всего	54	100%	1099	100%

По небольшому количеству произведений с двумя иноразмерными строками ямба видно, что такого рода вставки для Надсона не характерны и, скорее всего, являются случайными. Напротив, произведений с одной иноразмерной строкой – подавляющее большинство среди всех ямбических стихотворений с подобными «отклонениями»; чаще всего укороченная строка появляется среди 6-стопных ямбов (74,1 % произв.; 68,6 % строк), всего 5 таких стихотворений написано 4-стопным ямбом (9,3 % произв.; 14,3 % строк) и 4 – 5-стопным ямбом. По-видимому, небольшая доля «усеченных строк» среди 5-стопных ямбов есть функция от малого количества этого размера в общем объеме стихотворной продукции Надсона. Скорее всего, этот размер был им плохо освоен: им написано

всего 9 произведений (1,8 % всех произв.; 4,6 % всех строк) – показательно, что от драматического замысла «Царевна Софья» осталась только одна сцена, да и там Надсон сбивается на 6-стопный ямба.

Все 5 стихотворений 4-стопного ямба имеют укороченную строку в самом конце, причем она не доработана и, естественно, не рифмована. Не так обстоят дела с 6-стопным ямбом. Если среди стихов этого размера попадает одна строка 2- или 3-стопного ямба, то почти все они являются конечными, недописанными и/или нерифмованными.

«<...> И чуть затихло всё — в слезах, полуодета,
Украдкою от всех я в садик наш сошла
И думала о вас до самого рассвета.
Я поняла теперь, что тут, как и всегда,
Вы были правы... я себя держала с вами
Как девочка...»

(«Чернила выцвели, и пожелтел листок...», 1881)

Только в одном из таких текстов короткая вставка оказывается не в конце, – в стихотворении «Изнемогает грудь в бесплодном ожиданьи...» (1883—1885), и эта строка там явно не дописана.

Если же в стихотворении 6-стопного ямба попадает одна строка ямба 4-стопного, то такая строка, за одним исключением, является рифмованной, не последней, то есть полноценной, доработанной строкой. Надсон в них сознательно отклоняется от одноразмерного ямба.

Если в стихотворении 6-стопного ямба попадает строка ямба 5-стопного, то все такие строки закончены и рифмованы. Они могут быть последними, но не обязательно, или же могут завершать строфу или строфоид (предложение). Таким образом, очевидны сознательное введение укороченных 4- и 5-стопных строк, а также композиционная и/или завершающая их функция:

Завеса сброшена: ни новых увлечений,
Ни тайн заманчивых, ни счастья впереди;
Покой оправданных и сбывшихся сомнений,

Мгла безнадежности в измученной груди...
 Как мало прожито — как много пережито!
 Надежды светлые, и юность, и любовь...
 И всё оплакано... осмеяно... забыто,
 Погребено — и не воскреснет вновь!

(Завеса сброшена: ни новых увлечений..., 1881)

Интересно, с точки зрения количества вставок, что чаще всего на фоне 6-стопного ямба появляется одна строка 5-стопного (35,2 % произв.; 29,1 % строк) или строка 3-стопного ямба (20,4 % произв.; 24,7 % строк). Это может приоткрыть завесу над версификационной техникой Надсона. Возможно, ему легче было сочетать 6-стопный ямб именно с 5- или 3-стопным: первый всего на стопу короче, а второй является полустушием 6-стопного.

Именно на том основании, что «усеченные строки» являются, как правило, сознательным приемом, мы не прибавляем тексты с такими строками к статистике чистых метров, а рассматриваем их отдельно. Хотелось бы все же понять, насколько, скажем, 6-стопный ямб с одной «усеченной строкой» по своей природе или структуре близок чистому 6-стопному ямбу. Ответить на этот вопрос мы предполагали с помощью сравнения пропорций размеров чистых ямбов и ямбов с иноразмерными вставками.

Таблица 2. Ямб чистый

Размер	Произведений	%	Строк	%
Я4	61	26,5	1595	32,9
Я5	9	3,9	462	9,5
Я6	133	57,8	2260	46,7
ЯРз	4	1,7	40	0,8
Яв	13	5,7	332	6,8
Ярз пмф Яв	2	0,9	36	0,7
Я6 пмф Яв	7	3,0	111	2,3
Я7	1	0,4	12	0,2
Всего	230	100%	4848	100%

Сопоставляя данные таблиц 1 и 2, можно сказать, что как среди чистых, так и среди «смешанных» ямбов у Надсона преобладает 6-стопный, на 2-ом месте и там, и здесь – 4-стопный ямб, 5-стопного ямба и там и здесь мало. Среди

регулярного ямба разностопного крайне мало (1,7 % произв.; 0,8 % строк). К вольному ямбу Надсон обращается примерно в 3 раза чаще, чем к разностопному, а если к текстам вольного добавить еще переходные метрические формы, то ясно будет то предпочтение, которое отдает Надсона этому размеру. Не являются ли стихи с иноразмерными вставками проявлением той же тенденции к вольности? Или они ближе регулярному стиху? Проведенное сравнение пропорций размеров пока не дает возможности ответить на этот вопрос. Несмотря на то, что распределение размеров по количеству в «чистых» и «смешанных» формах совпадает, их внутренние соотношения разные. Среди «смешанных» доминируют 6-стопные ямбы, а среди «чистых» их меньше, примерно половина. Эта статистика подтверждает стремление Надсона к длинным размерам.

Остановимся на крайне своеобразном для русской поэзии распределении размеров «чистых» ямбов у Надсона. Еще в 1974 г. М. Л. Гаспаров заметил, что в 1880-е годы 6-стопный ямб «обнаруживает заметное повышение» «за счет гражданских элегий Надсона, Якубовича-Мельшина и др.»; в это десятилетие «доля шестистопников в ямбе даже превышает долю четырехстопников и поднимается выше, чем была в XVIII в.»⁶³. Действительно, лишь в XVIII веке доля 6-стопных ямбов превышала долю 4-стопных (27,5 % текстов Я6 и 20,5 % текстов Я4)⁶⁴, а у Надсона мы наблюдаем более чем двукратное превосходство 6-стопноямбических произведений над 4-стопноямбическими (по числу стихов их 46,6 % и 32,9 % соответственно). В этом преобладании 6-стопников Надсон резко отличается и от своего времени: в 1870-е годы к 4-стопному ямбу обращались, в среднем, почти в 3 раза чаще, чем к 6-стопному (42 % и 18,5 % соответственно); в 1880-е годы число произведений в Я6 и Я4 стало почти равным (35,5 % и 34,0 %), а в следующее десятилетие 6-стопных ямбов становится опять более чем в 3 раза меньше, чем 4-хстопных. Таким образом, значительное преобладание Я6 у Надсона можно рассматривать как его индивидуальное предпочтение, как

⁶³ Гаспаров М. Л. Современный русский стих. Метрика и ритмика. Москва: Наука, 1974. С. 56.

⁶⁴ Подсчеты см.: Там же, С. 54.

ориентацию на (гражданскую) поэзию XVIII века и попытку возродить и придать новое звучание классицистическому размеру.

Произведений разностопного и вольного ямба в целом немного, однако, замечательно преобладание второго над первым. Увеличение доли вольного ямба по сравнению с разностопным в русской поэзии произошло как раз в 1870-е—1880-е годы, когда поэты стали обращаться к этим формам почти с одинаковой частотой (11,5 % текстов Ярз и 10,5 % текстов Яв в 1880-е годы)⁶⁵. Надсон снова выделяется на фоне своего времени: у него Яв больше, чем Ярз в 5-6 раз (5,7 % и 1,7 % текстов; 6,8 % и 0,8 % строк). Это еще одна архаическая черта, заставляющая вспомнить о многократном преобладании Яв над Ярз в XVIII в. — первом десятилетии XIX в. (45,5 % и 5 %) и сохранении большой доли Яв в 1810—1820-х годах (ср. 48,0 % Яв и 9,5 % Ярз в 1810-е и 17,0 % Яв и 8,5 % Ярз в 1820-е годы)⁶⁶. Еще одно такое повышение Яв по сравнению с Ярз произойдет в последнее десятилетие XIX в. и в первой трети XX в., так что Надсон, можно полагать, предвосхищает интерес последующих поэтов к вольному ямбу.

Небольшое количество 5-стопного ямба у Надсона, о чем уже говорилось, тоже не характерно для 1880-х годов, которые, впрочем, характеризуются резким падением доли этого размера (в 1870-е — 16,5% текстов, в 1880-е — 7,5 %). У Надсона 5-стопноямбических произведений еще меньше, чем в среднем в 1880-е годы, — 3,9 % стихотворений; эта цифра вновь возвращает его назад, в 1810-е годы, когда Я5 только начинал осваиваться (4% всех текстов)⁶⁷.

Мы выделяем такую оригинальную структуру надсоновской метрики, как переходная метрическая форма от ямба разностопного к вольному (Ярз пмф Яв). Таких текстов всего два, однако, структур похожего типа у Надсона, на наш взгляд, больше, и, выделяя такого рода промежуточную форму, нам хотелось бы обратить внимание на некоторую особенность вольных размеров. О метрике этих двух стихотворений, «Сбылося всё, о чем за школьными стенами...» (1882) и «В тот тихий час, когда неслышными шагами...» (1879) уже шла речь выше, когда мы

⁶⁵ Там же. С. 54.

⁶⁶ Данные М. Л. Гаспарова, см.: Там же.

⁶⁷ Цифры не по Надсону. См.: Там же.

писали об отличиях нашей интерпретации от данных корпуса. Почему нам кажется целесообразным определять метр этих стихотворений не как вольный ямб, а как ямб разноstopный, стремящийся к вольному? Это стихотворения строфические, а строфа имеет определенный порядок следования строк разных размеров: размер всех строк от начала строфы до предпоследнего стиха включительно одинаковый (Я6), а размер последнего стиха меняется: то Я4, то Я5 («В тот тихий час...»), то Я3, то Я4 («Сбылося все...»). То, что в первой строфе «Сбылося все...» один раз внутри появляется строчка 5-стопного ямба, дела не меняет: это недосмотр Надсона, который можно игнорировать. Значит, в этих стихотворениях задана одноразмерность большинства строк в строфе и точно так же задана возможность колебания размера для последней строки в строфе. Урегулированность налицо.

Такого рода урегулированности соответствуют и некие правила для вольных размеров, которых иногда придерживался Надсон. Так, например, среди вольных анапестов у него встречаются рифмующие между собой строки одного размера:

С непокрытым челом, изнуренный, босой,	Ан4 а
Полный скорби и жгучей тревоги,	Ан3 Б
Шел однажды весною, в полуденный зной,	Ан4 а
Мимо рощи тенистой певец молодой,	Ан4 а
По горячей, кремнистой дороге.	Ан3 Б

(«Певец», 1881)

В этом стихотворении строки 4-стопного анапеста рифмуют только со строками 4-стопного анапеста, а 3-стопные строки – только между собой, однако порядок следования этих строк не урегулирован, поэтому это вольный, а не разноstopный стих. При этом стихотворение разбито на строфы и графическими отступами, и системой рифмовки, что также вносит некую упорядоченность в вольную конструкцию. У Надсона встречаются и другие строфические и одновременно вольные стихи, например, «Мечты королевы» (1881–1882).

Такой же принцип рифмования одноразмерных строк (Ан4 : Ан4, Ан3 : Ан3) находим в стихотворении вольного анапеста «Нет, я больше не верую в ваш идеал...» (1883), которое приводим целиком:

Нет, я больше не верую в ваш идеал,	Ан4	а
И вперед я гляжу равнодушно:	Ан3	Б
Если б мир ваших грез наконец и настал, —	Ан4	а
Мне б в нем было мучительно душно:	Ан3	Б
Столько праведной крови погибших бойцов,	Ан4	в
Столько светлых созданий искусства,	Ан3	Г
Столько подвигов мысли, и мук, и трудов, —	Ан4	в
И итог этих трудных рабочих веков —	Ан4	в
Пир животного, сытого чувства!	Ан3	Г
Жалкий, пошлый итог! Каждый честный боец	Ан4	Д
Не отдаст за него свой терновый венец...	Ан4	Д

Длина строки жестко связана с рифмой, а строфоиды – с синтаксическими единицами, так что нельзя даже определенно сказать, что является первичным, рифма, размер или синтаксис. Однако, несмотря на такую взаимообусловленность параметров, перед нами вольный, а не разноstopный анапест. Мы видели, что Надсон, в отличие от поэтов своего времени, отдает предпочтение вольным конструкциям, но важно знать, что вольность следования строк разной длины у него бывает ограничена так, как в этом стихотворении.

Если мы посмотрим на репертуар размеров Надсона (см. Таблицу 3), мы поймем, что перед нами поэт, работающий с классической русской силлаботоникой. Из неклассических размеров он использует только дольник и трехсложники с переменной анакрусой. Наряду с этими отступлениями от регулярного стиха можно рассматривать и усечения на цезуре. Поразительно, что, будучи достаточно аккуратным силлаботонистом, Надсон не обращается к стиховым имитациям ни античных размеров, ни народного стиха. Всякое отступление от строгой классики, по-видимому, связано для поэта с преодолением трудности. Поэтому метр таких стихотворений семантизируется, ритм приобретает иконичность и выразительность. Рассмотрим подробнее немногочисленные упражнения Надсона в неклассических размерах.

Прежде всего, проанализируем стиховые особенности знаменитого, программного стихотворения «Это не песни – это намеки...» (1885). Мы определяем метр этого текста, вслед за НКРЯ, как разностопный дактиль; таким образом, это классическая силлабо-тоника. Однако отступления от метра позволяют рассматривать это стихотворение вместе с неклассическими. Отступлениями являются: 1) нарушение регулярности чередования Д43 в последней строке (следует подряд две строки Д4) и 2) односложный интервал в середине первой строки, который можно считать усечением на цезуре:

Это не песни — это намеки:
 Песни невмочь мне сложить;
 Некогда мне эти беглые строки
 В радугу красок рядить;
 Мать умирает, — дитя позабыто,
 В рваных лохмотьях оно...
 Лишь бы хоть как-нибудь было излито,
 Чем многозвучное сердце полно!..

Строго говоря, нарушение регулярности чередования размеров в одной строке из восьми позволяет квалифицировать размер стихотворения как переходную метрическую форму от разностопного к вольному дактилю. Однако мы предпочли считать, что здесь все же разностопный стих, с функциональным, композиционным нарушением в последней строке. Пропущенный слог во втором междударном интервале самой первой строки не делает еще из этого текста дольника. Любопытно, как Надсон замаскировал и мотивировал односложный интервал знаком тире и соответствующей синтаксису паузой. Именно эти действия, на фоне знания о в высшей степени регулярном стихе поэта, и сделали эту строку столь запоминающейся. Метрические и ритмические особенности этого стихотворения являются иллюстрацией его содержания. Надсон говорит, что ему «невмочь» сложить настоящих песен, что ему «некогда» их украшать, то есть заботиться о форме, – «лишь бы хоть как-нибудь» сказать главное. Столько оговорок понадобилось для того, чтобы оправдать всего два отступления от

размера. Надсон весь в этом: он настолько привержен правильному стиху, что малейшая вольность, уже давно опробованная в русской поэзии, вполне извинительная или приемлемая в силлабо-тонике, бросается ему в глаза и требует объяснений вплоть до того, что становится содержанием стихотворения.

Еще один пример на изобразительность метра и ритма, происходящую от цезурных усечений, – «Тихая ночь в жемчуг росы нарядилась...» (1886). Стихотворение написано 5-стопным дактилем с цезурными усечениями в один и два слога; последняя строка укороченная, представляет собой 3-стопный дактиль, который, может быть, лишь имитирует обрыв.

Тихая ночь в жемчуг росы нарядилась...
 Спите, тревожные думы, в сердце моем!..
 Тихая ночь в жемчуг росы нарядилась...
 Вон одинокая звездочка с неба скатилась...
 В темных кустах дрогнула птица крылом...

 Спите, тревожные думы! Покоя, покоя!
 Полосы лунного света лежат на пруду...
 Спите, тревожные думы.

Текст пронизан анафорами, и стяжения слогов происходят как раз после них, значит, это вполне сознательный прием: после «тихая ночь» опущены два слога, так что происходит стык ударений, а после «спите, тревожные думы» опущен один слог, но только первый раз; во второй раз стяжения нет: *Спите, тревожные думы! Покоя, покоя!* Кроме того, односложный интервал вместо двусложного находится в строке *В темных кустах дрогнула птица крылом*, – то есть стяжение происходит, как и в предыдущих нечетных строках, после 4-го слога и после атрибутивного сочетания. Из-за этого параллелизма можно говорить о логаядическом характере всего текста, но не о том, что перед нами настоящий логаяд. Пропуски слогов здесь – фактор ритма, а не метра, и он воплощает собой, на наш взгляд, ощущение ночной тревоги, которую герой старается преодолеть.

После графического перерыва ритм становится сглаженным, стяжения исчезают – тревога преодолевается.

В еще одном стихотворении о «тихой ночи», «Чего тебе нужно, тихая ночь?..», из 8 строк 7 амфибрахических, одна анапестическая, т. е. присутствует вариация анакрусы; в первом стихе односложный интервал вместо двухсложного в середине строки. Снова два отклонения на 8 строк, довольно робких и на сей раз практически нейтральных в отношении семантики. В третьем «ночном» стихотворении, «Последняя ночь... Не увижу я больше рассвета...» (1884) – снова переменная анакруса: из 12 строк в 9 она двухсложная (= анапест), в трех – односложная (= амфибрахий). В одной строке односложный интервал имеет функцию ритмического курсива, а строки разной длины вместе со сменой анакрусы призваны, по-видимому, изображать неровное дыхание умирающего:

Но ни свист пароходов, ни уличный гул и движенье
 Не разбудит меня. С торжествующим, бледным лицом
 Буду гордо вкушать я покой и забвенье,
 И безмолвная смерть осенит меня черным крылом...
Яд промчится огнем по мускулам дряблого тела,
 Миг страданья — и я недоступен страданью, как бог.
И жизнь отлетела,
И замер последний, агонией вырванный вздох.

Весьма показательный пример на иконичность ритма в нерегулярном метре дает стихотворение «Ровные, плавные строки...» (1882). На 16 строк преобладают анапесты, но попадаются и односложные и даже один трехсложный интервалы вместо двухсложных (см. выше об этом стихотворении). Такие неровности вместе с переменной анакрусой и строками разной длины изображают сами собой предмет стихотворения: речь идет о том, что напечатанные «ровные» строки стихов плохо передают то состояние поэта, которое он постарался передать этими стихами. В данном стихотворении это противоречие преодолевается: строки намеренно не ровные и не плавные. Надсон заметно рассогласовывает «содержание» и «форму»: в начале, где говорится о «ровных» строках, ритм

неровный, в середине, где говорится о «страстном чувстве», ритм выравнивается, а в конце, где говорится о готовом стихотворении, т.е. о превращении смятенного чувства в гармонию, ритм сигнализирует об этом резкой переменной анакрусы (сначала нулевой, затем односложной), которая должна изобразить «диссонанс», названный здесь же:

Ровные, плавные строки,
Словно узор, ласкающий глаз!..
 О мои песни, как вы стали далеки
 На страницах печатной книги от сердца, создавшего вас!
 Вы ли это, безумные, жгучие звуки?
 Вас ли, бледный от страстного чувства, в бессонную ночь
 Призывал я, ломая бессильные руки
 И мечтая хоть вами измученным братьям помочь?
 Но едва вы в слова выливались, могучая сила
 Отлетала от вас... вы бледнели, как звезды с зарею...
 Никого ваша жгучая правда собой не смутила,
 Никого вы к святыне любви не склонили собою.
Язвы прикрылись цветами,
Мелодией скрыт диссонанс бесконечных мучений...
 Вы, родясь, умирали и, в сердце пылая слезами,
 Над толпой пронеслись только тенью тревог и сомнений!..

Сюжет этого стихотворения и его стиховая форма, в сущности, являют собой тоску Надсона по смелым версификационным экспериментам, которые он мог себе позволить лишь в очень небольшом количестве.

Завершает наш обзор метрики Надсона статистика употребленных им размеров. Общий объем материала – 497 произведений и 10040 строк.

Таблица 3. Метрика Надсона: размеры и их группы

Метр	Произв.	%	Строк	%
Ямб	285	57,3	5947	59,2
Я4	61	12,3	1595	15,9

Я5	9	1,8	462	4,6
Я6	133	26,8	2260	22,5
Я7	1	0,2	12	0,1
Яв	13	2,6	332	3,3
Ярз	4	0,8	40	0,4
Ярз ПМФ к Яв	2	0,4	36	0,4
Ямб 6, ПМФ к Яв	7	1,4	111	1,1
Ямб с одной иноразмерной строкой	49	9,9	941	9,4
Я4(1)	1	0,2	13	0,1
Я4(2)	3	0,6	139	1,4
Я4(3)	1	0,2	5	??
Я5(2)	3	0,6	24	0,2
Я5(4)	1	0,2	6	??
Я6(2)	3	0,6	29	0,3
Я6(3)	11	2,2	272	2,7
Я6(4)	6	1,2	127	1,3
Я6(5)	19		320	3,2
Я6(7)	1	0,2	6	??
Ямб с двумя иноразмерным и строками	3	0,6	124	1,2
Я6(4)	2	0,4	85	0,8
Я6(5)	1	0,2	39	0,4
Ямб испорченный, недописанные строки	3	0,6	34	0,3
Хорей, всего	35	7,0	824	8,2
Х4	5	1,0	55	0,5
Х5	3	0,6	64	0,6
Х6	18	3,6	550	5,4
Хрз	4	0,8	62	0,6
Хорей с одной иноразмерной строкой	5	1,0	93	0,9
Х4(2)	1	0,2	9	??
Х6(3)	2	0,4	43	0,4
Х6(5)	2	0,4	41	0,4
Дактиль, всего	29	5,8	346	3,4
Д3	1	0,2	41	0,4
Д4	14	2,8	150	1,5
Д5	1	0,2	8	??

Дв	1	0,2	7	??
Дрз	5	1,0	74	0,7
Дактиль с одной иноразмерной строкой	5	1,0	44	0,4
Д4(1)	1	0,2	8	??
Д5(2)	2	0,4	23	0,2
Д5(3)	2	0,4	13	0,1
Дактиль с двумя иноразмерным и вставками	1	0,2	17	0,2
д4(3)	1	0,2	17	0,2
Дактиль с испорченными, недописанным и строками	1	0,2	5	??
д4(1)	1	0,2	5	??
Амфибрахий, всего	51	10,3	1040	10,4
Амф3	5	1,0	64	0,6
Амф4	24	4,8	454	4,5
Амф5	2	0,4	13	0,1
АмфРз	18	3,6	454	4,5
Амф. с одной иноразмерной строкой	2	0,4	55	0,5
Ам4(3)	1	0,2	23	0,2
Ам4(2)	1	0,2	32	0,3
Анапест, всего	92	18,5	1814	18,1
Ан3	5	1,0	78	0,8
Ан4	17	3,4	400	4,0
Ан5	2	0,4	14	0,1
АнРз	55	11,1	1081	10,8
АнВ	7	1,4	158	1,6
Анапест с одной иноразмерной строкой	3	0,6	44	0,4
Ан4(3)	2	0,4	30	0,3
Ан5(2)	1	0,2	14	0,1
Анапест с двумя иноразм. строками	1	0,2	9	??
Ан4(3)	1	0,2	9	??

Ан рз пмф Ан вольный	2	0,4	30	0,3
3-сл па и цу	5	1,0	69	0,7
Всего	497	100	10040	100

Итак, Надсон – поэт классической русской силлабо-тоники. На первом месте по употреблению у него стоит ямб (57,3 % произв., 59,25 строк), на втором месте все трехсложники (34,6 % произв., 31,9% строк), на долю хореев остается всего 7 % произв. и 8,2 % строк – это очень мало по сравнению со средней продукцией эпохи. Ср. для 1871–1880 годов хореев по количеству текстов – 25, 5% произв., для 1881–1890 гг. – 15,5 %⁶⁸. Количество трехсложников вместе взятых примерно соответствует тенденциям эпохи: в 1870-е годы их было в среднем 32 % произведений, в следующее десятилетие – 31 %. У нашего поэта их чуть больше. Значит, число хореев упало за счет одновременного, небольшого повышения относительно средней для эпохи числа трехсложников и ямбов. Можно сказать, что пропорция этих размеров у Надсона усиливает тенденции 1870–1880-х годов.

5 силлабо-тонических метров имеют у Надсона 28 разновидностей размеров, не считая текстов с иноразмерными вставками. Это не самый богатый репертуар: для сравнения: у Полонского – 83 модификации⁶⁹, у Тютчева —52⁷⁰, у Пушкина – 56⁷¹. Однако эта цифра сопоставима с метрической палитрой эпохи, 1870–1890-ми годами, когда в ходу было около 30 размеров⁷². В эти годы крайне редко обращались к неклассическим и коротким размерам, и Надсон не явился исключением. У него вообще нет и полиметрических композиций. Подобная скупость размеров является еще и архаической чертой, возвращающей нас к XVIII веку, времени начального и постепенного освоения силлабо-тоники.

Систему ямбических размеров в сравнении с эпохой мы разобрали выше. Обратимся к 3-сложникам. Соотношение дактиля, амфибрахия и анапеста (в

⁶⁸ Гаспаров М. Л. Современный русский стих. С. 51.

⁶⁹ См.: Орлова О. А. Метрика и строфика Я. П. Полонского // Русское стихосложение XIX в. Материалы по метрике и строфике русских поэтов. М.: Наука, 1979. С. 414–450.

⁷⁰ См.: Новинская Л. П. Метрика и строфика Ф. И. Тютчева // Там же. 355–413.

⁷¹ См.: Лотман М. Ю., Шахвердов С. А. Метрика и строфика А. С. Пушкина // Там же. С. 145–257.

⁷² См.: Гаспаров М. Л. Современный русский стих. С. 47, данные Таблицы 1.

процентах от количества произведений) — 5,8 : 10,3 : 18,5 (примерно такое же соотношение выходит по количеству строк, правда, дактилей тогда оказывается меньше). Это соответствует времени: «К 1880-м годам <...> анапест оторвался от своих соперников и вышел на первое место. У Надсона на 7 дактилических и 17 амфибрахических стихотворений приходится 30 анапестических»⁷³. По нашим данным, по отношению ко всем трехсложным размерам дактиля – 16,9 % произв., 10,8 % строк; амфибрахия – 29,7 % и 32,5; анапеста – 53,5 и 56,7. Надсон любит анапесты больше, чем его современники, у которых в 1880-е годы по числу произведений он не превышает половины всех трехсложников (48 %), в то время как дактиля и амфибрахия примерно поровну (25 и 27 % соотв.)⁷⁴. Это предпочтение выражается и в более обширном репертуаре анапестических размеров по сравнению с двумя остальными трехсложными.

Яркой чертой версификации Надсона является пренебрежение короткими размерами (их нет вовсе) и предпочтение длинных. Средних размеров (Я4, Х4 и 3-стопные трехсложники) – 16,9 % произв. и 19,9 % строк, остальные размеры длинные, их – 83,1 % текстов и 80,1 % всех строк поэта. Надсон использует не только 5-стопные дактиль и амфибрахий, но и 5-стопный анапест, который в восприятии кажется длиннее остальных 5-стопников. В ямбах предпочитает 6-стопники, допускает и 7 стоп, пишет также 6-стопным хореем.

Таким образом, метрический репертуар поэзии Надсона по своему разнообразию типичен для его времени, однако по соотношению размеров он выделяется на общем фоне целым рядом индивидуальных черт: архаическим распределением ямбических размеров, малой долей хореев, усилением анапеста и вообще трехсложников. Надсон крайне педантичен в своей версификации, допускает ничтожное количество ошибок, а вольностью и отступлением от метра считает давно допустимые в русской поэзии приемы. Экспериментирует он очень робко, обычно в рамках разностопных и вольных размеров, в 3-х-сложниках с переменной анакрусой. Вообще эксперимент, нарушение нормы практически

⁷³ Гаспаров М. Л. Современный русский стих. С. 64.

⁷⁴ См. Гаспаров М. Л. Современный русский стих. С. 63.

исключены для Надсона. Под его пером русская силлабо-тоника приобретает свои отточенные формы, тиражирующие ритмико-синтаксические и лексические клише. Это была та полнота, отточенность и завершенность, от которой далее можно было лишь отталкиваться.

ГЛАВА II

СТИЛИСТИЧЕСКОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ПОЭЗИИ С.Я. НАДСОНА

2.1. Стилистическая манера Надсона: общие особенности

А.А. Царевский в упоминавшейся уже работе «С.Я. Надсон и его поэзия «мысли и печали», называет поэта «чистейшим лириком», который почти не способен был «отрешаться от себя и уноситься в область вымысла, в мир внешний, чуждый его личной жизни, его душевных волнений». Не был он способен и «к спокойному и хладнокровному труду объективного характера, – утверждает А. Царевский. – Потому-то он и не создал никакой, например, драмы, романа, большой поэмы»⁷⁵. Однако в поэзии Надсона представлены не только сугубо личные темы, и даже эти последние нередко обусловлены конкретно-историческими реалиями его времени.

Убийство Александра II в 1881 году вызвало небывалый резонанс в общественном сознании. И без того сомнительная народническая идеология к началу 1880-х годов обнаружила свою несостоятельность. По мнению С.В. Сапожкова, время героев-одиночек, героев-«титанов» ушло. Им была противопоставлена «теория малых дел», ратовавшая за эволюционный, без рывков и потрясений, ход исторического прогресса⁷⁶. «Герою «без страха и упрека», гордо возвышавшемуся над «толпой», единоличному творцу истории либеральная идеология 1880-х годов противопоставила идеал обыкновенного работника на ниве народного просвещения, не пророка, а друга всех «униженных и оскорбленных», идущего в народ не поучать и призывать, а разделить с ним его

⁷⁵ Царевский А.А. С.Я. Надсон и его поэзия «мысли и печали». Казань, 1895. С. 38-39.

⁷⁶ См.: <http://www.dissercat.com/content/russkaya-poeziya-1880-1890-kh-godov-v-svete-sistemnogo-analiza-ot-s-ya-nadsona-k-k-k-sluchev>

повседневные заботы и радости, вести без крика и позы благотворительную и просветительскую работу в земствах, воскресных школах, больницах»⁷⁷.

Революционера-шестидесятника и революционера-народника, готовых повести за собой толпу, а если надо, то и с радостью умереть за «дело общее», сменил новый тип гражданского деятеля. Вот как описывает его С.В. Сапожков: «Это был герой, разочаровавшийся в социально-утопических идеях своих предшественников, герой, переживающий тягостный разлад между порывами гражданского чувства и трезвым пониманием исторических возможностей времени. Личность, терзаемая колебаниями и сомнениями, страдающая от собственной нерешительности и сознания своего сходства с такими же, как и он, малодушными «пигмеями». Он уже осознает себя плотью от плоти стихийной «толпы», не столько ее руководителем и организатором, сколько безликим рупором ее настроений и общей растерянности»⁷⁸.

Именно в это время Надсон написал свое стихотворение, ставшее хрестоматийным:

Друг мой, брат мой, усталый, страдающий брат,
Кто б ты ни был, не падай душой... (с. 110).

Стихотворение появилось в 1880 г., в то время, когда «золотой век» русской классической литературы почти уже завершился, а «серебряный» еще не начался. Жуковский, Пушкин, Лермонтов стали признанными классиками, их литературный язык – эталоном, а новые теоретики поэтического искусства еще только вынашивали в душе будущие манифесты. Именно в это непростое для русской литературы время, когда хандрило, казалось, все общество, на сцену выступил новый молодой поэт.

Формирование гражданской позиции и поэтической манеры Надсона происходит под влиянием самых различных факторов, в числе которых и особенности личной жизни, характера и способа восприятия действительности, и революционно-демократические настроения, свойственные эпохе в целом, и

---

⁷⁷ Там же.

⁷⁸ <http://www.dissercat.com/content/russkaya-poeziya-1880-1890-kh-godov-v-svete-sistemnogo-analiza-ot-s-ya-nadsona-k-k-k-sluchev>

разочарование в них определенной части общества. Так или иначе, внешние и внутренние причины наложили определенный отпечаток на поэзию Надсона, способы выражения им своих позиции и взглядов, характер лирического героя. Совокупность подобного влияния и объясняет определенную противоречивость надсоновской поэзии, наличие в ней жажды борьбы наряду с сознанием собственного бессилия, выражения веры в будущее наряду с трагическими мотивами сомнения, обреченности, разочарования.

Следствием всего этого становится особый поэтический стиль Надсона, в рамках которого переплелись мотивы и характерные черты гражданской лирики с условно-поэтическим словарем так называемого «чистого искусства», заунывные и скорбные интонации с ораторской лексикой, грамматикой и традиционными риторическими приёмами, пронзительный лиризм и клишированные слова-сигналы. Веря всей душой в силу сказанного и написанного слова, Надсон стремится максимально красочно и ярко передать все волнующее его, рвущееся наружу, чему в немалой степени способствует использование тропов.

Многие исследователи отказывали Надсону в поэтическом мастерстве, указывая на многочисленные штампы, избитые эпитеты и метафоры, банальные сравнения, повторы, отсутствие признаков работы над словом, о чём мы сказали во Введении к диссертации. Вопреки всему этому, его произведения были необыкновенно популярны в 80-е годы XIX века и последующие десятилетия. «Полное собрание стихотворений» Надсона включает в себя почти пятьсот произведений, самим же Надсоном после многочисленных правок было опубликовано только шестьдесят семь, что свидетельствует и о высокой требовательности к себе, и о внимании к художественному слову. Не случайно поэт с болью восклицал: «Нет на свете мук труднее муки слова!»

В своем понимании стиля мы опираемся на существующие его определения, данные наиболее авторитетными советскими и современными теоретиками литературы. Так, Н.Д. Тамарченко определяет стиль как «1) узнаваемый тип единой, эстетически целенаправленной и опосредованно (через систему композиционных форм речи в произведении) проявленной упорядоченности

фонетических, лексико-синтаксических и т. п. языковых особенностей всех высказываний речевых субъектов, а также функций этих высказываний; 2) общий регулятивный принцип такого рода особенностей высказываний и их композиционных форм в произведении, который осознается на фоне аналогичных художественных явлений и может быть воспроизведен путем подражаний, стилизаций, вариаций или пародий»⁷⁹.

В нашей диссертации мы имеем дело с поэтом, а значит, со стилем стихотворным, поэтическим⁸⁰. К нему в особенности применим взгляд на стиль как явление двойственное: с одной стороны, это *общая* характеристика литературного текста, с другой – нечто *особенное, индивидуальное*, описываемое как «набор» примет и признаков, их «система». Об этом ясно и четко сказал А.Б. Есин: «Стиль – эстетическая общность всех сторон и элементов произведения, обладающая определенной оригинальностью»⁸¹. Соответствующий «набор» – приметы индивидуального стиля – складывается для нас из повторяющихся у автора средств языковой изобразительности и выразительности, тропов и фигур, лексики, в частности «слов-сигналов», поэтического синтаксиса и метрико-ритмико-интонационных особенностей, определяемых характерными для поэта темами и эмоциями. На это указывает и О.И. Федотов, говоря, что под стилем сейчас принято понимать «индивидуальную неповторимость творческого почерка, *совокупность предпочитаемых приемов* (курсив наш. – Л. Б.), единство индивидуальных и типовых, общих для множества индивидуальностей черт творчества»⁸². В особенности нам близка позиция В.М. Жирмунского, который определял стиль как «систему художественных приемов в своей взаимосвязанности», подчеркивая при этом, что «*стиль как система приемов является выражением какого-то мирозерцания* (курсив наш. – Л. Б.); какого-то исторически обусловленного восприятия действительности, какой-то исторической формы художественного сознания, которая воплощается в виде

⁷⁹ Поэтика: Словарь актуальных терминов и понятий. М., 2008. С. 247.

⁸⁰ О разграничении и типологии «стилей» см.: Лосев А.Ф. Проблема художественного стиля. Киев, 1994. 288 с.; Федотов О.И. Основы теории литературы: Учеб. пособие: В 2 ч. М., 2003. Ч. 2. С. 180.

⁸¹ Литературная энциклопедия терминов и понятий. М., 2001. Стб. 1031.

⁸² Федотов О.И. Основы теории литературы. Ч. 2. С. 179.

системы взаимосвязанных художественных приемов»⁸³. На взаимосвязь стиля и мировоззрения указывал также А.Ф. Лосев: «"Стиль" и "мировоззрение" должны быть объединены во что бы то ни стало; они обязательно должны отражать друг друга»⁸⁴.

Итак, опираясь на работы указанных теоретиков литературы и наших предшественников-надсоноведов, прежде всего на Г.А. Бялого, укажем основополагающие для мироощущения Надсона черты, нашедшие свое отражение в стиле, а именно в языковых средствах, системе приёмов:

1) *Двойственность*, заключающаяся в колебании поэта между верой и неверием, гражданственностью и склонностью к принципам «чистого искусства», публицистической прямолинейностью выражаемой мысли и «красивостью» ее словесного оформления. Эта особенность сознания Надсона находит отражение в таком приёме, как антитеза, который мы склонны считать важнейшим принципом стиля Надсона.

2) *Рационализм мышления*, проявляющий себя в логически выверенной композиции стихотворений, в нагнетании ораторских приемов, в публицистичности и дидактичности, в афористичности слога, в тяготении к простым (запоминающимся) и точным рифмам.

3) *Исповедальность*. И сам Надсон, и его лирический герой склонны к размышлениям, рефлексии, анализу, что определяет использование таких жанровых форм, как элегия, медитативные стихи, и «длинных» стихотворных размеров (6-стопный ямб, трёхсложники).

2.2. Тропы и фигуры: стилистические предпочтения Надсона

«Певец настроения 70-х – начала 90-х годов, певец поруганного идеала, остается до сих пор выразителем дум, стремлений и страданий значительной части русского общества»⁸⁵, – писал в 1906 году Л. Мельшин (П.Ф. Якубович) о Надсоне, когда на дворе был уже 20-й век, ставший в литературе веком

⁸³ Жирмунский В.М. Введение в литературоведение: Курс лекций. СПб., 1996. С. 404.

⁸⁴ Лосев А.Ф. Страсть к диалектике. Литературные размышления философа. М., 1990. С. 34.

⁸⁵ Мельшин Л. (П.Ф. Якубович). С.Я. Надсон. К двадцатой годовщине смерти. М., 1906. С. 9.

«Серебряным». Именно в это и близкое к нему время проходил, по мнению Л. Гинзбург, процесс деканонизации лирики: «... сдвиг произошел не сразу. Ближайшие предшественники символистов не способны были найти новый поэтический язык для новых идей и настроений. Их поэзия в лучшем случае отголосок Фета, в худшем – Надсона»⁸⁶.

Надсон в истории русской поэзии выступает как антипод символистов, которые никогда не включали его в число своих предшественников. Мы приводили уже во Введении высказывания А. Белого и В. Брюсова о слабой стихотворной технике Надсона и скудости его языка. Действительно, поэтический словарь Надсона по своему «объёму» несопоставим со словарем символистов, который вмещал в себя все возможные стилистические регистры. Надсон интересен другим – тем, что в своем творчестве представил образцы «среднепоэтического языка» (выражение Л. Гинзбург), характерного для русской поэтической речи второй половины 19-го века. Попытка раскрыть суть этого вопроса будет предпринята в данном разделе нашей работы. Возможно, именно в поэтической манере Надсона вкупе с некоторыми другими факторами, выходящими за рамки чистого литературоведения, и кроется секрет его популярности.

Поэзия Надсона, имевшая в 1880-е гг. феноменальный успех, необъяснимый для критиков и литераторов, сохраняла устойчивый читательский интерес к себе на протяжении всей дореволюционной эпохи. «Все победы модернизма, вся утонченность и изысканность современной поэзии не могли стереть это скромное имя в душе русского читателя», – писал Ю. Айхенвальд в 1913 г., тут же упрекая поэта в банальности и бедности языка и образности: – «И еще очень виноват он перед идеалом – тем, что опошлил понятие и слово *идеал*, нередко сопровождаемое у него рифмой *Ваал...*»⁸⁷. Над «Ваалом» иронизировал и Брюсов⁸⁸. Однако пресловутый *Ваал* упомянут Надсоном всего в двух (!) стихотворениях – «По следам Диогена» и «Друг мой, брат мой, усталый,

⁸⁶ Гинзбург Л.Я. О лирике. М., 1997. С. 228.

⁸⁷ http://dugward.ru/library/nadson/aihenv_nadson.html

⁸⁸ Брюсов В.Я. Собрание сочинений. В 7-ми томах. Т. VI. С. 237.

страдающий брат...». Там же находим и рифму «Ваал–идеал»; после 1880 года ни сама рифма, ни образ «Ваала» в лирике Надсона не встречаются. Однако этого хватило, чтобы сформировать стойкую ассоциацию этих слов с Надсоном на долгие годы и безответственно создать «миф» о бездарном поэте и «глухой» публике⁸⁹.

Очевидно, популярность стихотворения «Друг мой, брат мой, усталый, страдающий брат...» сослужила автору плохую службу. В советском литературоведении в отношении Надсона сложился стереотип, согласно которому искренность его стихов заслуживает всяческих похвал, а поэтическая манера и язык, как свод стершихся образов, однотипных метров и поэтических клише, заимствованных им из лирики 19 века, оцениваются негативно. Однобокость восприятия Надсона связана отчасти с тем, что за 9 лет продуктивного творчества тематика, жанры, стихотворные формы его поэзии действительно мало менялись, что автоматически наводит исследователей на мысль о едином, «монолитном» стиле с не претерпевавшими изменений средствами выразительности. А это не совсем так. Факт небывалой популярности Надсона заставляет отнестись к его творчеству серьезно и требует детального рассмотрения его стилистической манеры и языка. Да, «кровь – любовь» рифмуются им 15 раз, однако «глазки – сказки» – всего 2 раза, но это отнюдь не весь Надсон!

Ниже мы рассмотрим особенности и специфику использования тропов и стилистических фигур, характерных для поэтического стиля Надсона.

Реминисценции и аллюзии

---

⁸⁹ Ср. стихотворение некоего Алексея Пурина «Надсон», написанное в 1980 г. и опубликованное в 2014 г. (http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2014/9/1pur.html):

Жил поэт с фамилией нерусской
и курсистку бледную любил –
милый-милый, нежный, грустный-грустный, –
и рукой, опущенной без сил,

рифмовал «Ваала – идеала»,
«глазки – краски – сказки», «кровь – любовь»...
Для тогдашней публики хватало
двадцати пяти красивых слов. <...>

В целом, ранний, ученический период (1878–1879 гг.) творчества Надсона имеет подражательный характер. У предшественников он заимствует темы, образы, метафоры, слова-сигналы, интонации, ритмы, синтаксические особенности. Особенность его подражательности в том, что она по преимуществу носит характер реминисценций. Их анализ будет предложен в следующей главе (Пушкин, Лермонтов, Тютчев, Некрасов, Фет и др.), поэтому большую их часть здесь опустим, сосредоточив внимание на принципах цитирования.

«Один из образов, за который вы меня хвалите, увы! – не мой, а украден мною из «Кузнечика-музыканта»⁹⁰, как я недавно *случайно* убедился: «...Тихо раздвигая / Облака, вставала зорька золотая...». Но зато «крылья серафимов» – мои», – писал Надсон А.Н. Плещееву о своем стихотворении «Грезы»⁹¹. Речь, как видим, идёт именно о бессознательном «цитировании».

Далее: тематика реминисценций может как совпадать с источником, так и включаться в иной контекст. На первом месте по частотности «цитирования» стоит Лермонтов (примеры и их анализ см. в следующих разделах). В дневниках Надсон неоднократно говорит о близости ему лермонтовских музыки и мироощущения («сам переживаю то, что он пережил» и пр.); кроме того, он неоднократно цитирует лермонтовские стихи, когда хочет передать *свои* чувства и мысли.

Надсон может воспроизвести, например, лермонтовскую интонацию:

Рыдать? – Но в сердце нет рыданий.

Молиться? – Для чего, кому?

Ср. у Лермонтова: «Любить – но кого же? – на время не стоит труда...».

Может перефразировать образное выражение:

Один среди толпы, пестреющей кругом,

Я вдруг задумался, поникнув головою.

Ср.: «Как часто пестрою толпою окружен...».

Особенно ясно угадывается первоисточник в тех стихотворениях, когда Надсоном полностью сохраняется размер, синтаксис и интонации стиха и повторяются «ударные» начала строк:

⁹⁰ Стихотворение Я. Полонского.

⁹¹ Полное собрание сочинений С.Я. Надсона. Т. 2. С. 480.

Прощай, туманная столица!
Надолго, может быть, прощай!

Ср.: «Прощай, немытая Россия».

Или:

Я жить хочу, – хочу волнений...

Ср.: «Я жить хочу! Хочу печали...».

Иногда Надсон обращается к одним и тем же лермонтовским строкам не единожды: «Толпы поспешный приговор», «Врагов суровый приговор» (ср. у Лермонтова: «Судьбы свершился приговор»).

Реминисценции могут носить сложный характер – в случае, когда в одном надсоновском стихотворении «слышится» не один первоисточник, а несколько. Например, в «Романсе» (1878):

Я вас любил всей силой первой страсти.

Я верил в вас, я вас боготворил.

Как верный раб, всё иго вашей власти

Без ропота покорно я сносил.

<...>

Расстались мы – но прежние мечтанья

В душе моей ревниво я хранил

И жадно ждал отрадного свиданья,

И этот час желаемый пробил... (с. 60).

В первой строке первого катрена «звучит» Пушкин (ср. «Я вас любил...»), а в первой строке третьего – Лермонтов («Расстались мы, но твой портрет...»). Содержание же у Надсона идет вразрез с обоими «прототипами», т. е. аллюзия явно носит механический характер. Цитируется то, что «на слуху». Это не спор с предшественниками, не развитие их тем, а, скорее, отсутствие собственной поэтической «концепции».

Трансформация широко известных строк из русской классики у Надсона происходит обычно либо в начале, либо в конце стихотворения. Вот еще один пример «начальных» реминисценций:

Где ты? Ты слышишь ли это рыданье?

Ср. у Тютчева: «Вот бреду я вдоль большой дороги / В тихом свете гаснущего дня... / Тяжело мне, замирают ноги... / Друг мой милый, видишь ли меня?».

А вот аллюзия в концовке стихотворения:

Проснись же тот, в чьем *сердце живы*
 Желанья лучших, светлых дней,
 Кто *благородные порывы*
 Не заглушил в *душе своей!*..
 Иди вперед к заре познания,
 Борясь с глубокой мглой ночной,
 Чтоб света яркое сиянье
 Блеснуло б снова над землей!.. (с. 59).

«Во мгле» (1878)

Вполне очевидны здесь переключки с пушкинским посланием «К Чаадаеву» – как с общей его идеей, так и с фразеологией, размером, интонациями.

Надсон использует также и отдельные слова-сигналы, восходящие к традициям предшественников, например декабристов. Их цитирование носит вполне осознанный, подчеркнутый характер. Это всё те же «борьба», «буря», «бой», «свобода», «заря», «оковы», которые никому конкретно не принадлежат, но являются носителями *общей идейной направленности, тенденции*, свойственной «группе» поэтов, «школе» и т. д. Ср.:

А.И.Одоевский:

К мечам рванулись наши руки,
 Но лишь оковы обрели.

Ф. Н. Глинка:

Я слышу приближенье бури.

К.Ф. Рылеев:

Но где, скажи, когда была
 Без жертв искуплена свобода?

Итак, для Надсона было характерно сигнально-цитатное использование образа, вызывающего ассоциации, связанные с контекстом первоисточника. В результате реминисценции и аллюзии способствовали популяризации стихов Надсона, читатель слышал в них «что-то» знакомое и давно уже любимое, узнавал в новом старое, подновленное и более соответствующее «моменту».

Эпитетика

Произведениям Надсона свойственна повышенная смысловая и эмоциональная нагрузка, абсолютизация лирического порыва вне зависимости от того, касается ли он глубоко личной или гражданской, общественной тематики. Отражение этого как нельзя точно выражено избытком эпитетов. Классифицируем их по ряду оснований:

1. По характеру номинации в стихотворениях Надсона могут быть выделены:

а) эпитеты с прямым значением: добрые люди, светлую зарю, уверенной стопой, жаркими лучами, узницы прекрасной, трудную борьбой и др.;

б) метафорические эпитеты: огненное слово, завистливая злоба, немые клавиши, свинцовую мглой, огнистыми волнами, черные думы, о детство светлое, о юность золотая, жемчужной белизной, Тигода сонная, воды зеркальные, твердые думы и др.;

в) метонимические эпитеты представлены в незначительном количестве: молодые звуки, ранний гроб, изумрудная тень, прошлые сны, серебристая песнь, серебряное пенье.

2. Исходя из семантической направленности, это эпитеты:

а) оценочные (справедливый, всевидящий бог; добрые люди, твердою рукой, певец забытый, пошлый суд глупцов насмешкою жестокой, упрямый приговор);

б) цветные. Они могут быть простыми, обозначающими присутствующий в реальности цвет (молочной белизной, звезды золотые, серебряной струей, голубая ночь, за белым окном разгорался рассвет, серые вихри, лазурный взгляд). Довольно часто на основе цветовой ассоциации построены метафорические эпитеты: ясной вышине, бледными лучами, светлым словом сожаленья, изгибы голубые, в седых стенах, прозрачных сумерках, лазурной глубиной, Дарьял,

нахмуренный и черный, лица бледные, ясные очи, черные думы, жемчужной белизной, жемчужные воды, гладью светлую, черный день, сыпавших цветом, как белым дождем. Чаще других при передаче цветового восприятия и цветовых ассоциаций встречается белый и черный цвета: первый – как символ наивности, юности, непорочности, второй – как символ забвения, смерти. Эпитеты в данном случае помогают передать эмоциональное состояние, связанное с мрачным и скорбным восприятием окружающего мира;

в) передающие состояния и «качества» предметного мира и природы (звезды золотые, ноченьки глухие, нежными цветами, ясной вышине, бледными лучами, вечерней неге, робкий звук, мертвая тишь, ночка безмолвная, ясная; белые ночи весны, бледные лучи, бессонные ночи, речкой бурною, белая одежда, прозрачные сумерки, бледные лица и др.). Эти эпитеты передают неинтенсивность цвета, света и небурные эмоции воспринимающего «Я»;

г) передающие состояние внутреннего мира героя – его надрыв, боль, драму, иногда созерцательность и т. д.: немой и жгучею тоской; желанья разбитые, измученной душою, отрадных звуков, душе больной, холодный покой, с тяжелой нуждой, мучительным кошмаром, покорной мольбой, тяжелое бремя лишений, призыв отчаянный, злобной тоской; усталый, одинокий, огонь вдохновенного взора, грудь наболевшая, тоску накипевшую, в красе незыблемой и др.

3. В структурном плане в стихотворениях Надсона встречается много простых эпитетов, они легко вычленимы (певец забытый, ветреной толпой, огрубелый стих, лживый звук, оскверненное сердце, святые слезы, поддельные стоны, труд поруганный, непонятый мудрец, воздушные вершины и др.). Остановимся поэтому на более интересных формах, например, составных эпитетах. Их не очень много, но они представляют особый интерес: славянки светлоокой, толпы многомиллионной, стоустый вопль, стоокие громады, беломраморных вилл, стогласной славою. Среди них имеются и эпитеты, имеющие в своем составе наречия: оба одиноко-нечастные, звуков заунывно-печальных, безжизненно-недвижными судами, греховно-пылающий жрец, дня золотисто-лазурного, ты мертвенно-немая, мрачно-строгий лоб, безгрешно-

правильной машине мироздания, упоительно-прекрасна, фраз надутыми либеральными, широко-широко озаренные дали, радостно-светлый залив, бледно-лазурным прудом. Эти эпитеты у Надсона являются индивидуально-авторскими. Среди составных эпитетов можно выделить группу с гиперболизацией качества: нечеловечески величественных дел, нечеловечески тяжелого страдания.

Едва ли не в каждом втором стихотворении Надсона встречаются двойные эпитеты, которые являются узнаваемой чертой его стиля. Они используются поэтом для уточнения, детализации, усиления эмоциональности, подчеркивания значимости обоих признаков: могучей, твердою стопой; труд, высокий и святой; пустой, блестящей мишурой; зеркальным, блещущим стеклом; и к цели светлой и высокой; с фосфорической, полной луной; угрюм и бледен он лежал; ночка безмолвная, ясная, он усталый, одинокий; труд высокий и святой; могучей, твердою стопой, тяжелой, безотрадной думой; я усталый и больной; суровый, грозный бой; мир, прекрасный и святой; безжизненной и мраморной руке; речкой бурною и дикой и др. Эти эпитеты иногда могут противоречить друг другу: роскошною и душною тюрьмой, лукавый, гордый взор.

Отметим, что в эпических произведениях встречаются и тройные эпитеты, характерные, например, для стиля Толстого, Тургенева. Однако в силу того, что вписать такой сложный ряд в размер и ритм стихотворного произведения непросто, они редко встречаются в поэтической речи (скажем, у М. Цветаевой). У Надсона, тем не менее, есть примеры таких, тройных эпитетов. Несколько образных определений, дополняя друг друга, образуют цепочку эпитетов, разносторонне характеризую определяемое слово: запущенный, убогий, чахлый сад; румяны, красивы и статны они; угрюмых, трепетных окованных рабов; чужие, дерзкие, докучливые очи; тупая, мертвая, гнетущая тоска; она прелестная, нагая и гордая; песнь соловьиная, звонкая, страстная. Из последнего примера видно, что построение тропа может быть основано на постепенном усилении характеризуемого признака, нарастании экспрессии: сначала автор обозначает, чья эта песня, давая, по сути, безликое определение, затем указывает на ее качество и свойство, а уже после этого демонстрирует его эмоциональную

характеристику. Иногда у Надсона определяемое слово может представлять собой словосочетание. Тогда его признаки в цепочке дополнительно усиливаются: каменных гробов, и душных, и зловонных; знойные дни безоблачно тихи, светлы и ясны; наивные милые детские грезы; смелой, бесталанной головой кудрявой; осенний мрак, холодный и дождливый.

Интересно также, что для поэтического стиля Надсона характерно использование эпитетов, определяющих оба существительных в словосочетании, где одно из них является несогласованным определением, что в итоге способствует созданию усложненной метафоры: юный мир роскошных грез, робкий звук земного вдохновенья.

4. По степени освоенности эпитетов в языке у Надсона находим эпитеты

а) общеязыковые (лазурное море, суровая борьба, вечерняя нега, трудная борьба, забытый певец);

б) индивидуально-авторские (озлобленные ноты, стоустый вопль, разгневанные тучи, гульливое море (лишь однажды до этого – у Огарева), стоустый вопль, широкошумное море, медлительные ночи, оранжерейное лето.

5. По степени устойчивости эпитеты Надсона могут быть разделены на:

а) свободные (синие горы, родные поля, отрадные звуки);

б) постоянные (вольная птица, светлое будущее, черные думы, жгучая ревность);

в) фольклорные (соболиные брови, добрые люди, ясные очи) – представлены в незначительном количестве.

6. Стилистическая окраска эпитетов позволяет классифицировать их на:

а) разговорные (цветастая радуга, нахальные комары, докучливая свита) – в наименьшей степени представлены у Надсона;

б) нейтральные (бедный луч, нежные цветы, дрожащий свет, светлая гладь, тихая ласка);

в) книжно-поэтические (мятежная душа, призыв отчаянный, злобной точкой, наболевшая грудь).

г) публицистические (беспристрастные небеса, беспристрастное преданье, малодушный стон, беспредельная мгла, надуто-либеральных фраз, кощунственные речи).

7. С точки зрения принадлежности к той или иной части речи эпитеты чаще всего выражены прилагательными или причастиями. В произведениях Надсона встречается достаточно большое количество эпитетов, представленных причастиями (блещущее стекло, грудь наболевшая, тоску накипевшую, измученной душою, ночей ласкающих и нежных, подслушанная ложь, подмеченный обман и др.), при преимуществе, конечно, эпитетов – прилагательных (рабский страх, жаркие лучи, светлая гладь, угрюмые волны, ветхой мишурою и др.), включая краткие прилагательные (угрюм и бледен он лежал, румяны, красивы и статны они, толпа пуста и низменна, бездушна и слепа – 4 определяющих слова).

8. В зависимости от того, какова стилистическая направленность и коннотация признака, могут быть выделены эпитеты, построенные на основе положительной или отрицательной коннотации.

Отрицательная коннотация передает чаще всего внутреннее состояние лирического героя и характер его взаимоотношений с обществом: малодушной грустью, с желчною тоской, безотрадной мглой, мертвая тишь; чтоб пошлый суд глупцов насмешкою жестокой, грудь наболевшая, тоску накипевшую, певец забытый, славою разбитой, тяжелые мученья, трудною борьбой, грустными мечтами, дрожащим светом, угрюм и бледен он лежал, тернистою тропею, усталый, одинокий, забытый... он умирал с тоской глубокой, тяжелое бремя лишений, злобной тоской, холодный покой, тайных слез, стон душевной муки, то был запущенный, убогий, чахлый сад; тревожный мой сон, пустынные, глухие берега; пугливым ребенком, угрюмый, больной; довольных, тупых и бездушных, бесцветный, мутный день, лживый пафос их и деланную грусть, довольною и сытою толпой, тупая, мертвая, гнетущая тоска и др.

Положительная коннотация чаще всего используется в стихотворениях о любви или природе: уверенной стопой, песнь соловьиная, звонкая, страстная;

огонь вдохновенного взора; благородный размах соболиных бровей; и к цели светлой и высокой; смуглянка резвая, открытой душой; с правдивым, доверчивым взглядом; простой лесной жасмин; безоблачным челом, с уверенной душой, гордым, полным сил презреньем, ярких губ, и дерзких и прекрасных, с дивною силой; о манящих улыбках и нежных очах, напевов их веселых, румяных уст, цветов и радостных речей; любимая и нежная подруга, твой кроткий взор; славянки светлоокой.

9. Свойственно Надсону и использование так называемых «украшательных» эпитетов, которые привносят в его стихотворения подчас весьма вычурную образность («даль, сияньем залитая», «жемчужная белизна» ландышей, «розы искрились, как яркие рубины», «мир цветет бессмертною весною; / Глубь небес горит бессмертным днем» и т. п.). Но преувеличивать приверженность Надсона к использованию трафаретных поэтизмов и сентенций при этом не стоит, так как, во-первых, многие из используемых им эпитетов («страдающий брат», «бесстыдное торжество», «больные дни» и т. д.) часто употреблялись, но еще не превратились в штампы, которыми их в конце 80-х гг. сделали поэты-эпигоны; а во-вторых, несмотря на использование поэтических штампов на уровне лексики (борьба, брат, даль, гимн, мечта и др.), включая «банальные» эпитеты и сравнения (усталый, светлый, душистый; как брат), их сочетание с ритмами и мелодикой шестистопного ямба с цезурой после третьей стопы придает стихам мужественное, экспрессивное звучание, мощь и силу.

10. «Излюбленные» эпитеты Надсона

а) «Светлый» (встречается 46 раз). С этим словом связано самое большое число поэтических штампов и тавтологий: светлые слезы, светлое ученье, светлый идеал, светлое слово, светлые речи, светлый мир, светлый сон и даже светлый светоч.

б) «Святой» (40 словоупотреблений). Определяемые им существительные зачастую являются теми же, что удостоиваются эпитета «светлый»: истина святая, святое вдохновенье, святая заповедь, святые грезы, слеза святая, святая любовь, идеал святой.

в) «Честный». Он восходит к эпитетике декабристкой эпохи (ср. у Рылеева: «Повсюду честный человек»), затем активно используется Некрасовым («честные слезы», «честные пути» и т. д.). Надсон расширяет список слов, которые определяет этот эпитет, иногда давая повод упрекнуть себя в отсутствии вкуса. Так, в его поэзии наряду со словосочетаниями «честный рабочий», «честные желания», «честная любовь», «честный путь», «честное дело», «честные сердца» и даже «честный светоч».

П.Ф. Якубович писал о подобных эпитетах у Надсона: «Какая простота и сила выражения: «прекрасное страдание», «стон, с кровью вырванный» – это ли не чистое золото поэзии, добытое с помощью одной только искренности, потому что труда и творческой выдумки здесь, очевидно, и следа не было»⁹².

Именно в эпитетах особенно заметно проявила себя поэтизация Надсоном страдания. В поисках новых описательных характеристик скорби и страдания он добавляет в свой поэтический словарь все новые и новые прилагательные и причастия, с семантикой нездоровья, нарушения целостности. Так, эпитет «больной» встречается у Надсона не менее 43 раз, не считая его синонимов; «надломленный» – 8 раз; «истерзанный» – 14. В этот же семантико-стилистический ряд входят такие необычные эпитеты, как «надорванный» и «измятый». С последним связано одно из самых неудачных словоупотреблений у Надсона: «измятым» у Надсона оказывается... Христос: «измятый пыткой и мученьем!..», «измятый пыткой и презреньем» («Иуда»).

Иногда у Надсона роль эпитета играют эпитетные местоимения (по терминологии А. Квятковского). Поэт прибегает к ним довольно редко, но всегда для выражения превосходной степени какого-либо состояния: «такая всегда задушевность сквозила», «слышится такая правда и тоска», «и мало ли, сердце, такие обманы».

Подытожим наши наблюдения. Несмотря на то, что литературные критики неоднократно указывали на чрезмерное использование Надсоном традиционных и стандартных эпитетов, постоянное их повторение, суждения эти не всегда

---

⁹² Мельшин Л. (П.Ф. Якубович). С.Я. Надсон. С. 9.

соответствуют действительности. Банальные эпитеты действительно образуют основу «среднепоэтического языка» Надсона. «Светлые грезы», «дивные речи», «глухая печаль», «заветные мечты», «пламенные души», «светлый сон», «чудный мир», «нега сладкая», «огонь любви», «жгучая тоска», «звезды золотые», «горячая кровь», «ясный ум», «райский свет», «чистая душа» – весь этот расхожий романтический лексикон Надсоном усвоен и освоен, сделан «своим». Однако его поэтический «инструментарий» включает в себя, как мы видели, весьма широкий набор эпитетов, передающих как внутренние состояния лирического героя, так и свойства внешнего мира, природы.

Метафоры

Привычная классификация метафор строится на основе оппозиции «оригинальность/банальность» и, следовательно, различает метафоры *стёртые*, то есть такие, которые, адаптировавшись в языке, как метафоры уже не воспринимаются, и *индивидуальные*, характеризующиеся новым, необычным сочетанием сравниваемых явлений, употреблением слова в контексте.

В использовании метафор Надсон, как правило, не оригинален и следует сложившейся поэтической традиции, у него много стёртых метафор: «ползет зеленая ограда», «в лоне зеленого моря», «и волны русые кудрей спадают», «вечная красота», «шелк густых моих кудрей», «радуга цветов», «плач метели», «миражи любви», «и полосы хлебов», «серебро морозного окна», «разбитые мечты», «мрак ночной», «размах соболиных бровей», «синий свод небес», «серп месяца блеснувший».

Тем не менее в произведениях поэта встречаются очень интересные, нестандартные метафоры: «Неуклюжая туча ползет, как паук, / И ползет – и плетет паутину теней!..», «Пиявки выпуклых бровей / Надвинув низко на зрачки», «Острой сталью в глаза мне сверкнул ее взгляд», «И тихая смерть чтоб меня укачала, / Как старая няня, под ласки любви!..», «И дайте уйти мне в мою скорлупу», «Наш стрелочник, судьба», «Источник творчества – заветная печаль», «С тех пор как слово «смерть» – когда-то только слово – / Мне в сердце скорбное ударило, как гром...».

Иногда, как и в случае с эпитетами, Надсону изменяет эстетический вкус, и его метафоры оказываются логически противоречивыми и даже непонятными. Например, «заглохли все чувства святыне» – лексическая несочетаемость; «Крылья бури / Порывом вихрей снеговых / Меня несли в ночной лазури» – лексико-семантическая («буря», «вихри» vs. «лазурь»); «И криком постыдной наживы / Рынок жизни твой голос покрыл» – за вычурностью построения метафоры теряется и размывается смысл, неудачно также выражение «покрыл голос».

В зависимости от содержания и стилистической направленности метафоры Надсона могут быть классифицированы на передающие:

– состояние природы (заревом заката даль небес объята; полосой золотистой догорает заря в небесах; ночные огоньки бежали в мглу блестящими цепями; душистому бархату мха; неуклюжая туча ползет, как паук, / И ползет – и плетет паутину теней; и ночь зажжет свои лампы вековые; и ризу звездную расстелет над горами);

– состояние человека, его эмоции, переживания, мысли (надежд разбитых безотрадный рой; он глубоко страдал душой; яд безжалостных сомнений; устала грудь, истерзан ум; Вся грудь надорвана тоской, / Полна огнем глубокой муки; Ты вновь зажгла в душе больной / Судьбой разбитые мечтанья; Злую шутку сыграла ты, жизнь... / Ты, не дав мне ни злобы карающей, / Ни меча, – безоружного кинула в бой / С светлым гимном любви всепрощающей; Я вновь на жизненном пути / Остался в сумраке ненастья; в лучах духовной красоты; в даль, сияньем залитую; время светлой мысли, правды и труда; Кумир великий человека / В лучах духовной красоты; мы были молоды – и я, и мысль моя; Да, это было всё: горел твой ясный взор, / Звенел твой юный смех, задорный и беспечный; певцу, уставшему душой; огнем и правдою карающих речей; песнь твоя кипит огнем негодованья и душу жжет своей правдивою слезой).

Излюбленная метафора у Надсона – это метафора огня. Ее удостоиваются, как правило, душевные состояния, переживания, в особенности любовные. Слово «огонь» может использоваться буквально, в качестве опорного в метафоре: «огонь затаённых сомнений», «огонь страданья», «огонь святого вдохновенья», «зависти

тайной огонь роковой», «огонь любви», «огонь глубокой муки». Может и подразумеваться, тогда метафора строится на глаголах, прилагательных или причастиях со значением «горения», «жжения»: «иная жгла вражда», «я всё минувшее сжигаю», «ты помнишь – ночь вокруг торжественно горела», «душу жжет своей правдивою слезой»; «жгучий яд страданья», «сжигаемый своей мучительною думой», «я вижу очи дев, горящие слезами».

Одним из наиболее частотных стилистических приемов в творчестве Надсона выступает *сравнение*. Большое их количество, причём в произведениях разной тематики, словно демонстрирует рационалистические попытки поэта максимально понятно и доступно для читателя передать свои чувства, эмоции, мысли посредством сравнения их со знакомыми явлениями и предметами.

Данный троп строится у Надсона на:

– сравнении с природными явлениями, реже – с животными (заползли ль змеею злобные сомненья; зарею ясной запыхает время; речка голубая блещет, как в огне; как камнем мне душу сдавило; чайкой носится буря; и, как плащом, одеты мглою; как ночь прекрасный и угрюмый; как лес осеннею грозой; ползет неслышно, как змея; пусть песнь твоя звучит, как тихое журчанье ручья; и, вспомнив их восход, как солнце лучезарный; лазурные, как небо, глаза; как будто всей дивною негой своей; Как гром, его призыв суровый / Промчался по стране родной; молода и светла, как весна);

– сравнении эмоциональных состояний (жгучее горе, как сон; ты, как спасающий гений; Твой светлый образ предо мной / Встает, как чудное виденье, / Как сон, навеянный мечтой; Как огнем, сверкнули глазки голубые / Горем и внезапной тайною тоскою);

– «социологических» сравнениях (как верный раб; и, как преступник, задрожал; что я – я раб, а не пророк!; На площади широкой / Как тень стоит еще высокий эшафот; Он осужден, как раб, как тать).

Рассматривая сравнения, встречающиеся у Надсона, можно отметить следующие характерные их черты:

1. Наличие традиционных сравнений, встречающихся как в литературе, так и в повседневном речевом обиходе: сравнение слез с жемчугом, влюбленного – с нищим, трепещущего сердца – с птицей: «как жемчуг, тихо льются слезы», «а сердце от тоски, как птица, трепетало», «Как нищий, я молил с недетскими слезами / Тепла и радости, участия и любви», «Любви, одной любви! / Как нищий подаянья, / Как странник, на пути застигнутый грозой, / У кровя чуждого молящий состраданья, / Так я молю любви с тревогой и тоской».

2. Постоянство определенных мотивов: например, часто встречается сравнение с ребенком, саваном, реквиемом: «Пугаясь, как дитя, не закрывал очей»; «Я лгал вам: как мальчик, я тешился снами, / Как мальчик, святынею дружбы шутил!»; «Каждый промах его, как ребенка, сердил»; «Ты разбила мне сердце, как куклу ребенок»; «Как саван, висится, синяя, / Раскаленный зноем, мертвый небосклон», «И глубокая мгла, точно саван, поля одевает», «Нет, он как реквием мечтам моим звучал».

3. Наличие ярких, интересных, необычных сравнений, которые, благодаря новизне и точности, позволяют необыкновенно верно передать авторский замысел: «Мы – как два поезда», «вы бледнели, как звезды с зарею...», «И плющ колыхал, как узорная шаль, / Шитье кружевное», «И били фонтаны живым серебром», «Я помню ночь: бледна, как тяжело больная», «Снова в людном мире, как в глухой пустыне», «Но их в мою тетрадь я заносить боялся: / Так медлит счет свести неопытный игрок, / С отчаяньем в груди сознав, что проигрался...», «Как хирург, доверяющий только ножу, / Я лишь мысли одной доверяю, – / Я с вопросом и к самой любви подхожу / И пытливо ее разлагаю!..», «Как недугом, я каждую песню болел», «И тихая смерть чтоб меня укачала, / Как старая няня, под ласки любви!..», «Бедна, как нищая, и, как рабыня, лжива».

Пытаясь передать эмоциональное состояние влюбленного, Надсон часто находит нестандартные, но точные сравнения, некоторые из которых близки афоризмам: «Любовь – забава от безделья, / Любовь – не жар души, а только жар в крови, / Любовь – больной кошмар», «Любовь – обман, и жизнь – мгновенье, / Жизнь – стон, раздавшийся, чтоб смолкнуть навсегда!».

Как и в случае с другими тропами, некоторые сравнения, будучи перегружены деталями, затрудняют понимание образа: «Остервенясь душой, как разъяренный зверь, / Пытаться оторвать изнывшими руками / Железную броней окованную дверь?» (Надсон развивает здесь мотивы заточения, несвободы, тюрьмы).

Интересно, что однажды найденное, удачное сравнение, может не раз применяться Надсоном в других произведениях. К числу последних можно отнести устойчивое (с вариациями) сравнение, которое встречается в его «морских» стихотворениях: «Как мощный орган в величавом соборе» («Тревожно сегодня мятежное море...»), «Напев величавый растет и растет / Как реквием в мрачном соборе», «Бессонное море, как мощный орган, / Как хор величавый, / Под сводами храма гремющий мольбой, / Гудело, вздымая волну за волной, / Глухую октавой» («Лазурное утро я встретил в горах...»), «как могучий орган, / Гремущий в угрюмом соборе» («Я понял, о чем...»), «Как гром отдаленный, как в старом соборе / Мольбой похоронной гремущий орган, – / И мрачно и грозно тревожное море / Гудит, уходя в непроглядный туман» («Как гром отдаленный...»).

Православные храмы не знают ни органа, ни реквиема – заупокойной мессы, ни мощных похоронных хоров, всё это характерно для католической службы. Использование подобных сравнений может быть объяснено тем, что, будучи неоднократно за границей, Надсон мог быть поражен красотой и величием католических служб и соборов, которые стали для него своеобразным символом скорой кончины, с ощущением которой он постоянно жил в последние годы. Образ моря, следовательно, приобретает в лирике Надсона индивидуальное, построенное на ассоциациях содержательное наполнение: это не символ свободы, непокорности, оно не включено в поэтическую «мифологию», не символизирует красоту природы – это еще один из обликов загадочной, неизбежной и страшящей поэта смерти, преследующей его воображение.

Одним из распространенных в поэзии Надсона приемов является *олицетворение*. Наиболее часто оно встречается в пейзажной лирике, где явления

природы в зависимости от своего характера и восприятия автором получают свойства живых существ: «тучки утопают», «нивы спят», «глубокой мглой окутан сад», «легли ночные тени», «Кусты душистые сирени / В весенней неге мирно спят», «осока дремлет над прудом», «И небо яркими звездами / Горит в сияньи голубом», «Кругом угрюмо догорала / Глухая ночь», «спокойной негой дышит сад», «ключи студёные журчат», «уходят горы в небеса», «Где так жасмин благоухает, / Где ива плачет над водой», «Бледнеют звезды, / И свод небес блеснул полоской алой / Проснувшейся зари».

Довольно часто олицетворяются автором собственные чувства, сомнения, переживания, мысли, причём как позитивные, так и негативные: «грезы и волненья вспыхнули», «Мечта нескромная смущает / Его блаженством неземным, / Воображенье вызывает / Картины страстные пред ним», «восторг и жизнь кипят в груди», «и вспыхнет на очах у нас слеза святая», «сомненья отравили веру в счастье и людей», «вера угасла в усталой груди», «Тишь, да черные думы, да ветер в трубе, / Как над мертвым, немолчно рыдает!..», «Блеск радостного дня мне жег и резал очи, / Веселый шум толпы мне душу раздражал».

Благодаря удачно найденным олицетворениям природные явления и чувства лирического героя приобретают свежесть новизны, становятся яркими образными деталями в контексте лирического высказывания: «бледный луч / Луна кокетливо бросала», «Наш пошлый смех, не понимая, / Готов всё светлое клеймить», «Ожил старый витязь – терем одинокий: / Закипел повсюду толками людскими, / Засиял огнями в темноте глубокой», «Глухо захлебнулись волны голубые / Влажной и холодной синей пеленою», «И светлый день весны как будто не протек, / А лишь полужакрыл сияющие очи...».

Не обошел поэт своим вниманием *гиперболу и литоту*, хотя и использует их намного реже, чем другие тропы. Причины этому, думается, общеязыковые: и гипербола, и тем более литота требуют некой особой выделенности, «эксклюзивности» образа либо чрезмерной эмоциональности авторского «я», функции же эти с успехом выполняют те же метафоры и эпитеты. Нередко гипербола и литота становятся частью метафорического оборота. У Надсона они

также связаны с определенными контекстами и образами, в частности с «природным» контекстом и образом моря. Ср.: «Не гром ли божьих туч ударил над землею, / Не стрелы ль молнии сверкнули в небесах?.. / Как грозен был удар!.. / Казалось, своды зала / Внезапно дрогнули, и дрогнула земля», «В груди у нас сомнений ад / И море темного народа», «Море звуков и море огней...», «Заволнуется зыбкое море хлебов», «Не знаю, как-то вы простите / Мне это море ерунды!», «Море крови, к сердцу вопиющей, / Море слез, неотомщенных слез».

Любопытный пример совмещения гиперболы и литоты в целях максимального усиления выразительности и эмоциональности находим в стихотворении «Есть страданья ужасней, чем пытка сама...» (1880):

Есть страданья ужасней, чем пытка сама, –
 Это муки бессонных ночей,
 Муки сильных, но тщетных порывов ума
 На свободу из тяжких цепей.
 Страшны эти минуты душевной грозы:
 Мысль немеет от долгой борьбы, –
 А в груди – ни одной примиренной слезы,
 Ни одной благодатной мольбы!.. (с. 131).

Литота, как правило, объединяется у Надсона со сравнением или олицетворением: «и Москва, как свеча, запылала...», «это не песни – это намеки», «И город оттуда видать: под ногами / Он весь, как игрушка, лежит», «Конечно, друг мой, ты червяк / В сравненьи с ними», «Тебе ли... – былинке степной», «Гибну от нахальной тучи комаров», «Примите ж скромный дар неизвестного поэта».

Интересным и многофункциональным с точки зрения своих возможностей как развернутого тропа является *аллегория* – художественное изображение идей (понятий) с помощью конкретного художественного образа. Закономерно, что наличие аллегорий свойственно прежде всего гражданской, идейно нагруженной лирике Надсона. Так, полностью на аллегорическом образе строится стихотворение «Вперед»:

Вперед, забудь свои страдания,
 Не отступай перед грозой, –
 Борись за дальнейе сиянье
 Зари, блеснувшей в тьме ночной! (с. 50).

Собственно говоря, аллегориями являются все самые известные слова-сигналы гражданской поэзии Надсона: «борьба», «буря», «бой», «свобода», «заря», «мгла», «ночь» и пр. Аллегоричны некоторые пейзажи Надсона. Аллегорический компонент включают в себя библейские и исторические имена собственные: Ваал, Диоген, Герострат, царевна Софья.

Антитеза не только один из излюбленных стилистических приемов Надсона, но интонационно-словесное отражение образа его мышления: сопоставление или противопоставление контрастных понятий является принципиальным для надсоновского стиля. Антитеза лежит в основе многих его афоризмов: «Как мало прожито – как много пережито!» – и целых стихотворений:

Не говорите мне «он умер». Он живет!
 Пусть жертвенник разбит – огонь еще пылает,
 Пусть роза сорвана – она еще цветет,
 Пусть арфа сломана – аккорд еще рыдает!.. (с. 310).

Полагаем, что антитеза, усиливающая выразительность и эффектность образов, в немалой степени способствовала популярности надсоновских стихов, их запоминаемости, а также тому, что они часто входили в репертуар чтецов-декламаторов.

Стихотворения Надсона, как мы уже знаем, насыщены рассуждениями и размышлениями. На уровне развёртывания основной мысли, построения высказывания Надсон пользуется логическими противопоставлениями (тезис vs. антитезис) и редко обращается к переносу (анжамбеману), на уровне ритмико-синтаксическом обращается к возможностям цезуры и пунктуации, при этом важным для него является создание и сохранение единого эмоционального фона на всей протяженности стихотворения. Именно поэтому Надсон активно использует средства риторического синтаксиса.

Характернейшим стилистическим приемом Надсона можно считать **условную диалогичность** и обращенность его лирики к подразумеваемому либо явному адресату⁹³. «Под диалогичностью лирики в широком смысле слова понимают характер выражаемых в ней отношений между автором (лирическим героем) и современным массовым читателем-слушателем, то существенное качество поэтического слова, которое влияет на самую суть лирической поэзии, как бы превращая ее из авторского лирического монолога в диалог – форму беседы автора с читателем»⁹⁴, – отмечает Н.Н. Иванова.

Мы не хотели бы сейчас противоречить себе, отрицая монологичность поэтического слова Надсона, точнее, обращённость его на себя, присутствующую в его стихотворных признаниях, исповедях, размышлениях и, конечно, в дневнике. Но несомненен и тот факт, что Надсон-поэт всегда имел в виду слушателя, читателя-современника как со-участника и со-чувственника его дум. Это, безусловно, способствовало расширению круга его читателей и, так сказать, «демократизации» его поэтических выступлений.

Пример такой внутренней диалогичности поэтического текста можно найти во многих стихотворениях Надсона («Друг мой, брат мой, усталый, страдающий брат...», «Ты полюбишь меня...», «Ты дитя... жизнь еще не успела...», «Если душно тебе, если нет у тебя...», «Верь в великую силу любви...», «Я пришел к тебе с открытою душою...», «Ты сердисься, когда я опускаю руки...», «Не хочу я, мой друг...» и др.).

Стихи Надсона нередко начинаются или завершаются прямым обращением: «милый друг», «дорогие друзья» и согласованными с ними императивными глагольными формами: «не падай», «терпи», «крепись», «отдохни», «забудь», «бросай», «не говори», «проснись» и др. Концовка культового стихотворения «Друг мой, брат мой, усталый, страдающий брат...» содержит прямой призыв:

О мой друг! Не мечта этот светлый приход,
Не пустая надежда одна:

⁹³ В форме обращения написано порядка 58 из 497 стихотворений Надсона.

⁹⁴ Иванова Н.Н. Диалог в современной лирике // Проблемы структурной лингвистики. 1982. М., 1984. С. 211.

Оглянись, – зло вокруг чересчур уж гнетет
 Ночь вокруг чересчур уж темна! (с. 110).

Стихотворение «За что?»⁹⁵ начинается целым рядом вопросительных предложений:

Любили ль вы, как я? Бессонными ночами
 Страдали ль за нее с мучительной тоской?
 Молились ли о ней с безумными слезами
 Всей силою любви, высокой и святой? (с. 82).

Однако это не просто риторические вопросы в лирическом монологе, подчеркивающие значимость последующего утверждения. В третьем и четвертом катрене они переходят в обвинение, которое заканчивается инвективой:

Вы, баловни любви, слепые дети счастья,
 Вы не могли понять души ее святой,
 Вы не могли ценить ни ласки, ни участия
 Так, как ценил их я, усталый и больной! (с. 84).

«Обращенность» Надсона может носить абстрактный характер. Для его поэтической манеры характерно «неназывание» собеседника: им может быть, например, условный оппонент во взглядах на искусство («Ах, довольно и лжи и мечтаний!», «Не упрекай меня за горечь этих песен...» и др.), абстрактный слушатель («Идеал» и др.), единомышленник, или «брат» («Ты, для кого еще и день в лучах сияет...» и др.), «дерзкий человек» в монологе природной стихии («У океана»).

Другой тип адресата, который нельзя назвать ни абстрактным, ни условным, ни, в то же время, конкретным – это Христос («Христос!.. Где ты, Христос, сияющий лучами...»).

В ряде стихотворений Надсон обращается к самому себе во 2-м лице единственного числа; можно говорить здесь о форме внутреннего монолога («Случалось ли тебе бессонными ночами...», «В толпе» и др.).

---

⁹⁵ Обращено к родным Н.М. Дешевой.

Есть и несколько примеров обращения Надсона к близким и друзьям, где присутствует экспрессия живой разговорной речи, обусловленная жанром – дружеским посланием: «На разлуку» – «Прощайте, папочка!...»⁹⁶, «В. Мамонтову»⁹⁷ – «Что, милый Васенька, с тобою?», «Да, ты один, о Фаусек...»⁹⁸ и др.

Следует подчеркнуть, что чисто абстрактными многие условно-диалогичные стихи Надсона не являются, ввиду того что содержат в себе реалии жизни автора, которые были известны его современникам, а следовательно, воспринимались как страницы поэтического «дневника»:

О, если б знали вы безумную тревогу
И боль души моей, надломленной грозой,
Вы расступились бы и дали мне дорогу
Стать ближе всех к ее могиле дорогой! (с. 84).

В лирике Надсона есть еще одна форма «диалога без диалога». В рассмотренной уже группе стихотворений-посвящений («Памяти Н. М. Д.», «Посвящается Н. М. Д.», «В тине житейских волнений...», «В альбом» и др.) визави лирического героя (которого можно здесь отождествлять с автором) выступает умершая Н. Дешеева. Стиль посланий «в иной мир» отличается необычайная экспрессия, близкая к разговорной речи, обилие риторических вопросов: «Где ты? Ты слышишь ли это рыданье?», «Где ты? Откликнись, родная!».

Одним из самых сильных способов создания условной диалогичности выступает отрицание в начальной строке. Особенно часто у Надсона встречается отрицание с императивом: «Не вини меня, друг мой, – я сын наших дней», «Не говори, что жизнь – игрушка», «Не гони ее, тихую гостью», «Не презирай толпы: пускай она порою», «Не гонись за высотой призванья» и др. Наследие

---

⁹⁶ Обращено к воспитателю и преподавателю военной гимназии Померанцеву, которого кадеты любили и называли «папашей».

⁹⁷ В. Мамонтов – двоюродный брат Надсона, с которым он вырос в доме своего дяди и с которым соперничал в любви к Н. Дешеевой.

⁹⁸ Фаусек – друг Надсона, один из сопровождавших его на лечение за границу.

риторической эпохи, этот прием можно найти у самых разных поэтов – предшественников Надсона (Лермонтов, Тютчев, Некрасов).

К риторическому синтаксису относятся и начальные слова-предложения «да» и «нет»: «Нет, видно, мне опять томиться до утра!», «Нет, муза, не зови!..», «Не увлекай мечтами», «Нет, я больше не верую в ваш идеал», «Нет, я лгать не хочу – не случайно тебя».

Завершить свой анализ мы хотели бы констатацией присутствия в поэзии Надсона большого числа анафор. *Анафора* присутствует едва ли не в каждом его стихотворении, придавая стиху либо напевность, либо декламационный характер: «Усни, забытый злой судьбою, / Усни, усталый и больной», «Иная скорбь тебя над нею возвышала, / Иная даль звала, иная жгла вражда», «Пускай клеймят тебя презреньем, / Пускай бессмысленный укор...».

Таким образом, анализ тропов и стилистических фигур, наиболее часто встречающихся в поэзии Надсона, позволяет сделать вывод о том, что особенности их употребления свидетельствуют о двойственности его стиля и о наметившейся его эволюции, прерванной безвременной смертью.

С одной стороны, в произведениях Надсона встречаются традиционные тропы, как общеязыковые, так и использованные в предшествующих поэтических текстах, а также стершиеся, потерявшие с течением времени первоначальную яркость и оригинальность. С другой стороны, это преимущественно касается эпитетов, тогда как, например, метафора или особенно полюбившееся Надсону сравнение часто основаны на свежих и актуальных образах, позволяющих убедительно передать психологическую реальность – чувства лирического героя, его настроения, и реакции на события и факты действительности.

Пейзажная и любовная лирика поэта тяготеют к таким тропам, как олицетворение, метафора, эпитет, сравнение. Для гражданской и философской лирики больше характерны аллегория, сравнение, метафора, гипербола.

Надсон изначально был ориентирован на традиционные формы стиха и поэтический язык, в этих областях он почти ничего не изобретал и потому оказался «беднее» своих предшественников. Созданная им словесная картина

мира – лишь фрагмент грандиозного по своему составу стихотворного языка 1800–1880-х гг. Парадокс, однако, состоит в том, что, создав образцы «среднепоэтического языка», Надсон сумел остаться в русской литературе автором, имеющим свой узнаваемый индивидуальный поэтический стиль.

Это и аллюзии на творчество предшественников и современников (особенно Лермонтова и Некрасова); и слова-сигналы, влекущие за собой смыслы, заложенные предыдущей литературной традицией (например, поэты-декабристы); и ритмико-синтаксические особенности, структурирующие стих и придающие ему характер условного диалога; и обилие положительных и отрицательных коннотаций в эпитетах, на словесном уровне отделяющих «мир души» от «мира предметов»; и общая метафоричность поэзии, стремление к «красивости» и одновременно попытка уйти от нее в более поздние годы творчества; и пронзительная искренность и лиризм, неотделимые от душевного строя читателя – современника и единомышленника поэта.

«Стиль – это человек», – сказал в 1753 году французский естествоиспытатель Жорж Луи Леклерк Бюффон⁹⁹. Личность Семёна Яковлевича Надсона выразилась в его лирике целиком и полностью, без остатка. Его дарование рано раскрылось и быстро созрело. Мы не знаем, как он отреагировал бы – как человек и поэт – на грядущие катаклизмы – революцию 1905 года, Мировую войну, революции 1917 г., – доживи он до них. Судьбой ему суждено было стать выразителем «смутного», переходного времени – и он выразил свои личные боль и скорбь так, что они оказались услышаны и восприняты его современниками как их собственные. Есть какой-то пророческий смысл в не раз уже цитировавшихся строках поэта, которые можно поставить эпиграфом к его творчеству:

Не говорите мне «он умер». Он живет!
 Пусть жертвенник разбит – огонь еще пылает,
 Пусть роза сорвана – она еще цветет,
 Пусть арфа сломана – аккорд еще рыдает!..

⁹⁹ Подробнее см.: Лосев А.Ф. Проблема художественного стиля. Киев, 1994. С. 32-36.

ГЛАВА III

ПОЭЗИЯ С.Я. НАДСОНА: ОСНОВНЫЕ ТЕМЫ И МОТИВЫ

В данном разделе диссертации выделяются основные темы и мотивы поэзии Надсона, даётся аналитический обзор соответствующих «сюжетных ситуаций» и «общих мест», что, как ни странно, до сих пор не было сделано в надсоноведении. Мы осознаём условность любых подсчётов и классификаций, спорность жанровых определений, наличие множества переходных форм и т. д., и тем не менее научное познание всегда стремится к логическому анализу, т. е. к тем самым методам классификации, рубрикации, систематизации, которые в нашем случае и позволяют дать общий очерк творческой манеры и художественного мира Надсона.

Итак, почти одинаковое количество стихотворений приходится у него на медитативные философско-исповедальные стихи (88) и гражданские (84), между ними находится подгруппа философско-гражданских стихов (10).

Особую группу составляют произведения о творческом даре, поэте и поэзии, Музе (46), к ней примыкают стихи о поэте и читателе («толпе») (28).

Любовная лирика насчитывает 56 стихотворений.

Пейзажная лирика представлена 30 стихотворениями.

Оставшиеся стихотворения вполне рационально совмещают в себе по две темы, а именно: медитативные пейзажно-философские стихи – 36; пейзажно-любовные – 19; гражданско-пейзажные – 12; гражданско-любовные – 10.

К маргинальным у Надсона можно отнести стихотворения для детей и о детях (13), шуточные стихотворения (16), произведения религиозной тематики (6) и на исторические темы (6). Из них мы рассмотрим только «детские» стихотворения.

В данном разделе мы также уделим внимание тем поэтическим традициям, которым наследовал Надсон, проблеме влияния его стиля на младших современников – ранних пролетарских поэтов, а также такой особенности его поэтического мышления, как склонность к циклизации.

3.1. Декларативно-медитативная поэзия мысли: размышления о загадке бытия

В названии этого раздела мы использовали сочетание двух возможных определений философской поэзии Надсона – *декларативная* и *медитативная*, стремясь тем самым подчеркнуть ее специфическую стилистическую особенность. Надсон – поэт во многом «головной», привыкший к рефлексии и анализу», в его стихах «больше размышлений, чем исповедей», «в ней господствует логика», – отмечал Г.А. Бялый¹⁰⁰. В стихах, о которых пойдет речь, поэт обращается к философской проблематике, стремясь ничего не оставить недосказанным, необъясненным. Как правило, они представляют собой медитации – «исповеди», размышления, воспоминания, предчувствия – и логически развивают мотивы смерти, суетности земной жизни, ударов судьбы, душевных и телесных страданий, самоубийства, уходящей молодости, одиночества, несвободы, скорби и уныния и т. п. В сущности, перед нами типичный элегический мотивный комплекс¹⁰¹, нередко облечённый в форму исповеди, послания, обращения и призыва.

Вот раннее, 1878 года стихотворение, в котором по-ученически наглядно представлены соответствующие «общие места», восходящие к романтической традиции, особенно в лермонтовском ее варианте:

Минуло время вдохновений
И с ним отрадных звуков рой,
И ряд вопросов и сомнений
Один царит в душе больной.

Вся жизнь с ее страстями и угаром,
С ее пустой, блестящей мишурой
Мне кажется мучительным кошмаром
И душною, роскошною тюрьмой (с. 59-60).

¹⁰⁰ Бялый Г.А. С.Я. Надсон // Надсон С.Я. Полное собрание стихотворений. СПб, 2001. С. 30-31.

¹⁰¹ См.: Козлов В.И. Русская элегия неканонического периода: Типология, история, поэтика: АДД. М., 2013. 42 с.

В стихотворении, в сущности, описано духовное старение/умирание, обретение «душой» некоего нового, слишком раннего и очень печального опыта, «заражение» ее безответными «вопросами и сомнениями». В результате же герой обретает новый взгляд на жизнь, выраженный в максимально абстрактных и потому традиционных словах-сигналах: «страсти», «пустой», «мучительный», «душный», «тюрьма». Сомнения вызывает только эпитет «роскошная» (тюрьма). Итак, от блаженного незнания (= молодость, любовь, наслаждения) к открытию сути жизни с ее пустотой, призрачностью и отсутствием свободы – таков «экзистенциальный» сюжет этой элегической миниатюры, в которой 16-летний мальчик примеряет маску «мудреца».

Этот сюжет (с вариациями), отсылающий к архетипическому сюжету элегии – «переоценке настоящего»¹⁰², довольно устойчив в лирике Надсона, и для его выражения он находит со временем всё более выразительные и отточенные формулы. Так, через два года «больная мысль» поэта вновь «задумается глубоко / Над неразгаданным вопросом бытия» – в стихотворении «Случалось ли тебе бессонными ночами...» (с. 132-133). В перекрестье влияний Пушкина («Дар напрасный, дар случайный...»), Лермонтова с его комплексом «любви-ненависти» и Тютчева – поэта мысли (образ «машины мироздания») Надсон задает безответные вопросы о назначении человека, с его неповторимым внутренним миром, затерянного в мире космическом и мире людском.

Об этом же – и другие стихотворения: «Мертва душа моя: ни грез, ни упованья!» (1884), в котором «неразрешимые вопросы» и «тяжкие сомненья» «жгут» героя – мученика познания; «О мысль, проклятый дар!.. Мысль, в дерзком ослепленьи...» (1884), где выражено разочарование в возможностях познания/знания осчастливить человека; «По следам Диогена» (1879), герой которого, искавший с фонарем «человека», так и не нашел его.

В 1881 году Надсон пишет ставшее очень популярным стихотворение «Завеса сброшена: ни новых увлечений...», в котором «сюжет познания» проходит следующие «фазы» – «увлечений» и разочарований героя: «братство» –

---

¹⁰² Козлов В.И. Русская элегия неканонического периода. С. 40.

«познание и свобода» – «бой со злом» с помощью «карающих речей» – «любовь». И все эти искания завершаются обретением безрадостной истины, раскрытием «обмана»:

Бедна, как нищая, и как рабыня лжива,
В лохмотья яркие пестро наряжена –
Жизнь только издали нарядна и красива,
И только издали влечет к себе она. <...> (с. 146).

Те же мотивы находим в стихотворениях «Мне не больно, что жизнь мне солгала, – о нет...» (1882), «Из дневника» («Хоть бы хлынули слезы горячей волною...», 1882), «Тоска гнетет меня и жжет неутомимо...» (1883), «Да, молодость прошла!.. Прошла не потому...» (1885). В последнем из названных стихотворений развита элегическая тема прошедшей «до срока» молодости – «задушенной, поруганной, убитой» – жизнью и опытом (с. 278).

Итак, не удивительно, что лирический герой Надсона, не способный решить загадку жизни, оказывается заморожен страхом смерти: «Смерть, только смерть одна мне грезится кругом» (с. 145). Она обесмысливает существование и убивает веру в жизнь:

«Добро ли, зло ль вокруг, – забвенье и могилы –
Вот цель конечная и мировой итог!..» (с. 145).

(«Как белым саваном, покрытая снегами...», 1881)

Его преследуют страшные видения:

Словно в склепе лежу я под тяжелой плитою,
Словно я, схороненный, очнулся в земле
И кричу, задыхаясь бессильной тоскою,
И зову безнадежно во мгле (с. 339).

(«Словно в склепе лежу я под тяжелой плитою...», 1882)

Поэт не может убежать от мучительных, но «тщетных порывов ума», загадка бытия «томит» его «утомленный работою ум», и единственный выход – либо «обмануть себя», либо «разом» покончить с собой («Есть страданья ужасней, чем пытка сама...», 1880).

В небольшом неавторском цикле 1884 года – «Последняя ночь... Не увижу я больше рассвета...», «Мне снился вещий сон: как будто ночью темной...», «Тревожно сегодня мятежное море..» – передан тот страх смерти, который подымался из глубин подсознания и преследовал поэта в образах «ночи», «черных крыльев», «бездонной пропасти», «ревущего потока», «глухой мглы», «мятежного моря». Муки героя таковы, что он жаждет смерти, которая прекратит их, и наступит покой:

Я жажду одного – бесстрастного забвенья,
Я смерть к себе зову, – зову ее покой (с. 240).

Судя по дневникам и письмам Надсона, все эти переживания и страхи отнюдь не были литературной условностью, только лишь «архетипами сознания». Так, в письме А.Н. Плещееву от 6 мая 1883 он говорит: «Стояли ли вы когда-нибудь лицом к лицу со смертью? А я стою. Жить просто невыносимо»¹⁰³.

Темы угасания жизни, ее бессмысленности и пустоты, смертельной болезни, предчувствия смерти и т. д. широко входят в творчество Надсона в 1882-1883 гг. Вот основные «общие места» – *сюжетные ситуации, мотивы, идеи* – этого круга произведений:

- жизнь – это одинокое существование, после смерти завершающееся забвением («Умер от чахотки, умер одиноко...», 1882);

- жизнь – всего лишь «сон» («Сбылося всё, о чем за школьными стенами...», 1882; «Порой мне кажется, что жизнь не начиналась...», 1882; «Боже мой, боже, куда ж это скрылось?», 1883);

- жизнь бессмысленна и смерть неотвратима («Когда я говорю о смерти – а о ней...», 1882; «Нет, в этот раз недуг мне не солжет...», 1883; «Червяк, раздавленный судьбой...», 1884; «Есть бездна мрачная, та бездна – отрицанье...», 1884; «Мне кажется, что я схожу с ума...», 1885);

- будущее непознаваемо («Темно грядущее... Пытливый ум людской...», 1882);

---

¹⁰³ Надсон С.Я. Проза. Дневники. Письма. СПб., 1913. С. 528.

- время приносит одни лишь утраты, страдания и старость («Уходит день за днем... На ряд пустых забот...», 1883).

Одним из кульминационных в раскрытии темы смерти произведений является элегия «Гаснет жизнь, разрушается заживо тело...» (1883), в которой поэт предьявляет свой счёт к жизни:

Ты все лучшие думы мои осмеяла,
Ты все лучшие чувства убила в груди (с. 222).

Однако есть у Надсона стихотворения, в которых та же лирическая тема получает иные варианты развития.

Первый вариант решается на композиционном уровне, который определяется излюбленным поэтом приёмом контраста, как, например, в «Ночь и день» (1883). Первая половина стихотворения содержит привычные (лермонтовские) мотивы и образы разочарования, пустоты жизни, жизни как «фарса» и «балагана», призывов смерти. Вторая же половина оказывается пронизана противоположным пафосом: герой ощущает «вечную красоту» жизни и «блаженство бытия». Соответствующая символика связана с (фетовскими) образами «рассвета», «благоухающего сада», растворенного окна.

Тот же вариант, только прямо противоположный, представлен в стихотворениях «Весной» (1886), «Чуть останусь один – и во мне подымает...» (1882), «Прошлого времени тени туманные...» (1884) и др. Так, разочарованный герой позднего стихотворения, близкого к так называемой «унылой» элегии, не хочет поддаваться соблазнам жизни, ее зову к «неведомому счастью», отказывается от «мечты» и «побед» и, как когда-то центральный персонаж тургеневского романа, говорит:

Довольно!.. Догорай неслышно, день за днем,
Надломленная жизнь! Тяжелою ценою
Достался опыт мне! <...> (с. 294).

В душе героя стихотворения 1882 года жизнь и смерть ведут «мучительный спор»,

И не знает душа, чьим призывам отдаться,
 Как честнее задачу решить:
 То болезненно-страшно ей с жизнью расстаться,
 То страшней еще кажется жить! (с. 170).

Второй вариант связан с мотивом возрождения к жизни, продиктованного, например, любовью и дружбой, красотой, необходимостью участия в чужих судьбах, помогающими герою преодолеть «тернии трудной и знойной дороги» («Ты мне напомнила про молодость мою...», 1883; «В минуты унынья, борьбы и ненастья...», 1884; «Жить, полной жизнью жить!.. Пусть завтра оборвется...», 1884; «Наперекор грозе сомнений...», 1886).

В *третьем случае* Надсон обращается к возможностям жанра афоризма и принципа парадокса:

Надо жить! Вот они, роковые слова!
 Вот она, роковая задача!
 Кто над ней не трудился, тоскуя и плача,
 Чья над ней не ломилась от дум голова? (с. 287).

Программным стихотворением поэта о жизни можно считать одноименное «Жизнь» (1886). Подчеркнуто декларативное, оно построено по правилам риторики – на броских образных антитезах, эффектных аллегориях и прозрачных сравнениях, афоризмах и парадоксах, сочетании синтаксического параллелизма и противопоставительных конструкций («здесь... а там», «где... там и», «то... то», «вот... а вот», «вчера... завтра», «сейчас... теперь»). Жизнь многолика и изменчива, «великое» в ней соседствует «с ничтожным и смешным», бунт – с молитвой, пророк – с арлекином. Л.П. Щенникова пишет даже о «маятнике» человеческой жизни в этом стихотворении, о «движении жизни между полюсами»¹⁰⁴. Познать ее законы, точнее, единственный – непредсказуемость, не в силах никто:

¹⁰⁴ Щенникова Л.П. Русская поэзия 1880–1890-х годов как культурно-исторический феномен: АДД. Екатеринбург, 2003. С. 21.

Вот жизнь, вот этот сфинкс! Закон ее – мгновенье,
 И нет среди людей такого мудреца,
 Кто б мог сказать толпе – куда ее движенье,
 Кто мог бы уловить черты ее лица.
 То вся она – печаль, то вся она – приманка,
 То всё в ней – блеск и свет, то всё – позор и тьма;
 Жизнь – это серафим и пьяная вакханка,
 Жизнь – это океан и тесная тюрьма! (с. 308).

Тем не менее сам поэт пытается объяснить Жизнь, логически исчерпать ее противоречия, заменить любомудрие перечнем абстракций. Это и подобные стихотворения Надсона представляют собой, по меткому замечанию Г. Бялого, «не размышления поэта наедине с собой, а рассуждения вслух, обращенные к большой аудитории»¹⁰⁵.

Интересно, что в автопародии на это стихотворение («Меня каждый миг наряды...», 1886) Надсон подчеркнул как раз его декларативность («Как жалок замысел, как грубо исполненье»), неблагозвучность стиха («Дубовые стихи как бревна тяжелы» (с. 321)) и, в целом, «нелепость» своей Музы-«трещотки», т. е. ораторского пафоса, возможно, как могло показаться поэту, не уместного в философской лирике.

Следует отметить, что Надсон предпринимал попытки поставить и решить *тему познания жизни* и в ином ключе. Имеем в виду начатую им поэму о Будде («Три ночи Будды», «Три встречи Будды», 1885), в которой печаль и тоска героя, окруженного всеми возможными земными благами, мотивируются, в частности, его стремлением постичь загадку жизни и творения:

«Я жажду знать, кто синий свод небес
 В час тихих зорь румянит позолотой?
 Кто создал мир, кто создал степь и лес?
 И много ль звезд рассеяно в лазури?
 И есть ли жизнь на дальних облаках?

¹⁰⁵ Бялый Г.А. Указ. соч. С. 34.

И чей призыв я слышу в шуме бури,
 Чью вижу тень в полуночных тенях?» (с. 277).

В целом же, о чем Надсон собирался сказать в поэме о Будде, которой придавал очень большое значение, неясно. По оставшимся ее фрагментам можно предположить, что мысль поэта могла пойти как в сторону осмысления собственно буддийской идеологии, набиравшей тогда популярность в русской культуре (ср. увлечение ею Л. Толстого, И. Бунина; возникновение эзотерических обществ; сам Надсон написал маленькую рецензию на очерк некоего Шюрэ о Будде¹⁰⁶), так и по пути художественного осмысления «экзистенциального» сюжета «ухода» (из мира, от соблазнов), странствия и обретения героем – «мудрецом», «избранником», «пророком» – новых жизненных, прежде всего духовных, целей, нового «знания», Истины¹⁰⁷. Можно только посетовать, что этот замысел Надсона не был доведен им до конца.

Итак, идейно-тематический центр философской лирики Надсона составляют оппозиция Жизнь/Смерть и размышления о загадке Бытия. Соответствующие стихотворения отличаются декларативностью, доминированием логического над эмоциональным, тяготением к афористичности и образным антитезам. Жанровой основой большинства этих произведений является элегия, в особенности такие ее разновидности, как «ночная», «на смерть» и «унылая».

3.2. Гражданская поэзия: «лишний человек» в эпоху «безвременья»

Именно стихотворения этой тематики выдвинули Надсона в первые ряды русских поэтов 1880-х годов, определив его облик разочарованного и

¹⁰⁶ Надсон С.Я. Литературные очерки (1883-1886). СПб., 1887. С. 2-3.

¹⁰⁷ Сюжет этот в русской литературе восходит к произведениям масонов, т.е. к XVIII веку, в частности, к жанру так называемой «иносказательной эпопеи», образцом которой является «Древняя ночь вселенной, или Странствующий слепец» (1807–1809) С.С. Боброва. Современные исследователи называют Боброва «первым европейским художником-экзистенциалистом» (см.: Мороз О.Н. Экзистенциализм как философский субстрат поэзии в «иносказательной эпопее» С.С. Боброва «Священная <sic!> ночь вселенной, или Странствующий слепец» // Теория и практика общественного развития. 2014. № 21. С. 225-228). Об экзистенциалистских мотивах в творчестве С.Я. Надсона не так давно писала Л.П. Щенникова в своей докторской диссертации «Русская поэзия 1880–1890-х годов как культурно-исторический феномен» (2003 г.). Тем не менее проблема «Надсон и экзистенциализм» находится в начальной стадии разработки.

одновременно протестующего поэта, «единственного», как подчеркивал В. Ходасевич, кто призывал в те дни на борьбу, «вперед», «к идеалу вообще»¹⁰⁸.

Двойственность идеала

Уже в ранний период творчества Надсон ставит вопросы о самоопределении поэта и назначении поэзии. Юношеское стихотворение «Идеал» (1878) является как бы ответом на вопрос, который некогда был поставлен Пушкиным в «Дар напрасный, дар случайный...»:

Не говори, что жизнь – игрушка
В руках бессмысленной судьбы,
Беспечной глупости пирушка
И яд сомнений и борьбы (с. 52).

Для юного поэта «жизнь – разумное стремленье» к «вечному свету», а человек – «венец творенья». Туманность провозглашаемого идеала и привлекала к Надсону внимание читающей публики, ибо ее «смутные мечтания» вполне совпадали с мечтой Надсона о чем-то «неопределенно-прекрасном и высоком»¹⁰⁹.

Принято говорить, что уже первые стихи Надсона имеют яркие демократические тенденции, что они полны горячего сочувствия к «страдающим братьям» (один из наиболее частотных топосов поэзии Надсона). И это, несомненно, так. Например, в стихотворении «Братьям» (1880) «уоставший душой певец» «за вас страдает, / Когда страдает за себя...», «ваша боль и ваше горе / В его душе отозвались» (с. 134). Современный исследователь связывает мотивы страдания и сочувствия угнетенным «братьям» с христианской традицией, видя в этом главную особенность гражданской поэзии Надсона¹¹⁰. Однако в своем гражданском порыве Надсон, на наш взгляд, по большей части остается восторженным романтиком со всеми присущими ему признаками. Характерно в этом смысле раннее программное стихотворение «Поэт» (1879), в котором Надсон почти механически соединяет в облике поэта-пророка два взаимоисключающих качества:

¹⁰⁸ <http://hodasevich.lit-info.ru/hodasevich/kritika/hodasevich/nadson.htm>

¹⁰⁹ Там же.

¹¹⁰ Щенникова Л.П. Русская поэзия 1880–1890-х годов как культурно-исторический феномен: АДД. С. 20 и др.

Пусть он ведет нас в бой с неправдою и тьмою,
В суровый, грозный бой за истину и свет <...>

и

Пусть мы забудемся под молодые звуки
И в мир фантазии умчимся за тобой, –
В тот чудный мир, где нет ни жгучих слез, ни муки,
Где красота, любовь, забвенье и покой <...> (с. 71-72).

Эта антиномичность, заложенная в мировоззрение и стиль Надсона с самого начала, будет иметь воздействие на всё его творчество.

Конечно, мы должны учитывать, что «революционные» слова-сигналы «бой», «борьба» и им подобные были не более чем данью традиции. Так, читая в стихотворении «На разлуку» (1878) о том, что «Ты... Сумела вовремя подать / Борьбой надломленному руку...», мы должны помнить, что Надсону в это время 15 с половиной лет, он пансионер военной гимназии, по выходным зимой он с удовольствием катается на коньках с двоюродным братом, а лето проводит в имении родственников. Ни о какой реальной борьбе Надсона с кинжалом в руках ни в это, ни в другие времена речи не идет. «Борьба» – лишь «общее место», выражение неопределенного настроения части общества, которое Надсон чутко уловил уже в своих первых стихах и которое сделало его знаменитым в дальнейшем.

Мотив борьбы. Надсон и народничество (П.Ф. Якубович)

Еще в начале своего творческого пути он выдвигает тезис: поэт должен вести своего читателя «в бой с неправдою и тьмою», в «суровый грозный бой за истину и свет». Он призывает к борьбе с «глубокой мглой ночной», к «борьбе с судьбою». Но в отличие от социально-политического звучания, которое несло слово-сигнал «борьба» у поэтов шестидесятых годов, «борьба», «бой» у Надсона – понятия довольно абстрактные (ср. «Пока свежо и гибко тело...», 1881). Во многих стихах, особенно раннего периода, нет указания на явного врага, да и позднее будут немногим более конкретные «тираны», «фарисеи» и – наиболее частотное слово – «палачи». Борьба для поэта нередко сопряжена с усталостью,

мучением, болью, печалью, нуждой. Она фактически отождествляется с этими понятиями и воспринимается как состояние души. Примеры тому в стихах: «На разлуку», «Не весь я твой», «О, если там, за тайной гроба...», «Забывший певец», «Во мгле», «Вперед» и др. В стихотворении «Кругом легли ночные тени...» «борьба» «соседствует» со «злой судьбою» и так и воспринимается – как борьба с обстоятельствами, с самим собой.

Слова-сигналы «борьба», «бороться», «биться» являются в лексиконе Надсона «одними из наиболее часто употребляемых», на что в 1910 г. обратил внимание критик В. Шулятиков в статье «Этапы новейшей лирики»¹¹¹. Там же он прослеживает историю употребления поэтом этих «боевых» слов, и оказывается, что, прежде всего, «борьба» соотносится с его душевными страданиями, «бороться <...> означает переживать душевную драму, означает страдать». Именно страданиями «приобретается просветленный взгляд на жизнь», «завоевывается счастье». В итоге критик приходит к выводу о формировании в лирике Надсона «культы страдания»¹¹². В этом контексте В. Шулятиков рассматривает знаменитые надсоновские «Из тьмы времен» и «Цветы».

«Борьба» – это то, что Надсон получил в наследство от «старших» поэтов (Н. Добролюбова, Н. Некрасова), и то, что питало общественное сознание в период, когда он входил в литературу. Надсон не был народником, но в его поэзии отразились некоторые черты революционного народнического движения, ненависть к социальной несправедливости, патриотизм, сочувствие народу, симпатии к революционно-разночинной интеллигенции («Я плакал тяжкими слезами...», 1881). Он нередко перекликается с поэтом-народовольцем П.Ф. Якубовичем. Эти два поэта вообще выделялись в литературном процессе своего времени, будучи близкими по своей поэтической манере и одновременно полярными по духу. Их творчество для современников было неотделимо от их личности и трагической судьбы. Якубович и Надсон, почти ровесники, одновременно выступили в печати в 1878 г. после смерти Некрасова. В одном

¹¹¹ http://az.lib.ru/s/shuljaticow_w_m/text_1000.shtml

¹¹² Там же.

году они дебютировали в «Отечественных записках» (1882), испытав нападки одних и тех же цензоров (П.Г. Сватковский, С.И. Коссович), и, наконец, одновременно умолкли в 1887 г.: поэтический голос Надсона навсегда был оборван безвременной смертью; Якубовича – надолго «мучительной каторгой».

Через все литературно-критические высказывания Якубовича проходит мысль об определяющей общественной роли искусства, поэзию он считает одним из орудий общественного воздействия, служения родине, идеалу. А подлинный идеал, по Якубовичу, неотделим от борьбы («Жизнь борьба, а не рабство»), что мы и можем проследить в событиях его жизни революционера. У Надсона же, как уже отмечалось, борьба – условный поэтический образ. Он не верит в скорое торжество дела, за которые революционеры отдают жизнь. Он скорбит об их горькой участи и восхищается их безмерным мужеством и самоотверженностью («По смутным признакам, доступным для немногих...», «Ни звука в угрюмой тиши каземата...»), не находя в самом себе сил следовать путём борьбы.

В Якубовиче и Надсоне воплотились в границах одного поколения два различных художественных и общественных типа 80-х годов – активный и созерцательный. Если у Надсона страстная жажда подвига и сознание полного бессилия были в конечном итоге связаны с психологией «лишнего человека», то этот же комплекс переживаний Якубовичем был разрешен в плоскости практической – в политической борьбе. Якубовичу удалось не только остро поставить проблему безоговорочного разрыва со старым миром («Разрыв», 1880), но и четко решить ее («Решение», 1882). Если у Надсона поэзия при всей ее искренности и гражданственности осталась условно-поэтическим «словом», то у Якубовича она превратилась в активное *действие*.

И здесь, конечно, мы сталкиваемся с неразрешимой для многих писателей и критиков проблемой. Когда-то А.С. Пушкин высказался по поводу разделения Державиным «слов» поэта и «дел» поэта: «<...> слова поэта суть уже дела его». Надсон и Якубович еще раз продемонстрировали вечность и принципиальную нерешаемость этой дилеммы.

Для самого Надсона так и осталась неразрешимой проблема: «жить в борьбе и умереть в страданиях и безвестности vs. радоваться красоте жизни, жить бездумно, ничего не давая людям». Об этом – стихотворение «По смутным признакам, доступным для немногих...» (1885), в котором противопоставлены судьбы двух женщин, а по сути, два способа проживания жизни, бывшие перед глазами писателя. Одна женщина посвятила жизнь революционной борьбе (прототипом героини послужила Вера Фигнер), автор называет ее «несчастной», а ее путь «бесплодным», признавая, что она сумела осветить путь другим. Другая – «ярко блестящая, душистая и красивая». Покоренный ее красотой, следя за ней «влюбленным взором», автор все-таки готов спросить ее «с укором»:

Что людям ты дала и для чего живешь? (с. 281).

На протяжении всей своей жизни Надсон соединял в стихах «огонь негодованья» и «красоту, любовь и покой», хотя и склонялся к поэзии мысли и борьбы, создавая иногда вполне революционные произведения, такие как, например, «Из песен о невольниках. *Лонгфелло*» (1884), «Шествие (Сон)» (1885):

... в грядущем я уж вижу палача

Под львиной лапою восставшего народа (с. 245).

Вулкан готовится извергнуть на врагов

Свой гнев, накопленный позорными веками,

И скоро цепь спадет с воскреснувших рабов... (с. 289).

В целом стихи о «борьбе» суть своего рода манифест гуманности «от Надсона», сформированный, заметим, под непосредственным влиянием Некрасова. От него, мы считаем, Надсон отчасти и унаследовал ту двойственность, которой отмечены не только некрасовские «Поэт и гражданин», но и «Последние песни»:

И давит сердце мне сознание,

Что я – я раб, а не пророк! (с. 71).

(«Слово», 1879)

«Крестьянская тема»: Надсон и Некрасов

Под прямым влиянием Некрасова юный поэт пишет также стихотворения на «крестьянскую» тему: «Мать» (1878), «Похороны» (1879), «Святитель» (1880-1882). В особенности второе из названных стихотворений Надсона обратило на себя внимание, в адрес молодого поэта посыпались похвалы.

Это стихотворение состоит из 4-х шестистиший с рифмовкой ААВССв и написано размером некрасовской «Железной дороги» (чередование 4-х и 3-стопного дактиля, в целом любимое Надсоном). Портрет и характеристика крестьянина, «апостола труда и терпения», воспринимаются как вариация образов безымянных строителей дороги и больного белоруса из 2-й главки поэмы 1864 года. В четвертой строфе, которая подводит итог стихотворения и одновременно всей скорбной жизни героя, траурный ритм звучит особенно отчетливо, усиливая его образность:

Много он вынес могучей душою,
С детства привыкшей бороться с судьбою.
Пусть же, зарытый землей,
Он отдохнет от забот и волненья –
Этот апостол труда и терпенья
Нашей отчизны родной (с. 82).

Однако Надсон, оторванный от народной жизни и никогда долго не живший в деревне, не мог во всей полноте изобразить крестьянскую долю. Показательно в этом смысле «народное преданье» «Святитель». Автор, явно вдохновленный некрасовской «Ориной, матерью солдатской», редактировал его около трех раз, но так и оставил незаконченным. Ведя повествование от лица малограмотной крестьянки, которая долго шла в святой монастырь, чтобы прозорливые старцы поведали ей, жив ли ее сын, которого взяли в солдаты, Надсон стремится к стилизации народной речи. При этом он активно использует деепричастия и книжные обороты: «укрываясь от светской заразы», «врачевать нас, объятых скорбями» и т. д., что в устах героини звучит неубедительно и неправдоподобно.

Большую часть своих тем Надсон находит не там, где Некрасов. Обусловлены они были и обстоятельствами его биографии, и временем, когда творил поэт.

Мотивы скорби и «поруганной свободы». Социальный скептицизм Надсона

Расцвет поэтической деятельности Надсона приходится на восьмидесятые годы – эпоху, которую В. Ходасевич, например, охарактеризовал как полную «немыслимой атмосферой уныния, тоски, вынужденного бездействия, тупого произвола и бездарного патриотизма – всех этих худосочных порождений тупой реакции»¹¹³. После 1 марта 1881 г. наблюдается резкий спад революционных настроений. С этим связано ослабление влияния революционно-демократической идеологии и обслуживавшей ее литературы и бурное оживление в лагере «чистого искусства» (Фет, Случевский, Апухтин, Голенищев-Кутузов и др.).

Надсон с 1881 г. часто выступает как певец «поруганной свободы» («Грезы») в лучшем тогда российском демократическом журнале «Отечественные записки». Гражданская лирика по-прежнему занимает ведущее место в его творчестве. В основном поэт продолжает развивать темы раннего периода, но теперь они получают иное решение.

Преодолев противоречия и колебания ранних лет, Надсон в стихах и литературно-критических статьях борется с апологетами «чистого искусства», защищая некрасовские принципы в поэзии. Но у некрасовской музыки «мести и печали» для Надсона более привлекательными оказались не мотивы борьбы, а гражданской скорби, сострадание угнетенным («Поэту»). Порой к активному отношению к действительности у него примешиваются жалобы на бессилие поэтического слова («Милый друг, я знаю, я глубоко знаю...»), «Одни не поймут, не услышат другие...»).

В раскрытии темы «больной родины», в сочувствии «плачущим», в критике «Ваала» Надсон находит свой поэтический голос. У него начинают сильно звучать, с одной стороны, мотивы страданий и нищеты городских низов,

---

¹¹³ <http://hodasevich.lit-info.ru/hodasevich/kritika/hodasevich/nadson.htm>

разночинской интеллигенции, мелкобуржуазных слоев общества, а с другой – разоблачение «безумной роскоши богачей».

Одновременно в стихах Надсона этого периода слышится горькое разочарование, которое является следствием понимания бесплодности каких-либо людских начинаний и невозможности воздействовать на «бездушных мертвецов» («Мелкие волненья, будничные встречи...», 1880; «Сколько лживых фраз, надутых либеральных...», 1881). Поэт, в силу исторических обстоятельств, а также склада личности, не видел реальных путей решения социальных проблем и искренне считал действенным средством сострадание и утешение. В восьмидесятые годы надсоновский протест получил своеобразную окраску. Как это ни парадоксально, но довольно мощным его оружием в борьбе с окружающим злом стали пессимизм и скептицизм, которые к концу жизни поэта все более усиливались. Однако «пессимизм» Надсона, вызванный лихолетьем, в корне отличался от пессимизма таких поэтов, как Минский, Мережковский, Голенищев-Кутузов и др. В эпоху торжества реакции, правительственного оптимизма пессимизм Надсона был деятельной силой. В надсоновском скептицизме выразились не столько бессилие, сколько яростная неудовлетворённость реальной действительностью, непримиримое отрицание всяческого рабства и тирании. В этом-то и заключается прогрессивное значение скепсиса поэта. Даже самые мрачные его произведения явились гневными инвективами против российской действительности («Завеса сброшена...», «Цветы», «О, неужели будет миг...»). Вот как писал об этом А. Царевский: «Самый и пессимистический элемент в поэзии Надсона в громадном большинстве случаев сводится к отрицанию и порицанию только того, что далеко от „идеала человека“ и „идеала жизни“, что представляет нарушение и поругание этих идеалов»¹¹⁴.

Следуя за Лермонтовым («Бородино»), Надсон противопоставляет великое прошлое и бесславное, небогатырское настоящее, правда, обращаясь (по цензурным, видимо, причинам) к европейской истории, фигурам Петра Амьенского, Яна Гуса, Вильгельма Телля:

---

¹¹⁴ Царевский А.А. Указ. соч. С. 61.

Там страсть была, – не эта мгла
 Унынья, страха и печали;
 Там даже темные дела
 Своим величьем поражали...
 А мы?.. Ничтожен перед ней,
 Пред этой древностью железной,
 Наш муравейник бесполезный,
 Наш мир пигмеев, – не людей!¹¹⁵ (с. 268).

(«О, неужели будет миг...», 1885)

Скепсис Надсона имеет немало общего с лермонтовским. К знаменитой «Думе» восходит в своих существенных элементах ряд надсоновских произведений. Наиболее очевидна это переключка в стихотворении «Наше поколение юности не знает...», где поэт, как и Лермонтов, обвиняет своих современников в душевной дряхлости, предательстве, равнодушии к возвышенному и прекрасному, зовёт на «борьбу с пороком». Но, по верному замечанию Г.А. Бялого, «лермонтовские мотивы» смягчались под пером Надсона и теряли суровость и силу¹¹⁶.

Страстный протест и негодование Надсона с особой силой выражаются в раскрытии темы трагической гибели человека, лейтмотивом проходящей через его лирику. Смерть трактуется здесь в социальном плане. Нищета, голод, лишения преждевременно обрывают жизнь бедняку («Умер от чахотки, умер одиноко...»). На этих мрачных стихах – известный отпечаток личного недуга поэта, который позволил ему говорить от лица многих «униженных и оскорбленных», живущих и умирающих в бесчеловечных условиях российской действительности того времени. Но ощутимо в них и влияние литературной традиции, например В. Гюго, на что прямо указывает название и содержание раннего стихотворения Надсона «Признание умирающего отверженца» (1878).

¹¹⁵ Кстати, не монологами ли героя «Преступления и наказания» навеяны столь пафосные размышления Надсона о величии «темных дел», «муравейнике», «пигмеех» и «не-людях»?

¹¹⁶ Бялый Г.А. С.Я. Надсон. С. 41.

Есть у Надсона и редкие попытки вывести в качестве идеального образа «борца» фигуру конкретного деятеля – представителя русского общества. Здесь он опирается на Некрасова и на романтическую традицию. Отвергнув по примеру Лермонтова («Родина») «славу, купленную кровью», в стихотворении-инвективе «Герою» (1881), посвященном генералу М.Д. Скобелеву, Надсон обращается к фигурам русских писателей.

Идеал современного деятеля в стихах «на смерть писателя»

Формой для его опытов по созданию идеального образа современника послужили стихотворения «на смерть поэта». Их героями выступили Ф.М. Достоевский и А.И. Герцен.

В двух стихотворениях с одинаковым названием «Памяти Достоевского» (1881) заметны аллюзии на известные стихотворения о «пророках». От Пушкина Надсон наследует тему обличения толпы, от Лермонтова – тему любви, от Некрасова – христологическую тему, но ставит и решает он их по-своему. Во-первых, сутью облика и основой учения нового пророка – Достоевского – поэт делает ключевое понятие его идеологии – христианскую любовь. Не случайно в стихотворениях появляются библейские образы Валтасара и фарисеев. Жизнь Достоевского, «учителя любви», уподоблена пути Христа, влачащегося в мучениях «по дороге» и обретшего «страдальческий венок». Искусство же, которое единственное в мире «мрака» и «страха» сохранило в себе любовь, наделяется целительной, очищающей силой. И как всегда, Надсон обращается к проверенным формулам «чистого искусства»:

Но есть иная власть над *пошлостью людской*,
И эта власть – любовь!.. *Создания искусства*,
В которых теплится *огонь ее святой*,
Сметают прочь с души позорящие чувства;
Как *благодатный свет*, в эгоистичный век
Любовь сияет всем, все язвы исцеляет,
И не дрожит пред ней от страха человек,
А край одежд ее *восторженно лобзает!* (с. 141)

(курсив наш. – Л. Б.).

Во-вторых, писатель-пророк противопоставлен «толпе», «пошлости людской», «миру торгашества и тьмы». За этими образами угадывается современная Надсону и Достоевскому буржуазная действительность, представляющаяся поэту воплощением разврата и эгоизма.

В стихотворном посвящении «На могиле Герцена» (1885–1886) мы увидели лермонтовскую традицию, на которую, как кажется, внимания еще никто не обращал. Стихотворный размер – чередование 4-стопного и 3-стопного амфибрахия – и перекрестная рифмовка АБАБ, а также мотивы одиночества, родственной души, противопоставление Севера и Юга отсылают к стихотворению... «На севере диком стоит одиноко...». Именно суггестивность ритма лермонтовской баллады определила, на наш взгляд, бессознательное использование Надсоном не только формы лермонтовского стиха, но и ряда мотивов. 3-стопный амфибрахий был использован Лермонтовым и в другой балладе – «Воздушный корабль», образность и идейное содержание которой также сказались в стихотворении Надсона. Хотя поэт использует экфрастическое описание реального памятника на могиле Герцена в Ницце:

Отлитый из меди, тяжелой пятою
 На мраморный цоколь ступив,
 Как будто живой он вставал предо мною
 Под темным наметом олив.
 В чертах – величаяя грусть вдохновенья,
 Раздумье во взоре немом,
 И руки на медной груди без движенья
 Прижаты широким крестом... (с. 293), –

однако образ погребенного на «чужих берегах» и страдающего изгнанника, мотивы оживающего мертвеца, образ скрещенных рук, в плане историко-литературном, несомненно, связан с одним из кумиров раннего европейского и русского романтизма – Наполеоном:

Из гроба тогда император,
 Очнувшись, является вдруг <...>
 Скрестивши могучие руки,
 Главу опустивши на грудь <...>.

(«Воздушный корабль», 1840)

Итак, образ героической личности современности складывается у Надсона в скрещенье полярных традиций – христианской и романтической («наполеоновской»).

Гражданственность vs. сомнение и примирение. Образ «грядущего»

В восьмидесятые годы не прекращается «диалог» Надсона с поэтами-народовольцами, в особенности с П.Ф. Якубовичем. Последний высоко оценил гражданственность поэзии Надсона, испытал её влияние в настроениях, образности, лексике, ритмике и т. д. Однако мотивы сомнения, разлада оказываются свойственны и поэту-народнику. Двойственность мироощущения, сближающая Надсона и Якубовича, прослеживается, например, в их стихотворном «диалоге» «Мы спорили долго...» (1882) и «Спор»¹¹⁷ (1883). В обоих произведениях описан некий «кружковый» спор, который не соединяет, а разъединяет собравшихся – «собратьев по общим стремленьям» (с. 187) у Надсона, «врагов меж друзей» у Якубовича. Вновь их объединить может лишь нечто внешнее – искусство у Надсона:

И страстная песня любви и печали,
 Звения, из-под рук полилася твоих... –

рыданья обиженной души – у Якубовича. И только после примирения ко всем спорящим приходит осознание духовного родства и идейной близости, желание приблизить «рассвет»:

Надсон:

Всё стихло – и только одно лишь желанье,
 Один лишь порыв запылал в нас огнем –
 Отдаться на крест, на позор, на страданье,

¹¹⁷ Якубович П.Ф. Стихотворения. Л., 1960. С. 398.

Но только бы *дрогнула полночь* кругом!..
 О друг мой, нам звуки твои показали
 Всю ложь в нас, до них – незаметную нам,
 И крепче друг другу мы руки пожали,
 С *зарей* возвращаясь к обычным трудам (с. 188).

Якубович:

И все сознавали, что чувством одним
 В груди у нас сердце согрето,
 Молились и верили все одному
Великому богу рассвета!

Надсон не был непримиримым борцом и протестантом – ни здоровье, ни склад характера, ни жизненные обстоятельства не способствовали формированию в нём революционного духа. Последние годы жизни были для него временем идейных колебаний и противоречий, переоценки ценностей. Вспомним также его стихотворения о смерти, думы о которой преследовали его во сне и наяву. Неудивительно, что наряду с мотивами борьбы, протеста и отрицания у него звучат ноты сомнения и примирения:

Не умев ненавидеть, я думал любить,
 Думал скрежет вражды и проклятия
 Примиряющей песнью моей заглушить
 И протягивал... камням объятия!.. (с. 147)

(«С каждым шагом вокруг все черней и черней...», 1881)

Мы можем, конечно, увидеть в подобных стихах нетвердость демократического мировоззрения поэта, растерянность его после поражения народников, но можем – и нечто иное, продиктованное не привходящими обстоятельствами и даже не слабым здоровьем и постоянными мыслями о смерти, а некими основами человеческой природы.

Устойчивая характеристика надсоновского лирического героя – бессилие перед окружающим его социальным злом:

Отверстой бездне зла, зияющей мне в очи,
 Ни дна нет, ни границ <...> (с. 194).

(«Я не щадил себя: мучительным сомненьям...», 1883)

Он сетует, что «посреди бойцов» он «не боец суровый, / А только стонущий, усталый инвалид, / Смотрящий с завистью на их венец терновый» (с. 231).

Даже нарисовав осуществившийся идеал, Надсон обнаруживает его призрачность, ложность той мечты, к которой столетиями шли люди. В название одного из самых странных и неоднозначных своих стихотворений Надсон вынес слово-сигнал «грядущее», встречающееся в его произведениях не менее 17 раз. В «Грядущем» (1884) поэт развил тему своего раннего стихотворения «Томясь и страдая во мраке ненастья...» (1880) и ответил наконец на тот вопрос, который не раз задавал самому себе позднее:

Темно грядущее... Пытливый ум людской
 Пред тайною его бессильно замирает:
Кто скажет – день ли там мерцает золотой
Иль новая гроза зарницами играет? (с. 183).

(«Темно грядущее... Пытливый ум людской...», 1882)

Кажется, единственный раз в своем творчестве он изобразил осуществленное, воплотившееся будущее, обратившись к традиционному топосу «райского сада»¹¹⁸:

Мир цветет бессмертною весною;
 Глубь небес горит бессмертным днем;
 Не дерзают грозы над землею
 Рассыпать рокошущий свой гром;
 Миг желанья – миг осуществленья,
 Воплощен заветный идеал:
 И на смену вечности мученья
 Вечный рай счастливым просиял! (с. 229).

¹¹⁸ См.: Соколов М.Н. Принцип рая. Главы об иконологии сада, парка и прекрасного вида. М., 2001. 704 с.

Что же ощущает человек, которому больше не к чему стремиться, который из «раба» превратился в «властелина судьбы»? Его продолжает преследовать та «болезнь века», которой европеец «заразился» в эпоху романтизма, после наполеоновских войн, а русский «лишний человек» – со времен Лермонтова:

Что ж ты стал, *печально размышляя?* <...> (с. 229)

И поник ты *в думах головою* <...> (с. 230).

На лермонтовскую традицию указывают также мотивы пути («Шел путем лишений и скорбей...»), райского сада, «гнетущих» вопросов, преследующих героя. Не случайно размером для своего стихотворения Надсон выбрал 5-стопный хорей, чей «семантический ореол» (М.Л. Гаспаров) прочно связан с интонациями философской медитации Лермонтова «Выхожу один я на дорогу...».

Вывод, к которому приходит герой Надсона, трагичен и неумолим в своей грозной очевидности: достигнутая цель обнаруживает свою «роковую бесцельность», а ценность для человека имеет только путь к ней, «слезы и жертвы, страдания и борьба». Осуществленный идеал есть не что иное, как покой, смерть, небытие:

Для чего и жертвы и страданья?..

Для чего так поздно понял я,

Что в борьбе и смуте мирозданья

Цель одна – покой небытия? (с. 230).

Таким образом, та проблема, с которой столкнулся лирический герой «Грядущего», связана, на наш взгляд, не только с конкретно-исторической ситуацией «безвременья» и идеологией «лишнего человека», но и с общими – экзистенциальными – проблемами человеческого существования и сознания. Надсон вплотную подходит к одной из определяющих для философии экзистенциализма идей – об абсурдности бытия¹¹⁹. «Для чего?» – задает себе вопрос поэт – и не находит ответа...

---

¹¹⁹ Л.П. Щенникова (Указ. соч. С. 22) пишет в этой связи о «несостоятельности» «всего мира», утверждаемой Надсоном.

Однако для современников Надсона, особенно для критиков демократического лагеря, его колебания, рефлексия, сомнения были всего лишь «дряблостью» и слабостью, подтачивавшими революционный дух протестующих. По воспоминаниям современников, Н.Г. Чернышевский сказал о Надсоне: «Нытье, не спорю, искреннее, но вас не поднимает»¹²⁰. «<...> в историю русской дряблости Надсон стихами своими вписал заметную страницу <...>», – заметил чуждый политике критик-«импрессионист» рубежа XIX-XX вв. Ю. Айхенвальд¹²¹. Но почему же тогда настроения разочарования и уныния были свойственны не только Надсону, но и Некрасову, Короленко, Гаршину, даже Якубовичу и Салтыкову-Щедрину?¹²²

Но все-таки и в самые мрачные моменты душевной тоски Надсон не изменил демократическим убеждениям, идеям любви к людям и необходимости борьбы:

И будешь ты страдать и биться до могилы,
Отдав им мысль твою, и песнь твою, и кровь.
И знай, что в мире нет такой могучей силы,
Чтоб угасить она смогла в тебе любовь! (с. 154).

(«Напрасные мечты!.. Тяжелыми цепями...», 1881)

Нет, малодушный стон не омрачит той славы,
Что ждет нас – светлая, с торжественным венком –
За жизни честный путь, тернистый и кровавый,
И гибель на пути, в бою с гнетущим злом!..

(Мрачна моя тюрьма, – за крепкими стенами...», 1882)

Еще В. Ходасевич предостерегал от того, чтобы сводить всё содержание поэзии Надсона к «разочарованию в жизни, тоске, унынию, жалобам на судьбу», подчеркивая, что «в подавляющем большинстве случаев они суть лишь выражение минутных чувств, случайных, личных переживаний, – невольная дань усталости, которую поэт вскоре побеждает, для того чтобы призвать на борьбу с ее причинами.

¹²⁰ Литературное наследство. Т. 49–50. М., 1946. С. 602.

¹²¹ http://dugward.ru/library/nadson/aihenv_nadson.html

¹²² См. также: Бялый Г.А. Указ. соч. С. 43.

Надсон разочарован только в существующих формах жизни, но он глубоко верует в то, что их должно и *можно* переменить»¹²³.

Современный исследователь говорит о стоическом примирении Надсона и его героя «с существованием антитетических начал в Бытии и раздвоением своих бытийных исканий между христианской и экзистенциалистской этикой»¹²⁴.

Стилистические особенности гражданской поэзии Надсона

Гражданская поэзия Надсона характеризуется ярко выраженными стилистическими особенностями. Наиболее типичные черты их проявляются в лексическом составе, изобразительно-выразительных средствах. Рисуя переживания лирического героя, – передового человека своего времени, – поэт находит слова, в которых выражается и сочувствие «страдающему брату», и трагизм, и возмущение буржуазной действительностью, и призывы к борьбе. Это обусловило использование различных лексических групп:

- 1) словарь скорби, страдания и печали;
- 2) обличительной лексики;
- 3) лексики революционной патетики

и, по контрасту,

- 4) лексики «чистой поэзии».

По всей совокупности, язык стихов данной тематики можно охарактеризовать как общедемократический, отсылающий к революционной и демократической поэзии Пушкина, Лермонтова, Некрасова и прямого учителя Надсона Плещеева. Личные переживания поэта здесь неотделимы от гражданской скорби, в результате чего его произведения начинают изобиловать характерными ключевыми словами: «боль», «страданье», «тоска», «скорбь», «стон», «слезы», «рыданье», «нужда», «бедность» и т. д. Окружающую действительность Надсон изображает при помощи слов: «тюрьма», «ночь», «мрак», «ненастье», «гнет», «ОКОВЫ».

¹²³ <http://hodasevich.lit-info.ru/hodasevich/kritika/hodasevich/nadson.htm>

¹²⁴ Щенникова Л.П. Указ. соч. С. 22.

Мотивы борьбы и протеста, мечта о светлом будущем нашли отражение в словах: «борьба», «буря», «бой», «свобода», а также «рассвет», «заря».

Прибегает Надсон к традиционной религиозной образности и фразеологии, наполняя революционным содержанием христианские «святую любовь», «кресты распятых», «терн страданья» и обличительным – библейские «Ваал» и «фарисеи».

Однако для языка его политической лирики, в отличие от революционно-демократической поэзии предшественников, характерно соседство общегражданской лексики с условно-поэтическим словарем романтической поэзии. Надсон пытался опозитивировать, эстетизировать в своих стихах гражданскую скорбь, обратившись к традиционным «красивостям», вроде: «пурпур роз», «душистая роса», «дивная нега», «чудное виденье», «блаженная весна», «жар души», «слезы в очах», «печальный покой», «боль ран» и т. п.

Эмоциональный рисунок гражданских произведений Надсона характеризуется обилием эмоционально-оценочных эпитетов, которым задаётся социально-политический вектор: «гневный», «могучий», «святой». Эта особенность сближает Надсона с Некрасовым, Михайловым, Плещеевым. Но в зрелый период наряду с традиционно-романтическими эпитетами у него все чаще появляются конкретные, несущие на себе печать своего времени: «кошунсвенные речи», «надуту-либеральные фразы», «разнузданный разврат», «пестрые партии», «лживый пафос», «сытая толпа».

Постепенная эволюция Надсона от гражданского романтизма к романтизму созерцательному, психологическому, а для некоторых исследователей – к «неоромантизму» (Л.П. Щенникова) обусловила появление негативно окрашенных эпитетов: «бессильный», «мрачный», «больной». В стихах гражданской тематики чаще, чем где бы то ни было у Надсона проявляется амбивалентность чувств. С одной стороны неуёмная жажда жизни, трепетное ожидание неминуемых метаморфоз в существующем порядке в России, которые поэт связывает с всепоглощающими стихиями огня, бури. («Сжигаемый своей мучительной думой», «В душе разгорались мучения»). С другой – бессилие, опустошающее понимание неминуемой смерти, которое связывается с увяданием

цветов, мраком, душной ночью («Облетели цветы, догорели огни. / Непроглядная ночь, как могила, темна»).

Эта двойственность Надсона и его лирического героя обусловила сюжетно-композиционные особенности его стихотворений. Гражданские произведения Надсона в этом отношении можно условно разделить на две основные группы: содержание стихотворений первой группы – взрыв одного сильного, всепоглощающего чувства; второй – выраженная борьба противоположных начал.

Для первых характерна жанрово-композиционная форма «монолога» и призыва. Развитию поэтической мысли свойственны логика и декларативность. Рефлектирующий тип лирического героя «не знает в груди безотчетных волнений и лишь мысли одной доверяет». Однако Надсон не выражает идеи чисто публицистически. Каждый свой тезис он «доказывает» поэтическими образами. Раздумья, эмоции в его стихах раскрываются всесторонне, глубоко, убедительно подкрепляясь все новыми и новыми аргументами. Этому служат синтаксический параллелизм, анафоры, антитезы, риторические вопросы и восклицания, которые придают стройность и законченность поэтической мысли, помогают развивать ее более концентрированно («О, неужели будет миг...», «По смутным признакам, доступным для немногих...», «В ответ» и мн. др.).

В основе другой группы, отражающей двойственность, противоречивость лирического героя, лежит борьба противоположных настроений. Их конфликт обычно достигает большого драматизма. Герой не в состоянии примирить противоречия и от этого тяжело страдает. Обычно противоборствующими началами являются у Надсона сознание общественного долга и стремление к личному счастью, необходимость действовать (бороться) и созерцательность, усталость. Побеждает чаще всего первое («Я вчера еще рад был...», «Чуть останусь один...» и др.).

В композиционном аспекте для передачи неоднозначности, неопределённости характера лирического героя Надсоном используется контрастное построение стиха. Как правило, поэт отдает приоритет двухчастной композиции, фрагменты которой полярны, но соразмерны друг другу по смыслу и

служат полноте авторской мысли, которая зачастую оказывается сентенцией в конце стихотворения («Ночь и день», «Грезы», «Беспокойной душевною жаждой томим...», «Слово» и др.).

Отличительной особенностью многих гражданских произведений Надсона является интонация, в которой преобладает минор, усталость и надрыв. У автора есть потребность страдать и поэтизировать свое горе наряду со стремлением жить на благо людей. Так, он страстно хочет «нечеловечески-величественных дел», на которые у него нет сил, и «нечеловечески-тяжелого страдания», которое ему остается. Надсоновская тоска вызвана любовью к свободной и счастливой жизни, за которую он, и умирая, готов был бороться...

3.3. Поэт и Муза (Вдохновение): «сюжет соблазна»

Та же двойственность, о которой уже не раз было сказано, сохраняется и в стихах Надсона о назначении поэта и поэзии. В статье «Заметки по теории поэзии» он уравнивал в правах поэтов, которые исповедовали принцип «искусства для искусства», и поэтов, которые служат «злобе дня», «идеи добра и правды, насущным нуждам и пульсу минуты»¹²⁵. Об этом писали и позднейшие исследователи, дореволюционные, советские и современные; рассмотрены в науке и декларативные стихи Надсона, тема «поэта и поэзии»¹²⁶. Поэтому в данном разделе мы затронем аспект, на который не обращали внимания наши предшественники, а именно рассмотрим те образные воплощения поэтического вдохновения, которые встречаются в произведениях Надсона.

Первый – самый традиционный у всех поэтов XVIII и XIX веков – это Муза. Муза Надсона – это Муза «горя и страданий», которая своими звуками поддерживает «борцов уставших» («Призыв», 1878). Он надевает на нее вместо «венца лаврового» «терн обогранный, терн суровый» («Музе», 1880). Перед Музой он исповедуется, стыдится «за былые грезы» и признается, что погибает и

¹²⁵ Надсон С.Я. Литературные очерки. С. 199–201.

¹²⁶ См.: Царевский А.А. Указ. соч. С. 44–76; Шулятиков В. Указ. соч. С. 8–9; С.Я. Надсон. Сборник журнальных и газетных статей, посвященных памяти поэта, с приложением портрета. СПб., 1887; Бялый Г.А. Указ. соч. С. 38–39; Чаркин В.В. Концепт «Поэт» как способ выражения авторского сознания в лирике С.Я. Надсона // Ученые записки Орловского гос. ун-та. 2012. № 5. С. 279–284.

«не ждет», «не хочет» «спасенья» («Муза, погибаю!.. Глупо и безбожно...», 1881; «Нет, муза, не зови!.. Не увлекай мечтами...», 1884). Уже эти образные воплощения Музы и признания поэта отнюдь не банальны, хотя и отзываются чтением Некрасова. Вслед за своим великим предшественником (у Некрасова это стихотворение «Безвестен я. Я вами не стяжал...») Надсон рисует и образ умершей музы – символ покинувшего его вдохновения и предчувствия скорой смерти («Умерла моя муза!.. Недолго она...», 1885).

Но самый необычный образ богини вдохновения нарисован в стихотворении «Муза» (1883), на что обратил внимание один из критиков – современников Надсона – А. Введенский. Сюжетная ситуация действительно небанальна: автор просит Музу открыть «из-под траурных складок покроя» «черты дорогие». До этого воображение поэта создало облик богини, в котором соединены приметы Музы русских романтиков от Пушкина до Бенедиктова. Однако узнавание оказывается шокирующим, ибо, во-первых, богиня

<...> несмело

Уронила туманный покров свой к ногам,

Обнажая стыдливое тело <...>.

И здесь А. Введенский законно и, кажется, вполне серьёзно недоумевает, «почему муза обнажила стыдливое тело, когда поэт просил только «не таить молодого лица», тем более что «то, что увидел поэт, не восстанавливает стройности образа». Критик находит в этой сцене «эффектность» и «невыдержанность формы», хотя и не может отказать Надсону в «страстной и глубокой искренности»¹²⁷. Отметим со своей стороны, что «порезвиться» с музами были не прочь поэты XVIII века, Державин, например, в стихотворении «К самому себе», но еще Ломоносов заметил, что «музы не такие девки, которых всегда изнасиловать можно. Оне кого хотят, того и любят» (письмо И.И. Шувалову от 10 мая 1753 г.). Несмотря на эротические коннотации сцены, Надсон явно далёк от подобных мыслей. Лишь у модернистов на облик Музы падёт тень тёмного Эроса (ср.: В. Брюсов «Поэт – Музе» (1911), А. Блок «К Музе» (1912)).

¹²⁷ Введенский А. Поэт переходного времени // Дело. 1886. № 5. С. 7-8.

Во-вторых, перед любопытствующим лирическим героем возникает демоническое существо, тем более страшное, что является alter ego самого поэта:

Уронила – и в страхе я прынул назад...
 Воспаленный, завистливый, злобный, –
 Острой сталью в глаза мне сверкнул ее взгляд,
 Взгляд, мерцанью зарницы подобный!..
 Было что-то зловещее в этих очах,
 Отененных вокруг синевою...
 Серебрясь, седина извивалась в кудрях,
 Упадавших на плечи волною;
 На прозрачных щеках нездоровым огнем
 Блеск румянца, бродя, разгорался, –
 И один только голос дышал торжеством
 И над тяжким недугом смеялся... (с. 205).

Как кажется, никто из русских поэтов до Надсона не рисовал *такую* Музу – с чертами вампира и Медузы Горгоны; отдаленно схожие черты можно обнаружить лишь в «облике» Музы Некрасова – «плачущей», «скорбящей», «болящей», «согбенной трудом, убитой кручиной». «Родная дочь музы Некрасова, муза Надсона имеет свои индивидуальные черты <...>. Она более склонна к жалобам, чем к протесту, но зато и менее сурова»¹²⁸, – вряд ли можно полностью согласиться с этими словами С.А. Венгерова.

Кроме Музы, Надсона вдохновляет умершая возлюбленная – образ, также имеющий инфернальное происхождение:

Не я пишу – рукой моею,
 Как встарь, владеешь ты, любя,
 И каждый лживый звук под нею
 В могиле мучил бы тебя... (с. 172).

В стихотворении «В альбом» (1879), навеянном смертью Н.М. Дешевой, появляется «мрачных песен мрачный гений», который владеет «лирой» поэта.

¹²⁸ <http://er3ed.qrz.ru/nadson.htm>

В другом стихотворении – «Из дневника» (1882) – «демон тоски и сомнения» упрекает поэта в том, что он забыл свои «обеты отречения от радостей жизни» и вновь «позорно» мечтает о счастье и любви.

Апофеозом «демонических» мотивов в стихах Надсона о Вдохновении становится образ Мефистофеля из «Песен Мефистофеля» (1886). В его монологе возникает «родословная» поэта – героя стихотворения. Это Байрон («Каин»), Гете («Фауст»), Гейне. Правда, Надсон «забыл» о русских «демонах», вдохновлявших А. Пушкина, М. Лермонтова, А. Подолинского, А. Полежаева, А. Майкова, Н. Щербину и других наших романтиков¹²⁹. С точки зрения современных исследователей, образ демона в творчестве русских поэтов символизирует «то зло, с которым борется поэт в своей душе»¹³⁰. То, что перед героем Надсона зло, сомнений нет:

<...> в глазах его грозой
 Лежали ненависть и злость... (с. 305).

Как и полагается, они заключают сделку: «бесцветные стихи» поэта Мефистофель обещает наполнить «мощью и огнем», соблазняет славой:

Я гений зла, я мрака князь,
 А ты – ты Дон-Кихот добра...
 Но – les extremities se touchent:
 Не бойся ж!.. я тебя не съем,
 Я только в приторную чушь
 Твоих элегий и поэм
 Волью моей печали яд,
 Зажгу их мощью и огнем,
 И о тебе заговорят
 Как о звезде в краю родном!.. (с. 306).

Полагаем все же, что Надсон следует здесь не христианской, святоотеческой, а революционно-демократической (Белинский, Чернышевский) и романтической

¹²⁹ Подробнее см.: Кошемчук Т.А. «Мой демон» в русской лирике: опыт познания внутреннего человека в поэтической антропологии классического периода // Проблемы исторической поэтики. Вып. 8. 2008. С. 275-295.

¹³⁰ Там же. С. 275.

традициям, согласно которым демон – мятежный и гордый дух, воплощение бунта и протеста, отрицания буржуазной действительности.

Итак, Поэт, по Надсону, это прежде всего страдалец. Поэтому и у Музы лавровый венок заменен терновым, поэтому Она и умирает. Сам же поэт – центр, в котором сходятся все скорби и страдания общества. Таким образом, поэзия для Надсона – это «песня горя». Однако он довольно часто отклоняется от своих же деклараций, от требований писать «скорбные» стихи. Надсон умер певцом своих личных чувств, мыслей и впечатлений, умер в тот момент, когда в нем уже назревал поворот от скорбной темы. Если бы этот поворот свершился, русская литература обрела бы совсем другого поэта.

3.4. Сюжет «любви к мертвой возлюбленной» («дешевовский» цикл)

Центром любовной лирики Надсона, несомненно, является «несобренный цикл» автобиографических стихотворений, посвященных рано умершей возлюбленной поэта Наталье Михайловне Дешевой. Как отмечал А. Царевский, «только раз такая (возвышенная. – Л. Б.) любовь осенила душу Надсона, но зато уже во всю жизнь и освещала и согревала эту душу, отрадным маяком блестела поэту на всем его жизненном пути, даже и долго спустя после смерти Н. М. Д.»¹³¹. Атрибутировать ей все любовные стихи Надсона, конечно, невозможно. За исключением десятка ранних стихотворений с посвящением Н. М. Д., никаких указаний на этот счет поэт не оставил, и приметой связанных с ее именем стихотворений является лишь их подчеркнутый автобиографизм («похоронные» мотивы, изображение «портрета» Наташи), очень личные интонации и тема памяти («Да, это было все...», «О любви твоей...», «За что?», «Стряхнув угар...» и др.).

Знакомство Наташи Дешевой и Надсона продолжалось немногим более одного года – с декабря 1877 года по март 1879 г., когда она неожиданно умерла от скоротечной чахотки. На момент знакомства Надсону исполнилось 15 лет, и хотя он рано повзрослел, чувство его вряд ли успело созреть. Об этом есть прямое

---

¹³¹ Царевский А.А. Указ. соч. С. 69.

признание поэта, сделанное через год после смерти Наташи в дневнике: «Какие же, в самом деле, были мои отношения к Наташе?»

Я не был в нее влюблен, но я любил ее так, как и не подозревал, что могу любить. Я любил в ней сестру, любил чистую и безгрешную девушку, любил идеал свой. Я знаю, что другой Наташи я не встречу! (Только сейчас заметил, что я плачу – и мне не стыдно этих слез)...» (10 июня 1880 г.)¹³².

Из дневников Надсона мы узнаем, что до встречи с Наташей Дешевой он был чрезвычайно влюбчив. Возможно, его многочисленные кратковременные влюбленности, а также непростое детство, жизнь в чужой семье способствовали накоплению эмоциональной зрелости и определенного сердечного опыта. Дневниковые записи рисуют человека, *готового* к серьезному и глубокому чувству, но как минимум в ранних стихах, 1879 года, оно предстаёт пока еще экзальтированным, по-юношески сверхэмоциональным, *литературным*.

Первое, кажется, у Надсона любовное стихотворение «Романс» (23 июля 1878 г.) отмечено чтением Пушкина («Я вас любил» – прямое заимствование) и Лермонтова («Я ждал тогда напрасно состраданья» и т. п.) и присутствием общеромантического элегического комплекса мотивов: расставание, ревнивые мечты, жажда свидания, «разбитые желанья». Вот первые две строфы, которым находим параллель в дневниках Надсона:

Я вас любил всей силой первой страсти.

Я верил в вас, я вас боготворил.

Как верный раб, всё иго вашей власти

Без ропота покорно я сносил.

Я ждал тогда напрасно состраданья.

Был холоден и горд ваш чудный взгляд.

В ответ на яд безмолвного страданья

Я слышал смех и колких шуток ряд (с. 60).

¹³² Полное собрание сочинений С.Я. Надсона. Т. 2. Пг., 1917. С. 168.

В прозе (в дневнике) Надсон гораздо менее литературен, хотя и не забывает процитировать Лермонтова (запись от 30 января 1878 года): «Напрасно бросал я на нее вопросительные взгляды: она не видала или не хотела видеть и понимать их значения. Наконец я сам сознал, как были нелепы все мои объяснения, и нехорошо стало у меня па сердце. Я сознал опять себя ничтожным, неумелым, заброшенным, одиноким. В первый раз я полюбил действительно, полюбил так страстно и сильно, как я сам не ожидал, и в первый же раз испытал счастье взаимности; но, Боже мой, как недолго было это счастье! Да и была ли это взаимность? Нет, это просто каприз кокетки, и я стал жертвою, доверчивою, глупою жертвою пустого каприза. Больно мне было это сознание, а между тем все было черезчур очевидно, чтоб я мог продолжать себя обманывать, да и зачем: все равно, ведь все это исчезнет

При слове холодном разсудка,
И жизнь, как посмотришь с холодным вниманьем вокруг,
Такая пустая и глупая шутка!»¹³³

Это известный феномен – наличие психологического и стилистического «зазора» между эго-документом (дневник, письмо) и лирическим высказыванием (стихотворение) на одну и ту же тему. Не случайно подростку Надсону в «подходящей» ситуации на память приходит Лермонтов: и воспроизводить по памяти, и подражать чужим стихам гораздо проще в силу «формульности» лирики, нежели ориентироваться в прозе на чужие переживания и стиль. Проза (особенно автобиографическая), как это ни парадоксально, «обязывает» автора к более личному, индивидуальному самовыражению, к поиску «своих» слов.

Двенадцатилетний подросток может отметить в своём дневнике, что ему «нравятся только хорошенькие», но после встречи с Наташей Дешевой он пишет: «Что я нашёл особенно хорошего в Наташе – не знаю, я не хочу об этом думать, я знаю одно, что всю жизнь свою я готов отдать за неё, и мне довольно

---

¹³³ Полное собрание сочинений С.Я. Надсона. Т. 2. С. 134–135.

этого сознания. Мне дорого всё, что хоть самым отдалённым образом касается её, дорого всё, на что обращает она своё внимание <...>»¹³⁴ (4 февраля 1878 года).

Девушка стала предметом его мыслей, чувств и мечтаний. Приходит осознание того, что его чувство – *настоящее* и что все былые словесные его выражения – *ложь*, «фальшь». 6 февраля 1878 года Надсон записывает в дневнике: «Первое и главное это то, что я принуждён был сознаться самому себе, что я влюблён, и как! Я готов всё отдать за одно слово, за один взгляд Наташи. Боже мой, я сознаю, что всё это глупо, пошло, но что же мне делать? Я знаю одно: я ни разу до этих пор влюблён не был. И все те фразы о любви, которыми пересыпан весь мой дневник – фальшь. Я сам ошибался: я принимал за любовь желание любви, поклонение тому неопределённому, но прекрасному идеалу, который нарисовало мне воображение и чувство. Я отказываюсь от своего прошлого, я весь отдаюсь теперь новому, светлому чувству моей первой любви, всей душой переношусь в заманчивый мир страданий и наслаждения, счастья, упоения, надежды, мечты и ревности»¹³⁵. Заметим, однако, что, отказываясь от прежних своих представлений о любви, сформированных под влиянием романтической литературы («поклонение тому неопределённому, но прекрасному идеалу»), Надсон для описания нового своего чувства пока не может найти иных, не клишированных, т. е. всё тех же романтических, мало того – прямо пришедших из лирики, слов-«сигналов» («всей душой переношусь» etc.). В особенности близок ему Лермонтов. Не встречая ответного чувства на свой «горячий призыв любви», причем не только к Наташе, но ко всему миру, Надсон цитирует «Демона» и подчеркивает именно «литературный» характер своих переживаний: «Что ни говорите, а лучше Лермонтова нет у нас поэта на Руси. Впрочем, я, может быть, думаю и говорю так оттого, что сам сочувствую ему всей душой, что сам переживаю то, что он пережил и великими стихами передал в своих творениях. Не так бы я думал, если б Наташа любила меня!»¹³⁶ (8 февраля 1878 г.).

¹³⁴ Полное собрание сочинений С.Я. Надсона. Т. 2. С. 142.

¹³⁵ Там же.

¹³⁶ Полное собрание сочинений С.Я. Надсона. Т. 2. С. 144.

Причина душевного переворота Надсона была связана не только с чувством к Наташе. Вся семья Дешевых оказала на него огромное благотворное влияние. «... там тепло и хорошо становится наболевшему сердцу», – писал он об их доме. И ещё: «Я вышел от них... с какой-то гордостью и сознанием, что я чего-то стою». Надсон встретил искренне расположенных к нему людей, которые не только с добротой отнеслись к юному поэту, не только поверили в его дарование, но и помогли ему сделать первые шаги в публикации стихов. Именно мать Н.М. Дешевой способствовала появлению первой публикации стихотворения Надсона «На заре» в журнале «Свет». Однако общение с семьей Дешевых продлилось недолго – около полутора лет – до внезапной смерти Наташи 13 марта 1879 года. На следующий день – 14 марта – Надсон написал стихотворение «Над свежей могилой (Памяти Н. М. Д.)»:

Я вновь один – и вновь кругом
 Всё та же ночь и мрак унылый,
 И я в раздумье роковом
 Стою над свежую могилой:
 Чего мне ждать, к чему мне жить,
 К чему бороться и трудиться:
 Мне больше некого любить,
 Мне больше некому молиться!.. (с. 70).

Этим посвящением, собственно, и завершается ряд стихотворений, написанных Надсоном при жизни Наташи Дешевой. Заметим, что к любовной лирике оно имеет не прямое отношение и, скорее, сочетает в себе приметы элегии «на смерть», с ее «поэтикой личной утраты» и установкой на «публичность надгробного слова», и «унылой» элегии¹³⁷.

Следует отметить также, что это стихотворение (его начало и конец) является своего рода переложением тех самых строк из лермонтовского «Демона», которые вспомнились Надсону год назад, 8 февраля 1878 года:

И вновь остался он, надменный,

¹³⁷ См.: Козлов В.И. Русская элегия неканонического периода. С. 27-29.

Один, как прежде, во вселенной,
Без упования и любви!

Подобного рода цитат, «сопровождающих» и «комментирующих» переживания Надсона, в его дневнике немало. Как видим, отделить личное и литературное в любовных стихах, причем не только Надсона, во многих случаях не представляется возможным.

И еще одно – интертекстуальное – наблюдение. Строчка «Мне больше некого любить» неожиданно «проявится» в знаменитом дореволюционном романсе Н.А. фон Риттера и Я.Л. Фельдмана «Ямщик, не гони лошадей...», романсе, в котором без труда опознаются надсоновские интонации, без их гражданского пафоса, конечно.

С этого момента – 14 марта 1879 года – вступает в свои права *память* и начинает создаваться «цикл» *посмертных*, посвященных умершей возлюбленной стихотворений, «цикл-венков», как определяет его О.В. Зырянов. Традиция эта в русской поэзии связана прежде всего с именами В.А. Жуковского и А.С. Пушкина, а из современников Надсона – с А.А. Фетом, хотя и в доромантический период были созданы лирические шедевры этой тематики, например «На смерть Катерины Яковлевны, 1794 году июля 15 дня приключившую» и «Ласточка» (1794) Г.Р. Державина¹³⁸. В XVIII веке было написано и первое стихотворение, в котором развивается, хотя еще условно, сюжетная ситуация «любви к мертвой возлюбленной»¹³⁹ – «Элегия II» («Кто толь бедному подаст помощи мне руку?», 1735) В.К. Тредиаковского.

Вторая тетрадь юношеского дневника Надсона заканчивается скорбной записью: «Я не умер, к несчастью, но она, наше солнышко, наша светлая звездочка, погасла... закатилась... пропала в той темноте, страшной и неразгаданной, которую мы зовем смертью. Господи, упокой ее душу». Далее он добавляет: «У меня есть талант, в этом я, наконец, убедился – и её именем я

¹³⁸ См.: Илюшин А.А. Русское стихосложение. М., 2004. С. 193-198; Зырянов О.В. Ситуация любви к мертвой возлюбленной в русской поэтической традиции // Известия Уральского государственного университета. 2000. № 17. С. 59-60.

¹³⁹ См.: Муравьева О.С. Образ «мертвой возлюбленной» в творчестве Пушкина // Временник Пушкинской комиссии. СПб., 1991. Вып. 24. С. 17-28; Зырянов О.В. Ситуация любви к мертвой возлюбленной в русской поэтической традиции. С. 57-74.

обещаю не допускать ни одного фальшивого и неискреннего звука в моих песнях, ни одного подкупного слова...»¹⁴⁰. Эти два лейтмотива – скорбь по любимой и правда выражаемых в стихах чувств – будут проходить через всю любовную лирику Надсона последующих лет.

Именно Наташе, скрытой за инициалами Н. М. Д., Надсон посвятил свою первую и единственную книгу стихов (четверостишие «Не я пишу – рукой моею...»). Начало создания первой группы стихотворений «лирического контекста» (О. Зырянов), связанного с именем Наташи Дешевой, можно датировать точно: 27 мая 1879 года Надсон пишет стихотворение «Два горя (Отрывок)». Затем, по-видимому, в течение лета–осени 1879 г. он создает не менее восьми стихотворений, посвященных ее памяти («Наедине», «За что?», «Спи спокойно, моя дорогая...», «Где ты? Ты слышишь ли это рыданье...», «Рыдать? – Но в сердце нет рыданий...», «В тине житейских волнений...», «При жизни любила она украшать...», «В альбом»). После этого прямых посвящений «Н. М. Д.» в стихах Надсона почти не встречается, хотя еще несколько стихотворений могут быть отнесены к «дешевовскому» циклу («Тихо замер последний аккорд над толпой...», «Как белым саваном, покрытая снегами...», «Стройный хор то смолкал, то гремел, как орган...» и др.). Жанровый их состав был определен О.В. Зыряновым: «это и традиционная элегия, и драматизированная сцена, и стихотворная новелла»¹⁴¹.

Какие мотивы и образы характерны для этого «цикла»? Сразу скажем, что Надсон отнюдь не идет вослед своим предшественникам – Пушкину, Некрасову, А. Григорьеву, Я. Полонскому, Тютчеву и Фету – в разработке сюжетной ситуации «любви к мертвой возлюбленной». Посвятивший специальную статью данной проблеме О.В. Зырянов, Надсону уделивший лишь небольшой абзац, отмечает, что эталонной для всей русской поэтической традиции следует признать здесь идущую от Пушкина «модель необходимости невозможного». В соответствующих пушкинских стихах выражена мысль «о победе любви над

¹⁴⁰ Полное собрание сочинений С.Я. Надсона. Т. 2. С. 161-162.

¹⁴¹ Зырянов О.В. Указ. соч. С. 71.

смертью», «силой поэтической мечты» Пушкин стремится «воскресить «возлюбленную тень», вызвать к жизни ее милый образ», он хочет видеть и осязать возлюбленную «здесь и сейчас»¹⁴². Надсон, испытывавший серьезные сомнения в вопросах веры, склонялся к отрицанию христианского догмата о воскресении мертвых и скептически был настроен по отношению к возможности встречи с умершей любимой – будь то при его жизни или после его смерти:

«О, если б в свиданье я веровать мог,
 О, если б я знал, что над нами
 Царит справедливый, всевидящий бог
 И нашими правит судьбами! <...>
 Она не проснется... она умерла» <...> (с. 73).

В этом же стихотворении, «Два горя», его возможная встреча с Наташей описывается именно как фантазия («Мне кажется, что небо / Отверзлось для меня...»). В стихотворении «Где ты? Ты слышишь ли это рыданье...» никто не откликается на «стон» поэта: «Нету ответа...». Наконец, в стихотворении «При жизни любила она украшать...» Надсон колеблется в определении того, что ждет человека «за гробом»: «сон вековой» или «мир благодатно прекрасный».

Своеобразно представлен у Надсона мотив «молитвы о деве», встречавшийся ранее в произведениях Ф. Туманского («Благослови, всесильный Боже...»), Н. Языкова («Моей лампы одинокой...»), М. Лермонтова («Я, Матерь Божия, ныне с молитвою...»). В отличие от своих предшественников, Надсон молится не за здравие своей любимой, а за упокой:

<...> Тихо
 Склоняю я пред образом колена
 И за тебя молюсь... Пусть там, за гробом,
 Тебя отрадно окружает всё,
 Чего ждала ты здесь, в угрюмом мире
 Земных страстей, волнений и тревог,
 И не могла дождаться... Спи, родная,

¹⁴² Там же. С. 64, 74.

В сырой земле... (с. 79).

Спи спокойно, моя дорогая:

Только в смерти – желанный покой (с. 84).

А в другом стихотворении прямо признается:

Рыдать? – Но в сердце нет рыданий

Молиться? – Для чего, кому? <...>

Молитва мне не даст забвенья,

Я жду любви, любви земной <...> (с. 86).

С первого же «посмертного» стихотворения о Наташе Дешевой («Два горя») Надсона преследуют картины похорон и образ мертвой возлюбленной:

Улыбка на сжатые губы легла,

Рассыпаны кудри волнами,

Опущены веки, и мрамор чела

Увит полевыми цветами...

Вокруг погребальное пенье звучит,

Вокруг раздаются рыдания,

И только она безмятежно лежит:

Ей чужды тоска и страданья... (с. 72).

Те же мотивы – в стихотворениях «Наедине», «За что?», «Спи спокойно, моя дорогая...».

Даже в позднейшем и отнюдь не любовном стихотворении «По смутным признакам, доступным для немногих...» (о котором мы уже говорили в связи с другой темой) в портрете второй героини явно угадываются черты Наташи Дешевой, когда-то описанные Надсоном в дневнике и прямо, и посредством лермонтовского стихотворения «Как мальчик кудрявый, резва...». Об этом последнем Надсон записал 10 февраля 1878 года: «Это портрет Наташи. Подробнее и яснее охарактеризовать ее – невозможно, это что-то неуловимое, дивное, странное, но в то же время обаятельно-прекрасное»¹⁴³. За месяц до этого, 10 января, Надсон нарисовал в дневнике детальный портрет Наташи: «А личико и

¹⁴³ Полное собрание сочинений С.Я. Надсона. Т. 2. С. 146.

вообще вся ея стройная фигурка были очень привлекательны. Она не высока, но не низка ростом, немного пониже меня. Лицо ея, не круглое, но овальное, поражало своей живостью и прелестным, свежим цветом. Тоненькия брови красиво изогнулись над серыми¹⁴⁴ глазами, опущенными длинными ресницами, нос с чуть-чуть заметным горбиком, который видишь, только присмотревшись к лицу, маленькия, полныя, красныя губы и роскошная русая коса – все это произвело на меня приятное впечатление. На щеках Наташи играл румянец, вызванный морозом, и ослепительно блестели при улыбке два ряда маленьких, белых зубов. Улыбалась она также как-то особенно: улыбка была не только на губах, но точно светом озаряла все черты ея лица и придавала ему еще большую прелесть. Улыбка казалась постоянно лукавою от какой-то неуловимой, особенной манеры язычка, чуть касающегося зубов во время улыбки»¹⁴⁵.

В стихотворном «цикле» мы не встречаем, конечно, подобного целостного портрета; сохранены, однако, почти все составляющие его детали: «лазурные» («ясные», «чудные») глаза, «густые ресницы» / «стрелки ресниц», «яркие губы», «улыбка светлая играет на устах» / «смех звонкий», русая коса / «волны русые кудрей» / «тяжелые косы», горящие румянцем «щечки». Не задействованы оказались только «нос» и «зубы», как самые, по-видимому, «непоэтические» образы.

Эстетизация смерти в образе умершей девушки посредством пластической образности восходит в русской поэзии, вероятно, к стихотворению К.Н. Батюшкова «Когда в страданиях девица отойдет...» из цикла «Подражания древним» (1821). Батюшков на пять лет опередил здесь Пушкина, автора «Как счастлив я, когда могу покинуть...» (1826). Впервые же детализированный портрет умершей возлюбленной находим всё в той же «Элегии II» Третьяковского. В русской романтической лирике эта тенденция осталась почти неразработанной, и Надсон во многом завершил ее, не переступая ту грань,

¹⁴⁴ В записи от 2 мая 1878 г. Надсон пишет о «голубых» глазах Наташи (там же, с. 149).

¹⁴⁵ Там же. С. 128.

которая отделяла его от декадентских решений темы «любви к мертвой возлюбленной»¹⁴⁶.

Закономерным в этом контексте стало появление в «цикле» мотивного ряда, связанного с духовидением, явлением духа/призрака возлюбленной. Вполне традиционный, встречающийся у того же Пушкина¹⁴⁷, этот образ представлен у Надсона двояко: и как плод поэтического воображения («В альбом», 1879):

Когда в минуты вдохновенья
Твой светлый образ предо мной
Встает, как чудное виденье,
Как сон, навеянный мечтой <...> (с. 88), –

и как явь. В стихотворении «В тине житейских волнений...», например, описан сам момент призывания любимой, ее явление и утешающая «речь»:

Где ты? Откликнись, родная!
И на призыв мой больной
Ты, как бывало, живая
Тихо встаешь предо мной (с. 87).

Надсон не мог смириться со смертью любимой, иногда ему казалось, что он видит ее и разговаривает с ней. В дневнике (запись от 10 июня 1880 г.) он говорит о сумасшествии, об обострившихся до предела нервах, о желании самоубийства, о явлении к нему теней, о спиритизме. Мать Наташи, Софья Степановна, устраивала после смерти дочери спиритические сеансы, вызывая ее дух, и, желая обидеть не верящего ей Надсона, говорила, что Наташа не хочет к нему являться¹⁴⁸. Чувства его достигают своей кульминации: «<...> обстоятельство, окончательно добивающее меня – это скорбь по Наташе, скорбь жгучая, безумная, безконечная. Я не могу поверить, чтоб она умерла – я нередко жду ее целыя ночи напролет, обманываю себя, говорю себе, что она пришла, разговариваю с ней и разстраиваю нервы до почти нечеловеческой чуткости...»¹⁴⁹.

¹⁴⁶ См., например, цикл «Danses Macabres» из книги «Будем как Солнце» (1903) К.Д. Бальмонта.

¹⁴⁷ См.: Муравьева О.С. Образ «мертвой возлюбленной» в творчестве Пушкина.

¹⁴⁸ Полное собрание сочинений С.Я. Надсона. Т. 2. С. 164-166, 169.

¹⁴⁹ Полное собрание сочинений С.Я. Надсона. Т. 2. С. 166.

Начиная с этого, 1780 года, Надсон всё реже и реже обращается к образу Наташи Дешевой; ее место в его стихах и в жизни занимают другие женщины. И только случайные «встречи» с прошлым вновь поднимают бурю в его сердце:

«30 сентября 1882 г. Сейчас я разобрал мои старые дневники, – и снова дрогнуло мое сердце, снова встал предо мною образ Наташи и повеяло прошлым. Господи, что ж это? Все святое уходит, – остается одна проза, одна скука жизни. Сливаешься с толпой, идеал бледнеет, перестает быть необходимым, как воздух, становится чем-то отдельным от жизни, каким-то миражем... А в прошлом – какая святая мгновенья, какая святая любовь! Наташа, Наташа, если б я мог кровью сердца написать тебе этот возглас, я бы написал: приди и спасай! Все струны души зовут к тебе, о, моя дорогая!.. Где ты, где ты? слышишь ли ты меня? К чему любовь?.. Любить кости, труп, съеденный червями? О, жизнь, насмешка над человеком!»¹⁵⁰.

Своеобразным переложением этих мыслей и одновременно прощанием с ушедшей возлюбленной можно считать стихотворение «Для отдыха от бурь и тяжких испытаний...» (1882), нетипичное на фоне рассматриваемой традиции, утверждающей власть любви и памяти над смертью и забвением. В нём звучит боль, боль от того, что «безжалостные годы» стёрли «образ дорогой», что жизнь «затушевала» «прекрасные черты, любимые когда-то». Надсон с горечью говорит о «развоплощении» облика любимой, о том, что забываются даже ее «взор» и «голос», но пока еще помнятся чувства и переживания, с ними связанные («ласки» и «смысл речей»). Совершенно безотрадно звучат строки:

Напрасно с временем боролся я любовью,
 Напрасно от небес я чуда ожидал
 И в ночи жгучих слез, прильнувши к изголовью,
 Тебя, угасшую, из гроба призывал!..
 Ты не пришла... (с. 180).

Но как когда-то в пушкинском «Я помню чудное мгновенье...», идеал противостоит «закону судьбы» и вновь возрождается:

---

¹⁵⁰ Там же. С. 185-186.

<...> Но полное забвенье
 Мне было не дано, и каждый новый день
 Вновь призывал к тебе мое воображенье
 И вновь будил тебя, возлюбленная тень! (с. 180).

Надсон словно вспоминает обещание Наташе в посвящении к своему поэтическому сборнику, и его праведное «негодование ко лжи, торгашеству и пошлости людей» делает ее облик «прекрасней и светлей».

Последний «всплеск» печальных воспоминаний о «былых годах», «любви пережитой» обнаруживаем в стихотворении 1885 года «Всё та же мысль, всё те же порыванья...» и в письме, написанном 29 августа 1886 г. некой корреспондентке по имени Люба: «<...> Несмотря на то, что со смерти ее прошло уже немало лет, меня и теперь глубоко волнует мысль о ней. <...> Знайте только, что Наташа для меня и теперь остается живым существом, лучшим и дорогим другом, с которым я мысленно советуясь во всех трудных случаях жизни и достойным которого стараюсь быть»¹⁵¹.

В целом стихотворения Надсона, посвященные Наташе Дешевой, можно отнести к проявлению «духовного некрофильства». В статье на данную тему «Некрофильские этюды» А.А. Илюшин пишет: «Облагороженность чисто духовного некрофильства проявляется в его беспримерном бескорыстии. Любя живых, мы чаще всего имеем возможность воспользоваться их взаимностью. А от мертвых таковой дождешься ли?.. Тут свои особые ценности, в системе которых глубочайший и трагический смысл обретает верность. Аксиологически она опять-таки выше, чем, например, обоюдная верность живых любовников, которые зациклены друг на друге, довольны друг другом и никто им больше не желанен. Другое дело верность мертвецу: она героична и аскетична, она есть подвиг отшельничества, одинокого затворничества. Неизменная привязанность к живым не расширяет наших горизонтов и кругозоров; неизменная привязанность к мертвым приоткрывает нам таинственный потусторонний мир»¹⁵².

¹⁵¹ Полное собрание сочинений С.Я. Надсона. Т. 2. С. 563-564.

¹⁵² <http://kassandrion.narod.ru/commentary/07/5ili1.htm>

«Потусторонний мир» Надсону, пожалуй, не приоткрылся. Его стихи об умершей возлюбленной – это рассказ о мучительных переживаниях от потери «чистого идеала» и надежды на «земную» любовь, в них нарисован светлый образ любимой, рассказано о недолгой радости общения с ней.

Феномен любовной лирики Надсона в том, что лейтмотивом ее становится ярко выраженный мотив «целомудрия». Свое отношение к любви поэт афористично декларировал в стихотворении «Только утро любви хорошо: хороши...» (1883). Надсон отрицает такие составляющие «идеальной» любви, как страсть, бытовые отношения и вообще любой физический контакт, даже поцелуй. В его стихах с большой психологической тонкостью и достоверностью раскрываются впервые пробудившиеся чувства.

В ряде его произведений любовной тематики плоть противопоставлена духу. В связке «плоть»–«дух» плоть чаще всего носитель греховного и разрушительного начала. Женщина в любовной лирике Надсона превращается в символ – «сестру души», а любовь – в стремление к идеалу. Целомудрие Надсона – это утверждение, что нет ничего среднего между плотью и «идеальной любовью». Создавая спиритуализованный образ любви, Надсон и сам стал символом своего времени, «Дон-Кихотом добра», как он сам себя называл.

В «дешевовском» цикле, несмотря на его субъективность, современники находили отклик своим настроением. Их покорила задушевность и пронзительность чувств, в личной трагедии поэта они увидели общественное – потерю соратника в жизненной борьбе. В целом же любовная лирика Надсона оказалась созвучна думам и настроениям молодёжи 1880-х гг. тем, что в ней выражалось отвращение к косности и рутине мещанской среды («Нет, легче мне думать, что ты умерла...»). В некоторых его интимно-лирических стихотворениях отчетливо звучат гражданские мотивы, личное счастье в его понимании связано с общественным благом, поэт зовёт свою подругу на путь служения народу («Не весь я твой – меня зовут...», «Ты дитя – жизнь ещё не успела...», «Нет, я лгать не хочу – не случайно тебя...»). Любовная лирика позднего Надсона осложнена политической настроенностью и напряженностью, тревогами и сомнениями.

Нередко развитие лирического сюжета реализуется как борьба общественного долга и любовной страсти. Лексика интимного чувства противостоит лексике революционной поэзии, интонация напевная сменяется ораторской.

Любовная лирика зрелого периода несет в себе и отголосок новой непростой жизненной ситуации, в которой поэт оказался с Марией Валентиновной Ватсон – она полтора года провела с ним, сопровождая его на лечение за границу и в Крым. Она боготворила поэта и была верна его памяти до конца своих дней. В стихах Надсона этого времени (вторая половина 1885 – 1886 гг.) появляется мотив мучительного сомнения в возможности взаимной любви и вообще личного счастья. Для поэта это равносильно предательству своих же идеалов. Усиливаются рефлексия и настроение трагической безысходности («Я пришел к тебе с открытою душою...»). Поэт приносит любимой сокровища своей души, исповедуется перед ней в самых святых помыслах, страстно умоляет ее быть «сестрою, радостью и другом», но она видит в его признании только «ложь и лицемерие». Очевидно, что любовная лирика Надсона выходила к каким-то новым рубежам... но в памяти ближайших поколений он остался певцом нераскрывшейся, до срока ушедшей любви...

3.5. Тема природы: образные оппозиции

Как и любовная лирика, пейзажные стихи Надсона соединяют в себе личное, автобиографическое и условно-литературное начала. Это единство проявляет себя, в частности, в образно-тематических, пространственно-временных оппозициях, которыми можно описать художественный мир его стихотворений о природе.

В силу жизненных обстоятельств Надсон несколько раз менял место жительства; родился он в Петербурге, в детстве несколько лет жил в Киеве; с 1872 года стал постоянно проживать в Петербурге; зиму и лето 1880 г. проводит в Тифлисе; с 1882 живет в Кронштадте; с 1884 года в целях поправления здоровья путешествует и лечится в Европе (Германия, Швейцария, Италия, Франция), Киевской губернии, Подольской губернии, Ялте (где и умирает). В одном из

писем 1885 года Надсон сравнивает себя с «вечным жидом», который из «гигиенических соображений» «шляется по белу свету»¹⁵³, а в позднейшем, 1886 года стихотворении пишет:

Не странно ли?.. Любить спокойный уголок,
Туманы севера и плач его метели,
Заветный труд, друзей сплотившийся кружок, –
И вечно странствовать без отдыха и цели,
И вечно чувствовать, что всюду ты чужой,
Что нету у тебя ни очага, ни крова... (с. 302).

Таким образом, «противостояние» северных и южных широт оказывается предзадано Надсону-поэту. «Север» устойчиво соотносится в его сознании с Россией, родиной и Петербургом, а «Юг» – с Кавказом, Францией (Ницца), Украиной и Крымом.

Оппозиция Север – Юг

Образ Петербурга, а именно он оказывается центром «северных» пейзажей Надсона, предсказуемо двойствен, что связано как с личными обстоятельствами, так и с исторической традицией восприятия «северной столицы», так называемым «Петербургским текстом» русской культуры¹⁵⁴.

С одной стороны, наиболее устойчивым эпитетом к словам «Петербург» и «столица» в стихах Надсона является «душный» – одно из слов-сигналов «Петербургского текста»¹⁵⁵ («На мызе Куза муза мызы...», «По душевной улице столицы раскаленной...», «Довольно я кипел безумной суетою...», «Прощай, туманная столица!»); с городом на Неве у Надсона связано также представление о *суете* и *шуме* («Наедине», «В саду, куда люблю спастись я порой...», «В глуши», «В открытое окно широкими снопами...», «Печальна и бледна вернулась ты домой...»).

С другой стороны, образ Петербурга не лишен красоты и очарования, и хотя о Петре I Надсон, в отличие от Пушкина, уже не вспоминает, но именно

¹⁵³ Полное собрание сочинений С.Я. Надсона. Т. 2. С. 522.

¹⁵⁴ См.: Топоров В.Н. Петербургский текст русской литературы. СПб., 2003. 616 с.

¹⁵⁵ Там же. С. 60.

пушкинские интонации и образы «Медного Всадника» угадываются, например, в полном любви к столице стихотворении «Бледнеет летний день... Над пышною Невою...» (1885)¹⁵⁶:

Бледнеет летний день... Над *пышною* Невою,
 Вдоль строгой линии *гранитных берегов*
 Еще освещены янтарною зарею
 Немые мраморы покинутых *дворцов*.
 Но уж *сады* полны прохладой и тенями,
 И к зыбкой *пристани*, по синей глади *вод*,
 Как сказочный дракон, сверкающий глазами,
 С огнями вдоль бортов причалил пароход.
 Я этот час *люблю*. В столице опустелой
 Есть грусть какая-то в такие вечера (с. 374)

(курсив наш. – Л. Б.).

Здесь на первый план выдвинут позитивный полюс того «синтеза природы и культуры», который, по В.Н. Топорову, составляет важную особенность Петербурга как города и его восприятия¹⁵⁷. Не только совместить эти два полюса, но и преодолеть противоречия внутри каждого Надсон сумел в стихотворении «Дитя столицы, с юных дней...» (1884). Полюбить столицу во всех ее проявлениях – пространственно-архитектурных, климатически-метеорологических, в целом – природно-культурных помогает ему фантазия, поэтическое воображение:

Он научился находить
 Везде поэзию – в туманах,
 В дождях, не устающих лить etc. (с. 233).

В стихотворениях же о «Юге» не нужно ничего примирять, оправдывать, жалеть – южная природа не требует никаких оправданий, она – воплощение экзотической красоты для «северянина». Так, лирический герой стихотворения

¹⁵⁶ Ср. выделенное курсивом. Пушкинской же является рифма «громады – лампы» из «Ночь медленно плывет... Пора б и отдохнуть...» (1883).

¹⁵⁷ Топоров В.Н. Петербургский текст русской литературы. С. 35-36.

«Да, хороши они, кавказские вершины...» (1880) признаёт необычную красоту кавказских гор, они становятся для него символом вечности («Они стоят в своем раздумье вековом...»), противостоят суетному миру людей, вовлеченных в «водоворот борьбы, страданий и страстей»¹⁵⁸. Совершенно тот же ход мысли находим в письме Надсона сестре: «<...> Твой почтенный братец то и дело лазает по горам и взбирается на страшныя крутизны, отыскивая прекрасные виды — и виды действительно стоят того, чтобы на них любоваться без конца: какая-то глубоко-могучая и бесконечно-суровая мысль залегла в седых горах Кавказа. Так вот и кажется, что сдвинутся они, эти суровые великаны, и раздавят дерзкого червяка-человека, решившагося взобраться на их крутые хребты. А как чудно-хорошо стоять на их вышине, на краю обрыва, и глядеть на лежащий под ногами город с его хлопотливой муравьиной жизнью и движением! Как отраднo, как вольно дышится горным воздухом! Но всего этого не передать в письме. <...>»¹⁵⁹.

Для лирического героя «Север» ассоциируется, однако, не с Петербургом, а с родиной, воплощением которой становится неброский среднерусский пейзаж:

<...> где так грустна родная мне картина,
Где ветви бледных ив склонились над прудом.
Где к гибкому плетню приникнула рябина,
Где утро обдает осенним холодком...
И часто предо мной встают под небом Юга,
В венце страдальческой и кроткой красоты,
Родного Севера – покинутого друга –
Больные, грустные, но милые черты (с. 107).

Интонационно и стилистически здесь слышатся и Пушкин, и Лермонтов, и Некрасов, однако у Надсона образ Родины довольно абстрактен и не соотносится с образом русской деревни – центральным в развиваемой им традиции. Мы уже отмечали, что крестьянская, а значит, деревенская тема осталась на периферии интересов поэта и, скорее, сливалась с темой/образом провинции, воплощением

---

¹⁵⁸ Близкие мотивы – в позднейших стихотворениях «Шипя, взвилась змеей сигнальная ракета...» (1885), «У океана» (1886).

¹⁵⁹ Полное собрание сочинений С.Я. Надсона. Т. 2. С. 455-456.

которой стала, в частности, Украина («Отрывок. Из письма к М.В. Ватсон», 1885; «Прощай, туманная столица!..», 1885). Даже стихотворение с заглавием «В деревне» (1884) к деревне отношения не имеет и посвящено проблеме «отцов и детей»; деревня же здесь представлена как «locus amoenus»¹⁶⁰:

Черемуха в цвету, сирень уж отцвела.
И тишь и сон вокруг; не прожужжит пчела,
Не шевельнется лист, – всё мирно отдыхает,
Всё нежится в волнах душистого тепла
И звездной ночи ждет и день благословляет! (с. 248).

Одно из немногих стихотворений Надсона, где говорится о русской деревне, причём в контексте «Юг/заграница vs. Север/родина», – «Кипит веселье карнавала!» (1885). Оказавшись участником карнавала «Битва цветов», автобиографический герой отвлечен некой «смуглянкой» от своих воспоминаний, «больной мысли»:

Я был на родине печальной,
Под снежным дремлющей ковром;
И видел я в деревне дальней
Знакомый пруд, забытый дом,
В саду под инеем березы,
Двора разрушенный забор...
А здесь – здесь солнце, зелень, розы
И моря ласковый простор (с. 260).

Отметим здесь интонацию ностальгии, которая появляется в «заграничных» стихах поэта и которая в письме к сестре, где описывается *Bataille des fleurs*, отсутствует, как и вся «поэтическая» сцена со «смуглянкой»¹⁶¹. Связанные с необходимостью лечения и в то же время отнимающие силы, путешествия по Европе то вдохновляли Надсона, то приводили его в уныние, особенно если

¹⁶⁰ «Блаженный/восхитительный уголок», «идеальное место», безопасное и комфортное. Топос описан Э.Р. Курциусом в его книге *European Literature and the Latin Middle Ages* (1953). См. также: Жаплова Т.М. Усадебная поэзия в русской литературе XIX – начала XX веков: АДД. Оренбург, 2007. 39 с.

¹⁶¹ Полное собрание сочинений С.Я. Надсона. Т. 2. С. 520.

погода была холодной и дождливой¹⁶² или лечение не достигало цели. Средиземное море сначала поражает его своей красотой; его описания в стихотворении «У моря» (1885) отсылают к Жуковскому и Пушкину, к темам свободы и загадочной жизни стихии. Для жителя севера оно, кроме того, имело привлекательность новизны:

Сын края метелей, туманов и вьюг,
Сын хмурой и бледной природы,
Как пылко, как жадно я рвался на юг,
К вам, мерно шумящие воды!.. (с. 258).

В стихотворениях «На юг, говорили друзья мне, на юг...» (1885), «Лазурное утро я встретил в горах...» (1885) Надсон отдаёт дань «чистому искусству», в первом – с восторгом описывая окружающие его «красы», «теплое море», «синюю даль», «зеленые сады», «лазурное утро»; во втором, предвещая «поэзы» Игоря Северянина, с изысканностью, утончённостью и некоторой манерностью, в шестистишиях аабввб с чередованием 4-х и 2-стопного амфибрахия, любитесь роскошью природы Ниццы:

Над морем раскинулась зелень садов:
Тут пальмы качались, там в иглах шипов
Желтели алоэ,
И облаком цвета дымился миндаль,
И плющ колыхал, как узорная шаль,
Шитье кружевное.

И в рощах лимонов и пыльных оливок,
По склонам холмов, обступивших залив
Зубчатой стеною,
Белели роскошные виллы кругом,
И били фонтаны живым серебром,

---

¹⁶² «Пишу вам в ужаснейший день, наводящий на душу шемящую хандру. Если у вас на севере становится грустно, когда небо в тучах и дождь бьется в окна, в Ницце такая погода просто невыносима» (Полное собрание сочинений С.Я. Надсона. Т. 2. С. 523).

Алмазной струей.

И, нежась в потоках рассветных лучей,
 Горели на зелени темных ветвей
 Шары апельсинов,
 И сладко дышал пробужденный жасмин,
 И розы алели, блестя, как рубин,
 Как сотни рубинов!..

И каплями чистых, сверкающих слез
 Роса серебрилась на венчиках роз,
 В цветах бальзаминов... (с. 283).

Пластическая образность, буйство красок, звукопись и, повторимся, несколько манерные метафоры («И сладко дышал пробужденный жасмин») призваны в данном случае воссоздать творческую мощь природы и абсолютную гармонию между «природным» и «культурным», отсутствующую на «Севере». В письмах из Ниццы и Ментоны Надсон говорит о своём «обжорстве природой»¹⁶³, о её «изумительной» «жизненной силе»¹⁶⁴.

Но есть у Надсона и другое «южное» стихотворение, которое можно отнести к антологическим и в котором та же пластическая образность и теперь уже скупые и даже повторяющиеся эпитеты способствуют созданию не экзотического пейзажа, а изображению «вечной» античности, красоты, словно застывшей во времени на два тысячелетия. Загадкой является то, почему сам Надсон считал «Жалко стройных кипарисов...» (1885) «отчаянным блином комом» и поэтической шуткой (с. 456). Можем лишь предположить, что инерция восприятия – ритмическая (привычка к ямба) и интонационная (обыкновение всегда и везде выражать скорбь) – не позволила поэту всерьёз отнестись к своим 4-стопным хореем, да еще и в стихотворении «на случай».

¹⁶³ Полное собрание сочинений С.Я. Надсона. Т. 2. С. 505.

¹⁶⁴ Там же. С. 528.

Наряду с «обжорством природой» мы встречаем у Надсона и те самые «ностальгические» пейзажные стихи, в которых «красота этой чудной природы» парадоксально оборачивается ощущением несвободы, чуждости русской душе этой прекрасной «ночи на чужбине»:

И, как узник в тюрьме жаждет света и жаждет свободы,
Так я жажду отчизны, отчизны моей дорогой! (с. 257).

Несколько раз в письмах из Ниццы встречаются у Надсона жалобы на одиночество и тоска по России: «Лучше погибать в России, чем жить здесь», «Я не могу жить один, вдалеке от России и долго ждать перемены моего настоящего положения тоже не могу: я заложу или продам часы и все из вещей, что можно продать, и уеду назад!» (письмо М.В. Ватсон от 5 января 1885 года)¹⁶⁵. Из-под Киева он пишет своей корреспондентке: «В начале сентября уезжаю в Крым; доктор усиленно гнал меня за границу, но я наотрез отказался: вне России я ужасно скучаю»¹⁶⁶.

Необычно стихотворение «Я пригляделся к ней, к нарядной красоте...» (1885). Оно не столько о том, что к чуждой, экзотической красоте быстро привыкаешь, сколько о том, что какой бы природа ни была – «нарядной» или неброской, нерусской или русской – суть ее остаётся одна. Надсон, безусловно, развивает здесь натурфилософскую линию в русской поэзии, прежде всего традицию Ф.И. Тютчева с его представлением о тождестве духовных процессов в природной и человеческой жизни («Не то, что мните вы, природа...» и др.). Ср. у Надсона:

Но чуть в груди моей замолкло восхищенье, –
Природы снова стал понятен мне язык,
И снова жизни в ней услышал я биенье.
Я не спешу теперь разглядывать ее,
Как незнакомую красавицу при встрече,
Но, словно друг, в ее вникаю бытие

¹⁶⁵ Там же. С. 516.

¹⁶⁶ Там же. С. 563.

И слушаю давно знакомые мне речи –
 Те речи, что слышал на родине моей,
 Когда один, с ружьем, бывало, в полдень мгlistый
 Бродил в болотах я, терялся средь полей
 Иль лесом проходил по просеке тенистой (с. 265).

Философскую основу имеет и другая группа надсоновских стихотворений о природе, а именно тех, которые можно назвать «ночными».

«Ночная» поэзия (оппозиция День – Ночь)

«Ночная» тема имеет в европейской и русской поэзии более чем двухвековую историю; «ночные» стихи Надсона и поэтов его времени завершают собой соответствующую романтическую традицию (неоромантизм) и характеризуются разработкой темы «ночного состояния человека»¹⁶⁷. Специально исследовавшая русскую «ночную» поэзию Л.Н. Тихомирова считает, что «основу художественной онтологии «ночной» поэзии составляет *ситуация* напряженного размышления над сложными (зачастую предельными) вопросами бытия, встроенная в ночной хронотоп»¹⁶⁸. Сутью ночной медитации является «переход души в новое метафизическое состояние», а так называемый «код ночи» связан с семантикой тишины и темноты. «Тишина (безмолвие) и темнота (неполный свет) открывают душе человека доступ в пространство трансцендентного»¹⁶⁹.

«Ночная» поэзия Надсона имеет также прямое отношение к «петербургскому тексту» русской литературы, где жизнь мысли и чувства приходится именно на ночь. Вот как об этом пишет В.Н. Топоров: «Но бодрость духовная, живость мысли, жар мечтаний, переходящих в горячечные грезы, – это по ночам, после того как физическая бодрость уже ушла, и высвобождающая от дремоты рефлексия ума, как бы переняв эстафету бодрости, начинает раскручивать обороты, пока глубокой ночью она не выводит мысль близко к предельным для нее возможностям, где она сама уже не гарантирована от рискованных ходов и

¹⁶⁷ См.: Тихомирова Л.Н. «Ночная» поэзия в русской романтической традиции: генезис, онтология, поэтика: АКД. Екатеринбург, 2010. 23 с.

¹⁶⁸ Там же. С. 11.

¹⁶⁹ Там же.

перехлестов, которых поутру приходится стыдиться»¹⁷⁰. И далее ученый указывает на «Белые ночи» Достоевского и «Русские ночи» Одоевского, к которым восходит вся «традиция петербургских ночей и вечеров».

Творчество Надсона и начинается именно с «вечерних» («На заре») и «ночных» («Кругом легли ночные тени...», «Ночью») стихотворений. Однако это не чисто пейзажные, а «пейзажно-социальные» стихи (о них мы скажем подробнее в следующем разделе, посвященном традициям Надсона у пролетарских поэтов). Здесь же отметим, во-первых, что Надсон использует традиционные слова-сигналы, характерные для «ночной» поэзии: «небо», «река» или «пруд» (т. е. водная поверхность), «звёзды». Однако они, во-вторых, пока еще не являются знаками внутреннего, ментального состояния лирического героя; оно – именно «ночное», «состояние неуспокоенности, эмоциональной несбалансированности, нестабильности душевного равновесия»¹⁷¹, тогда как рисуемая картина природы – подчеркнута гармоничная, идеально красивая. Явно восходящие к «ночной» поэзии А.А. Фета с ее музыкальностью, экстатичностью, топикой, пейзажи раннего Надсона лишены, однако, фетовской импрессионистичности, сочетания «высокой» лексики с предметно-бытовой детализацией и иных форм передачи «невыразимого», трудноуловимого «ночного» душевного состояния. В этом смысле Надсон почти всегда оставался очень рациональным, хотя ему и удавалось имитировать фетовскую стилистическую манеру.

Характерно стихотворение «Заря лениво догорает...» (1880). И его стиль, и композиция, и образность, и интонации очевидно связаны с фетовскими стихотворениями (например, «Какая ночь! Как воздух чист...», «Какая ночь! На всем какая нега!»). Те же, как у Фета, движение темы – от восхищения красотой ночи к «желанью счастья и любви» – и, соответственно, двухчастная композиция. Те же напевность, музыкальность, создаваемые 4-стопным ямбом с пиррихией на третьей стопе, аллитерациями на «с/з» («Село беззвучно засыпает») и «л» («В

¹⁷⁰ Топоров В.Н. Указ. соч. С. 49.

¹⁷¹ Тихомирова Л.Н. «Ночная» поэзия в русской романтической традиции... С. 12.

глубокой мгле безмолвно спят»). Та же пунктуация: запятые, точки с запятыми, многоточия, восклицания – и ни одной точки. А также: противопоставление света и тьмы; обилие эпитетов («в ночи голубой», «в глубокой мгле», «изумрудные поляны», «с отрадой жадной», «в капризных странных очертаньях»); олицетворений («заря лениво догорает», «село засыпает»; «песня, замирая, звучит»; «ручеек, играя, бежит»; «поляны спят»). Нет, однако, фетовского «томления» и недосказанности, нарочитой непроясненности ситуации, некоего скрытого надрыва и драматичности.

Со временем, однако, элемент драматичности в «ночных» стихах Надсона нарастает. Как и Фет, Надсон нередко развивает одни и те же мотивы, например, *ночного пения над рекой*. Данная сюжетная ситуация представлена, в частности, в стихотворениях «Блещут струйки золотые...» (1878), «Сейчас только песни звучали...» (1880), «В лунную ночь» (1885) и др. Первое – изящная описательная миниатюра, в которой лишь намечено противопоставление «песен удалых» и царящего кругом «молчанья». Во втором появляется мотив ночного сна природы и вводится ищущий одиночества лирический герой, противопоставленный «беспечным гостям». Оба стихотворения состоят из трёх четверостиший, не разделенных на строфы, с рифмовкой АБАБ, однако песенному, «беззаботному» 4-стопному хорею раннего стихотворения противопоставлен в позднем «балладный», более «таинственный» 3-стопный амфибрахий¹⁷². Третье стихотворение написано редким у Надсона «повествовательным» и монотонным 4-стопным анапестом с мужскими окончаниями. В ритме его чувствуется, однако, затаённая напряженность. На сюжетном уровне ей соответствуют общая непроясненная ситуация и странная развязка: некие «чудные девы» «в белых нарядах и в ярких цветах» плывут на лодках и торжественно поют то ли гимн, то ли молитву:

Вдруг согласный напев оборвался и стих,
В светлых взглядах певиц отразился испуг,
И замолкли созвучия струн золотых,

¹⁷² Гаспаров М.Л. Очерки истории русского стиха. Метрика. Ритмика. Рифма. Строфика. М., 2000. С. 69, 180.

И упали послушные весла из рук (с. 372).

В более раннем стихотворении «Мы выплыли в полосу лунного света...» (1884) подчеркнута именно сказочность происходящего. Нигде, однако, Надсон не переходит грань, отделяющую явь от инобытия.

Первым по-настоящему «ночным» стихотворением Надсона можно считать «Пусть стонет мрачный лес при шуме непогоды...» (1879). Здесь есть именно «слияние» ночной природы с «ночным» – неустойчивым, несбалансированным – состоянием человеческой души, в сущности, «пейзаж души», отсылающий, на наш взгляд, к поэзии Ф.И. Тютчева:

Пусть стонет мрачный лес при шуме непогоды,
 Пусть в берег бьет река мятежною волной,
 С ночными звуками бушующей природы
 Сливаюсь я моей истерзанной душой.
 Я не один теперь – суровые страданья
 Со мною делит ночь, могучий друг и брат.
 В рыданиях ее – звучат мои рыданья,
 В борьбе ее – мои проклятия кипят (с. 98).

«Дружба» ночи и человека не открывает, тем не менее, человеческой душе выход в трансцендентное. Для Надсона, «неверующего народника», как его определял Е. Соловьев (Андреевич)¹⁷³, хотя и склонного к мистицизму, прорыв к иррациональному в природе, к «Хаосу» (Тютчев), к тютчевскому же «первобытному страху», а тем более слияние с Богом были малодоступны. Опыт общения с «иным» миром, как мы видели в любовной лирике Надсона, у него был, но, по-видимому, не стал или не успел стать *личным духовным* опытом.

Это хорошо видно на примере стихотворения «Пугая мысль мою томящей тишиною...» (1883). Казалось бы, сознание («мысль») лирического героя оказывается один на один со страшящей его стихией, готовой подавить его индивидуальность или ставящей его в ситуацию вселенского одиночества, как то

¹⁷³ Соловьев (Андреевич) Е. Очерки из истории русской литературы XIX века. СПб., 1907. С. 427.

произошло с героями стихотворений Фета («На стоге сена ночью южной...») и Тютчева («Бессонница»):

Пугая мысль мою томящей тишиною,
Из глубины аллей, мучительно душна,
Она идет, идет, овладевая мною,
Ночь злобы и тоски, глухая ночь без сна (с. 221).

Однако никакой «ночной мифологии», раскрытия человеческой души в область подсознательного, иррациональных страхов и т. п. здесь нет. Перед нами всего лишь сиюминутное состояние героя, резко меняющееся при созерцании им прекрасной картины ночной природы, абсолютного покоя, разлитого в ней.

Один из страхов Надсона – страх смерти – вообще является первичным в европейской (Э. Юнг) и русской (Державин, Бобров, Каменев) «ночной» поэзии. Особенно примечательно здесь стихотворение «Последняя ночь... Не увижу я больше рассвета...» (1884). Разностопные трёхсложники с переменной анакрусой звучат торжественно и в то же время прозаично; в лексике стихотворения наблюдаем сочетание прозаизмов («свист пароходов», «мускулы дряблого тела») и «высоких» поэтизмов («И безмолвная смерть осенит меня черным крылом»). Всё это отвечает сложной поэтической задаче Надсона: представить смерть и как физическое умирание, и как сакральный акт.

Но чаще ночной страх надсоновского героя не находит соответствия в предшествующей традиции и объясним современным конкретно-историческим и личностно-психологическим контекстами:

Сегодняшняя ночь одна из тех ночей,
Которых я боюсь и робко избегаю.
От них, как от врагов, я в комнате моей
Сурово ставни закрываю.
Я, как беды, страшусь, что темный этот сад
Повеет на меня прохладой благодатной,
Что бедный угол мой наполнит аромат
И грудь стеснится вновь тоскою непонятной!.. (с. 213).

Можем предположить, что страх поэта – это почти экзистенциальный страх перед жизнью и чувственными ее соблазнами. Вариации этого автобиографического мотива, вплоть до прямо противоположных, пронизывают всю лирику Надсона. Нередко они связаны с общей оппозицией «День vs. Ночь».

Так, почти повторяя название тютчевского стихотворения «День и ночь», Надсон в стихотворении «Ночь и день» (1883) наполняет эти два понятия иным смыслом. «Мифологии ночи» Тютчева, двум описанным им состояниям сознания («ночное», иррациональное и «дневное», рациональное)¹⁷⁴ он противопоставляет социальную психологию: скорбь, «голос черных дум» и счастье, «блаженство бытия».

Психология «лишнего человека», разночинного интеллигента, ведущего тяжелую трудовую жизнь, представлена в стихотворениях «В открытое окно широкими снопами...» (1882), «Долго в ясную ночь я по саду бродил...» (1883), «Ночь медленно плывет... Пора б и отдохнуть...» (1883), «Сегодня как-то я особенно устал...» (1883) и др. Ночь в них – всего лишь повод для воспоминаний о «больном прошлом», тяжелом детстве, размышлений об одиночестве среди друзей и врагов и т. д.

По приведенным уже текстам можно заметить наличие в «ночных» стихотворениях Надсона часто повторяющейся ситуации: *герой открывает или, реже, закрывает окно (иногда в сад)*. Таковы: «В открытое окно широкими снопами...», «Пугая мысль мою томящей тишиною...», «Сегодня как-то я особенно устал...», «Сжав чело горячими руками...» и др. Сама ситуация и отчасти идейное ее наполнение имеют параллели, например, в лирике Фета («Ночью как-то вольнее дышать мне...» и др.). Образ/мотив окна в художественном произведении довольно многопланов, иногда амбивалентен, имеет мифопоэтические корни¹⁷⁵. Окно, как и дверь, это всегда граница – между замкнутым (дом) и открытым (мир) пространством. Оно либо ограждает, защищает от враждебного мира (закрытое окно), либо открывает перед человеком

¹⁷⁴ Тихомирова Л.Н. «Ночная» поэзия в русской романтической традиции... С. 17-18.

¹⁷⁵ Арзамасов А.А. Образы двери и окна в поэзии Рафита Мина // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». 2015. Т. 25. Вып. 2. С. 160-163.

красоту и гармонию мироздания (открытое окно). Свет, проникающий через/сквозь окно, может символизировать познание, Небесный свет, жизнь, красоту. Все эти аспекты представлены в стихотворениях Надсона, включающих названную ситуацию. Именно на их примере отчетливо видно, что «ночной текст» поэта отмечен двойственной модальностью – гармоничностью и дисгармоничностью.

В целом «ночная» поэзия Надсона испытала влияние «экзистенциальной» и «психологической» ее форм¹⁷⁶. Однако новым «измерением» «ночного сознания» поэта следует признать «социологическое» – материалиста и разночинца, жителя столицы, выросшего в нищете, не знавшего родительской любви, не верящего в воскрешение души, но ценящего земную красоту во всех ее проявлениях.

В завершение раздела кратко скажем о других, второстепенных мотивах в стихах Надсона о природе.

Так, образы весны, бури, грозы, ночи, дня, рассвета нередко несут у него инносказательный политический смысл. Например, в стихотворении «Чу, кричит буревестник!» поэт картиной морской бури пророчит грядущий революционный взрыв.

В немногих философски ориентированных пейзажах Надсон стремится к материалистическому познанию тайн природы, но в конце концов приходит к безотрадному выводу о бессилии человека перед ее стихиями («Океан»).

Иногда картины природы и флористические образы даются им в виде символов и аллегорий («Весенняя сказка», «Цветы»).

Из общих стилистических особенностей пейзажной лирики Надсона следует выделить их рациональность, лиризм и музыкальность.

Рациональность проявляет себя прежде всего на композиционном уровне, в использовании приемов контраста или параллелизма (помимо рассмотренных стихотворений, это «Осень. Поздняя осень!..», «Цветы» и др.). Лиризм создается за счет формы «Я-повествования» и нагнетания эмоциональных эпитетов. Большое внимание Надсон уделяет музыкальной инструментовке, особенно

---

¹⁷⁶ Тихомирова Л.Н. «Ночная» поэзия в русской романтической традиции... С. 16-17, 21.

звукописи («Грезы», «Мелодия», «Лазурное утро я встретил в горах...» и др.); возможности ритма и строфики используются им в гораздо меньшей степени.

3.6. Стихи для детей и юношества. Топос «странного» ребенка

Раннее сиротство и нелегкое детство нашли свое отражение не только в гражданских стихах Надсона, но и в произведениях о детях. Они проникнуты глубокой нежностью и проникновенным лиризмом, их отличает необыкновенная мягкость и деликатность, с которой он обращается к ребенку: «дитя», «малютка», «птичка», «голубка» и т. д. Надсон очень любил детей и всегда был внимателен к ним. Поселившись на съемной квартире в Кронштадте, он привязался к детям хозяев, так же, как и они к нему. В Италии, в Ментоне, он, как ребенок, шутил и возился, по рассказам М.В. Ватсон, с дочерью хозяев, «милой, весёлой шалуньей». «Поэт написал ей шуточное стихотворение, полное намёков, разных острот, бывших в ходу между ними»¹⁷⁷. У него были маленькие приятели и приятельницы в семьях знакомых и друзей. Дети очень тянулись к нему. Одно из последних в жизни писем он посылает из Ялты шестилетней девочке Любе Реутской. Оно дышит нежностью и теплотой: «Милая моя Бусенька, ваша мамаша написала, что вы меня целуете – это меня очень обрадовало. Мне жалко, что я далеко от вас, что вы теперь не можете больше ко мне заходить в гости. Я здесь о вас соскучился. Учитесь скорее читать и писать, чтобы уметь написать мне письмо...». К письму была приложена фотография Надсона с надписью: «Дорогой маленькой ласточке Бусе на память от лохматаго»¹⁷⁸.

Как и многие другие русские прозаики и поэты, специально для детей Надсон писал нечасто. Однако мотивы взросления, раннего одиночества, тоски по матери нередки в его лирике. Отдельные его стихотворения регулярно включаются в антологии для детей, войдя в круг детского чтения. Впервые они были собраны в хрестоматии Л.М. Шахрая «Русское слово еврейским детям» (1900).

¹⁷⁷ Полное собрание сочинений С.Я. Надсона. Т. 1. С. XXXVI.

¹⁷⁸ Там же. Т. 2. С. 572.

На литературную арену Надсон выступил на волне усиления реалистических тенденций в поэзии, что нашло отражение и в его стихах, обращенных к теме детства. Впервые героем – именно в стихах Некрасова – предстал крестьянский ребёнок: обаятельный, непосредственный и живой. В раскрытии темы детства Надсон – последователь Некрасова, например в манере построения разговора с ребенком на равных. Вслед за Некрасовым («Железная дорога») Надсон обратился и к форме разговора взрослого с ребёнком, усилив её драматическое содержание. Надсон в своих стихах умеет разговаривать с детьми на равных, и при этом с глубокой нежностью и пониманием:

Часто ты шепчешь, дитя, засыпая
 В тёплой и мягкой кровати своей:
 «Боже, когда же я буду большая?..
 О, если б только расти поскорей!
 Скучных уроков уж я б не учила,
 Скучных бы гамм я не стала играть:
 Всё по знакомым бы в гости ходила,
 Всё бы я в сад убегала гулять!»

Герой-повествователь с грустью размышляет о том, что «светлое детство» промелькнет быстро, «как праздник», и наступят будни, «тяжелое бремя». Его желание – вернуться туда, в детство,

Чтобы, как ты, беззаботно смеяться,
 Шумно играть и беспечно глядеть! (с. 252).

(«У кровати», 1884)

Надсон-поэт очень проницателен: он умеет увидеть «странных», т. е. рано повзрослевших, детей, одиноких «романтиков», которых «манит куда-то вперед»:

Есть странные дети: веселья и шума
 Бегут, как заразы, они;
 Какая-то старчески тихая дума
 Туманит их ясные дни;
 Ничто их не тешит – на всё равнодушно

Их грустные глазки глядят,

И, кажется, жить им и тесно, и душно... (с. 377).

Одиноким дети – как и одинокие взрослые – одна из постоянных тем Надсона. В его творчестве есть прекрасные стихи, темой которых становится взросление, становление подростка. В незаконченном стихотворении «В саду, куда люблю спастись я порой...» (1885) он описывает свою дружбу с детьми и вновь выделяет «странного» ребенка:

Меж них есть у меня любимица одна,
 Подросток-девочка; мы с ней толкуем много...
 Боюсь, что бедная едва ли не больна, –
 Уж слишком взгляд ее горит не детски строго
 И слишком грустен он. Задумчива, бледна,
 Она веселых игр и шума избегает ... (с. 375).

Шедевром в раскрытии темы непростого периода взросления является своего рода цикл о некрасивой девочке, «дурнушке»¹⁷⁹: «Дурнушка» («Бедный ребенок, – она некрасива!», 1883), «Дурнушка» («Что случилось с голубкой моей дорогой», 1884), «Робко притаившись где-нибудь с игрушкой...» (1884), «Дурнушка! Бедная, как много унижений...» (1885), «Дурнушка» («Дурнушка! С первых лет над нею...», 1885). Никаких биографических сведений о причинах такого интереса поэта к этой теме нет. Зато хорошо известно, что и в юношеском, и в более зрелом возрасте он любил девушек красивых. По-видимому, столь необычный лирический сюжет возник в скрещенье 1) идущего из собственного тяжелого детства повышенного и даже болезненного внимания к «отверженным», «странным», обреченным на одиночество; 2) размышлений о сущности красоты, этой «страшной силы»¹⁸⁰ (с. 223); и, возможно, 3) полемического отношения к романтической концепции прекрасного вообще и женской красоты в частности. Противопоставление неброской красоты русской природы и яркой красоты природы южной имеет, вероятно, ту же психологическую и эстетическую основу.

¹⁷⁹ Об этом цикле, а также о влиянии Надсона на Н. Заболоцкого, автора «Некрасивой девочки», см.: Дудаков С.Ю. Этюды любви и ненависти: Очерки. М., 2003. 542 с. // http://royallib.com/book/dudakov_saveliy/etyudi_lyubvi_i_nenavisti.html

¹⁸⁰ «Красота – это страшная сила» – афоризм, принадлежащий именно С. Надсону.

Параллели «детским» стихам Надсона можно найти в произведениях А.П. Чехова, В.Г. Короленко, К.М. Станюковича, А.И. Куприна, герои которых – дети – принадлежат к низшим кругам общества, лишены детства и трудятся наравне со своими «униженными и оскорблёнными» родителями. Вот начало стихотворения «Признание умирающего отверженца» (1878):

Я не был ребенком. Я с детства узнал
Тяжелое бремя лишений,
Я с детства в душе бережливо скрывал
Огонь затаенных сомнений.
Я с детства не верил в холодных людей,
В отраду минутного счастья,
И шел я угрюмо дорогой своей
Один, без любви и участия (с. 56).

Так же, как Некрасов и Есенин, Надсон – один из немногих в русской литературе поэтов-«сыновей». В 11 лет оставшись круглым сиротой, Надсон всю свою недолгую жизнь продолжал помнить о матери. Ее образ запечатлен в самых лучших его стихах:

Глухо стонет вьюга, стонет и рыдает,
И в окно стучит костлявою рукой...
Жгучий страх мне сердце детское сжимает:
«Мама, дорогая, сядь, побудь со мной!..»

И она прильнула нежно к изголовью,
Нежно лоб мой гладит, в очи мне глядит,
И под голос вьюги лаской и любовью,
Грустью и заботой речь её звучит... (с. 400).

Образ матери предстаёт в «Сказке» как бесконечно дорогой и любимый образ далёкого детства. Мать учит сына добру, правде, любви:

И звенит мне голос: «В долгой, в горькой жизни
Много встретит спящих твой усталый взгляд,

Не клейми ж их словом едкой укоризны,
 Полюби их, милый, полюби, как брат!..» (с. 401).

Надсон – идеалист, он хочет видеть всех детей счастливыми и обласканными любовью. Так, лирический герой рождественской «Легенды о ёлке» (1882) радуется, когда видит детей вокруг зажжённой ёлки:

Весь вечер нарядная ёлка сияла
 Десятками ярких огней,
 Весь вечер, шумя и смеясь, ликовала
 Толпа беззаботных детей (с. 343).

А он – их дядя, добрый весельчак, смешит детей до упаду и рассказывает им о диковинных чудесах:

Есть страны, где люди от века не знают
 Ни вьюг, ни сыпучих снегов;
 Там только нетающим снегом сверкают
 Вершины гранитных хребтов...
 Цветы там душистее, звёзды – крупнее,
 Светлей и нарядней весна,
 И ярче там перья у птиц, и теплее
 Там дышит морская волна... (с. 344).

Поэту очень хочется, чтобы дети не плакали от дневных огорчений, в том числе причиненных взрослыми, чтобы они спокойно засыпали и им снились волшебные сны. В творчестве Надсона есть прекрасный пример колыбельной. Музыкальность и мелодичность этого стихотворения, написанного 4-х и 3-стопным анапестом, плавность и «текучесть» звуков быстро сделали его популярной песней:

Тихо дремлет малютка в кроватке своей,
 Мягким блеском луны озарённой,
 И плывут вереницы туманных теней
 Над головкой его утомлённой...
 Целый сказочный мир развернулся пред ним:

Вот на птице стрелою он мчится,
 Вот под ним перекинулась волком седым
 И по лесу несёт его птица.
 Вот он входит на звёздный, ночной небосвод
 И в коралловый замок русалки идёт
 По жемчужным пескам океана... (с. 253-254).

Много позже схожий сюжет «ночного» фантастического путешествия лёг в основу популярной колыбельной XX века «Спят усталые игрушки...», написанной А. Островским и З. Петровой в 1964 году.

Замечательным вкладом Надсона в детскую литературу стали его стихи о природе, насыщенные светлым восприятием красот родной страны. Простые и понятные строки педагоги используют для ознакомления детей с окружающим миром. Например:

Заря лениво догорает
 На небе алой полосой;
 Село беззвучно засыпает
 В сияньи ночи голубой;
 И только песня, замирая,
 В уснувшем воздухе звучит,
 Да ручеек, струей играя,
 С журчаньем по лесу бежит... (с. 105).

Стихотворение очень образно, каждое предложение – отдельная картина. Его образность пластична, оно наполнено гармоничными звуками и цветами, описанием действий. Обилие глаголов дают ощущение постоянного движения, важного для ребенка. Рифмы точные и ясные. Детское восприятие без труда нарисует себе картину угасающего дня и сохранит ее в памяти. Среди пейзажных стихотворений Надсона есть и другие, не менее удачные образцы подобного рода.

В.Г. Белинский отмечал, что для того, чтобы писать для детей, «нужна душа благодатная, любящая, кроткая, спокойная, младенчески простодушная; ум возвышенный, образованный, взгляд на предметы просветленный, и не только

живое воображение, но и живая поэтическая фантазия, способная представить все в одушевленных, радужных образах. Не говоря уже о любви к детям»¹⁸¹. Именно таким человеком был С.Я. Надсон. По воспоминаниям близко знавших поэта, он отличался необычайной душевной чистотой и благородством, «приветливый со всеми, иногда ласковый, как ребёнок, нежно любивший детей, замечательно откровенный, кроткий, гуманный, с нежной и любящей душой, он вместе с тем был крайне прямой, искренний, чуткий человек, очень отзывчивый и впечатлительный. Такое сочетание свойств, в соединении с возвышенным поэтическим настроением, делало его особенно решительным, подчас резким врагом всего низкого, пошлого, лицемерного и раболепного. Это был человек живой, искавший правды, с донкихотским упорством, возмущавшийся до глубины души тем, что, по его мнению, шло в разрез с нею и в ущерб ей, и готовый вести борьбу на смерть со своим врагом, не спрашиваясь у собственных сил, хватит ли их и вынесет ли он борьбу»¹⁸².

3.7. Надсон и последующая литературная традиция (на примере творчества ранних рабочих (пролетарских) поэтов)

Если в предшествующих разделах мы сосредоточили своё внимание на своеобразии поэтической манеры Надсона и его связях с предшествующей литературной традицией, то в завершающем диссертацию параграфе мы хотели бы обратиться к тем авторам, которые испытали его влияние. Считаем это дополнительным аргументом, подтверждающим наш взгляд на Надсона как поэта, выработавшего собственный, и при этом влиятельный, стиль и обладающего немалым художественным мастерством.

Непосредственно после смерти Надсона, в конце 80-х годов XIX века, в историю русской литературы входит понятие *пролетарская, или рабочая, поэзия*. По традиции¹⁸³, которой мы будем следовать, оба определения используются как

¹⁸¹ Белинский В.Г. Собрание сочинений. В 9-ти томах. Т. 3. М., 1978. С. 58.

¹⁸² Полное собрание сочинений С.Я. Надсона. Т. 1. С. XLVI-XLVII.

¹⁸³ См.: Пролетарские поэты: Сборник стихов: В 3 т.. Л., 1935-1939; История русской литературы: В 10 т. Т. X. М.-Л., 1954. С. 740-754.

взаимозаменяемые. Следует отметить, однако, что пролетарий – понятие более узкое, нежели рабочий, это один из видов «наёмного рабочего, в капиталистическом обществе, лишённого орудий и средств производства»¹⁸⁴. Непосредственно в эпоху формирования рабочего класса в России слово «пролетариат» обозначало «совокупность неимущих людей, живущих изо дня в день, т. е. отличающихся необеспеченностью существования»¹⁸⁵. Кроме того, понятие «пролетарский» отсылает к литературе партийной, т. е. классово и политически ориентированной, связанной с революционно-освободительным движением, деятельностью РСДРП, а с 1903 г. – с пролетарской большевистской партией, организованной В.И. Лениным, и ее печатными органами. Таким образом, поэзия *пролетарская*, в узком смысле слова, основными своими темами делает тяжёлую долю рабочих, борьбу с самодержавием, ненависть к угнетателям народа, «светлое будущее», центральным героем её становится профессиональный революционер-рабочий, а стилевой особенностью – «революционно-романтическая патетика»¹⁸⁶.

«Вместе с рождением пролетариата происходит и рождение его культуры и литературы»¹⁸⁷. На литературной арене появились «писатели-самоучки»¹⁸⁸, прежде всего стихотворцы. Это были рабочие и мастеровые, а также выходцы из крестьян и городской мелкобуржуазной среды, мещан. Особенностью их творчества можно считать его прикладную направленность – с самого момента появления рабочей поэзии она носила агитационный характер и была орудием классовой борьбы.

Поздний пролетарский поэт А.А. Жаров откровенно признавался: «Стихи писать было некогда. А писать все же хотелось. К тому же стихи оказались благодарным материалом для агитационной работы. Не удивительно поэтому, что свои митинговые речи в те грозные годы... чаще всего завершали стихами»¹⁸⁹.

¹⁸⁴ Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1977. С. 565.

¹⁸⁵ Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1898. Т. 25. С. 408.

¹⁸⁶ См., например: Волков А.А. Русская литература XX века. Дюктябрьский период. М., 1964. 508 с.; Соколов А.Г. История русской литературы конца XIX – начала XX вв. М., 1999. С. 171-176.

¹⁸⁷ Пролетарские поэты. С. X.

¹⁸⁸ «О писателях-самоучках» – название программной статьи М. Горького 1911 года.

¹⁸⁹ Жаров А. Стихи. Песни. Поэмы. М., 1957. С. 7.

Сами рабочие поэты (особенно ранние) в основной своей массе были малограмотными, во всяком случае, не имели ни высшего, ни специального образования, но всех их объединяла одна черта – стремление к самообразованию, к знаниям, к чтению. «Книг достать было неоткуда; купить не на что, страсть к чтению превращалась в какую-то болезнь. Я забивался в пустой сарай, валялся на полу, рвал на себе волосы и плакал, горько плакал в необъятной тоске по книгам... Я должен был писать для того, чтобы читать хоть самого себя», – писал рабочий поэт П.А. Травин¹⁹⁰. Макар Пасынок (И.И. Коган) отмечал, что книги он «глотал без разбору»¹⁹¹.

Как бы высокопарно это ни звучало, но пролетарские поэты действительно любили литературу и стремились к пониманию ее на том уровне, который был им доступен в силу имеющегося интеллектуального «бэкграунда». Ранний пролетарский поэт А.И. Маширов-Самобытник вспоминал: «В 1909 г. я настолько хорошо овладел историей литературы, что наряду с политическими выступлениями стал читать доклады и на литературные темы... Так в 1912-13 гг. я выступал на больших ученических собраниях с докладами о Некрасове, Короленко, Лермонтове, Надсоне...»¹⁹².

Популярность С.Я. Надсона в конце XIX – начале XX века продолжала оставаться очень большой. Существенное влияние он оказал и на пролетарскую поэзию, в особенности первых пятнадцати лет ее существования. Воздействие Надсона испытали на себе первые рабочие поэты Ф. Шкулев, Е. Нечаев, А. Богданов, Н. Микульчик и др. «Моими любимыми поэтами были Некрасов, Барыкова, Надсон и Ал. Толстой»¹⁹³, – признавался Ф. Шкулев. Надсон входил в

В своей пьесе «Клоп» (1929) В.В. Маяковский иронично упоминает Жарова и Надсона, объединив их в одной стихотворной строке: «Товарищи и граждане, / водка – яд. / Пьяные / республику / за зря спялят! / Живя с каминами, / живя с примусами, / сожжете дом / и сгорите сами! / Случайный / сон – / причина пожаров, – / на сон / не читайте / Надсона и Жарова!»

Полагаем, что Маяковский отразил здесь свои субъективные вкусовые предпочтения, ибо увидеть что-то общее между двумя этими поэтами сложно.

¹⁹⁰ Яцимирский А.И. Поэт-рабочий П. А. Травин. СПб., 1903. С. 2.

¹⁹¹ Современные рабоче-крестьянские поэты в образцах и автобиографиях с портретами. Сост. П.Я. Заволокин. Ивано-Вознесенск, 1925. С. 83.

¹⁹² Там же. С. 27.

¹⁹³ Современные рабоче-крестьянские поэты в образцах и автобиографиях с портретами. С. 15.

круг чтения Е.К. Кузьмичева¹⁹⁴. Влияние на свою поэзию Некрасова, Никитина и Надсона отмечал В.Д. Потехин¹⁹⁵. У Надсона «пролетарцев» привлекали гражданственность, ораторский пафос, лиризм.

Вполне естественно, что ранняя пролетарская поэзия носила по преимуществу подражательный характер. В своей статье «Пролетарские поэты» (1925) В.Ф. Ходасевич подчеркивает, что они «живут перепевами», называет их «безнадежными литературными рутинерами», упрекает в том, что «многие не продвинулись дальше поэтики надсоновской поры, с ее рубленой ритмикой и расплывчатым словарем¹⁹⁶. Советский исследователь Д. Ивлев уточняет, что лирика «пролетарцев» «строилась на перепевах мотивов поэзии Надсона и его эпигонов (до 1917 года) и поэзии С. Есенина (после 1921 года). Пролетарские поэты выступали здесь как подражатели, их бытовая лирика была слабой и неоригинальной...»¹⁹⁷.

Во многом это справедливо. Не вдаваясь в полемику, отметим лишь, что своё лицо пролетарские поэты обрели в сатирико-обличительных стихах уже к 1905-1907 гг. и что их творчество прошло несколько этапов в своём развитии¹⁹⁸. Что касается Надсона, то, отталкиваясь от созданного им образа двойственного героя – трибуна и одновременно «лишнего человека», имеющего явные личностные черты, окруженного романтическим ореолом, «пролетарцы» создали в итоге иной образ героя своего времени. Центральным персонажем их стихов 1895–1905 гг. впервые становится рабочий класс, именно как общность, многоликий и не имеющий лица коллектив:

Мы – страсть, мы – сила, мы – движенье,

Мы – буйство мысли, мы – порыв...

Царит над всем, без исключенья,

Могучий грозный коллектив...¹⁹⁹

¹⁹⁴ Там же. С. 143.

¹⁹⁵ Там же. С. 156.

¹⁹⁶ Ходасевич В.Ф. Пролетарские поэты // http://dugward.ru/library/hodasevich/hodasevich_prolet_poet.html

¹⁹⁷ Ивлев Д. Русская советская лирика 1917 – начала 1930-х гг. (Типологические аспекты). Рига, 1981. С. 35.

¹⁹⁸ См.: История русской литературы: В 10 т. Т. X. С. 740-754.

¹⁹⁹ Современные рабоче-крестьянские поэты в образцах и автобиографиях с портретами. С. 9.

В новых исторических реалиях они продолжали развивать в надсоновском духе темы назначения искусства, обличения буржуазного строя и самодержавия, против которого была направлена их идеология. В частности, призвание поэта на первых порах вслед за Надсоном «пролетарцы» видели главным образом в сочувствии, сострадании и утешении, перенеся их на угнетенных рабочих и крестьян; а также в борьбе с «чистым искусством» (Е. Нечаев «Мой храм», Ф. Шкулев «Памяти Надсона», Н. Микульчик «Моя лира»).

Программным у Надсона является здесь стихотворение «Милый друг, я знаю, я глубоко знаю...» (1882). Поэт своеобразно развивает общеромантический мотив бедности человеческого языка, невозможности выразить свой сокровенный душевный мир «обыденными словами» (ср. «Невыразимое» Жуковского, «Silentium!» Тютчева):

Нет на свете мук сильнее муки слова:
Тщетно с уст порой безумный рвется крик,
Тщетно душу сжечь любовь порой готова:
Холоден и жалок нищий наш язык!.. (с. 169).

Но, в отличие от погружающегося в «молчание» поэта-романтика, лирический герой Надсона молчать не может, «когда вокруг звучат рыданья», и пусть он не «боец», не «пророк», но своими стихами он откликается на страдания «толпы».

Антиромантический порыв Надсона, его полемику с концепцией «поэт vs. толпа» продолжает А. Гмырев в стихотворении «Мои песни»:

Нет в моих песнях ни тени искусства,
Нет в них ни музыки, ни красоты <...>²⁰⁰.

Понять и оценить их сможет только тот, кто, как и сам поэт, «беспредельно страдал». Новые, «вольные песни» лирический герой Гмырева будет петь после обретения «воли» и победы над «палачами» – таков закономерный итог развития надсоновских тем в пролетарской поэзии.

Надсон неоднократно подчеркивал, кому именно он «молится», кому посвящает свои произведения («Грезы», «Я не тому молюсь, кого едва дерзает...»):

²⁰⁰ У истоков русской пролетарской поэзии: Е.Е. Нечаев, Ф.С. Шкулев, А.М. Гмырев. М.- Л. 1965. С. 303.

Я плачу с плачущим, со страждущим страдаю,

И утомленному я руку подаю! (с. 191).

Мой бог – бог *страждущих*, бог, обогранный кровью... (с. 109).

«Пролетарец» Е. Нечаев развивает тот же мотив:

Мой храм – убежище *разутых*

И обезличенных нуждой...²⁰¹.

Своих «страждущих» и «разутых» рабочие поэты знали в лицо. По сути, они сами ими являлись. Ф. Шкулев вспоминал, как страдал, будучи девятилетним ребенком: «Мать, для облегчения своей тяжелой участи, отдала меня на фабрику... На фабрике в то время приходилось работать с 5 часов утра до 9 часов вечера, при крайне тяжелых условиях и незначительной оплате за труд. Я получал всего по 10 копеек в день на своих харчах. Работа была адски-тяжелая и мой хрупкий детский организм не выносил фабричной жизни; от усталости и *переутомления* я засыпал в рабочее время ... в наказание за это отпускались мне побои и подзатыльники. Проработав на фабрике 6-7 месяцев, я случайно, а может быть, и задремав, попал правой рукой в машину и таким образом искалечил себя на всю жизнь. В больнице я проболел около 2-х лет и вышел оттуда инвалидом, совершенно не владея правой рукой, с тех пор пишу левой, и без того моя беспросветная горемычная жизнь стала еще горше»²⁰².

Как и у Надсона, стихи «пролетарцев» в немалой степени автобиографичны. «Отделить поэзию Надсона от его жизни, значит, одинаково не понять в нем ни человека, ни поэта»²⁰³, – писал П.Ф. Якубович. То же можно сказать и про многих пролетарских поэтов. Например, стихотворение «На могиле дочери-малютки», одно из самых пронзительных в сборнике «Думы и песни» (1903) П.Я. Травина, основано на реальных событиях, в нем звучит неподдельная скорбь. Единственным утешением отца становится его знание – знание о том, что смерть «милее» жизни, полной страданий:

Спи же, детка дорогая...

²⁰¹ Революционная поэзия 1890-1917. М., 1950. С. 88.

²⁰² Современные рабоче-крестьянские поэты в образцах и автобиографиях с портретами. С. 14.

²⁰³ Мельшин Л. (П.Ф. Якубович). С.Я. Надсон: (К двадцатой годовщине смерти). М., 1906. С. 22.

Все умрем без исключенья,
 Мало ты жила, родная,
 Мало видела мученья.
 И добро. Нам жизнь не сладость:
 Люди злы... их смерть добрее,
 Многим нам могила радость,
 Многим – жизни смерть милее²⁰⁴.

Тот же самый мотив находим у Надсона в стихотворении «Памяти Н. М. Д.»:

Спи спокойно, моя дорогая:
 Только в смерти – желанный покой,
 Только в смерти – ресница густая
 Не блеснет безнадежной слезой;
 Только там не коснется сомненье
 Милой, русой головки твоей;
 Только там – ни тревог, ни волненья,
 Ни раздумья бессонных ночей!.. (с. 84).

«Историю» героя-рабочего, описанную «пролетарцами», так же, как и судьбу автобиографического героя Надсона, можно проследить с самых ранних лет его жизни:

Я детства милого не знал,
 Не знал и юности беспечной²⁰⁵ (Е. Нечаев).
 Я с жизни светлого чела
 Откинул рано покрывало –
 И в ней добра увидел мало,
 Но много, очень много зла...²⁰⁶ (А. Коц).

Ср. у С. Надсона:

Я не был ребенком – я с детства узнал
 Тяжелое бремя лишений

²⁰⁴ Яцимирский А.И. Поэт-рабочий П. А. Травин. С. 6.

²⁰⁵ Революционная поэзия 1890-1917. С. 89.

²⁰⁶ Революционная поэзия 1890-1917. С. 204.

И с детства в душе одиноко скрывал
Огонь затаенных сомнений (с. 56).

Но, в отличие от Надсона, выросшего хоть и в чужой семье, однако получившего классическое образование и никогда не занимавшегося никаким иным трудом, кроме литературного, реалии жизни большинства поэтов-рабочих были совершенно иными. Так, поэт Е.Е. Нечаев, почти ровесник Надсона, родившийся в 1859, в 8 лет был отдан на стеклянный завод: «Четырнадцать и двадцатичасовая работа в сутки, ядовитая пыль, невыносимая жара, недоедание, недосыпание, постоянные ожоги, побои и целый ряд других лишений скоро мою жизнь превратили в муку и приводили меня в ужас. Я иногда целыми днями ходил, как полоумный, недоумевая, где я: во сне или наяву нахожусь. В такие минуты я несколько раз собирался лишиться себя жизни... И только страх вечного страдания за гробом, внушенный с раннего детства, и любовь матери – спасли меня от самоубийства»²⁰⁷. Воспоминания поэта Ф. Шкулева мы уже приводили.

Поэтому стихи пролетарских поэтов о тяготах жизни звучат конкретнее, реалистичнее, чем у Надсона, даже при незамысловатости изложения основной мысли:

С детских лет до самой старости
Мостовые я мостил;
Мало в жизни видел радости.
Много горести испил²⁰⁸ (Ф. Шкулев).

Ранняя рабочая поэзия полна мотивами «тихой скорби». Вторя Надсону, поэт-столяр П.Я. Травин дал такие названия своим стихотворениям в сборнике «Думы и песни»: «На могиле дочери-малютки», «Слезы, жгучие вы слезы», «На кладбище», «Не плачь, человек», «Последнюю песнь пропел», «Друзья мои, забытые нуждою».

Молодые пролетарские стихотворцы для характеристики отрицаемой ими действительности вслед за Надсоном широко использовали слова-сигналы, такие

²⁰⁷ Современные рабоче-крестьянские поэты в образцах и автобиографиях с портретами. С. 3.

²⁰⁸ Там же. С. 9.

как «мрак», «ночь», «зло», «гнет», «ярмо». Эти символы и аллегории еще со времен Некрасова несли в себе емкий социальный смысл. Современники привыкли подразумевать под ними самодержавный строй. Мотивы борьбы и протеста, мечты о светлом будущем, представленные в словах-символах «борьба», «буря», «бой», «свобода», «заря», «рассвет», «гроза», «тюрьма» в поэзию «пролетарцев» также пришли из Надсона. Ср.:

Надсон:

Я это испытал, – но *был моей тюрьмою*
Весь мир, огромный мир, раскинутый кругом.
 О, сколько раз его горячею мечтою
 Я облетал, томясь в безмолвии ночном! (с. 234).

Неизвестный автор:

Развернув знамёна победные,
 Прошумите над миром грозой...
 О, вперед! – угнетённые, бедные,
 Чтобы *не был мир больше тюрьмой!*²⁰⁹

Надсон:

Напрасно человек в смятении и тоске
 Грядущие века пытливо вопрошает.
 Кто понял этот *свет, блеснувший вдалеке*, –
Заря ли там зажглась, зарница ли мерцает? (с. 183).

Н. У-ский:

Заря занялась... Уж солнце свободы,
Лучи золотые на небе горят...
 Долой же насилья и слабости годы!
 К свободе, к свободе! Ни шагу назад!²¹⁰

Особое значение в ранней пролетарской поэзии приобретает слово-образ «рассвет». На значимость его обратил внимание еще В.Ф. Ходасевич: «Но зло

²⁰⁹ Пролетарские поэты. Т. 1. С. 41.

²¹⁰ Пролетарские поэты. Т. 1. С. 154.

должно смениться добром, представляемым в виде утра, зари, рассвета»²¹¹. Образ «рассвета» – так же, как и у Надсона – означает у «пролетарцев» победу над окружающим злом, но лишено надсоновских сомнений (убеждения его были далеки от революционных), звучит бодро и уверенно, выражая веру в победу революции («Желание» А. Богданова, «Песня хрусталей» Е. Нечаева, «Не тужи», «Собратьям» Ф. Шкулева). Ср.:

Увы, далек еще рассвет.
Но чую – солнца ясный луч
Разрежет мглу угрюмых туч²¹².

Эти ноты усиливаются в 1905 г. после московского Декабрьского вооруженного восстания в творчестве Е. Тарасова («Стихи 1903-1905») и А. Белозерова («Песни борьбы и свободы»):

Все, что днем у нас разрушено,
Выстроим во мгле.
Жажда битвы не задушена
В раненом орле.
Ночью снова баррикадами
Город обовьем.
Утром свежими отрядами
Новый бой начнем²¹³.

Надсоновская традиция продолжается и в так называемую «пору реакции» 1907–1910 годов. Одних поэтов, таких как Д. Бедный, А. Богданов, сближают с Надсоном мотивы мужественной скорби, борьбы, разоблачения предательства. Других – Е. Тарасова, Н. Микульчика, Н. Рыбацкого – жалобы, сетования, общественный скепсис. Эта близость объясняется сходством реакционных эпох 1880-х и 1907–1910 годов и двойственностью мировоззрения Надсона.

Так, перекликаются между собой стихотворения А. Богданова «Отошедшим от революции» (1908) и С. Надсона «Наше поколение юности не знает» (1884).

²¹¹ Ходасевич В.Ф. Указ. соч.

²¹² Революционная поэзия 1890-1917. С. 102.

²¹³ Там же. С. 166.

Оба поэта клеймят позором отступников от «правого дела»: А. Богданов – предавших его, С. Надсон – бездействующих. Разница лишь в объекте «отступничества»: если у Богданова он предельно ясен, то у Надсона абстрактен.

У Д.Бедного и А. Гмырева к Надсону восходят скорбные думы о судьбе России в годы безвременья. Например, в стихотворении Д. Бедного «Молчи»:

Порой мне кажется, что я схожу с ума,
 Что разорвется грудь от непосильной муки.
 Томлюсь в тоске, ломаю гневно руки,
 Скорблю, но скорбь моя – нема!

– и на смысловом, и на лексическом уровнях четко прослеживаются реминисценции надсоновских произведений («Испытывал ли ты, что значит задыхаться», «В ответ», «В больные наши дни, в дни скорби и сомнений» и др.). Однако лирический герой поэтов-рабочих преодолевает в себе настроения бессилия и уныния. Так, у А. Гмырева в новых исторических условиях выход из идейного и нравственного тупика он находит в революционной борьбе и твердо верит в победу рабочего класса, к которому принадлежит:

Они победили, но шум их побед
 Так жалок, как место разврата.
 Они победили. Но в сумраке лет
 Их ждет роковая расплата²¹⁴.

С традициями Надсона (и отчасти Некрасова) связана и пейзажная лирика рабочих поэтов, такие ее стилистические особенности, как аллегоризм и дидактизм, обобщенность и условность, а также социальный ракурс подачи темы природы. У них, как у Надсона, это пейзажи души, композиция которых чаще всего основана на излюбленных надсоновских приемах контраста и параллелизма, когда душевное состояние героя соотносится с миром природы. Особенно показательны здесь стихотворения А. Гмырева («Днем», «Последний луч», «К осени», «Летней ночью» и др.).

²¹⁴ Революционная поэзия 1890-1917. С. 84.

Как правило, пейзажные, а точнее пейзажно-социальные, стихотворения Надсона (для примера возьмём «ноктюрны» «На заре», «Кругом легли ночные тени...», «Ночью») имеют двухчастную композицию, иногда подчеркнутую строфически. Первая часть – пейзажная, идиллическая, явно отсылающая к поэзии «чистого искусства», тому же А. Фету. Заметно стремление Надсона (а вслед за ним и «пролетарцев») к синэстезии, объединению в едином образном восприятии зрительного, слухового и обонятельного ощущений:

Хороша эта ночка, безмолвная, ясная,
 С фосфорической, полной луной,
 Эта песнь соловьиная, звонкая, страстная,
 Эта мертвая тишь над рекой. <...>
 Из-за леса, струей набега душистою,
 Чуть шумит ветерок в камышах,
 А вдали за рекой полосой золотистою
 Догорает заря в небесах (с. 53).

(«Ночью»)

А далее следует сюжетный ход, восходящий еще к поэзии предромантизма (Н.М. Карамзин), но гениально разработанный М.Ю. Лермонтовым всё в том же жанре романтического ноктюрна («Выхожу один я на дорогу...»). Мирному сну природы («тучек», «звёздочек», «речки», «нив», «леса», «сада», «полей» и т. д.), абсолютной гармонии в ней Надсон во второй части своих стихотворений противопоставляет сомнения и разочарование в душе лирического героя:

Только ты не знаешь неги и покоя,
 Грудь моя больная, полная тоской.
 Что ж тебя волнует? Грустное ль былое,
 Иль надежд разбитых безотрадный рой? (с. 49).

(«На заре»)

При этом Надсон отходит как от философской традиции романтизма (М. Лермонтов, Ф. Тютчев), представляющей «разлад» между природой и человеком неким законом бытия, так и от «социального» пейзажа Некрасова,

последовательно соотносящего картины природы с рассказом о тяжелом труде русского крестьянина («Несжатая полоса», «На Волге», «На Родине», «Утро»). Надсоновский «лишний человек» устал от некой «борьбы», «забит судьбой», «подавлен нуждой», ждёт смерти. Тем не менее в «развязке» лирического сюжета поэт развивает общеромантическую идею врачующего воздействия природы, благотворного приобщения человека к ней (В. Жуковский, Ф. Тютчев, Н. Некрасов), обогащая её мыслью о необходимости продолжать «тяжкую борьбу» или хотя бы набраться сил для того, чтобы дожидаться «утра», когда «...солнце правды над водами / В красе незыблемой взойдет» (с. 50), «И зарею ясной запылает время, / Время светлой мысли, правды и труда» (с. 49).

На этом фоне почти перепевом Надсона («На заре») выглядит стихотворение А. Гмырева:

Тихо в темном небе звездочки мерцают
 Ясно и спокойно в вышине горя,
 Облака беззвучно, грустно исчезают,
 Утопает в искрах яркая заря.
 Аромат акаций тонкою струею
 Льется, полный ласки и беспечных грез,
 И лежит над спящей в зелени землею
 Трепетная ночка, ночь любовных грез.
 Ночь, когда так страстно хочется бороться
 С ненавистной ночью рабства цепей,
 Ночь, когда могучей силой сердце бьется
 И когда все любишь проще и сильнее.
 Под покровом чудным царственной природы
 Хочется о прошлом горестном забыть,
 Хочется во имя счастья и свободы
 Угнетенных братьев к жизни побудить²¹⁵.

---

²¹⁵ У истоков русской пролетарской поэзии. С. 357.

Единственным существенным отличием является то, что герой А. Гмырева не собирается дожидаться «утра», чтобы с новыми силами приняться за борьбу. Он готов уже сейчас, «ночью», «страстно бороться» «во имя счастья и свободы».

Вслед за Надсоном пролетарские поэты в своих пейзажных стихотворениях говорят о предчувствии близкой смерти. Вот «Мелодия» (1880) Надсона, где он, в свою очередь, объединяет лермонтовскую и тютчевскую традиции:

<...> Я б умереть хотел душистою весною,
В запущенном саду, в благоуханный день,
Чтоб купы темных лип дремали надо мною
И колыхалася цветущая сирень

Чтоб рядом бы ручей таинственным журчаньем
Немую тишину тревожил и будил
И синий небосклон торжественным молчаньем
Об райской вечности мне внятно говорил <...> (с. 112).

А. Гмырев в стихотворении «Майская ночь над землей опускается...» (1911?) описывает «думы угрюмые, думы тяжелые» своего героя, чью тоску и страдания не может облегчить «мирный покой» тихой и теплой ночи:

Слишком устал я нести непосильные
Бремя тоски и тяжелых цепей,
И от меня веет тленью могильною...
Смерть! Прекрати мои муки скорей!²¹⁶

Тот же ход мысли находим и в стихотворениях «Летней ночью» (1909), «К осени» (1909).

Пролетарский поэт С. Ефремов также весной предчувствует свою безвременную кончину:

Звени, весна, поток желаний!
Настанет день, угасну я...
Но и в тени могилы ранней

---

²¹⁶ Там же. С. 388.

Тебе одной любовь моя...²¹⁷

Нередко рабочие поэты прибегают к прямым реминисценциям Надсона. Особенной популярностью в этом плане пользовалось его стихотворение «Умерла моя муза!.. Недолго она...» (1885), в котором говорится об утрате поэтического дара. Аллегориями ее выступают «растоптанный и смятый душистый венок», «непроглядная ночь», тёмная, «как могила», «облетевшие цветы», «догоревшие огни». Пролетарские поэты Н. Рыбарский («Непроглядная ночь бесконечно длинна»²¹⁸) и А. Белозеров («Догорели огни...»²¹⁹) переносят из этого стихотворения Надсона в свои целые строки.

Особенно часто рабочие поэты заимствуют у своего предшественника готовые изобразительно-выразительные средства, в частности украшающие цветовые эпитеты, столь характерные для поэтического мира Надсона: «голубой», «жемчужный», «серебристый», «бледно-печальный» (у Надсона «бледно-лазурный»), «душистый». Ср.:

Ф. Шкулев:

Люблю я зори, воздух чистый
И голубые небеса,
Журчанье речки серебристой,
Родные нивы и леса²²⁰.

С. Надсон:

А под сводами девственной листвы моей
Бьется с *тихим журчаньем* холодный ручей:
Серебристая струйка за струйкой бежит,
Догоняет, целует и тихо звенит... (с. 154).

Ф. Шкулев:

О, кто вас рассыпал, *жемчужные* слезы,
По венчикам нежным душистых цветов?
Певец ли свободный, почуявши грозы,

²¹⁷ Пролетарские поэты. Т. 3. 1914-1917. Л., 1939. С. 51.

²¹⁸ Там же. Т. 1. С. 298.

²¹⁹ Там же. Т. 3. С. 215.

²²⁰ Современные рабоче-крестьянские поэты в образцах и автобиографиях с портретами. С. 17.

Иль плакала *стая седых облаков?*²²¹

С. Надсон:

Отчего в нем так беглы любовь и тоска,
Как ненастной и скучной осенней порою
Этот легкий туман над свинцовой рекою
Или эти *седые над ней облака?* (с. 157).

Следует сказать и о влиянии Надсона на любовную лирику пролетарских поэтов. Для последних любовная тема не является ведущей, и лишь у некоторых из них, в частности у А. Гмырева, она, в силу жизненных обстоятельств, оказывается востребованной. Обоих поэтов роднит восторженное преклонение перед женщиной, чистота и целомудренность чувств. Но вместе с тем требования долга они ставят выше личного счастья. Гмырев так же, как его учитель в поэзии, готов пожертвовать любовью ради «святых убеждений». На основе сопоставления стихотворений Надсона («Не весь я твой – меня зовут», 1878) и Гмырева («Не жди меня», 1906) мы хотели бы установить тематическую и стилистическую преемственность.

Не весь я твой – меня зовут
Иная жизнь, иные грезы...
От них меня не оторвут
Ни ласки жаркие, ни слезы.

Любя тебя, я не забыл,
Что жизни цель – не наслажденье,
В душе своей не заглушил
К сиянью истины стремленье,

Не двинул к пристани свой челн
Я малодушною рукою
И смело мчусь по гребням волн

Не жди меня... Без чувства сожаленья
Я от тебя свободно ухожу.
И за любовь твою – святые убежденья
К ногам твоим, как раб, не положу.
Я не могу отдаться без изъятья
Безумной прихоти своих страстей
Когда вокруг меня звучат проклятья,
Свистят бичи, царит позор цепей.
Меня зовут. Простимся, дорогая,
В последний раз, друг друга не кляня.
Люблю тебя! Но для родного края
Я должен жизнь отдать. Не жди меня.²²²

²²¹ У истоков русской пролетарской поэзии. С. 260.

²²² Революционная поэзия 1890-1917. С. 90.

На грозный бой с глубокой мглюю!

(с. 51)

В обоих стихотворениях лирические герои встают перед дилеммой: любовь или борьба. Сравним соответствующие образные ряды: 1) «ласки жаркие», «слезы», «любить», «наслажденье» – у Надсона, «любовь», «прихоть страстей», «любить» – у Гмырева; 2) «иная жизнь», «иные грезы», «сиянье истины», «гребни волн», «грозный бой» – у Надсона, «святые убежденья», «звучат проклятья», «свистят бичи», «позор цепей», «родной край», «жизнь отдать» – у Гмырева.

Очевидно, что в общеромантические клише, связанные с описанием чувственной любви, Гмырев вносит ноту сарказма («безумная прихоть»), при этом он сохраняет ту двойственность, что отличает переживания надсоновского героя (Надсон: «Не весь я твой – меня зовут», «Любя тебя, я не забыл»; Гмырев: «Я не могу отдаться без изъятья», «Люблю тебя! Но...»). Герои обоих поэтов уже приняли решение, и оно неизменно: «От них меня не оторвут», «И смело мчусь» (Надсон) – «Я от тебя свободно ухожу», «Простимся, дорогая» (Гмырев). Оба автора развивают мотив «зова»: «Меня зовут» – формула, используемая и Надсоном и Гмыревым, выражение «голоса» долга и борьбы. Поэт начала XX в. доводит до логического завершения мотив разрыва с возлюбленной (образы пристани и плавания по волнам у Надсона), трансформировав его в мотив смерти ради блага родины («Я должен жизнь отдать»), подчеркнув и усилив его кольцевой композицией («Не жди меня»), лексикой («ухожу», «простимся») и ораторскими интонациями 5-стопного ямба. Что касается гражданских мотивов, то у обоих поэтов они восходят едва ли не к декабристской поэзии, характерным для нее словам-сигналам, из которых Гмыревым выбран более патетический и тираноборческий ряд.

Подведем некоторые итоги нашим наблюдениям над стилистическим воздействием Надсона на молодых пролетарских стихотворцев и его ролью в выработке ими собственной поэтической манеры. Многие из них принадлежали к надсоновскому поколению, а литературную деятельность вели в последующие за смертью Надсона годы. В ряде случаев «пролетарцы» некритично заимствовали у

своего кумира готовые образы, интонации и гражданский язык, словарь скорби («тяжкий гнет», «безысходность», «терновый путь», «слезы» и пр.). Так, первые строки стихотворения-манифеста «Свобода» одного из родоначальников рабочей поэзии Ф.Е. Нечаева звучат так:

Обиды яд и горечь муки
Свинцом на душу налегли²²³.

Все эти слова-сигналы у Надсона встречаются в таком количестве: «мука» – 61 раз, «яд» – 31, «обида» – 10, «горечь» – 9, «душа» – 38, «свинец» – 4.

Ранние пролетарские поэты, кроме того, вслед за Надсоном обнаруживали стремление к эстетизации стихов, к использованию общеромантической условно-поэтической лексики («волшебный», «чарующий», «грезы», «храм» и пр.).

В тоже время многие из них пошли своим путем. Например, Аркадий Коц, автор русского текста «Интернационала», по остроте, тону и по стилистике своих произведений максимально приблизился к политической лирике Беранже. Демьян Бедный нашел себя в жанре басни и политического памфлета. Талантливым лирическим поэтом обещал стать Алексей Гмырев.

Герои стихов пролетарских поэтов не так одиноки, как лирический герой Надсона, их много: «армия красная... Поступь свободная, / Лица веселые, радостный взгляд...»²²⁴ (автор – П.А. Арский). Представители революционной эпохи, «пролетарцы» находят себя в активной борьбе. В них сильна вера в светлое будущее, и это, на общем фоне плещеевско-надсоновских мотивов, делает тон пролетарской лирики более мажорным:

Вперед. Вперед.
Железным строим!
Мы новый мир,
Наш новый мир построим.
Вперед за светлый идеал,
Мы победим
Капитал...²²⁵ (П.А. Арский).

²²³ Современные рабоче-крестьянские поэты в образцах и автобиографиях с портретами. С. 6.

²²⁴ Там же. С.40.

²²⁵ Современные рабоче-крестьянские поэты в образцах и автобиографиях с портретами. С. 39.

Ключевое слово лирики Надсона «Вперед!», перенятое им у Плещеева и носящее довольно абстрактный характер некоего побуждения к борьбе «за дальнейшее сиянье» (с. 50), у рабочих поэтов содержит явный и недвусмысленный призыв: «*Вперед* – на борьбу, пролетарий, рабочий!»²²⁶ (А. Богданов); «Восстанем, товарищи, дружно и смело, / Чтоб свергнуть нужду и обиды, и гнет! За наше святое, рабочее дело, / За счастье, свободу, за правду – *вперед!*»²²⁷ (Е. Нечаев); «На бой кровавый, святой и правый, / Марш, марш *вперед*, Рабочий народ!»²²⁸ (Г.М. Кржижановский).

Пламя надсоновской «любви и веры» приобретает иной размах и масштаб: «Пусть пламя борьбы разрастется пожаром» (А. Богданов)²²⁹. Слово-сигнал «пожар», восходящее к поэтам-декабристам и употреблявшееся Надсоном лишь в качестве метафоры при описании заката, вернулось у рабочих поэтов к исходному, декабристскому пониманию: «Пожара крови праведной тирану не залить»²³⁰ (автор неизвестен).

В свое время, в 1885 году, С.Я. Надсон писал:

Это не песни – это намеки:
 Песни невмочь мне сложить;
 Некогда мне эти беглые строки
В радугу красок рядить... (с. 269).

В отличие от окрашенного в неинтенсивные цвета пространства надсоновской лирики, в художественном мире рабочих поэтов появляются яркие краски и эмоционально окрашенные эпитеты:

В красных кузницах
 Везувийно-грозовых,
 В блеске молний бирюзовых,
 Мы без отдыха куем,
 Песню звонкую поем...²³¹

²²⁶ Пролетарские поэты. Т. 1. С. 77.

²²⁷ Там же. С. 23.

²²⁸ Там же. С. 26.

²²⁹ Там же. С. 77.

²³⁰ Там же. С. 78.

²³¹ Современные рабоче-крестьянские поэты в образцах и автобиографиях с портретами. С. 38.

В противовес небурным эмоциям Надсона в стихах поэтов-рабочих слышны громкие звуки и осязаем накал чувств: «Динамит... / Граната... / Бомба! / Ах! / Свят! / Свят!...»²³².

В их стихах предстают реалии заводской жизни, которые не были знакомы Надсону: «Гу-у-у-у... Гудят заводы», «гул гидравлического пресса», «молот с грозной наковальней», «дыханье могучих мехов», «Как вулкан, шипят, пылают / Горны, печи; стон стоит»²³³.

Казалось бы, эра русских революций должна была породить новые песни и новых кумиров. Но даже в годы Октябрьской революции пролетарский поэт С. Ефремов пишет стихи совершенно в духе С. Надсона, с теми же мотивами ночи и света, ранней усталости и смерти, тоски и страданий, сомнений и безответных вопросов, погибающей красоты и таланта:

Много звуков пламенно-чудесных,
Много сил и жизни у меня...
Почему ж в потемках неизвестных
Я бреду без света и огня?..

Почему, когда польются звуки
Грустных песен музыки моей,
В них звучат одни лишь только муки
И тоска безрадостных ночей?

Или годы крови и печали
Отразились в сердце молодом,
И иные песни зазвучали
Словно стон, в молчанье гробовом?²³⁴

В книге «Шум времени» (опубл. в 1925), в главке «Книжный шкаф», О. Мандельштам называет томик стихов Надсона «ключом эпохи, книгой,

²³² Там же. С. 39.

²³³ Пролетарские поэты. Т. 1. С. 85, 38, 39, 12, 81.

²³⁴ Пролетарские поэты. Т. 3. С. 125.

раскалившейся от прикосновений, книгой, которая ни за что не хотела умирать, и в узком гробу девяностых годов лежала как живая <...>». Правда, Мандельштам считает Надсона лишь «вдохновенным истуканом учащейся молодежи, именно учащейся молодежи, <...> пророком гимназических вечеров»²³⁵. Однако читателями и поклонниками Надсона были люди, которые к учащейся молодежи не имели никакого отношения, с которыми Надсон никогда не встречался в жизни: стекольщики, столяры, металлисты, служители из овощных лавок. Они едва знали грамоту, но одним из первых писателей, кого они стали читать и полюбили на всю жизнь, был Надсон. Когда через какое-то время эти малообразованные, но тянущиеся к литературе люди повзрослели и стали называться пролетариями, рабочими поэтами, он продолжал «звучать» в их творчестве, «прорываться» интонациями, строчками, образами. Несомненно, было нечто почти магическое в поэзии Надсона, что сделало его властителем дум молодежи на несколько десятилетий. «Не смейтесь над надсоновщиной, – писал О. Мандельштам, – это загадка русской культуры и в сущности непонятый ее звук, потому что мы-то не понимаем и не слышим, как понимали и слышали они»²³⁶.

---

²³⁵ http://www.world-art.ru/lyric/lyric_alltext.php?id=7229

²³⁶ Там же.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мы не ставили задачей своей работы пересматривать роль и место С.Я. Надсона в истории русской поэзии – объявлять его недооцененным поэтом, считать незаслуженно забытым автором, привлекать внимание к неким сокрытым его шедеврам и т. д., и т. п. Как правило, время всё расставляет на свои места, и Надсон не стал здесь исключением. Он остался поэтом и символом своей эпохи, эпохи перехода от «классики» к «модерну»; значение его по большей части чисто историческое: современный читатель уже не зачитывается его стихами, как гимназисты и курсистки 1880-х годов.

Быть может, единственное, что мы стремились развенчать, так это отразившийся даже в учебниках «миф» о бездарном поэте и «глухой» публике, по ошибке поднявшей поэта-«скорбителя» на щит. Судьбой Надсону суждено было стать выразителем «смутного», переходного времени – и он выразил свои личные боль и скорбь так, что они оказались услышаны и восприняты его современниками как их собственные.

Данная работа, посвященная исследованию истории русской поэзии, а именно одного частного её фрагмента, преследовала следующую цель – по возможности полно этот фрагмент воссоздать. Для этого мы выбрали путь аналитического описания формальных и идейно-содержательных особенностей поэзии Надсона.

Своё исследование мы начали с рассмотрения репертуара размеров Надсона и обнаружили, что перед нами поэт, работающий с классической русской силлабо-тоникой. На первом месте по употреблению у него стоит ямб (более половины всех его стихотворных строк), на втором месте все трехсложники, полиметрических композиций у Надсона нет. Пять силлабо-тонических метров имеют у Надсона 28 разновидностей размеров, цифра эта сопоставима с метрической палитрой эпохи (1870–1890-е годы), когда в ходу было около 30 размеров. Подобная скупость размеров возвращает нас, как ни странно, к XVIII веку, времени начального освоения силлабо-тоники. Поразительно также, что

Надсон не обращается к стиховым имитациям ни античных размеров, ни народного стиха. По-видимому, любой версификационный эксперимент, всякое отступление от строгой классики представляли для поэта немалые трудности.

Яркой чертой версификации Надсона является пренебрежение короткими размерами и предпочтение длинных (более 80 % всех строк поэта).

Метрический репертуар поэзии Надсона типичен для его времени, однако по соотношению размеров он выделяется на общем фоне целым рядом индивидуальных черт: архаическим распределением ямбических размеров, малой долей хореев, усилением анапеста и вообще трехсложников.

Что касается рифм, то предпочитает он рифмы точные и грамматические.

В целом, под пером Надсона русская силлабо-тоника приобретает свои отточенные формы, тиражирующие ритмико-синтаксические и лексические клише. Завершенность эта в исторической перспективе требовала своего преодоления. Задачу эту будут решать уже поэты нового поколения.

Следующей нашей задачей было охарактеризовать стилистическую манеру и предпочтения Надсона. Мы исходили из того, что поэтический стиль есть система художественных приёмов, являющаяся выражением мироощущения автора. В этом смысле основополагающей чертой поэзии Надсона можно считать двойственность – колебание поэта между верой и неверием, желанием «безумно жить» и замороженностью страхом и жизни, и смерти, между гражданственностью и склонностью к принципам «чистого искусства», публицистической прямолинейностью выражаемой мысли и «красивостью» ее словесного оформления. Следствием становится антитетичность, внутренняя противоречивость стиля Надсона, совмещающего мотивы и характерные черты гражданской лирики с условно-поэтическим словарем так называемого «чистого искусства», заунывные и скорбные интонации с ораторской лексикой и традиционными риторическими приёмами, рассчитанными на внешний эффект. Двойственность, далее, выражается в сочетании рефлексивного, рационального начала с повышенной эмоциональностью и даже экзальтированностью. Это определяет тяготение поэта к таким жанровым формам, как элегия и

медитативные стихи, к афористичности и к длинным стихотворным размерам.

Становление стиля Надсона шло под сильным влиянием на него предшествующей, прежде всего романтической традиции, что обусловило реминисцентность как вполне сознательный принцип надсоновской поэзии. На первом месте по частоте «цитирования» стоит в ней Лермонтов. Далее, приблизительно в одинаковых пропорциях, следуют Фет и Некрасов, затем Пушкин и Тютчев, а также поэты-декабристы. «Прочитывать» Надсон может интонацию предшественника, ритм, синтаксическое построение, образное выражение, отдельные «слова-сигналы». Реминисценции могут носить у него «составной» характер – когда в одном стихотворении совмещаются несколько «первоисточников». В результате такого сигнально-цитатного использования «чужого слова» читатель слышал в стихах Надсона что-то знакомое и давно уже любимое, узнавал в новом старое, но более соответствующее «моменту». Всё это парадоксальным образом способствовало популярности стихов поэта.

Анализируя излюбленные тропы и стилистические приёмы Надсона, мы обнаружили преобладание у него простых («одиночных») и двойных эпитетов; склонность к использованию эпитетов «украшательных», а также ряд наиболее частотных образных определений, таких как «светлый», «святой», «честный», «больной» и др. Именно в сфере эпитетики особенно заметно проявила себя поэтизация страдания, свойственная поэту. В целом, основу «среднепоэтического языка» Надсона образуют традиционные, общеромантические эпитеты и метафоры. Излюбленная метафора у Надсона – это метафора огня, связанная, как правило, с описанием душевных состояний в любовной лирике. Встречаются у него и нестандартные, оригинальные метафоры и сравнения, например сравнение моря с реквиемом, неба с саваном. Созданию особой атмосферы надсоновского стиха – яркой, образной, местами загадочной, порой зловещей, но всегда эмоциональной и искренней – способствовали также олицетворения и аллегии. Этими последними являются, в частности, все самые известные «слова-сигналы» гражданской поэзии Надсона: ночь и мгла, бой и борьба, буря и гроза, идеал и свобода, заря и рассвет и пр.. Особо отметим малый интерес поэта к переносам

(анжамбеманам), которые разрушали бы ровный эмоциональный фон стиха. И наконец, приметой стиля Надсона можно считать условную диалогичность и обращенность его лирики к подразумеваемому либо явному адресату.

Итак, Надсон изначально был ориентирован на традиционные формы стиха и поэтический язык, в этих областях он не предложил почти ничего новаторского и потому оказался «беднее» своих предшественников. Созданная им словесная картина мира – лишь фрагмент грандиозного по своему составу стихотворного языка 1800–1880-х гг. Парадокс, однако, состоит в том, что, создав образцы «среднепоэтического языка», Надсон сумел остаться в русской литературе автором, имеющим свой узнаваемый индивидуальный поэтический стиль. Главными его составными элементами явились: аллюзии на творчество предшественников и современников; слова-сигналы, влекущие за собой смыслы, заложенные предыдущей литературной традицией; ритмико-синтаксические особенности, придающие стихам характер условного диалога; обилие положительных и отрицательных коннотаций в эпитетах; общая метафоричность поэзии, стремление к «красивости» и одновременно попытка уйти от нее; пронзительная искренность и лиризм, неотделимые от душевного строя читателя – современника и единомышленника поэта.

Третье направление нашего исследования было связано с определением мотивно-тематического состава поэзии Надсона, выявлением характерных для нее топосов, в частности «сюжетных ситуаций», а также «несобранных» циклов. Интересовало нас и влияние стиля Надсона на поэтов следующего поколения, а именно пролетарских поэтов.

В своей поэзии мысли Надсон обращается к мотивам смерти, суетности земной жизни, ударов судьбы, душевных и телесных страданий, самоубийства, уходящей молодости, одиночества, несвободы, скорби и уныния и т. п. Этот элегический, в сущности, мотивный комплекс находит своё выражение в такой жанрово-композиционной форме, как медитация («исповедь», размышление, воспоминание, предчувствие и т. п.). Устойчивым «экзистенциальным» сюжетом философской лирики Надсона становится движение мысли его лирического героя

от блаженного незнания (= молодость, любовь, наслаждения) к открытию сути жизни – ее пустоты, призрачности и отсутствия свободы. В ряде стихотворений Надсон вплотную подходит к одной из определяющих для философии экзистенциализма идей – об абсурдности бытия. Лирический герой Надсона, не способный решить загадку жизни, оказывается заморожен страхом смерти, который преследует его в навязчивых образах «ночи», «черных крыльев», «бездонной пропасти», «ревущего потока», «глухой мглы», «мятежного моря», «реквиема» и др. В целом идейно-тематический центр философской лирики Надсона составляют оппозиция Жизнь/Смерть и размышления о загадке Бытия.

Наиболее изученной частью наследия Надсона является его гражданская поэзия. Нашим вкладом в этот тематический кластер является проведенное сопоставление стихотворений П. Якубовича и Надсона, современников, представляющих в границах одного поколения два различных художественных и общественных типа – активный и созерцательный. Если у Надсона страстная жажда подвига и сознание полного бессилия были связаны с психологией «лишнего человека», то этот же комплекс переживаний Якубовичем был разрешен в плоскости практической – в политической борьбе. Пессимизм и скептицизм, свойственные Надсону, являлись в то же время действенной силой, направленной против «поруганного идеала». Однако даже изобразив осуществленный идеал в «цикле» стихотворений о «грядущем», поэт обнаруживает, что ценность для человека имеет не сам идеал, «вечный рай», но лишь путь к нему, «страдания и борьба».

Мы также проанализировали опыты поэта по созданию идеального образа современника. Образ героической личности связывается у Надсона с фигурами русских писателей (Ф.М. Достоевского и А.И. Герцена) и складывается в скрещенье полярных традиций – христианской и романтической («наполеоновской»).

Не изученными до нашей работы оставались и образные воплощения поэтического вдохновения, которые встречаются в произведениях Надсона. Это Муза, умершая возлюбленная, «мрачный гений», Мефистофель. Поэт

подключается здесь к романтической теме «мой демон», развивая мотив «соблазна».

Следующей малоисследованной темой лирики Надсона является любовная, связанная в первую очередь с «несобраным циклом» автобиографических стихотворений, посвященных рано умершей возлюбленной поэта Наталье Михайловне Дешевой. Стихи этого цикла отличаются подчеркнутым автобиографизмом («похоронные» мотивы, изображение «портрета» героини), очень личными интонациями и разработкой мотива памяти. Данный цикл строится на одном из сюжетов романтической лирики – сюжете «любви к мертвой возлюбленной». Надсон разрабатывает редкий для отечественной лирики аспект этой темы – эстетизация смерти в образе умершей девушки посредством пластической образности. В рамках этого «сюжета» поэт обращается к мотиву «молитвы о деде», молясь, в отличие от своих предшественников, не за здоровье своей любимой, а за упокой ее души. В целом, стихотворения Надсона, посвященные Наташе Дешевой, можно отнести к проявлению так называемого «духовного некрофильства» (А.А. Илюшин).

Автобиографическое и условно-литературное начала тесно объединены также в стихах Надсона о природе. Это единство проявляет себя, в частности, в образно-тематических, пространственно-временных оппозициях. Мы проанализировали две таких оппозиции: *Север – Юг* и *Ночь – День*.

«Север» устойчиво соотносится в сознании поэта с Россией, родиной и Петербургом, а «Юг» – с Кавказом, Францией (Ницца), Украиной и Крымом. Центром «северных» пейзажей Надсона оказывается образ Петербурга. Он предсказуемо двойствен: душная, давящая, суетная северная столица не лишена, тем не менее, красоты и очарования. Являясь частью «петербургского текста» русской литературы, поэзия Надсона рисует облик Петербурга в положительных, прежде всего, коннотациях. Картины южной природы оказываются для «северянина» воплощением экзотической красоты, творческой мощи природы и абсолютной гармонии между «природным» и «культурным».

«Ночная» поэзия Надсона не часто имеет дело именно с «ночным» – неустойчивым, несбалансированным, выходящим в трансцендентное – состоянием человеческой души. Прорывы к иррациональному в природе, к

«Хаосу» и «первобытному страху» (Тютчев), а тем более к слиянию с Богом были малодоступны Надсону. Нередко он фиксирует сиюминутное состояние своего лирического героя, резко меняющееся при созерцании им прекрасной картины ночной природы, абсолютного покоя, разлитого в ней. Тем не менее в «ночной» поэзии Надсона встречается и описание чувства, близкого к экзистенциальному переживанию страха перед жизнью и чувственными ее соблазнами. Особенно часто в «ночных» стихотворениях поэта повторяется сюжетная ситуация: *герой открывает или, реже, закрывает окно (иногда в сад)*. Новым для русской поэзии «измерением» «ночного сознания» следует, на наш взгляд, считать «социологическое» – материалиста и разночинца, жителя столицы, выросшего в нищете, не знавшего родительской любви, не верящего в воскрешение души, но ценящего земную красоту во всех ее проявлениях.

Это «измерение» сознания косвенно отразилось и в немногих произведениях Надсона о детях. Наиболее частотны здесь мотивы взросления, раннего одиночества, отчуждения, тоски по матери. Вслед за Некрасовым Надсон обратился к форме разговора взрослого с ребёнком, усилив её драматическое содержание. Собственное раннее сиротство и нелегкое детство обусловили особый ракурс в стихах на данные темы: поэт обращает внимание прежде всего на «странных» детей: рано повзрослевших, одиноких «романтиков» или же детей некрасивых (цикл о «дурнушке»).

Завершает нашу работу раздел, в котором впервые показано влияние Надсона на младших современников – так называемых пролетарских поэтов. С одной стороны, «пролетарцы» широко и некритично заимствовали у своего кумира готовые образы, интонации и гражданский язык, словарь скорби и борьбы («тяжкий гнет», «безысходность», «терновый путь», «слезы», «мрак», «ночь», «зло» и др.); обнаруживали стремление к эстетизации стихов, к использованию общеромантической условно-поэтической лексики и в то же время боролись с принципами «чистого искусства». У Надсона пролетарские поэты позаимствовали также социальный ракурс подачи тем природы и любви, вслед за ним они говорят о предчувствии близкой смерти. С другой стороны, отталкиваясь от созданного Надсоном образа двойственного героя – трибуна и одновременно «лишнего человека», имеющих явные личностные черты, «пролетарцы» создали иной

образ героя своего времени. Центральным персонажем их стихов становится рабочий класс, именно как общность, многоликий и не имеющий лица коллектив.

Проведенное нами исследование позволяет также обозначить круг перспективных для дальнейшего изучения тем, прежде всего компаративных: Надсон и Лермонтов, Надсон и Фет, Надсон и поэты-модернисты, Надсон и ранняя советская поэзия.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Блок, А. А. Собр. соч.: В 6 т. / А.А. Блок. – М.: Правда, 1971. – 6 т.
2. Брюсов, В.Я. Собрание сочинений. В 7-ми томах. Т. VI / В.Я. Брюсов. – М.: Худож. лит., 1975. – 656 с.
3. Жаров, А. Стихи. Песни. Поэмы / А. Жаров. – М.: Гос. изд. худож. лит., 1957. – 216 с.
4. Минский, Н.М. Стихотворения / Н.М. Минский. – СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1887. 246 с.
5. Надсон, С.Я. (1862-1887). Стихотворения / С.Я. Надсон; Вступ. статья и ред. текста А. Дымшица. – М.-Л.: Сов. писатель, 1937. – 285 с.
6. Надсон, С.Я. Литературные очерки (1883-1886) / С.Я. Надсон. – СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1887. – 241 с.
7. Надсон, С.Я. Полное собрание стихотворений / вступ. статья Г.А. Бялого [с. 5-46]; подготовка текста и примеч. Ф.И. Шушковой. – М.-Л.: Сов. писатель, 1962. – 505 с.
8. Надсон, С.Я. Проза. Дневники. Письма / С.Я. Надсон. – СПб.: Тип. М.А. Александрова, 1913. – 642 с.
9. Полное собрание сочинений С.Я. Надсона / С.Я. Надсон / Под ред. М.В. Ватсон. Т. 1-2. – Пг. :Т-во А.Ф. Маркс, 1917. – 2 т.
10. Пролетарские поэты : Сборник стихов: В 3 т. / общ. ред. и предисл. Ан. Горелова. – Л. : Сов. писатель, 1935-1939. – 3 т.
11. Революционная поэзия, 1890-1917 / подгот. текста, вступительная ст. и примеч. В. Куриленкова. – Л. : Советский писатель, 1950. – 453 с.
12. Современные рабоче-крестьянские поэты в образцах и автобиографиях с портретами / сост. П.Я. Заволокин. – Ивано-Вознесенск: Основа, 1925. – 264 с.
13. У истоков русской пролетарской поэзии (Е.Е. Нечаев, Ф.С. Шкулев, А.М. Гмырев) / Вступ. статья А.М. Бихтера [с. 5-30]. – М.-Л.: Сов писатель, 1965. – 451 с.

14. Ходасевич, В.Ф. Собрание сочинений: В 4 т. Т. 1: Стихотворения. Литературная критика 1906–1922. – М.: Согласие, 1996. – 592 с.
15. Якубович, П.Ф. Стихотворения: Т. 1-2 / П.Ф. Якубович. – СПб. : Ред. журн. «Русское богатство», 1901. - 2 т.
16. Абашина, М.Г. Массовая литература 1880 – начала 1890-х годов (И.И. Ясинский, В.И. Бибиков): автореф. дисс. ... канд. филол. наук / М.Г. Абашина. – СПб., 1992. – 16 с.
17. Айхенвальд, Ю. Силуэты русских писателей / Ю. Айхенвальд. – М.: Республика, 1994. – 591 с.
18. Алтаев, Ал. Юноша-поэт : Жизнь и творчество С.Я. Надсона : С 10 рис. в тексте / Ал. Алтаев. – Пг. : Жизнь и знание, 1915. – 93 с.
19. Андреев, Л. Надсон и наше время / Л. Андреев // Русская воля. – 1917. – № 18. – 19 января.
20. Андреевский, С.А. Литературные очерки / С.А. Андреевский. – СПб. : Тип. А.Е. Колпинского, 1902. – 498 с.
21. Арзамасов, А.А. Образы двери и окна в поэзии Рафита Мина / А.А. Арзамасов // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». – 2015. – Т. 25. – Вып. 2. – С. 160-163.
22. Арсеньев, К.К. Критические этюды по русской литературе : Т. 1-2 / К.К. Арсеньев. – СПб. : Тип. М.М. Стасюлевича, 1888. – 2 т.
23. Баевский, В.С. Лингвистические, математические, семиотические и компьютерные модели в истории и теории литературы / В.С. Баевский. – М. : Языки славянской культуры, 2001. – 332 с.
24. Базаров, В. На два фронта / В. Базаров. – СПб. : Прометей, 1910. – 211 с.
25. Батуев, А. Семен Яковлевич Надсон / А. Батуев // Казанский листок. – 1887. – № 24. – 30 января.
26. Батюшков, Ф. Критические очерки и заметки / Ф. Батюшков. – М.: Изд. книжн. магаз. А. Ф. Цинзерлинга, 1900.

- 27.Белинский, В.Г. Собрание сочинений. В 9-ти томах. Т. 3 / В.Г. Белинский. – М.: Худож. лит., 1978. – 614 с.
- 28.Белый, А. Символизм как миропонимание / А. Белый / сост., вступ. ст. и прим. Л.А. Сугай. – М.: Республика, 1994. – 525 с.
- 29.Белый, А. Сравнительная морфология ритма русских лириков в ямбическом диметре [Электронный ресурс] / А. Белый. – Режим доступа: http://az.lib.ru/b/belyj_a/text_11_1909_simvolizm.shtml.
- 30.Бибиков, В. Рассказы / В. Бибиков. – СПб. : Изд. А. Я. Панафидина, 1888. – С. 385–400.
- 31.Бикбулатова, К.Ф. Русская поэзия 80-х годов / К.Ф. Бикбулатова // История русской поэзии: В 2 т. Т. 2. – Л.: Наука, 1969. – С. 227-252.
- 32.Богословский, Е. Очерк поэтической деятельности С.Я. Надсона. «Еще одна тяжелая утрата» / Е. Богословский. – Екатериноград: Типография Кубанской области, 1887. – 39 с.
- 33.Бройтман, С.Н. Русская лирика XIX – начала XX века в свете исторической поэтики (субъектно-образная структура) / С.Н. Бройтман. – М.: Изд-во РГГУ, 1997. – 307 с.
- 34.Буренин, В. Критические очерки и памфлеты / В. Буренин. – СПб.: Изд. А.С. Суворина, 1884. – 317 с.
- 35.Бялый, Г. А. Поэты 1880–1890-х годов / Г.А. Бялый // Поэты 1880–1890-х гг. – Л.: Сов. писатель, 1972. – С. 5–64.
- 36.Бялый, Г.А. С.Я. Надсон // С.Я. Надсон. Полное собрание стихотворений. – М.-Л.: Сов. писатель, 1962. – С. 5–46.
- 37.Васильев, Н.Л. А.И. Полежаев и русская литература / Н.Л. Васильев. – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 1992. – 168 с.
38. Васильев, Н.Л. Поэзия А.И. Полежаева в контексте русской литературы: автореф. дис. ... докт. филол. наук / Н.Л. Васильев. – М., 1994. – 33 с.
- 39.Вацуро, В.Э. Лирика пушкинской поры: «Элегическая школа» / В.Э. Вацуро. – СПб.: Наука, 1994. – 238 с.

40. Введенский, А. Поэт переходного времени / А. Введенский // Дело. – 1886. – № 5. – Отд. II. – С. 1–24.
41. Вельская, Л.Л. Мотив одиночества в русской поэзии: От Лермонтова до Маяковского / Л.Л. Вельская // Русская речь. – М., 2001. – №№ 4–6.
42. Веслинг, Р. Смерть Надсона как гибель Пушкина: «образцовая травма» и канонизация поэта «больного поколения» [Электронный ресурс] / Р. Веслинг // Новое литературное обозрение. – 2005. – № 75. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nlo/2005/75/ba7.html>.
43. Виленкин, Н. Стихотворения С. Надсона / Н. Виленкин // Новь. – 1885. – Т. III. – № 11. – С. 489–490.
44. Волков, А.А. Русская литература XX века. Дооктябрьский период / А.А. Волков. – М.: Просвещение, 1964. – 504 с.
45. Гаспаров, М.Л. Очерки истории русского стиха. Метрика. Ритмика. Рифма. Строфика / М.Л. Гаспаров. – М.: Фортуна Лимитед, 2000. – 352 с.
46. Гаспаров, М.Л. Русские стихи 1890–1925-го годов в комментариях / М.Л. Гаспаров. – М.: Высш. шк., 1993. – 272 с.
47. Гаспаров, М.Л. Современный русский стих. Метрика и ритмика / М.Л. Гаспаров. – М.: Наука, 1974. – 487 с.
48. Гинзбург, Л.Я. О лирике / Л.Я. Гинзбург. – М.: Интрада, 1997. – 408 с.
49. Говоров, К. Современные поэты: Критические очерки / К. Говоров. – СПб.: Изд-во «День», 1889. – 191 с.
50. Гольцев, В. Памяти С.Я. Надсона / В. Гольцев // Русские ведомости. – 1887. – № 24. – 25 января.
51. Гриневич-Якубович, П.Ф. Обзор нашей современной поэзии / П.Ф. Гриневич-Якубович // Русское богатство. – 1897. – № 9. – С. 1–20.
52. Гришина Е. А., Корчагин К. М., Плунгян В. А., Сичинава Д. В. Поэтический корпус в рамках Национального корпуса русского языка: общая структура и перспективы использования // Национальный корпус русского языка: 2006–2008. Новые результаты и перспективы. СПб.: Нестор-История, 2009. – С. 71–113.

53. Двинятина, Т.М. Поэзия И.А. Бунина: Эволюция. Поэтика. Текстология: дисс. ... докт. филол. наук / Т.М. Двинятина. – СПб., 2015. – 441 с.
54. Дудаков, С.Ю. Этюды любви и ненависти: Очерки / С.Ю. Дудаков. – М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 2003. – 542 с.
55. Евгеньев-Максимов, В. Очерк истории новейшей русской литературы / В. Евгеньев-Максимов. – М.-Л.: Госиздат, 1927. – 259 с.
56. Ерзов, Г.Н. Новый словарь рифм / Г.Н. Ерзов. – М.: СПб: [б. и.], 2014. – 187 с.
57. Ермилова, Е.В. Поэзия на рубеже веков / Е.В. Ермилова // Смена литературных стилей. На материале Русской литературы XIX-XX веков. – М.: Наука, 1974. – С. 58-121.
58. Жаплова, Т.М. Усадебная поэзия в русской литературе XIX – начала XX веков: дисс. ... докт. филол. наук / Т.М. Жаплова. – М., 2007. – 39 с.
59. Жервэ, Н. Кадетские, юнкерские и офицерские годы Надсона. По воспоминаниям его товарищей и письмам поэта / Н. Жервэ. – СПб.: В.В. Аверкиев, 1907. – 120 с.
60. Жирмунский, В.М. Введение в литературоведение: Курс лекций / В.М. Жирмунский / под ред. З.И. Плавскина, В.В. Жирмунской. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1996. – 440 с.
61. Жирмунский, В.М. Теория литературы. Поэтика. Стилистика / В.М. Жирмунский. – Л.: Наука, 1977. – 407 с.
62. Зырянов, О.В. Принципы анализа поэтического текста / О.В. Зырянов. – Екатеринбург: УрГУ, 2000. – 127 с.
63. Зырянов, О.В. Ситуация любви к мертвой возлюбленной в русской поэтической традиции / О.В. Зырянов // Известия Уральского государственного университета. – 2000. – № 17. – С. 57–74.
64. Иванова, Е.В. Забытый певец / Е.В. Иванова // С.Я. Надсон. Стихотворения / Вст. ст. и примеч. Е.В. Ивановой. – М.: Сов. Россия, 1987. – С. 5–20.
65. Иванюк, Б.П. Поэтическая речь : словарь терминов / Б.П. Иванюк. – М. : Флинта : Наука, 2011. – 307 с.

- 66.Ивлев, Д. Русская советская лирика 1917 – начала 1930-х гг. (Типология и история) / Д.Д. Ивлев. – Чебоксары : Чувашский гос. пед. ун-т им. И.Я. Яковлева, 2004. – 310 с.
- 67.Илюшин, А.А. Некрофильские этюды [Электронный ресурс] / А.А. Илюшин // Комментарии. – 1995. – № 7. – С. 62–80. – Режим доступа: <http://kassandrion.narod.ru/commentary/07/5ili1.htm>.
- 68.Илюшин, А.А. Русское стихосложение: Учеб. пособие / А.А. Илюшин. – М.: Высш. шк., 2004. – 239 с.
- 69.История русской литературы: В 10 т. Т. IX. Ч. 1. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1956. – 534 с.
- 70.История русской литературы: В 10 т. Т. X. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1954. – 804 с.
- 71.История русской литературы: В 4 т. Т. 4: Литература конца XIX – начала XX веков (1881-1917). – Л.: Наука, 1983. – 784 с.
- 72.История русской поэзии: В 2 т. Т. 2. М.: Наука, 1968. – 538 с.
- 73.Ковалева, Т.В. Русский стих 80-90-х гг. XIX века: автореф. дисс. ... канд. филол. наук / Т.В. Ковалева. – М., 1994. – 24 с.
- 74.Кожин, В.В. Стихи и поэзия / В.В. Кожин. – М.: Сов. Россия, 1980. – 304 с.
- 75.Козлов, В.И. Русская элегия неканонического периода: Типология, история, поэтика: автореф. дисс. ... докт. филол. наук / В.И. Козлов. – М., 2013. – 42 с.
- 76.Котляревский, Н. Очерки новейшей русской литературы. Поэзия гнева и скорби / Н.А. Котляревский. – М.: Тип. А.И. Мамонтова и К°, 1890. – 52 с.
- 77.Кошемчук, Т.А. «Мой демон» в русской лирике: опыт познания внутреннего человека в поэтической антропологии классического периода / Т.А. Кошемчук // Проблемы исторической поэтики. – Вып. 8. – 2008. – С. 275–295.
- 78.Краснянский, В.В. Поэтический штамп в лирике С. Надсона / В.В. Краснянский // Проблемы структурной лингвистики. – М.: Наука, 1984. – С. 237–247.

- 79.Крестовский, В. Стихотворения С. Надсона: (Рецензия по поводу рецензии) / В. Крестовский // Живописное обозрение. – 1885. – № 18. – С. 269–282.
- 80.Круглов, А.В. С.Я. Надсон. Биография и характеристика / А.В. Круглов. – СПб.: Издание А.С. Панафидиной, 1914. – 10 с.
- 81.Лахтина, Ж.И. Философская поэзия 80–90-х годов XIX века: С. Андреевский и Вл. Соловьев: автореф. дисс. ... канд. филол. наук / Ж.И. Лахтина. – М., 1984. – 16 с.
- 82.Левин, М. «Применение ЭВМ для составления словарей рифм» / М. Левин // НТР и развитие художественного творчества. – Л.: Наука, 1980. – С. 196-202.
- 83.Лекманов, О.А. Мандельштам и Эдгар По (к теме: «постсимволизм и романтики») / О.А. Лекманов // Постсимволизм как явление культуры: Материалы международной научной конференции. Москва, 10-11 марта 1995 г. / Отв. ред. И.А. Есаулов. – М.: РГГУ, 1995. – С. 39-41.
- 84.Леман, А. Воспоминания о С.Я. Надсоне / А. Леман // Леман А. Рассказы. – СПб, 1888. – С. 3-21.
- 85.Литературная энциклопедия терминов и понятий / Под ред. А.Н. Николюкина. – М.: Интелвак, 2001. – 1600 стб.
- 86.Литературное наследство. Н.А. Некрасов. Т. 49–50. – М.: Изд-во АН СССР, 1946. – 655 с.
- 87.Литературно-эстетические концепции в России конца XIX – начала XX веков / отв. ред. Б.А. Бялик. – М.: Наука, 1975. – 416 с.
- 88.Литературный процесс и русская журналистика конца XIX начала XX века, 1890-1904: В 2 кн. Кн. 2: Буржуазно-либеральные и модернистские издания. – М.,1982. – 370 с.
- 89.Лосев, А.Ф. Проблема художественного стиля / А.Ф. Лосев. – К.: «Collegium», «Киевская Академия Евробизнеса», 1994. – 288 с.
- 90.Лосев, А.Ф. Страсть к диалектике. Литературные размышления философа / А.Ф. Лосев. – М.: Сов. писатель, 1990. – 318 с.
- 91.Лотман, Ю.М. Анализ поэтического текста. Структура стиха / Ю.М. Лотман. – Л.: Просвещение, 1972. – 271 с.

92. Лурье, С. Ватсон [Электронный ресурс] / С. Лурье // Звезда. – 2014. – № 1. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/zvezda/2014/1/16v.html>
93. Львов-Рогачевский, В.Л. Новейшая русская литература / В. Львов-Рогачевский. – М.-Л. : Изд-во Л.Д. Френкель, 1924. – 396 с.
94. М. М. <М. М. Могилянский>. Поэзия Надсона / М.М. Могилянский. – СПб.: Тип. А.А. Пороховщикова, 1897. – 26 с.
95. Манн, Ю.В. Поэтика русского романтизма / Ю.В. Манн. – М.: Наука, 1976. – 375 с.
96. Мельшин, Л. (П.Ф. Якубович). С.Я. Надсон. К двадцатой годовщине смерти / П.Ф. Якубович. – М.: Товарищество типографии А.И. Мамонтова, 1906. – 60 с.
97. Мельшин, Л. (Якубович П.Ф.) Очерки русской поэзии / П.Ф. Якубович. – СПб.: Ред. журн. "Рус. богатство", 1904. – 406 с.
98. Меньшиков, М.О. О писательстве / М.О. Меньшиков. – СПб.: б. и., 1898. – 316 с.
99. Мережковский, Д.С. Письма к С.Я. Надсону (1882-1884) / Д.С. Мережковский // Новое литературное обозрение. – 1994. – № 8. – С. 174-192.
100. Минц, З.Г. «Новые романтики» (К проблеме русского пресимволизма) / З.Г. Минц // Тыняновский сборник. Третьи Тыняновские чтения. – Рига: Зинатне, 1988. – С.144-149.
101. Мирошникова, О.В. Анализ лирического цикла и книги стихов. Канонические структуры и маргинальные формы циклизации в поэзии последней трети XIX века: Учеб. пособие / О.В. Мирошникова. – Омск: Изд-во ОмГУ, 2001. – 78 с.
102. Мирошникова, О.В. Лирика К.К. Случевского (Жанрово-композиционное своеобразие): автореф. дисс. ... канд. филол. / О.В. Мирошникова. – Л., 1983. – 16 с.
103. Мороз, О.Н. Экзистенциализм как философский субстрат поэзии в «иносказательной эпопее» С.С. Боброва «Священная ночь вселенной, или

- Странствующий слепец» / О.Н. Мороз // Теория и практика общественного развития. – 2014. – № 21. – С. 225-228.
104. Москвин, В.П. Теоретические основы стиховедения / В.П. Москвин. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 320 с.
105. Муравьева, О.С. Образ «мертвой возлюбленной» в творчестве Пушкина / О.С. Муравьева // Временник Пушкинской комиссии / АН СССР. ОЛЯ. Пушкин. комис. – СПб.: Наука, 1991. – Вып. 24. – С. 17—28.
106. Нестеров, А.В. Исследовательская и обучающая электронная база данных по метрико-строфическому репертуару русской поэзии XVIII—XXI вв. (Проблемы разработки, результаты и перспективы) / А.В. Нестеров, О.С. Лалетина, К.Ю. Тверьянович, Е.В. Хворостьянова // Poetry and Poetics. A Centennial Tributeto Kiril Taranovsky, Edited by Barry P. Scherr, James Bailey, Vida T. Johnson, Bloomington, Indiana: Slavica, 2015. – P. 273–287.
107. Николаев, А.И. Мотив мгновения и вечности в русской поэзии к. XIX – нач. XX вв. / А.И. Николаев // Творчество писателя и литературный процесс. – Иваново: ИВГУ, 1999. – С. 15-26.
108. Орлицкий, Ю.Б. Стих и проза в русской литературе / Ю.Б. Орлицкий. – М.: РГУУ, 2002. – 685 с.
109. Орлова, О.А. Метрика и строфика Я.П. Полонского / О.А. Орлова // Русское стихосложение XIX в. Материалы по метрике и строфике русских поэтов. – М.: Наука, 1979. – С. 414–450.
110. Осанкина, В.А. Библейско-евангельская традиция в эстетике и поэзии русского романтизма: автореф. дисс. ... докт. филол. наук / В.А. Осанкина. – Екатеринбург, 2001. – 35 с.
111. Панов, М.П. Сломленные крылья. (Критико-психологический этюд) / М.П. Панов // Русская мысль. – 1901. – № 6. – Отд. II. – С. 105-134.
112. Петербургская стихотворная культура: Материалы по метрике, строфике и ритмике петербургских поэтов / сост. и науч. ред. Е. В. Хворостьяновой. – СПб. : Нестор-История, 2013. - 473 с.

113. Полный словарь русских рифм («Русский рифмовник») / сост. Н. Абрамов. – СПб.: Типография В.Я. Мильштейна, 1912. – 157 с.
114. Портер, Л.Г. Симметрия – владычица стихов : Очерк начал общ. теории поэт. структур / Л.Г. Портер. – М. : Яз. славян. культуры, 2003. – 255 с.
115. Поэтика: Словарь актуальных терминов и понятий / гл. науч. ред. Н.Д. Тмарченко. – М. : Издательство Кулагиной; Intrada, 2008. – 358 с.
116. Поэтический строй русской лирики / отв. ред. Г.М. Фридендер. – Л.: Наука, 1973. – 351 с.
117. Протопопов, М. Критические статьи / М. Протопопов. – М.: С. Скирмунт, 1902. - 500 с.
118. Протопопов, М. Поэты переходного времени (С.Я. Надсон, П.Ф. Якубович) / М. Протопопов // Русская мысль. – 1899. – № 1. – Январь. – С. 42-43.
119. Рейтблат, А.И. Буренин и Надсон: как конструируется миф [Электронный ресурс] / А.И. Рейтблат // Новое литературное обозрение. – 2005. – № 75. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nlo/2005/75/ba7.html>.
120. Российская-Кожевникова, М.А. Воспоминания о Надсоне. К 25-летию со дня кончины / М.А. Российская-Кожевникова. – М.: Типо-литография Т-ва И.Н. Кушнерев и К°, 1912. – 10 с.
121. Русская литература XX века. 1890-1910: В 3 т. / под ред. проф. С.А. Венгерова. – М.: Мир, 1914–1916.
122. Русская литература рубежа веков (1890 – начало 1920-х годов) / отв. ред. В.А. Келдыш. Кн. 2. – М.: Наследие, 2001. – 765 с.
123. Русский стих: Метрика. Ритмика. Рифма. Строфика. – М.: РГГУ, 1996. – 336 с.
124. Русское стихосложение XIX в. Материалы по метрике и строфике русских поэтов. – М.: Наука, 1979. – 452 с.
125. С.Я. Надсон. Сборник журнальных и газетных статей, посвященных памяти поэта, с приложением портрета / С.Я. Надсон. – СПб: Типография И.И. Скороходова, 1887.

126. Самойлов, Д.С. Книга о русской рифме / Д. Самойлов. – М.: Худож. лит., 1982. – 351 с.
127. Сапожков, С.В. «Сломленные крылья»: поэзия Семена Яковлевича Надсона / С.В. Сапожков // Литература в школе. – 1999. – № 8. – С. 32-43.
128. Сапожков, С.В. Русская поэзия 1880–1890-х гг.: «конструктивность хаоса» или «эстетический имморализм»? [Электронный ресурс] / С.В. Сапожков // Новое литературное обозрение. – 2005. – № 75. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nlo/2005/75/ss31.html>
129. Сапожков, С.В. Русская поэзия 1880–1890-х годов в свете системного анализа: от С.Я. Надсона к К.К. Случевскому (течения, кружки, стили): автореф. дисс. ... докт. филол. наук / С.В. Сапожков. – М., 1999. – 46 с.
130. Сапожков, С.В. Русские поэты «безвременья» в зеркале 1880–1890-х годов / С.В. Сапожков. – М.: Прометей, 1996. – 118 с.
131. Словарь рифм М.Ю. Лермонтова / Под ред. В.В. Бородина, А.Я. Шайкевича; Сост. Авдеева А.А., Бородин В.В., Быкова Н.Я., Козокина С.М., Гордеева Н.А., Макарова Л.А., Шайкевич А.Я. // Лермонтовская энциклопедия / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом); Науч.-ред. совет изд-ва «Сов. Энцикл.». – М.: Сов. Энцикл., 1981. – С. 666–716.
132. Словарь рифм Пушкина – «Pushkins Ryhmes» / Под ред. Д.Т. Шоу, 1974. – Wisconsin, 1974. – 717 с.
133. Словарь рифм Р. Рождественского / Сост. А. Бабкин. – Тюмень: Издательство Ю. Мандрики, 2001. – 351 с.
134. Словарь рифм С. Есенина / В.П. Тимофеев; ред. О.В. Тимофеева. – Шадринск: ШГПИ, 2009. – 334 с.
135. Соколов, А.Г. История русской литературы конца XIX – начала XX века: Учеб. / А.Г. Соколов. – М.: Высш. шк., 1999. – 432 с.
136. Соколов, М.Н. Принцип рая. Главы об иконологии сада, парка и прекрасного вида / М.Н. Соколов. – М.: Прогресс-Традиция, 2011. – 704 с.

137. Соловьев (Андреевич), Е. Очерки из истории русской литературы XIX века / Е. Соловьев (Андреевич). – СПб.: Издание Н.П. Карбасникова, 1907. – 568 с.
138. Солодова (Матиканская), Т.И. Феномен Семёна Надсона. Жизненный и творческий путь поэта / Т.И. Солодова (Матиканская). – Тобольск: б. и., 2014.
139. Спивак, Р.С. Русская философская лирика. 1910-е годы. И. Бунин, А. Блок, В. Маяковский: Учеб. пособие / Р.С. Спивак. – М. : Флинта : Наука, 2003. – 407 с.
140. Стернин, Г.Ю. Художественная жизнь России на рубеже XIX-XX веков / Г.Ю. Стернин. – М.: Искусство, 1970. – 293 с.
141. Тарланов, Е.З. Между золотым и серебряным веком / Е.З. Тарланов. – Петрозаводск: ПетрГУ, 2001. – 400 с.
142. Тарланов, Е.З. Поэзия К.М. Фофанова и тенденции в русской лирике конца XIX века: автореф. дисс. ... докт. филол. наук / Е.З. Тарланов. – СПб., 1999. – 49 с.
143. Тахо-Годи, Е.А. Константин Случевский. Портрет на пушкинском фоне / Е.А. Тахо-Годи. – СПб.: Алетейя, 2000. – 389 с.
144. Тахо-Годи, Е.А. Лермонтовская традиция в творчестве К. Случевского / Е.А. Тахо-Годи // Русская литература. – 1993. – № 3. – С. 3-16.
145. Тверьянович, К. Поэтика Бенедикта Лившица. Система стиха / К. Тверьянович. – СПб.: Симпозиум, 2008. – 273 с.
146. Теория литературы: Учеб. пособие: В 2 т. / под ред. Н.Д. Тмарченко. – М.: Изд. Центр «Академия», 2004. – 2 т.
147. Теплов, В.В. С.Я. Надсон: Критический опыт / В.В. Теплов. – Киев: Тип. В.С. Кульженко, 1887. – 13 с.
148. Тихомирова, Л.Н. «Ночная» поэзия в русской романтической традиции: генезис, онтология, поэтика: автореф. дисс. ... канд. филол. наук / Л.Н. Тихомирова. – Екатеринбург, 2010. – 23 с.
149. Томашевский, Б.В. Стих и язык : Филологические очерки / Б.В. Томашевский. – М.-Л. : Гослитиздат, 1959. – 471 с.

150. Топоров, В.Н. Петербургский текст русской литературы / В.Н. Топоров. – СПб.: Искусство–СПБ, 2003. – 616 с.
151. Трубицын, Н. Один из восьмидесятников (Надсон) / Н. Трубицын. – Варшава : тип. Варш. учеб. окр., 1908. – 31 с.
152. Тынянов, Ю.Н. Литературный факт / Ю.Н. Тынянов. – М. Высш. шк., 1993. – 318 с.
153. Федотов, О.И. Основы теории литературы: Учеб. пособие: В 2 ч. / О.И. Федотов. – М.: Гуманит. изд. Центр ВЛАДОС, 2003. – 2 ч.
154. Философские течения русской поэзии. Избранные стихотворения и критические статьи / Сост. П.П. Перцов. – СПб.: Типография М. Меркушева, 1896. – 394 с.
155. Фок, П.М. Практический словарь рифм / П.М. Фок. – М.: ТОО «Фирма «Большая Полянка», 1993. – 118 с.
156. Хворостьянова, Е.В., Тверьянович, К.Ю. Инструкция к составлению метрико-строфических справочников по произведениям русских поэтов XVIII–XX вв. / Е.В. Хворостьянова, К.Ю. Тверьянович // Петербургская стихотворная культура: Материалы по метрике, строфике и ритмике петербургских поэтов. СПб.: Нестор-История, 2013. – С. 11–63;
157. Ходасевич, В.Ф. Пролетарские поэты [Электронный ресурс] / В.Ф. Ходасевич // «Современные записки». – 1925. – Кн. XXVI. – Режим доступа: http://dugward.ru/library/hodasevich/hodasevich_prolet_poet.html.
158. Холшевников, В.Е. Инструкция к составлению словаря рифм А.С. Пушкина / В.Е. Ходасевич. – Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1974. – 17 с.
159. Холшевников, В.Е. Основы стиховедения: Русское стихосложение: Учеб. пособие / В.Е. Холшевников. – СПб.: Академия, 2004. – 208 с.
160. Христианство и русская литература. Вып. 4 / отв. ред. В.А. Котельников. – СПб.: Наука, 2002. – 536 с.
161. Царевский, А.А. С.Я. Надсон и его поэзия «мысли и печали» / А.А. Царевский. – Казань: Типо-лит. Ун-та, 1895. – 128 с.

162. Чаркин, В.В. Концепт «Поэт» как способ выражения авторского сознания в лирике С.Я. Надсона / В.В. Чаркин // Ученые записки Орловского гос. ун-та. – 2012. – № 5. – С. 279–284.
163. Чуйко, В.В. Надсон и Гаршин / В.В. Чуйко // Наблюдатель. – 1888. – № 11. – С. 164-187.
164. Чуйко, В.В. Современная русская поэзия в ее представителях / В.В. Чуйко. – СПб.: Тип. А. Тагов, 1885. – 210 с.
165. Шведер, Е. Семен Яковлевич Надсон / Е. Шведер. – М.: Тип. К.Л. Меньшова, 1917. – 30 с.
166. Шулятиков, В.М. Этапы новейшей лирики [Электронный ресурс] / В.М. Шулятиков. – Режим доступа: http://az.lib.ru/s/shuljaticow_w_m/text_1000.shtml.
167. Щенникова, Л.П. Проблема «сомнения» и цикл «Мефистофель» в поэзии К.К. Случевского / Л.П. Щенникова // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. – 2002. – № 5. – С. 102-109.
168. Щенникова, Л.П. Русская поэзия 1880–1890-х годов / Л.П. Щенникова // История русской литературы XIX века: 1870-1890 е годы: Кн. для учителя. – Екатеринбург: УрГУ, 2000. – С. 261-294.
169. Щенникова, Л.П. Русская поэзия 1880–1890-х годов как культурно-исторический феномен: автореф. дисс. ... докт. филол. наук / Л.П. Щенникова. – Екатеринбург, 2003. – 46 с.
170. Ясинский, И.И. Надсон в Киеве / И.И. Ясинский // Биржевые ведомости. – Утренний выпуск. – 1897. – 1 февраля.
171. Яцимирский, А.И. Поэт – рабочий: П.А. Травин / А.И. Яцимирский. – [Б. м.] : [б. и.]. – 7 с.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

СЛОВАРЬ РИФМ С.Я. НАДСОНА

I

«Словарь рифм С.Я. Надсона» составлен по всем стихотворным произведениям поэта (стихи, поэмы, отрывки) в количестве 497 текстов, составляющих Полное собрание стихотворений (М.–Л., 1962). А.А. Илюшин считал исследование творческой манеры любого поэта неполным без составления словаря рифм.

Приступая к формированию первого на данный момент словаря рифм Надсона, мы, прежде всего, ознакомились с существующей традицией. Нами были проанализированы следующие словари: «Полный словарь русских рифм» (Сост. Н. Абрамов, 1912), «Словарь рифм Пушкина» (Под ред. Д.Т. Шоу, 1974), «Инструкция к составлению словаря рифм А.С. Пушкина» (В.Е. Холшевников), «Словарь рифм М.Ю. Лермонтова» (Сост. А. А. Авдеева, В.В. Бородин, Н.Я. Быкова, С.М. Козокина, Н.А. Гордеева, Л.А. Макарова, А.Я. Шайкевич, 1981), «Практический словарь рифм» (Сост. П.М. Фок, 1993), «Словарь рифм Р. Рождественского» (Сост. А. Л. Бабакин, 2001), «Словарь рифм С. Есенина» (Сост. В.П. Тимофеев, 2009), «Новый словарь рифм» (Сост. Г.Н. Ерзов, 2014).

«Полный словарь русских рифм» («Русский рифмовник»), составленный Н. Абрамовым (Переферкович Н.А.) в 1912 г., – один из первых подобных опытов в русской науке о литературе. В него вошли все слова русского языка, употреблявшиеся к тому моменту в поэтической речи. Научные термины, а также «слова и формы с ударением дальше третьего слога от конца»²³⁷ составили исключение. Слова расположены в обратном порядке рифм. Под рифмой Н. Абрамов имеет в виду «конец слова, считая от ударяемого гласного»²³⁸. Все слова

---

²³⁷ Полный словарь русских рифм («Русский рифмовник») / сост. Н. Абрамов. СПб., 1912. С. III.

²³⁸ Там же.

в «Рифмовнике» разбиты на 8 групп по числу гласных, с которых они начинаются: А, Е, И, О, У, Ы, Ю, Я.

Буквы Ё, употребляющаяся в печати с 1795 года, и Э в словарь по неизвестным причинам не вошли. В каждой группе слова расположены по гнездам, в алфавитном порядке. Например, в группе А имеются гнезда: а, аб, аба, абе, аби и тд. Таким образом, рифму к слову «туча» в рифмовнике нужно искать на у, после у, уб, уба, ука, уха, уц, уца, уцы, уч, уц и уч. Тогда мы сможем увидеть перечень рифм: «качуча», «круча», «куча» и т. д.

Вопрос о двойном ударении, имеющем место в русской поэзии, автор «Рифмовника» решает в пользу нормы. Устаревшие и «провинциальные» ударения, как он их называет, Абрамов в расчет не принимает²³⁹.

Свое решение не располагать слова в алфавитном порядке автор объясняет тем, что каждое русское существительное или прилагательное, точнее, парадигма его словоформ принадлежит к разным рифменным гнездам. «Например, слово «сторона» в И.п. ед.ч принадлежит к гнезду «на», в родительном – «ны», в дательном «н» и т. д. Таим образом, каждое существительное, прилагательное, числительное, местоимение, уже не говоря о глаголах, должно повторяться в рифмовнике множество раз. Поэтому он должен быть, по крайней мере, в десятки раз больше книги, которая заключала бы все слова русского языка, помещенные в ряд»²⁴⁰.

В целом, выбирая форму подачи и расположения материала, Н. Абрамов руководствовался следующими задачами: «Благодаря целой системе ссылок, дающих возможность помещать в «Рифмовник» каждое, не представляющее исключение, слово только один раз, нам удалось свести размер «Рифмовника» до десяти печатных листов и соответственно уменьшить его цену. Компактное издание «Словаря» так же полно, как и подробное, только занимает меньше места и дешевле»²⁴¹.

²³⁹ Полный словарь русских рифм. С. V.

²⁴⁰ Там же.

²⁴¹ Там же.

Нами было изучено полное, а не сокращенное издание «Рифмовника», однако и оно содержит сложную систему сокращений, так что пользоваться данным словарем довольно сложно.

Мы столь подробно останавливаемся на анализе данного рифмовника, потому что принцип его составления так или иначе будет повторяться с некоторыми изменениями в позднейших словарях рифм.

Например, почти по такой же схеме составлен в 1993 году «Практический словарь рифм» П.М. Фока. Его цель – помощь начинающим поэтам. «Словарь составлен для целей чисто практических и на полноту не претендует. Чтобы найти нужную рифму, нужно сначала определить опорный гласный звук: а, е, и, о или у. Мужскую рифму определяет опорная гласная и предшествующая согласная, женскую – опорная гласная и последующие звуки. «Добавки» к опорным гласным, как и сами гласные, расположены в алфавитном порядке, причем сначала даны женские рифмы, а потом мужские. Парные согласные б-п, в-ф, д-т, з-с обычно спариваются по мягкой или по жесткой... Семейства дактильных рифм в словаре не представлены»²⁴². Данный словарь носит, скорее, ознакомительный характер. Впрочем, автор предупреждает об этом в предисловии: «В тонкостях предлагается разобраться лично»²⁴³.

«Словарь рифм Пушкина», выпущенный Висконсинским университетом (США) под редакцией известного американского слависта Дж. Томаса Шоу (J. Tomas Shaw. *Pushkin`s Rhymes. A Dictionary*) в 1974 г., стал одним из первых словарей рифм конкретного автора. При его создании Шоу активно использовал электронно-вычислительную технику, подробно описывая весь процесс систематизации материала. В результате им был выпущен объемный труд в 717 страниц. Текст состоит из трех частей. Первая представляет собой словарь окончаний стихотворных строк (рифмованных и нерифмованных); каждое слово дается в той грамматической форме, в которой употребляется в тексте, и, таким образом, может встретиться в словаре несколько раз. Вторая часть – указатель

²⁴² Фок П.М. Практический словарь рифм. М., 1993. С. 6.

²⁴³ Там же.

расположенных по алфавиту рифменных гнезд (отдельно для мужских, женских, дактилических и гипердактилических рифм (например, аба, абе... до яась). Здесь же рифмам дается грамматическая характеристика, например, сообщается о богатстве рифм. Это отличает данный словарь рифм от других. Третья часть – указатель стихотворных произведений.

Не все стиховедческие принципы Д. Шоу разделяются российскими исследователями. Так, М. Левин в статье «Применение ЭВМ для составления словарей рифм»²⁴⁴ подчёркивает, что эта зарубежная методика не учитывает первостепенную роль фонетического начала рифмы, преувеличивая графический компонент. Левин предлагает опираться на работу В.Е. Холшевникова «Инструкция к составлению словаря рифм А.С. Пушкина», согласно которой в словаре рифм необходимо разместить показатели вхождения, омонимичности, звуковые характеристики богатых, полных и других типов рифм, увеличив таким образом количество характеристик рифм.

«Словарь рифм Р. Рождественского», составленный А. Бабакиным, создан чисто квантитативным методом с использованием компьютера. Выборка составляет 544 стихотворных текста и содержит около 10500 рифм. Это не все известные тексты поэта, а «специально отобранный ряд»²⁴⁵. Выбор их произведен составителем субъективно, без объяснения принципов отбора. Рифмующиеся сегменты слов расположены по алфавиту. Основой для поиска служит ударяемая гласная со всем последующим набором согласных и гласных букв. «Так, для созвучия «изгиб – пошиб» указателем будет ИБ... «набережной – набожный» – АБЕРЕЖНОЙ /АБОЖНЫЙ»²⁴⁶.

«Новый словарь рифм Г.Н. Ерзова» состоит из 32 разделов. Слова в нем расположены в алфавитном порядке и сгруппированы по принципу конечной гласной слова. Например, слово «битва» нужно искать на букву А, в этом разделе собраны созвучия в виде буквосочетаний из ударной гласной и всех заударных звуков. Таким образом, чтобы найти слово «битва» в разделе на А, нужно найти

²⁴⁴ Левин М. «Применение ЭВМ для составления словарей рифм», НТР и развитие художественного творчества. Л., 1980, С. 196-202.

²⁴⁵ Словарь рифм Р. Рождественского / Сост. А. Бабкин. Тюмень, 2001. С.4.

²⁴⁶ Там же. С.9.

созвучие «Итва». Автор сам указывает на то, что неподготовленному читателю на первых порах пользоваться словарем будет сложно. В качестве помощи он прилагает Оглавление, где указаны страницы разделов и созвучий.

«Словарь рифм М.Ю. Лермонтова» (1981) и «Словарь рифм С. Есенина» (Сост. В.П. Тимофеев, 2009), создаваясь независимо друг от друга («Словарь рифм С. Есенина» был подготовлен Тимофеевым к публикации в 1978 году, но увидел свет лишь в 2009 после смерти ученого), основываются на алфавитном порядке рифмующихся концов строк, как это было принято в «Словаре рифм Пушкина» Дж. Т. Шоу.

Составляя словарь рифм С.Я. Надсона, мы ориентировались на принципы наших предшественников как наиболее логичные, простые и понятные в использовании.

Как и вышеуказанные работы, наш словарь включает в себя расположенные в алфавитном порядке конечные словоформы, при которых приводятся рифмующиеся с ними слова, а также дается соответствующий «адрес» рифмы в издании поэта. В.П. Тимофеев указывает год написания того или иного произведения. Мы этому пути не следуем, так как творческая активность Надсона длилась недолго, и мы не обнаружили заметной эволюции его творческой манеры в рифменном аспекте.

В квадратных скобках арабскими цифрами мы указываем страницу и через дефис – номер стихотворения на странице (это ее «адрес»). Отличает наш словарь рифм то, то через знак «\» мы указываем характеристику рифмы: полная, неполная и грамматическая, если таковой признак к ней относится. Там, где стихотворение представляет собой единственный текст на странице, мы ограничиваемся только номером страницы и характеристикой. Для определения грамматической рифмы в ряде неоднозначных без контекста случаев мы приводим более подробные характеристики: род, число, падеж. Мы используем следующие сокращения: полн. – полная, неполн. – неполная, грам. – грамматическая, Ж – женская, Д – дактилическая.

Так же, как и в словаре рифм Лермонтова, адрес рифмы дается только для тех рифмующихся слов, которые следуют за главным словом по алфавиту. Например, при слове «оградой» указывается адрес рифмы «досадой» [111\точн.\грам.]. Следуя за составителями словаря рифм Лермонтова, мы не приводим адреса рифмующихся строк в случаях самоповторения (что у Надсона не редкость), то есть если они полностью повторяют уже учтенные рифмы. Например, концевые слова строк «Я жадно ей внимал – в ней слышалось страданье» и «И из груди моей горячее рыданье» [96-1] затем повторяются в поэме «Иуда» [100-2]. Второй адрес в словарь мы не включаем, но для себя фиксируем данный случай, внося в словарь итоговое число повторяемости рифмы. В цепочках рифмующихся слов мы также указываем только адрес последнего слова.

Рифмы к иностранным словам мы приводим отдельно в конце словаря, их у Надсона немного.

Словарь рифм С.Я. Надсона, являющийся приложением к первой, посвященной версификации главе нашего исследования, мы считаем важным материалом, помогающим сделать дополнительные выводы относительно техники стиха. Наш словарь носит прикладной характер. Мы не ставили своей задачей составить полную характеристику всех употребленных Надсоном рифм (этого не делали и наши предшественники, за исключением В.П. Тимофеева и Дж. Т. Шоу), но признак точности\приблизительности\неточности мы сочли для себя важным отметить, т. к. количественные показатели, выявленные в ходе составления словаря, являются важным инструментом для сравнения стиха Надсона с русским стихом 19 века.

«Рифма в конце 19 века до пресноты точна»²⁴⁷, – считает Д. Самойлов. У Надсона мы видим 67,4 % точных рифм среди женских и 40,5 % от общего их числа, что подтверждает традиционность рифмы Надсона. Относительно своей эпохи в употреблении дактилической рифмы Надсон также типичен. Введенная в широкое употребление Некрасовым дактилическая рифма в 1880-е гг. вырождается. Надсон с 1,13% дактилических рифм употребляет их гораздо реже,

²⁴⁷ Самойлов Д. Книга о русской рифме. М., 2005. С. 215.

чем Некрасов, но он близок в этом аспекте к Фету (1%) и Случевскому (2,2%). Чаще всего дактилическую рифму Надсон чередует с мужской: Море — как зеркало!.. Даль необъятная / Вся серебристым сияньем горит... Гипердактилических рифм у Надсона не зафиксировано ни одной. К экспансии приблизительных рифм, начавшейся в ту эпоху, Надсон остался равнодушен: если у А.К. Толстого, согласно данным М.Л. Гаспарова²⁴⁸, приблизительная рифма составляет более четверти всех женских рифм, то у Надсона, по нашим подсчетам, приблизительных женских рифм всего 8,9 %.

У Надсона в минимальном количестве содержатся даже традиционные усеченные рифмы, практически нет составных рифм, неточные рифмы имеются в количестве примерно 1 %. Нами было выявлена склонность автора к грамматически однородным рифмам. 57,3 % подобного вида рифм являются одним из признаков надсоновского стиля, определяющих малую его выразительность, но при этом и легкость восприятия. Деграмматизация рифмы в русской поэзии началось позже, в начале 20 века. Надсон же и в данном вопросе традиционен. Приведённые нами результаты в очередной раз свидетельствует о его тяготении к классическим формам уходящего 19 века, а не к новаторским исканиям грядущего века 20.

Нами учтены все конечные рифмы всех 497 стихотворений, входящих в полное собрание сочинений (в количестве 3511 рифменных пар и рифменных цепочек). Ранние редакции и варианты в количестве 41 стихотворения нами не были взяты в расчёт. Мы сочли их непоказательными ни в количественном, ни в качественном отношении. Во-первых, многие ранние редакции почти полностью повторяют поздние, во-вторых, часть стихотворений не дописана и представляет собой одностишия или фрагменты с отсутствующей рифмой, не найденной автором.

Систематизацию рифм по характеристикам «точная/неточная» мы проводили, руководствуясь определением В.Е. Жирмунского: «Если в рифме рифмуют все звуки, начиная с последнего ударного гласного, то такая рифма

---

²⁴⁸ Гаспаров М.Л. Очерк истории русского стиха. СПб., 2017. С. 216.

будет точная, достаточная: ночь: прочь (рифмует – очь); правил: заставил (рифмует – авил) – это точные, достаточные рифмы»²⁴⁹.

Вопрос о мужских рифмах, оканчивающихся на гласную, мы тоже решили по В.Е. Жирмунскому: «Когда мужская рифма оканчивается на гласную, т. е. когда мы имеем открытый слог, оканчивающийся на гласную, например, «окно», то для того чтобы была достаточная рифма, необходимо рифмовать и опорные согласные. «Окно»: «кольцо» – бедная рифма, потому что рифмует только «о». Значит, для этого единственного случая, когда ударение на последней гласной и гласная кончает собою слово, надо, чтобы рифмовалась и опорная согласная (окно: вино)»²⁵⁰.

Руководствуясь определением Жирмунского, мы решили для себя и проблему рифмы «ы» и «и», которую ученый определяет как узуально-точную (точную с точки зрения узуса, традиции, того, что принято в данном стихосложении): «В русском стиле узуально-точными рифмами, принятыми в поэзии, являются рифмы «ы» и «и»... «и» и «ы» являются парными фонемами. Так, во множественном числе слова с твердой основой заканчиваются на «ы», слова с мягкой основой на «и» (ср.: стол – столы, день – дни). Значит, «ы» и «и» являются грамматически парными гласными фонемами»²⁵¹.

В поэзии Надсона нами было зафиксировано некоторое количество рифм с отсеченным «й». В.Е. Жирмунский считает такие рифмы характерными для русской поэзии в целом: «Например, русские поэты издавна рифмуют милый: могилы, синий: пустыни... Это относится к прилагательным мужского рода. Но в середине 19 века русские поэты стали свободно применять эти рифмы с отсечением «й» не только к прилагательным, но и к таким сочетаниям, где «й» играет гораздо более важную грамматическую роль (ср. Тани: мечтаний; случайно: тайной). Таким образом, здесь целая группа рифм узуально-точных»²⁵². Придерживаясь этой позиции, мы также считаем подобные рифмы точными.

²⁴⁹ Жирмунский В.М. Введение в литературоведение: Курс лекций. М., 2016. С. 297.

²⁵⁰ Жирмунский В.М. Введение в литературоведение. С. 297.

²⁵¹ Там же. С. 300.

²⁵² Там же.

Относительно показателя приблизительности рифмы мы руководствовались мнением Гаспарова, который в этом вопросе полемичен с Жирмунским. «Очень сложным является в русском языке вопрос о рифмовке неударных гласных. В русском произношении неударные гласные, в особенности заударные, редуцированы, т. е. они теряют ясность произношения. Например, «а» и «о», когда они стоят вне ударения, произносятся одинаково. Следовательно, в таких словах, как «тело»: «предела» или «бегом»: «телегам» рифма вполне точная, потому что конечные гласные произносятся одинаково»²⁵³, – считает Жирмунский. Гаспаров же подобные рифмы относит к приблизительным. Так как в этом аспекте мы сравнивали показатели по исследованиям Гаспарова, его мнение и было взято за основу. В остальных теоретических определениях касательно рифмы эти ученые тождественны.

Все подсчёты и систематизация в «Словаре рифм С.Я. Надсона» были проведены вручную. Отдельно дается перечень внутренних рифм с характеристиками, которого нет в словаре М.Ю. Лермонтова, но есть в словаре С. Есенина, составленного Тимофеевым. А.А. Илюшин считал, что внутренние рифмы требуют к себе внимания столь же пристального, как и концевые. В этом смысле нас полностью удовлетворяет определение рифмы, данное В.М. Жирмунским: «Должно отнести к понятию рифмы всякий звуковой повтор, несущий организующую функцию в метрической композиции стихотворения»¹⁶.

Вопрос о внутренних рифмах для стиховедения спорный. Они не так легко поддаются учету, как концевые. «Концевые рифмы откровенны, заметны, ибо расположены там, где им, собственно, и полагается быть, где читатель привычно ожидает их появления. Менее заметны рифмы начальные, т.е. когда рифмуются первые слова в двух соседних строчках. И еще менее заметны внутренние рифмы, как бы утаенные в недрах стиха»²⁵⁴. Нами выписаны 673 рифменные цепочки и описаны их характеристики. Однако этот аспект требует более детального рассмотрения. Среди внутренних рифм, например, показатель грамматичности

---

²⁵³ Жирмунский В.М. Введение в литературоведение. С. 300.

²⁵⁴ Там же.

будет еще выше, чем в концевых. Но если концевые рифмы явно предмет авторского выбора, то внутренние рифмы могут быть случайным явлением. Пока мы делаем основные выводы на примере концевых рифм, оформив внутренние в качестве Приложения №2.

Мы считаем, что данный словарь – наш вклад в копилку словарей рифм русского литературного языка и в изучение творческой манеры С.Я. Надсона, так как лексикографическая систематизация рифм содействует более глубокому пониманию его стиля, поэтики, мастерства.

II

- [без] зако́на – шпио́на [225-1\точн.\грам.] Ж
- [без] ко́нца – венца́ [274\точн.\грам.]
- [без] семье́й – любви́ [176-2\грам.]
- [без] сетей – скорей [311-2\точн.]
- [без] следá – годá [203\точн.\грам.]
- [без] сло́ва – золоти́го [303\точн.] Ж
- [без] сло́ва – рокови́го [278-2\точн.]Ж
- [без] сожале́нья – исцеле́нья [273-1\точн.\грам.ед.]Ж
- [без] стесне́нья – владе́нья [273-2\точн.\грам.ед.]Ж
- [быть] мо́жет – загло́жет [77\точн.]Ж
- [в] ветвях – поля́х [179\точн.\грам.]
- [в] выши́не – весне́ [232-2\точн.\грам.]
- [в] выши́ну – волну́ [260\точн.\грам.]
- [во] мне – вдвойне́ [302-3\точн.]
- [во] мне – оне́ [187\точн.]
- [во] сне – волне́ [112-1\точн.]
- [во] сне – ко мне [168-1\точн.]
- [для] нас – подча́с [156\точн.]
- [из] садо́в – голосо́в [164-2\точн.\грам.]
- [мир] развра́та – бра́та – [нет] возвра́та [178-2\точн.\грам.]
- [мой] друг – [мой] недуг [245-2\точн.\грам.]
- [моя] больна́я – [моя] родна́я [323-1\точн.\грам.]Ж
- [на] реке́ – вдалеке́ [54-1\точн.]
- [над] тобо́й – покóй [84\точн.]
- [над] тобо́й – слезóй [84\точн.]
- [над] тобо́ю – слезóю [308\точн.]Ж
- [над] тобо́ю – судьбо́ю [284\точн.]Ж
- [над] толпо́й – [над] тобо́й [133-1\точн.]
- [над] толпо́й – живóй [178-1\точн.]
- [над] толпо́й – свято́й [66-2\точн.]
- [не] верну́ть – грудь [238-2\точн.]
- [не] встреча́л – стоя́л – звуча́л [104\точн.\грам.]

- [не] жаль – хруста́ль [265-2\точн.]
 [не] ждёт – мелькнёт [252-2\точн.\грам.]
 [не] жду – бреду́ [207\точн.\грам.]
 [не] забы́л – заглуши́л [51-1\точн.\грам.]
 [не] знаёт – отравля́ет [238-2\точн.\грам.]Ж
 [не] знал – попа́л [99\точн.\грам.]
 [не] зна́ю – внима́ю [76\точн.\грам.]Ж
 [не] мани́л – уби́л [209-1\точн.\грам.]
 [не] мог – залёг [23\точн.\грам.]
 [не] мог – уро́к [261\точн.]
 [не] могли́ – земли́ [115-1\точн.]
 [не] наслажде́нье – стремле́нье [51-1\точн.\грам.]Ж
 [не] нашёл – прошёл [258-2\точн.\грам.]
 [не] отличи́т (нач.) – прости́т (вн.) [233\точн.\грам.]
 [не] отума́нит – [не] обма́нет [233\ приблизит.\грам.]Ж
 [не] пойму́т (нач.) – [не] спасу́т (нач.) [66-1\точн.\грам.]
 [не] почи́л – [не] услади́л [54-2\точн.\грам.]
 [не] реша́лся – разрыда́лся [261\точн.\грам.] Ж
 [не] с мольбо́й – душо́й [99\точн.\грам.]
 [не] скуча́ю – отдыха́ю [265-2\точн.\грам.]Ж
 [не] сломи́ться (нач.) – [не] упи́ться (нач.) [227-2\точн.\грам.]Ж
 [не] смолка́я – жива́я [90\точн.]Ж
 [не] снёс – слёз [99\точн.]
 [не] стал – мадрига́л [233\точн.]
[не] удава́лось – обнажа́лась – колыха́лись – загора́лись [261]
 [не] удава́лось – обнажа́лась [261\приблизит.] Ж
 [не] удава́лось –колыха́лись[261\ приблизит.]Ж
 [не] уме́л – горе́л [230\точн.\грам.]
[не] уме́л – уде́л – горе́л [246]
 [не] уме́л – уде́л [246\точн.]
 [не] уме́л – горе́л [246\точн.\грам.]
 [не] умолка́я – соверша́я [260\точн.\грам.] Ж
 [не] упрекне́т – [не] сорве́т – [не] упаде́т [218\точн.\грам.]
 [не] учи́ла – холи́ла [252-2\точн.\грам.]Ж
 [не] хоте́л – [не] сме́л [261\точн.\грам.]
 [но] я – мо́я [156\точн.]
 [о] мне – огне́ [272-2\точн.]
 [о] том – [со] злом [174-2\точн.]
 [от] ску́ки – зву́ки [206-1\точн.]Ж
 [от] сна – она́ [216-2\точн.]
 [перед] тобо́й – одно́й [224-1\точн.]
 [перед] тобо́й – седо́й [305\точн.]
 [перед] тобо́ю – стопо́ю [164-2\точн.]Ж
 [перед] тобо́ю – хвало́ю [151-2\точн.]Ж
 [под] дожде́м – столо́м [244-1\точн.\грам.]
 [пред] тобо́й – больно́й [285-2\точн.]
 [пред] тобо́ю – мишу́рою [145\точн.]Ж
 [пред] толпо́й – душо́й [288-1\точн.\грам.]

[предо] мной – молодой [236\точн.]
 [предо] мной – мольбой [228-2\точн.]
 [с тех] пор – взор [156\точн.]
 [с] женою – мглою [147-2\точн.\грам.]Ж
 [с] зарёю – собою [176-1\точн.]Ж
 [с] собой – глухой [215\точн.]
 [с] собой – землёй [68-1\точн.]
 [с] собой – святой [188\точн.]
 [с] собою – чешуёю [297\точн.]Ж
 [с] сумой – роковой [56\точн.]
 [со] мглой – золотой [299-2\точн.]
 [со] мной – золотой [286\точн.]
 [я] их – своих [297\точн.]
 «Кишинёв» – суров – столов [319-2\точн.]
 Агарков – огарков [315-2\точн.]Ж
 ад – разврат [58\точн.\грам.]
 адвокат – хлопотать [56\неточн.]
 Айд – эвменид [314\точн.]
 актёра – фразёра [170\точн.\грам.]Ж
 актёром – вздором [217-3\точн.\грам.]Ж
 алёли – рдёли [273-2\точн.\грам.]
 алле́й – ветвей – кудрей – очей [158\точн.\грам.]
 алле́й – друзей [164-2\точн.\грам.]
 алле́й – журавлей [265-2\точн.\грам.]
 алле́й – ней [174-2\точн.]
 алле́й – полей [196-2\точн.\грам.]
 алле́й – фонарей [260\точн.\грам.]
 алóэ – кружевное [282-2\ йотирован.\точн.]Ж
 алтарями – волнами [109\точн.\грам.]Ж
 Альбин – христианин [60-2\точн.\грам.]
 альбом – дождём [111\точн.]
 апельсиров – рубинов – бальзамиров [282-2\точн.\грам.]Ж
 армейской – злодейский [317-1\ приблизит.]Ж
ароматна – пятна – безотрадна – Ариадна [298]
 ароматна – безотрадна [298\неточн.]Ж
 ароматна – пятна [279-1\точн.]Ж
 ароматом – скатом [256-2\точн.\грам.]Ж
ба́ла – умча́ла – обва́ла [219\точн.]Ж
 балагана – румяна [217-3\точн.]Ж
 балкóн – оскорблён [258-2\точн.]Ж
 балкóном – небосклóном [69\точн.\грам.]Ж
 балóв – окóв [261\точн.\грам.]
 бананы – обезьяны [273-2\точн.\грам.]Ж
 барабаны – туманы [288-1\точн.\грам.]Ж
 бедá – нуждá [67\грам.]
 беднá – глубинá [242\точн.]
 беднякá – тоскá [294\точн.]
 беднякóв – мертвецóв [134-2\точн.\грам.]

бежа́л – грохота́л [96-2\точн.\грам.]
 бежа́ли - печали [117\точн.] Ж
 бежи́т – звени́т [154-2\точн.\грам.]
 бежи́т – спит – кати́т – грусти́т [53\точн.\грам.]
 безбо́жно – осторо́жно [140\точн.\грам.]Ж
 безбре́жной – мяте́жной [226-2\точн.\грам.]Ж
 безграницы́й – столи́чной [265-2\ приблизит.]Ж
 безде́ल्या – похмеля́ [145\точн.\грам.]Ж
 бездо́нной – окрыле́нной [225-2\точн.\грам.]Ж
 безду́шный – раду́шный [320-1\точн.\грам.]Ж
 безду́шных – возду́шных [301-1\точн.\грам.]
 безжизненно – недви́жными [201\неточн.]Д
 беззабо́тной – безотче́тной [164-2\точн.\грам.]Ж
 беззабо́тным – безотче́тным [214-1\точн.\грам.]Ж
 безмо́лвной – во́лны [199-1\ неточн.]Ж
 белизно́й – левко́й [201\точн.]
 белизно́ю – [пред] тобо́ю [156\точн.]Ж
 белизно́ю – грядо́ю [159\точн.\грам.]Ж
 берега́х – мечта́х [291\точн.\грам.]
 берего́в – вало́в [60-2\точн.\грам.]
 берего́в – орло́в [274\точн.\грам.]
 берего́в – творцо́в [113\точн.\грам.]
 берёзы – ро́зы [259\точн.\грам.] Ж
 бесе́дах – побе́дах [228-2\точн.\грам.]Ж
 бесе́дка – се́тка [132-1\ приблизит.\грам.]Ж
 бесконече́нной – челове́чный [301-2\ приблизит.]Ж
 беспече́нный – бесчелове́чной [223-1\ приблизит.]Ж
 бесполе́зные – желе́зные [310-2\точн.\грам.] Д
 беспристра́стно – бесстра́стно [203\точн.\грам.]Ж
 бессы́лья – кры́лья [238-2\точн.]Ж
 би́лось – станови́лось [143-1\точн.\грам.]Ж
 бирюза́ – гроза́ [200-1\точн.\грам.]
 бирюзой́ – волно́й [258-1\точн.\грам.]
 би́твы – моли́твы [211-3\точн.\грам.]Ж
 биче́й – оче́й [259\точн.\грам.]
 благоговей́ – ней [188\точн.]
 благода́тной – непоня́тной [213-1\точн.\грам.]Ж
 благоскло́нно – незакóнно [315-1\точн.\грам.]Ж
 благоухает – мелька́ет [76\точн.\грам.] 3 Ж
 бледне́я – холодне́е [199-2\ приблизит.]Ж
 бледне́я – Ци́рцея́ [302-3\точн.] Ж
 бог – вздох [239-1\точн.\грам.]
 бог – зажёг [188\точн.]
 бо́га – доро́га [60-2\точн.]Ж
 бога́м – [не] отда́м [252-1\точн.]
 богáт – рогáт [311-2\точн.\грам.]
 богáта – бра́та [135-1\точн.]Ж
 богáто – зláто [60-2\точн.]Ж

бо́ге – дорóге [104\точн.]Ж
 богóв – врагóв [238-2\точн.\грам.]
 богóв – [фанатиков]-жрецóв [249-2\точн.\грам.]
 бо́гу – дорóгу [138\точн.]Ж
 боéц – венéц [223-2\точн.\грам.]
 божествá – муравá [225-2\точн.]
 божкóв – рабóв [104\точн.\грам.]
 бо́йтся – забýться [143-1\точн.]Ж
 бо́йтся – стучíтся [146\точн.\грам.]
 бой – волно́й [104\точн.]
 бой – землèй [104\точн.]
 бой – покóй [146\точн.\грам.]
 бой – сторонóй [199-2\точн.]
 бойцóв – врагóв [29\точн.\грам.]
 бойцóв – трудóв – векóв [223-2\точн.\грам.]
 бойцóм – челóм – врагóм [218\точн.\грам.]
 бока́л – пита́л [283\точн.]
 болéл – уде́л [206-1\точн.]
 больна́ – сна [308\точн.]
 больна́я – ма́я [188\точн.]Ж
 больно́е – покóя [108-1\ приближит.]Ж
 больно́й – бой [143-2\точн.]
 больно́й – душо́й [297\точн.] 2
 больно́й – ночно́й [169-2\точн.\грам.]
 больно́й – слепóй [201\точн.\грам.]
 больны́м – ним [187\точн.]
 Боранóвский – Павло́вский [315-1\точн.\грам.]Ж
 борьба́ – труда́ [49\грам.]
 борьбе́ – себе́ [212\точн.] 2
 борьбе́ – тебе́ [154-1\точн.] 3
 борьбо́й – густóй [159\точн.]
 борьбо́й – душо́й [250-2\точн.\грам.] 2
 борьбо́й – молодóй [188\точн.]
 борьбо́й – мольбо́й [110-2\точн.\грам.]
 борьбо́й – покóй [241-2\точн.]
 борьбо́й – собóй [193-2\точн.]
 борьбо́й – тоско́й [49\точн.\грам.]
 борьбо́ю – грозóю [291\точн.\грам.]Ж
 борьбы́ – мольбы́ [131-2\точн.\грам.]
 борьбы́ – рабы́ [178-2\точн.]
 бою́ – мою́ [294\точн.]
 бо́я – собóю [143-2\ приближит.]Ж
 бо́ялся – проигрался [203\точн.\грам.]Ж
 бо́ярин – [не] да́ром [119\неточн.]Ж
 бра́ни – [в] Ва́не [138\ приближит.]Ж
 бра́ни – Каза́ни [90\точн.\грам.]Ж
 брат – кипя́т [98-2\точн.]
 бра́та – возвра́та [178-1\точн.\грам.]Ж

бра́тья – объ́ятья [134-1\точн.\грам.]Ж
 бра́тья – прокля́тья [104\точн.\грам.]Ж
 бред – лет [213-2\точн.]
 бред – поёт [226-1\точн.\грам.]
 брёдом – побе́дам [279-2\ приближит.]Ж
 бровей – моёй [305\точн.]
 бродил – проводил [163\точн.\грам.]
 бродил – серебрил [196-2\точн.\грам.]
 бродит – [не] нахо́дит [274\точн.\грам.]Ж
 броса́ет – вздыха́ет [291\точн.\грам.]Ж
 броса́л – отомща́л [163-2\точн.\грам.]
 броса́я – попира́я [58\точн.\грам.]Ж
 будил – говори́л [112-1\точн.\грам.]
 букеты – кастанье́ты [259\точн.\грам.]Ж
 бу́ри – лазу́ри [114\точн.\грам.ед.] 2 Ж
 бушу́ет – тоску́ет [186-1\точн.\грам.]Ж
 быва́ет – страда́ет [148\точн.\грам.]Ж
 был – [не] клейми́л [54-2\точн.\грам.]
 был – шути́л [150-2\точн.\грам.]
 была́ – расцвела́ [196-2\точн.\грам.]
 была́– мгла – дела́ [268-1\точн.]
 бытиём – умом [193-1\точн.\грам.]
 бьют – ползу́т [245-2\точн.\грам.]
 Ваа́л – идеа́л [108-1\точн.\грам.]
 вам – струна́м [150-2\точн.]
 ва́ми – сна́ми [150-2\точн.]Ж
 ва́ми – стиха́ми [317-2\точн.]Ж
 ва́ми – цветами-слеза́ми [115-1\точн.] Ж
 вас – [не] раз [320-2\точн.]
 вас – глаз [261\точн.]
 васильки́ – руки́ [325-1]
 ваш – амбета́ж [320-2\точн.]
 вво́лю – по́лю [243-1\точн.]Ж
 вдвоём – тепло́м [156\точн.]
 вдохнове́ний – ге́ний [261\точн.]Ж
 вдохнове́ний – сомне́ний [117\точн.\грам.] 2Ж
 вдохнове́нье – поклонё́нье [198-1\точн.\грам.]Ж
 вдохнове́нье – служе́нье [232-1\точн.\грам.]Ж
 вдохнове́нья – виде́нье [88-2\ приближит.\грам.]Ж
 вдохнове́нья – волне́нья [169-1\точн.]ед и мнЖ
 вдохнове́нья – движе́нья [291\точн.\грам.ед.]Ж
 вдохнове́нья – муче́нья [95\точн.\грам.ед.]Ж
 вдохнове́нья – сожале́нья – муче́нья [99\точн.\грам.]Ж
 вдохнове́нья – сомне́нья [68-2\точн.\грам.ед.]Ж
 вдохнове́нья – тече́нье [233\ приближит.]Ж
 вдохнове́нья – уче́нья [284\точн.\грам.]Ж
 вдохнове́нъям – сожале́нъям [213-2\точн.\грам.]Ж
 вдохновля́л – начерта́л [96-2\точн.\грам.]

вдыхаёт – закипаёт [105\точн.\грам.]Ж
 ведётся – встрепенётся [90\точн.\грам.]Ж
 вездé – [и] Д [311\ приблизит.]
 вездé – гнездé [282-1\точн.]
 век – человек [285-2\точн.\грам.] 6
 вéка – человекá [52\точн.\грам.]Ж
 векáми – палачáми [288-1\точн.\грам.]Ж
 вéки – навéки [56\точн.\грам.]Ж
 велéньям – вдохновéньем [320-2\ приблизит.]Ж
 великáны – поляны [105\точн.\грам.]Ж
 великáны – тумáны [90\точн.\грам.]Ж
 великóй – дíкой [90\точн.\грам.]Ж
 величáвый – октáвой [282-2\ приблизит.]Ж
 венéц – мудрéc [152-1\точн.\грам.]
 венéц – певéц [294\точн.\грам.]
 венкáми – цветáми [88-1\точн.\грам.]Ж
 венкí – рукí [188\точн.\грам.]
 венкóв – глупцóв [281\точн.\грам.]
 венкóм – злом [163-2\точн.\грам.]
 венцá – мертвецá [209-1\точн.\грам.]
 веренíцей – птíцей [299-1\точн.\грам.]Ж
 верíги – кнíги [261\точн.мн.им.]Ж
 вершíн – дружíн [241-1\точн.\грам.]
 вершíны – долины [242\точн. мн+ед] 4 Ж
 вершíны – седíны [107\точн.\грам.] Ж
 веселéе – аллеи [279-1\ приблизит.] Ж
 весёлой – тяжёлый [176-2\ приблизит.] Ж
 весéлья – ущéлья [265-2\точн.\грам.ед.] Ж
 веснá – волнá [157\точн.\грам.] 2
 веснé – лунé [294\точн.\грам.]
 веснóю – [над] тобóю [84\точн.] Ж
 веснóю – волнóю [215\точн.\грам.] Ж
 веснóю – грозóю [184-1\точн.грам.] Ж
 веснóю – душóю [253-1\точн.\грам.] Ж
 веснóю – землёю [229\точн.\грам.] Ж
 веснóю – красотóю [304\точн.\грам.] Ж
 веснóю – мнóю [112-1\точн.] Ж
 ветвéй – ночéй [196-2\точн.\грам.]
 ветв́ями – волнáми [90\точн.\грам.] 2 Ж
 ветв́ями – звездáми [50-1\точн.\грам.] Ж
 ветв́ями – полями [243-1\точн.\грам.] Ж
 ветерóк – востóк [217-2\точн.\грам.]
 ветерóк – мотылёк [201\точн.\грам.]
 вечерáми – стенáми [248\точн.\грам.] Ж
 взвестí – известí [119\точн.\грам.]
 взгляд – взгляд – наряд [305\точн.\грам.]
 взгляд – назáд [164-2\точн.]
 взгляд – прозвучáт [278-1\точн.]

взгля́дом – ря́дом [259\точн.] Ж
 взгля́дом – я́дом [227-2\точн.\грам.] Ж
 взгля́ни – о́ни [156\точн.]
 взгляну́ть – на грудь [245-2\точн.]
 взгрустне́тся – несёт́ся [206-2\точн.\грам.] Ж
 взира́ли – потеря́ли [90\точн.\грам.] Ж
 взовьё́сь – упьё́сь [290-1\точн.\грам.]
 взор – бор [76\точн.\грам.]
 взор – вор [223-1\точн.\грам.]
 взор – приговóр [270-1\точн.\грам.] 2
 взор – разгово́р [164-2\точн.\грам.]
 взор – узо́р [245-2\точн.\грам.] 2
 взóре – мо́ря [299-1\прибизит.] Ж
 взóре – разгово́ре [201\точн.\грам.] Ж
 взóром – уко́ром [280\точн.\грам.] Ж
 взял – пропа́л [143-1\точн.\грам.]
 вид – золоти́т – карье́тид [254-2\точн.]
 вида́л – звуча́л [204\точн.\грам.]
 вида́л – писа́л – пробежа́л [305\точн.\грам.]
 ви́дел – ненави́дел [99\точн.\грам.] Ж
 виде́нье – мгнове́нье [99\точн.\грам.] Ж
 виде́нье – раздраже́нье [88-2\точн.\грам.] Ж
 виде́нья – впечатле́нья [261\точн.\грам.мн.] Ж
 виде́нья – движе́нья [236\точн.\грам.мн.] Ж
 виде́нья – творе́нья [315-1\точн.\грам.] Ж
 ви́дно – оби́дно [286\точн.\грам.] Ж
 вини́ть – моли́ть [196-1\точн.\грам.]
 вино́ – давно́ [178-2\точн.]
 висе́ли – гляде́ли [99\точн.\грам.] Ж
 вита́я – молодáя [159\точн.\грам.] два прил Ж
 вклад – говоря́т [320-2\точн.]
 влага́ть – волнова́ть [113\точн.\грам.]
 владе́ний – ге́ний [314\точн.] Ж
 вла́жный – протя́жный [232-2\точн.\грам.]
 властели́н – о́дин [54-2\точн.]
 вла́стью – сча́стью [293\точн.] Ж
 внима́й – край [305\точн.]
 внима́л – измеря́л [80\точн.\грам.]
 внима́я – дорога́я [84\точн.] Ж
 внима́я – ра́я [95\точн.] Ж
 вновь – любóвь [196-2\точн.] 6
 внуша́ет – надвига́ет [251-2\точн.\грам.] Ж
 вня́тно – невозврати́то [181-4\точн.\грам.] Ж
 водо́й – живо́й [76\точн.]
 водо́й – синевóй [243-1\точн.\грам.]
 водо́ю – волно́ю [249-3\точн.\грам.] Ж
 водо́ю – тобо́ю [90\точн.] Ж
 во́ды – приро́ды [299-1\точн.] Ж

вóды – свóды [184-2\точн.\грам.] Ж
 вожакóв – божкóв [143-2\точн.\грам.]
 вождéй – матерéй [294\точн.\грам.]
 возбуждáть – венчáть [285-2\точн.\грам.]
 возвещáет – поражáет [251-1\точн.\грам.] Ж
 возврáта – брáта [133-1\точн.\грам.] Ж
 возврáта – плáта [299-2\точн.] Ж
 возмутíл – проложíл [303\точн.\грам.]
 возóк – лесóк [243-1\точн.\грам.]
 возражáл – поцеловáл [261\точн.\грам.]
 возрождéнья – вдохновéнья [80\точн.\грам.] Ж
 возрождéнья – примирéнья [159\точн.\грам.] Ж
 войнá – мрачнá [288-1\точн.]
 войнý – сторонý [163\точн.\грам.]
 вóли – дóли [56\точн.\грам.] Ж
 волнá – виднá [164-2\точн.] 2
 волнá – глубинá [159\точн.\грам.]
 волнá – старинá [265-2\точн.\грам.]
 волнá – онá [247\точн.]
 волнáм – полýм [215\точн.\грам.] 2
 волнáми – ветвýми [90\точн.\грам.] Ж
 волнáми – кудрýми [90\точн.\грам.] Ж
 волнáми – очáми [90\точн.\грам.] Ж
 волнáми – цветáми [72\точн.\грам.] Ж
 волнéний – впечатлéний [211-1\точн.\грам.] Ж
 волнéний – гéний [86-2\точн.] Ж
 волнéний – молéний [198-1\точн.\грам.] Ж
 волнéний – наслаждéний [209-2\точн.\грам.] 2 Ж
 волнéнье – течéнья [214-2/ приблизит.] 2 Ж
 волновáлась – отдавáлась [108-2\точн.\грам.] Ж
 волнóй – грозóй [294\точн.\грам.]
 волнóй – дорогóй [186-1\точн.]
 волнóй – душóй [98-2\точн.\грам.]
 волнóю – [над] толпóю [153-1\точн.\грам.] Ж
 волнóю – бирюзóю [273-2\точн.\грам.] Ж
 волнóю – головóю [164-1\точн.\грам.] 2 Ж
 волнóю – речнóю [69\точн.] Ж
 волнóю – спинóю [274\точн.\грам.] Ж
 волнý – вышины́ [216-2\точн.\грам.]
 волнý – глубины́ [280\точн.\грам.]
 волнý – сны́ [291\точн.]
 волшебствóм – теплóм [232-1\точн.\грам.]
 вóля – дóля [56\точн.\грам.] Ж
 воображéньи – видéнье [99\приблизит.] Ж
 воображéнья – отражéнья [144\точн.\грам.] Ж
 вопиóщей – гнетúщий [229\ приблизит..] Ж
 воплощáть – побеждáть [270-2\точн.\грам.]
 вопросíть – жить [193-1\точн.\грам.]

вослѣд – привѣт [117\точн.]
 вослѣд – свет [288-1\точн.]
 воспоминанья – испытанья [163\точн.] мн и ед Ж
 воспоминанья – мечтанья [220-1\точн.] ед+мн Ж
 восхищёнье – биенье [264\точн.\грам.] Ж
 вошла – чела [236\точн.]
 вперегонку – звонко [80\ приблизит.] Ж
 вперёд – бьёт [305\точн.]
 вперёд – гнёт [268-1\точн.]
 вперёд – народ [68-1\точн.]
 вперёд – сведёт [73\точн.]
 вперёд – споёт [188\точн.]
 вперёд – груди [145\точн.] 3
 впечатлений – сомнений [163\точн.\грам.] Ж
 впечатленья – селенья [242\точн.] мн и ед Ж
 впечатленья – сомненья [217-3\точн.\грам.] мн Ж
 вплела – чела [117\точн.]
 врагам – ногам [266\точн.\грам.]
 врагам – слезам [163-2\точн.\грам.]
 врагами – кнутами [185\точн.\грам.] Ж
 врагами – слезами [209-2\точн.\грам.] Ж
 врагов – рабов – крестов [288-1\точн.\грам.]
 врагов – рабов [145\точн.\грам.]
 врагом – кругом [138\точн.]
 врагом – напролом [241-1\точн.]
 враждой – родной [225-1\точн.]
 вражды – нужды [110-2\грам.]
 времён – влюблён [315-2\точн.]
 времена – имена [60-2\грам.]
 временах – страх [164-2\точн.]
 время – бремя [252-2\точн.\грам.] 3Ж
 всегда – dada [320-2\точн.]
 вспоминаю – благословляю [96-1\точн.\грам.] Ж
 вставала – озаряла [147-2\точн.\грам.] Ж
 встретишь – заметишь [138\точн.\грам.] Ж
 встречал – обличал [99\точн.\грам.]
 встречал – похвал [158\точн.]
 встрече – речи [264\приблизит.] 2 Ж
 встречи – плечи [168-1\точн.\грам.] мн Ж
 вступали – [не] смущали [58\точн.\грам.] Ж
 втихомолку – толку [261\точн.] Ж
 высок – ног [273-2\точн.]
 высот – плывёт [114\точн.]
 высоты – кресты [99\точн.]
 выступая – молодая [60-2\точн.] Ж
 выступая – обаяя [60-2\точн.\грам.] Ж
 вышины – весны [188\грам.]
 вышины – сны [172-4\точн.] 2

вьюг – юг [258-1\точн.]
 вью́га – дру́га [186-1\точн.] Ж
 вяза́ми – алма́зами [237\точн.\грам.]Д
 газе́ты – поэ́ты [68-1\точн.\грам.] мн Ж
 георги́ны – руби́ны [201\точн.] Ж
 геро́й – голово́й [60-2\точн.]
 геро́й – толпо́й [164-2\точн.]
 геро́я – засто́я [141-2\точн.\грам.] Ж
 глаз – алма́з [228-1\точн.\грам.]
 глаз – вас [176-1\точн.]
 глаз – напока́з [244-2\точн.\грам.]
 глаза́ми – мольба́ми – стру́ями [271-3\точн.\грам.] Ж
 глаза́ми – стиха́ми [320-2\точн.\грам.] Ж
 гла́зки – сказа́нки [169-1\точн.\грам.]
 гла́зу – зара́зу [289\точн.] Ж
 глубино́ю – губо́ю [261\точн.\грам.]
 глубо́кая – жесто́кая [66-1\точн.\грам.]Д
 глубо́ки – ще́ки [265-2\точн.] Ж
 глубо́ко – далеко́ [90\точн.\грам.] Ж
 глубо́ко – одино́ко [131-1\точн.\грам.] Ж
 глубо́кой – высоко́й [273-2\точн.\грам.] 2 Ж
 глубо́кой – широ́кой [104\точн.\грам.] Ж
 глубоко-челове́чной – млéчный [288-1\приблизит.] Ж
 глупа́ – слепа́ [235\точн.\грам.]
 глупе́ц – мудре́ц [181-4\точн.\грам.]
 глуха́я – злата́я [66-2\точн.\грам.] Ж
 глухо́й – мглой [172-4\точн.]
 глухо́й – толпо́й [104\точн.]
 глухо́й – тоско́й [164-2\точн.]
 гляде́л – гуде́л [236\точн.\грам.]
 гляди́т – бежи́т [294\точн.\грам.]
 гляди́т – стучи́т [257-2\точн.\грам.]
 гляди́т (нач.) – клейми́т (нач.) [75\точн.\грам.]
 гляди́шь – мани́шь [290-2\точн.\грам.]
 глядя́т – горя́т [294\точн.\грам.]
 гнетёт – встаёт [157\точн.\грам.]
 гнетёт – порве́т [115-2\точн.\грам.]
 гнетёт – походи́т [200-2\точн.]
 говори́л – всходи́л [268-1\точн.\грам.]
 говори́л – перели́л – люби́л – забы́л [175-2\точн.\грам.]
 говори́л – покрыви́л [170\точн.\грам.]
 говори́ли – взмани́ли [282-1\точн.\грам.] Ж
 говори́т – кипи́т [221-2\точн.\грам.]
 говоря́т – [я] рад [21\точн.]
 год – рот [319-1\точн.\грам.]
 годá – стыда́ [140\грам.]
 годáми – волна́ми [186-2\точн.\грам.] 2 Ж
 годо́в – дневнико́в [179\точн.\грам.] 2

го́ды – невзго́ды [200-2\точн.\грам.] Ж
 го́ды – несвобо́ды [188\грам.] Ж
 го́ды – свобо́ды [172-4\точн.] 2 Ж
 голова́ – слова́ [223-1\грам.]
 голова́ми – волна́ми [299-2\точн.\грам.] Ж
 голо́вка – плуто́вка [76\точн.\грам.] Ж
 голово́ю – зно́ю [179\точн.] Ж
 голово́ю – мольбо́ю [99\точн.\грам.] Ж
голово́ю – пеленёю – глухо́ю – молодёю [90\точн.] Ж
 голово́ю – пеленёю [90\точн.\грам.] Ж
 голово́ю – тобо́ю [229\точн.] Ж
 голово́ю – тоско́ю [207\точн.\грам.] 2 Ж
 голосá – полосá [237\грам.]
 голосóв – берего́в [188\точн.\грам.]
 голосóв – бого́в [132-2\точн.\грам.]
 голуба́я – сия́я [99\точн.] Ж
 голу́бова́тый – объя́тый [203\точн.\грам.] Ж
 голу́бое – больно́е [268-2\точн.\грам.] Ж
 голу́бой – густо́й [242\точн.\грам.] ед тв
 голу́бой – реко́й [76\точн.]
 голу́бой – тобо́й – душо́й (вн.) [95\точн.]
 голу́бом – круго́м [60-2\точн.]
 голу́бом – нём [96-1\точн.]
 голу́бою – густо́ю – живо́ю – молодёю [90\точн.\грам.] Ж
 голу́бые – городски́е [216-2\точн.\грам.] Ж
 голу́бые – золоти́е [90\точн.\грам.]
 гоне́нья – примире́нья [250-1 точн. грам.ед.] Ж
 гора́х – снегáх [282-2\точн.\грам.]
 горда́ – [без] следá [235\точн.]
 гордели́вым – прили́вом [242\приблизит.] Ж
 го́ре – мо́ре [282-1\точн.\грам.]Ж
 горе́л – гляде́л [315-1\точн.\грам.]
 горе́ла – пела́ (вн.) – звенела [96-1\точн.\грам.] Ж
 горизóнта – Пьемóнта [291\точн.\грам.] Ж
 горíт – бежи́т [237\точн.\грам.]
 горíт – звучíт [245-2\точн.\грам.] 2
 горíт – томи́т [118\точн.\грам.]
 горíт – царíт [52\точн.\грам.]
 городóв – окóв [241-2\точн.\грам.]
 городски́х – людски́х [246\точн.\грам.]
 городско́м – немóм [261\точн.\грам.]
 го́ря – мо́ря [137\точн.\грам.] 2 Ж
 горя́т – звуча́т [86-2\точн.\грам.]
 горя́т – спя́т [49\точн.\грам.]
 госте́й – алле́й – огне́й [149\точн.\грам.]
 госте́й – князе́й [188\точн.\грам.]
 госте́й – люде́й [141\точн.\грам.]
 госте́й – огне́й [158\точн.\грам.]

гостѣй – цепѣй [158\точн.\грам.]
 гостѣт – озарѣт [300\точн.\грам.]
 гость – злость [305\точн.]
 гостѣм – рядѣм [294\точн.\грам.]
 готѣв – окѣв [209-2\точн.]
 готѣв – цветѣв [259\точн.]
 готѣвый – сурѣвый [90\точн.\грам.] Ж
 грани́цы – пти́цы [232-2 точн] мн вин и ед р Ж
 грѣет – молодѣет [97-1\точн.\грам.] Ж
 грѣз – гроз [266\точн.\грам.]
 грѣза – рѣза [188\точн.\грам.] Ж
 грѣзы – слѣзы [140\точн.\грам.] 7
 греміт – оживѣт [251-2\точн.\грам.]
 грему́чий – кипучи́й [235\точн.\грам.] Ж
 гремя́т (нач.) – кипѣят (нач.) [291\точн.\грам.]
 грешно́ – зерно́ [308\точн.]
 грѣба – зло́ба [75\точн.]
 гробовѣй – тоско́й [222-1\точн.]
 грѣбу – судьбу́ [217-2\точн.]
 гроз – роз [209-2\точн.\грам.]
 гроз – слѣз [108-1\точн.\грам.]
 грозѣ – глаза́ [159\точн.]
 грозѣт – [не] скользи́т [159\точн.\грам.]
 грозне́е – фарисе́я [163-2\ приблизит.] Ж
 грозова́я – угаса́я [231\точн.] Ж
 грозѣй – доро́гой [82-2\точн.]
 грозѣй – душо́й [230\точн.\грам.]
 грозѣй – ночно́й [50-2\точн.]
 грозѣй – поко́й [114\точн.]
 грозѣй – роково́й [60-2\точн.]
 грозѣй – собѣй [290-1\точн.]
 грозѣй – тоско́й [254-1\точн.\грам.]
 грозѣю – бо́ю [210-2\точн.] 2 Ж
 грозѣю – земле́ю [188\точн.\грам.] Ж
 грозѣю – нагото́ю [212\точн.\грам.] Ж
 грозѣю – плитѣю [265-1\точн.\грам.] Ж
 грозѣю – руко́ю [111\точн.\грам.] Ж
 грѣзы – грѣзы [207\точн.\грам.]
 грѣзы – слѣзы [131-2\точн.\грам.]
 гром – голубѣм [210-2\точн.]
 гром – королѣм [320-2\точн.]
 гром – кругѣм [144\точн.]
 гром – торжествѣм [251-1\точн.]
 грѣма – до́ма [253-1\точн.\грам.] Ж
 грома́д – мрача́т [118\точн.]
 грома́ды – лампа́ды [211-1 точн] 2 мн+ед Ж
 громады – лампы [254-2 точн.\ грам.] ед. Ж
 громи́л– [я б] жил [231\точн.\грам.]

грошѣй – своѣй [135-1\точн.]
 груди – впереді [133-2\точн.] 6
 груди – любви [88-2\грам.]
 груди – приди [246\точн.]
 груди – уйді [158\точн.]
 грудной – [бедно]-золотой [261\точн.\грам.] м.р.
 грудь – вздохнуть [181-4\точн.]
 грудь – отдохнуть [99\точн.]
 грудь – помянуть [271-2\точн.]
 грудь – прильнуть [159\точн.] 2
 грудь – свернуть [136-2\точн.]
 груз – муз [318-2\точн.]
 грустна – одна [158\точн.\грам.]
 губки – шутки [90\неточн.\грам.] Ж
 густой – рекой [76\точн.]
 даёт – гнетёт [203\точн.\грам.]
 даётся – сорвется [311-2\точн.\грам.] Ж
 дала – привела [268-1\точн.\грам.]
 далёк – венók [151-2\точн.]
 далека – тоска [246\точн.]
 далёкий – жестокой [159\точн..]Ж
 даль – печаль [104\точн.\грам.] 4
 дать – указать [174-1\точн.\грам.]
 дать – унять [212\точн.\грам.]
 двѣри – потѣри [226-1\точн.] Ж
 движенье – восхищенья [164-2\ приблизит.] 2 Ж
 движенье – забвенья [239-1\точн.\грам.] Ж
 движенье – мгновенье [90\точн.\грам.] Ж
 движенье – оживленье [232-2\точн.\грам.] Ж
 движенья – мученья [226-2 точн] ед и мн Ж
 движенья – осужденье [99\точн. грам.ед.] Ж
 дворцами – лучами [106\точн.\грам.] Ж
 дворце – певце [294\точн.\грам.]
 дворцов – колоколов [232-2\точн.\грам.]
 дворцов – хребтов [257-2\точн.\грам.]
 дворянином – селянином [90\точн.\грам.] Ж
 дворянский – Брянский [90\точн.] Ж
 девушкой-красою – молодою [90\точн.] Ж
 дел – удел [234\точн.]
 дела – онемела [209-2\точн.] Ж
 дело – смело [311-2\точн.] Ж
 день – деревень [138\точн.]
 день – сирень [112-1\точн.]
 день – тень [114\точн.] 4
 деньгами – горстями [90\точн.\грам.] Ж
 деньгами – ключами [90\точн.\грам.] Ж
держала – наполняли – разъедала [271-1]
 держала – наполняли [271-1\ приблизит.] Ж

держала – разъедала [271-1\точн.] Ж
 держает – замолкает [109\точн.\грам.] Ж
 держают – погибают [288-1\точн.\грам.] Ж
 дерзнёт – [не] ждёт [115-2\точн.\грам.]
 детей – кудрей [163\точн.\грам.]
 детей – лучей [179\точн.\грам.]
 детей – морей [169-1\точн.\грам.]
 детей – палачей [96-2\точн.\грам.]
 дивясь – стремясь [109\точн.\грам.]
 дика – сладка [294\точн.\грам.]
 дна – сна [246\точн.\грам.]
 дневник – язык [261\точн.\грам.]
 дней – детей [134-2\точн.\грам.] 2
 дней – людей [58\точн.\грам.]
 дней – моёй [261\точн.] 2
 дней – ней [268-1\точн.]
 дней – ночей [199-2\точн.\грам.]
 дней – огней [232-2\точн.\грам.]
 дней – своей [231\точн.] 4
 дней – скорбей [226-3\точн.\грам.]
 дней – страстей [205\точн.\грам.]
 днём – гром [229\точн.]
 днём – кругом [237\точн.]
 днём – мотыльком [293\точн.\грам.]
 днём – огнём [201\точн.\грам.]
 днём – сном [184-2\точн.\грам.] 2
 дни – огни [184-2\точн.\грам.] 3
 дни – они [156\точн.] 5
 дни – тени [188\точн.]
 дня – меня [213-2\точн.]
 днями – слезами [193-2\точн.\грам.] Ж
 доверья – лицемёрья [195\точн.\грам.] Ж
 доверяю – разлагаю [205\точн.\грам.] Ж
 довольно – больно [311-1\точн.\грам.] Ж
 довольно – своейвольной [320-2\йотирован.\точн.] Ж
 догорает – засыпает [105\точн.\грам.] Ж
 догорала – бросала [54-2\точн.\грам.] Ж
 догорит – инвалид [230\точн.]
 доезжачие-хваты – солдаты [138\точн.\грам.] Ж
 дождалась – казалась [201\точн.\грам.] Ж
 дождём – кругом [174-2\точн.]
 дождём – трудом [82-1\точн.\грам.]
 дождливый – суетливый [201\точн.\грам.] Ж
 доле – воли [250-1\точн.\грам.] Ж
 доле – неволе [108-1\точн.\грам.] Ж
 долетали – ждали [200-2\точн.\грам.] Ж
 долине – вершине [206-1\точн.\грам.] Ж
 долины – картины [159\точн.] мн и ед Ж

до́лю – вво́лю [297\точн.] Ж
 до́лю – во́лю [228-2\точн.\грам.] Ж
 дом – круго́м – ночно́м [69\точн.]
 дом – сном [234\точн.]
 домо́в – хуторо́в [273-1\точн.\грам.]
 домо́й – голово́й [285-1\точн.]
домо́й – осо́й – луно́й [309-2\точн.]
 домчи́тся – спи́тся [291\точн.\грам.] Ж
 доны́не – пусты́не [235\точн.] Ж
 дорога́я – густа́я [84\точн.\грам.] Ж
 дорога́я – оскорбля́я [168-1\точн.] Ж
 дорога́я – отдава́я [224-1\точн.] Ж
 дорога́я – отдыха́я [182\точн.] Ж
 дорога́я – ра́я [205\точн.] 2 Ж
 дорога́я – умира́я [207\точн.] Ж
 доро́ге – остро́ге [142-1\точн.] Ж
 доро́ги – но́ги [136-2\точн.] ед и мн 2 Ж
 доро́гие – живы́е [204\грам.] Ж
 доро́гого – седо́го [90\точн.\грам.] Ж
 доро́гой – свято́й [60-2\точн.\грам.]
 доро́гой – трево́гой [104\точн.\грам.] 3 Ж
 доро́гу – понемно́гу [58\точн.] Ж
 доро́гу – поро́гу [282-1\точн.] Ж
 дорожа́ – настр’жа́ [318-1\грам.]
 досу́га – подру́га [213-2\точн.] Ж
 дотяну́л – гул [261\точн.]
 дочь – превозмо́чь [294\точн.]
 дрема́ла – лежа́ла [104\точн.\грам.] Ж
 дрема́ла – целова́ла [324-2\точн.\грам.] Ж
 дре́млет – [не] вnéмлет [66-2\точн.\грам.] Ж
 дроби́тся – зли́тся [90\точн.\грам.] Ж
 дрова́ми – гостя́ми [138\точн.\грам.] Ж
 друг – испу́г [76\точн.\грам.]
 друг – неду́г [200-2\точн.\грам.] 2
 друг – пау́к [305\точн.\грам.]
 дру́га – кру́га [228-2\точн.\грам.] Ж
 дру́га – подру́га [206-2\точн.] Ж
 друга́я – нема́я [199-1\точн.\грам.] Ж
 други́е – святы́е [172-4\грам.] Ж
 други́х – немых [213-2\грам.]
 други́х – своих [164-1\точн.] 3
 дружи́н – блин [319-1\точн.]
 друзе́й – зате́й [207\точн.\грам.]
 друзе́й – луче́й [273-1\точн.\грам.]
 друзе́й – пала́чей [185\точн.\грам.]
 друзья́ – семья́ [141\точн.]
 друзья́ – я [244-1\точн.]
 друзья́ми – мечта́ми [54-2\точн.\грам.] Ж

друзья́ми – слеза́ми [99\точн.\грам.] Ж
 дряхле́ем – [не] уме́ем [238-2\точн.\грам.] Ж
 дубо́в – кро́в [60-2\точн.]
 дубра́вой – кудря́вой [90\точн.] Ж
 дум – ум [181-2\точн.] З
 ду́ма – шу́ма [273-1\точн.] Ж
 ду́мой – угру́мый [60-2\ приближит.] Ж
 духо́в – миро́в [109\точн.\грам.]
 духо́в – садо́в [113\точн.\грам.]
 душа́ – хороша́ [196-2\точн.] 2
 души́ – тиши́ [152-2\грам.] 2
 души́стой – лучи́стый [266\точн..] Ж
 души́стой – серебри́стой [133-2\точн.\грам.] 2 Ж
 души́стою – золоти́стою [53\точн.\грам.] Д
 души́стых – кремни́стых [274\точн.\грам.] Ж
 душна́ – [без] сна [221-1\точн.]
 ду́шно – равноду́шно [164-1\точн.\грам.] Ж
 душо́й – больно́й [250-2\точн.]
 душо́й – враждо́й [193-2\точн.\грам.]
 душо́й – глухо́й [246\точн.]
 душо́й – звездо́й [196-2\точн.\грам.]
 душо́й – земле́й [110-2\точн.\грам.]
 душо́й – красото́й [222-2\точн.\грам.]
 душо́й – мглой [68-1\точн.\грам.]
 душо́й – молодо́й [154-2\точн.]
 душо́й – мольбо́й [109\точн.\грам.] 2
 душо́й – ного́й [58\точн.\грам.]
 душо́й – нуждо́й [112-3\точн.\грам.]
 душо́й – покóй [239-2\точн.]
 душо́й – прибо́й [294\точн.]
 душо́й – собо́й [134-1\точн.]
 душо́й – степно́й [227-2\точн.]
 душо́й – тако́й [175-1\точн.]
 душо́й – тво́й – мно́й [188\точн.]
 душо́й – тво́й [259\точн.]
 душо́ю – [с] собо́ю [212\точн.] Ж
 душо́ю – грозо́ю [228-1\точн.\грам.] Ж
 душо́ю – земле́ю [86-2\точн.\грам.] Ж
 душо́ю – мгло́ю [209-1\точн.\грам.] 2 Ж
 душо́ю – молодо́ю [50-2\точн.] Ж
 душо́ю – сестро́ю [195\точн.\грам.] Ж
 душо́ю – судьбо́ю [82-1\точн.\грам.] Ж
 душо́ю – судьёю [60-2\точн.\грам.] Ж
 душо́ю – тобо́ю [135-2\точн.] Ж
 душо́ю – толпо́й [142-1\ приближит.\грам.] 4 Ж
 ду́шу – [не] тру́шу [222-1\точн.] Ж
 дым – смешны́м [307\точн.]
 дыха́ньем – негодова́ньем [201\точн.\грам.] Ж

дышáла – сжимáла [90\точн.\грам.] Ж
 дышáть – связáть [227-1\точн.\грам.]
 дышáть (нач.) – сия́ть (нач.) [20\точн.\грам.]
 ды́шит – колы́шут [199-1\ приближит.]Ж
 едвá – словá [305\точн.]
 ёли – сидёли [131-1\точн.] Ж
 ёли – щёли [239-2 точн] мн и ед
 жáдно – отрáдно [175-1\точн.\грам.] Ж
 жáдный – безотрáдный [277\точн.\грам.] Ж
 жалéй – твоёй – цепéй [182\точн.]
 жалéть – умерéть [88-1\точн.\грам.]
 жалéя – Галатéя [238-1\точн.] Ж
 жáлок – фиáлок [198-1\точн.] Ж
 жар – удáр [231\точн.\грам.]
 жасмíн – рубíн – ? [282-2\точн.\грам.]
 жгúчей – могúчей [80\точн.\грам.] Ж
 ждёт – «Вперёд!» [96-2\точн.]
 ждёт – гнетёт [274\точн.\грам.]
 ждёт – гнетёт [75\точн.\грам.]
 ждéшь – кладéшь [245-2\точн.\грам.]
 жди – грудí [311-1\точн.]
 ждут – труд [261\точн.]
 желáли – осмеяли [82-2\точн.\грам.] Ж
 желáнное – неждáнное [196-1\точн.\грам.] Д
 желáнный – обетовáнной [224-1\ приближит.] 2Ж
 желáнье – страдáнье [187\точн.\грам.] Ж
 желáньем – страдáнья [60-2\неточн.]Ж
 желáнья – мечтáнья [58\точн. грам.мн.]Ж
 желáнья – призванье – сиянью (вн., подряд) [54-2\ приближит.]Ж
 желáнья – признáнья [278-1\точн.] мн и ед Ж
 желáнья – страдáнья [273-1\точн.] мн и ед Ж
 желéзной – бесполéзный [268-1\ приближит.]Ж
 женá – [беззащитно]-смущенá [108-2\точн.]
 жестóкий – глубóкой [66-2\точн.] Ж
 жестóко – глубоко-глубóко [186-1\точн.\грам.]Ж
 жестóкой – глубóкой [69\точн.\грам.] Ж
 живá – словá [271-3\точн.]
 живá – торжествá [314\точн.]
 живáя – рáя [86-2\точн.] Ж
 живёт – прильнёт [136-2\точн.\грам.]
 живёт – цветёт [310-1\точн.\грам.]
 живётся – бьётся [216-1\точн.\грам.]Ж
 живóго – тупóго [156\точн.\грам.] Ж
 живóй – листьвóй [99\точн.]
 живóй – слезóй [98-3\точн.]
 живóю – больнóю [181-4\точн.\грам.] Ж
 живúт – труд [268-1\точн.]
 живы – поры́вы [58\точн.] Ж

живы́е – доро́гие [254-2\грам.] Ж
 жил – спешíл [285-2\точн.\грам.]
 жилá – звалá [154-2\грам.]
жýли – ходýли – любýли [317-1\точн.\грам] Ж
 жить – любóть [172-3\грам.] 2
 жить – нить [193-1\точн.]
 жить – разложýть [285-2\точн.\грам.]
 жреца́м – певца́м [117\точн.\грам.]
 жри́цей – цари́цей [243-2\точн.\грам.] Ж
 журча́нье – желáнья [71\ приблизит.]Ж
 журча́ньем – молча́ньем [112-1\точн.\грам.] Ж
 журча́ньи – мерца́нье [201\приблизит.]Ж
 за что – ничто́ [280\точн.\грам.]
 забáвы – сла́вы [188\точн.] Ж
 забвё́нье – воображе́нье [179\точн.\грам.] Ж
 забвё́нья – лишё́нья [266\точн.\грам.] Ж
 забвё́нья – размышле́нья [86-1\точн.\грам.] Ж
 забóр – простóр [259\точн.\грам.]
 сбóры – раздо́ры [90\точн.]
 забóт – бредёт [244-1\точн.]
 забóт – вперёд [188\точн.]
 забóт – зовёт [232-1\точн.]
 забóт – счёт [210-1\точн.\грам.]
 забóтой – позолóтой [274\точн.] Ж
 забóты – рабóты [229\точн.] мн и ед Ж
 забýв – порýв [82-2\точн.]
 забýл – полюбýл [311-1\грам.]
 забýто – пережýто [169-1\точн.\грам.] Ж
 забýтый – разби́той [54-2\ приблизит.]Ж
 забýться – молýться [72\точн.\грам.]Ж
 завёс – небёс [234\точн.\грам.]
 заветной – привётный [223-1\точн.]Ж
 заветный – безответной [278-1\точн.]Ж
 завывáет – одева́ет [247\точн.\грам.] Ж
 завывáнья – обая́нья [80\точн.] мн и ед Ж
 загляну́ть – грудь [302-3\точн.]
 зада́ча – пла́ча [287-1\точн.]Ж
 задева́я – дорога́я [206-2\точн.]Ж
 заде́то – просвёта [143-2\приблизит.] Ж
 задрожít – заблестít [300\грам.]
 задыха́юсь – упива́юсь [287-2\точн.\грам.] Ж
 зажёг – кружо́к [212\точн.]
 зажжёт – прольёт [60-2\точн.\грам.]
 зажига́я – дыха́я [309-2\точн.\грам.] Ж
 зажила́ – [не] поняла́ [188\грам.]
 зазелене́ли – качели [257-1\точн.] Ж
 зака́т – ага́т [274\точн.\грам.]
 зака́т – спешáт [265-2\точн.]

зака́та – объ́ята [76\точн.] Ж
 закры́ты – обли́ты [248\грам.] Ж
 за́ла – задрожáла [188\точн.] Ж
 зали́в – оли́в [256-2\точн.] 2
 зали́в – отли́в [242\точн.\грам.]
 зали́в – распусти́в [294\точн.]
 зали́тую – серди́тою [53\ приблизит.]Д
 замени́ – прогони́ [85\точн.\грам.]
 заметáло – побивáло [82-1\точн.\грам.] Ж
 замеча́ешь – замолка́ешь [76\точн.\грам.] Ж
 замира́ет – внима́ет [69\точн.\грам.] Ж
 замира́я – игра́я [105\точн.\грам.] Ж
 замолча́ть – зазвучáть [206-1\точн.\грам.]
 замрёт – вперёд [172-4\точн.]
 замрёт – вперёд [193-2\точн.]
 замрёт – обоймёт [132-2\точн.\грам.] 2
 замрёт – повернёт [232-1\точн.\грам.]
 замрёт – поползёт [222-1\точн.\грам.]
 заодно́ – окно́ [217-3\точн.]
 запáла – ма́ло [311-1\точн.\грам.] Ж
 запева́ет – повторя́ет [54-1\точн.\грам.] Ж
 запозда́лых – уста́лых [286\точн.\грам.]Ж
 заре́ – костре́ [315-1\точн.]
 заре́й – росой́ [273-2\точн.\грам.]
 заре́ю – красото́ю [280\точн.\грам.] Ж
 зарни́цы – верени́цы [174-2\точн.\грам.] мн Ж
 зары́та – забы́та [86-2\точн.\грам.] Ж
 зары́та – разби́та [82-2\грам.] Ж
 засне́т – зальёт [132-3\точн.\грам.]
 засне́т – прильне́т [114\точн.\грам.]
 застона́ла – упáла [299-2\точн.\грам.] Ж
 засыпа́я – большáя [252-2\точн.] Ж
 затаённой – оскорблённой [215\точн.\грам.] Ж
 зате́й – ночей́ [176-2\точн.\грам.]
 зацветáла – догорáла [253-1\точн.\грам.] Ж
 зва́ли – печáли [73\точн.] Ж
 звездой́ – золотой́ [187\точн.]
 звёзды – гнезды [279-1 точн.] мн им и мн в Ж
 звеня́т – горя́т [158\точн.\грам.]
 зверь – дверь [234\точн.]
 зверя́ми – небеса́ми [215\точн.\грам.] Ж
 зву́ки – му́ки [110-3\точн.\грам.] 13 Ж
 зву́ки – ру́ки [157\точн.\грам.] 2 Ж
 звуча́л – лежа́л [99\точн.\грам.]
 звуча́ла – истерза́ла [209-1\точн.\грам.] Ж
 звуча́ли – бежа́ли [131-1\точн.\грам.] Ж
 звуча́ли – сия́ли [113\точн.\грам.] Ж
 звуча́т – боля́т [244-1\точн.\грам.]

звучáт – разлáд [268-2\точн.]
 звучáт – скользýт [147-1\точн.\грам.]
 звучít – бежít [105\точн.\грам.]
 звучít – клеймít [71\точн.\грам.]
 звучít – лежít [72\точн.\грам.]
 звучít – смутítть [78\точн.]
 здорóвый – суровой [146\точн.]Ж
 зеленéя – седéя [253-1\точн.\грам.] Ж
 землé – метлé [317-2\грам.]
 землé – челé [116\точн.]
 землëй – вековóй [88-1\точн.]
 землëй – золотóй [99\точн.]
 землëй – пеленóй [232-1\точн.\грам.]
 землëй – полосóй [66-2\точн.\грам.]
 землëй – рекóй [131-1\точн.\грам.]
 землëй – роднóй [82-1\точн.]
 землëй – святóй [58\точн.]
 землëй – толпóй [104\точн.\грам.]
 землемéр – офицёр [311-2\точн.\грам.]
 землëю – грядóю [133-2\точн.\грам.]Ж
 землëю – мглóю [157\точн.\грам.]Ж
 землëю – мнóю [222-1\точн.]Ж
 землëю – мольбóю [84\точн.\грам.]Ж
 землi – вдалi [174-2\точн.]
 землi – кораблi [149\точн.]
 землi – мой [56\точн.]
 земля – тополý [285-1\точн.]
 земля – хрусталý [188\точн.]
 земнóй – душóй [86-1\точн.]
 земнóй – однóй [325-3\точн.]
 зерка́льной – погребáльный [82-1\ приблизит] Ж
 зерка́льные – печáльными [53\неточн.] Д
 зерка́льным – печáльным [279-1\точн.\грам.] ед Ж
 зимóй – леснóй [138\точн.]
 зимóю – зарёю [232-2\точн.\грам.]Ж
 зимóю – толпóю [291\точн.\грам.]Ж
 злáя – золотáя [151-2\точн.\грам.] Ж
 злiтся – [не] спiтся [261\точн.\грам.]Ж
 зло – челó [272-1\грам.]
 злóбный – подóбный [204\точн.\грам.] Ж
 зловóнных – осуждённых [185\точн.\грам.] Ж
 злом – крестóм [174-1\точн.\грам.]
 змеёй – рекóй [188\точн.\грам.]
 змеёю – Москвóю [90\точн.\грам.] Ж
 змея – струя [60-2\грам.]
 знáем – страдаём [308\точн.\грам.] Ж
 знал – звучáл [196-2\точн.\грам.]
 знал – покрывáл – игрáл [273-2\точн.\грам.] гл

знал – шептáл [297\точн.\грам.]
 знáнье – сия́ньи [86-2\приблизит.] Ж
 значéнья – презрénья – сожалénья [193-1\точн.\грам.] Ж
 зная – краю [138\точн.]Ж
 зная – раздува́ю [227-2\точн.\грам.] Ж
 знаят – пятна́ют [172-1\точн.\грам.] Ж
 знóем – покóем [136-2\точн.\грам.] Ж
 зной – мной – белизнóй [206-2\точн.]
 зовём – фонарём [104\точн.]
 зовёт – бьёт [138\точн.\грам.]
 зовёт – ждёт [135-1\точн.\грам.]
 зовёт – поёт [116\точн.\грам.]
 зову́т – оторву́т [51-1\точн.\грам.]
 золотáя – [не] смолкáя [90\точн.] Ж
 золотáя – немáя [132-2\точн.\грам.] Ж
 золотáя – страда́я [171\точн.] Ж
 золотисто-лазу́рного – безбу́рного [237\точн.\грам.] Д
 золотíстым – муску́листом [273-2\приблизит.] Ж
 золотóй – зной [200-1\точн.]
 золотóй – ночнóй [136-1\точн.\грам.]
золотóй – рекóй – веснóй – молодóй [158]
 золотóй – молодóй [158\точн.\грам.]
 золотóю – тишинóю [236\точн.\грам.] Ж
 золотóю – тоскóю [90\точн.\грам.] Ж
 золоты́е – голубы́е [90\точн.\грам.] Ж
 золоты́е – молоды́е [159\точн.\грам.] Ж
 золоты́е – огневы́е [260\точн.\грам.] Ж
 золоты́е – седы́е [106\точн.\грам.] Ж
 золоты́е – удалы́е [54-1\точн.\грам.]Ж
 золоты́м – ним [104\точн.]
 зрачки́ – руки́ [305\точн.]
 игра́ – порá [221-2\грам.]
 игра́ет – сияет [72\точн.\грам.] Ж
 игра́ла – обвивáла [220-2\точн.\грам.] Ж
 игра́ть – гуля́ть [252-2\точн.\грам.]
 игро́к – огонёк [227-2\точн.\грам.]
 игру́шка – пирóшка [52\точн.\грам.] Ж
 идеáл – Ваáл [110-2\точн.\грам.]
 идеáл – настáл [223-2\точн.]
 идеáл – просия́л [229\точн.]
 идеáла – Ваáла [104\точн.\грам.] Ж
 идеáлов – пьедестáлов [52\точн.\грам.] Ж
 идей – своéй [108-1\точн.]
 иду́т – прию́т [138\точн.]
 иерогли́фы – тари́фы [320-1\точн.\грам.] Ж
 избé – трубе́ [138\грам.]
 избега́ю – закрывáю [213-1\точн.\грам.] Ж
 извй́в – оли́в [273-2\точн.]

извива́юсь – [не] смиря́юсь [235\точн.\грам.]Ж
 извинё́нья – чтё́нья [258-2\точн.\грам.] мн и ед Ж
 изгна́ньи – страда́ньи [90\точн.\грам.] Ж
 изголо́вью – любо́вью [154-2\точн.] 2 Ж
 издалё́ка – осо́ка [188] Ж
 издалека́ – рыбака́ [242]
 излива́ть – врачевáть [196-1\точн.\грам.]
 излу́чиной – изму́ченной [237\неточн.] Д
 измельча́вшая – задрема́вшая [310-2\точн.\грам.] Д
 изме́нит – це́нит [266\точн.\грам.] Ж
 изможде́нный – скло́ненный [164-2\точн.\грам.] Ж
 изныва́ет – отвеча́ет [184-2\точн.\грам.] Ж
 изныва́я – боева́я [138\точн.]Ж
 изрека́я – [не] сознава́я [60-2\точн.\грам.] Ж
 изуча́я – прозрева́я [303\точн.\грам.] Ж
 изуча́я – разбива́я [299-2\точн.\грам.] Ж
 Ика́р – шар [299-2\точн.\грам.]
 им – свои́м [285-2\точн.]
 имен – вре́мен [113\точн.\грам.]
 иногда́ – вода́ [280]
 ино́й – земле́й [225-2\точн.]
 ино́й– предо мно́й – молодóй [220-1] 2
 ино́й– молодóй [220-1\точн.\грам.]
 иска́л – страда́л [209-1\точн.\грам.]
 иска́ний – рыда́ний [104\точн.\грам.] Ж
 иску́ства – чу́ства [113\точн.] ед и мн 4 Ж
 иску́ства – чу́ства [223-2\точн.\грам.] ед
 исполне́нье – песнопё́нье [321\точн.\грам.] Ж
 испо́лно – напо́лно [54-2\точн.\грам.] Ж
 исполня́лись – появля́лись [273-2\точн.\грам.] Ж
 испу́га – неду́га [230\точн.\грам.] Ж
 испытáний – воспомина́ний [179\точн.\грам.] Ж
 испытáний – желáний [111\точн.\грам.] Ж
 испытáний – страда́ний [224-1\точн.\грам.] Ж
 испытáний – упова́ний [293\точн.\грам.] Ж
 иссече́н – изувече́н [140\точн.\грам.] Ж
 истомле́нную – рожде́нную [237\точн.\грам.] Д
 исхо́д – гнетёт [308\точн.]
 исцелё́нья – муче́нья [99\точн.] ед и мн Ж
 исцели́ла – моги́лой [206-2\приблизит.\йотирован.]Ж
 ито́г – игро́к [203\точн.\грам.]
 их (нач.) – них (нач.) [209-2\точн.\грам.]
 ищú – грущу́ [257-2\грам.]
 каза́лось – просыпа́лось [84\точн.\грам.] Ж
 каземáта – объáта [184-2\точн.] Ж
 казнáт – глядя́т [186-1\точн.\грам.]
 како́й – больно́й [253-1\точн.]
 каменья́м – презре́ньем [164-2\приблизит.] Ж

камѣн – картѣн [300\точн.]
 камышáх – кустáх [76\точн.\грам.]
 камышáх – небесáх [53\точн.\грам.]
 карáющий – всепрощáющий [147-1\точн.\грам.] Д
 карнавáл – внимáл [265-2\точн.]
 карнавáла – бáла [259\точн.\грам.] Ж
 картѣна – арлекѣна [307\точн.] Ж
 картѣна – рябѣна [107\точн.\грам.] Ж
 картѣны – лучѣны [243-2\точн.] мн и ед Ж
 картѣны – морщѣны [184-1\точн.\грам.] мн Ж
 качáет – ударяет [90\точн.\грам.] Ж
 качнѣтся – засмеѣтся [257-1\точн.\грам.] Ж
 каштáн – фонтáн [149\точн.\грам.]
 Кедрóн – погружѣн [99\точн.]
 кипѣла – дѣла [268-1\точн.] Ж
 кипѣт – стоѣт [176-2\точн.\грам.]
 клѣки – владѣки [117\грам.] мн Ж
 клубáх – домáх [243-1\точн.\грам.]
 клюкóю – тоскóю [302-3\точн.\грам.] Ж
 клянjá – дня [270-1\точн.]
 книг – влип [315-1\неточн.]
 кнѣги – верѣги [178-2\точн.\грам.] Ж
 кнѣжку – коврѣжку [319-1\точн.\грам.] Ж
 кнутóм – челóм [270-2\точн.\грам.]
 ковал – отдыхáл [187\точн.\грам.]
 ковѣр – шатѣр [136-2\точн.\грам.] 2
 коврóв – богóв [273-2\точн.\грам.]
 коврóм – дом [259\точн.]
 когда – трудá [156] 2
 когда-то – брáта [135-2\приблизит.] Ж
 когда-то – свято [179\точн.] 2 Ж
 кокетства – дѣтства [261\точн.\грам.] Ж
 колебáлась – врывáлась [153-1\точн.\грам.] Ж
 колеснѣцы – веренѣцы [164-2\точн.\грам.] ед Ж
 колóнн – знамѣн [188\точн.\грам.]
 колóнн – небосклóн [106\точн.]
 колóнн – сон [159\точн.]
 колóнны – балкóны – дракóны [273-2\точн.\грам.] Ж
 колыбѣли – метѣли [291\точн.\грам.] ед Ж
 колыбѣли – одряхлѣли [228-1\точн.] Ж
 колыбѣли – цѣли [195\точн.\грам.] ед Ж
 колыхáет – отдыхáет – набегáет [133-2\точн.\грам.]
 колыхáлись – загорáлись [261\точн.\грам.] Ж
 колыхáя – мелькáя [201\точн.\грам.] Ж
 комарóв – врагóв [140\точн.\грам.]
 кому – уму [86-1\точн.]
 конѣй – лучѣй [241-1\точн.\грам.]
 конѣм – царѣм [274\точн.\грам.]

конѐц – сердѐц [271-3\точн.]
 контóра – вздóра [319-1\точн.] Ж
 концѐрт – десѐрт [316\точн.\грам.]
 кончáя – замирáя [132-2\точн.\грам.] Ж
 копýт – кружýт [138\точн.]
 копýтами – ракýтами [237\грам.] Ж
 кораблѐ – землѐ [214-2\точн.]
 коридóра – собóра [184-2\точн.\грам.] Ж
 корнѐй – пигмѐй [285-2\точн.]
 королѐвы – дѐвы [188\точн.] ед и мн Ж
 корóны – фестóны [264\точн.\грам.] мн Ж
 котлѐт – привѐт [314\точн.]
 красá – лесá [241-2\точн.]
 краснѐли (нач.) – горѐли (нач.) [220-2\точн.\грам.] Ж
 красóй – мной [193-2\точн.]
 красóй – самóй [325-3\точн.]
 красотá – устá [309-1]
 красотѐ – [не] те [264\точн.]
 красотѐ – крестѐ [75\точн.]
 красотѐ – мечтѐ [118\точн.\грам.]
 красóтка – трещóтка [321\точн.\грам.] Ж
 красотóй – (надо) мной [217-3\точн.]
 красотóй – немóй [147-2\точн.]
 красотý – почтý [200-2\точн.]
 красотý – цветý [150-1\точн.] 2
 красотý – чертý [107\точн.]
 красóю – тобóю [271-3\точн.] Ж
 краю – стою [193-2\точн.] 2
 кра́я – [не] смолкáя [291\точн.] Ж
 кра́я – поля [188\точн.\грам.]
 крѐпкий – вѐтки [232-1\неточн.] Ж
 крестá – лицá [99\неточн.\грам.]
 крестá – устá [135-2\точн.] 2
 крестá – Христá [99\точн.\грам.]
 крестóв – цветникóв [291\точн.\грам.]
 крик – миг [259\точн.\грам.]
 крик – привýк [287-2]
 крик – роднýк [204\точн.\грам.]
 крик – язýк [169-2\грам.]
 кровáвый – лука́вый [99\точн.\грам.] Ж
 кровí – любвí [108-1\грам.] 7
 кровь – любóвь [110-2\точн.\грам.] 5
 кровью – любóвью [109\точн.\грам.] 3 Ж
 кругóм – альбóм [153-2\точн.]
 кругóм – венкóм [206-2\точн.]
 кругóм – голубóм [211-2\точн.]
 кругóм – добрóм [256-1\точн.]
 кругóм – золотóм [294\точн.]

кругом – королём [294\точн.]
 кругом – ночном [234\точн.]
 кругом – роковым [70-2\точн.]
 кругом – серебром [282-2\точн.]
 кругом – трудом [245-2\точн.]
 кругом – чём [219\точн.]
 кружком – стыдом [187\точн.\грам.]
 крутизнам – рекам [80\точн.\грам.]
 крылья – бессилья [293] Ж
 кудрей – бровей [204\точн.\грам.]
 кудрей – очей [294\точн.\грам.]
 кудрях – чертах [153-1\точн.\грам.]
 купец – делец [135-1\точн.\грам.]
 купил – погубил [54-2\точн.\грам.]
 куплет – букет [258-2\точн.\грам.]
 кустами – домами [216-2\точн.\грам.] Ж
 лавровый – суровый [117\точн.\грам.] Ж
 лазури – бури [274\точн.\грам.]
 лампы – пощады [172-4\точн.\грам.] Ж
 ланит – горит [159\точн.]
 ласка – сказка [143-1\точн.\грам.] 2 Ж
 ласкает – засыпает [136-2\точн.\грам.] Ж
 ласкает – отлетает [188\точн.\грам.] Ж
 ласкает – прилетает [164-2\точн.\грам.] Ж
 лаская – презирая [136-2\точн.\грам.] Ж
 ласки – глазки [272-2\точн.] ед и мн Ж
 ласки – глазки [297\точн.\грам.] мн
 ласки – пляски [104\точн.\грам.] ед Ж
 легки – реки [324-1\точн.]
 легла – весла [168-1\точн.]
 легла – села [196-2\точн.]
 легла – стекла [305\точн.]
 легла – чела [72\точн.]
 лежал – пробежал [54-2\точн.\грам.]
 лежала – сияла [153-1\точн.\грам.] Ж
 лежат – томят [325-3\точн.\грам.]
 лежит – вид [248\точн.]
 лежит – горит [248\точн.\грам.]
 лежит – звучит [109\точн.\грам.]
 лежит – кипит [291\точн.\грам.]
 лес – небес [238-1\точн.]
 леса – небеса [220-2\грам.]
 лесам – псам [188\точн.\грам.]
 лесах – горах [294\точн.\грам.]
 лет – полумудрец-полупоэт [305\точн.]
 лет – поэт [71\точн.]
 лет – рассвет [238-2\точн.] 2
 лета – букета [323-1\точн.\грам.] Ж

летѣл – пел [80\точн.\грам.]
 лету́чей – могу́чий [52\приблизит.] Ж
 ле́тящей – лежа́щей [257-1\точн.\грам.] Ж
 лжи́ва – краси́ва [145\точн.\грам.] Ж
 лжи́вый – краси́вый [251-2\точн.\грам.] Ж
 лик – вели́к [255-2\точн.]
 листо́в – голосо́в [261\точн.\грам.]
 лиц – страниц [179\точн.\грам.]
 ли́ца – блудни́ца [141\точн.] Ж
 лица́ – венца́ [99\грам.]
 лица́ – конца́ [171\точн.] 2
 лица́ – конца́ [217-3\грам.]
 лица́ – певца́ [188\грам.] 3
 лицо́м – крыло́м [239-1\точн.\грам.]
лицо́м – песко́м – голу́бом [273-2]
 лицо́м – песко́м [273-2\точн.\грам.]
 лицо́м – тепло́м [253-1\точн.\грам.]
 лицо́м – голу́бом [273-2\точн.]
 лишѣ́ний – моле́ний [297\точн.\грам.] Ж
 лишѣ́ний – сомне́ний [56\точн.\грам.] Ж
 лишѣ́нья – вдохнове́нья [204\точн.\грам.] ед Ж
 лишѣ́нья – забвѣ́нья – примирѣ́нья [188\точн.] мн и ед и ед Ж
 лобза́ний – рыда́ний [164-2\точн.\грам.] Ж
 лобза́ния – страда́ния [196-1\точн.\грам.] Ж
 лобза́нье – свидáнье [199-1\точн.\грам.] Ж
 лобза́ньем – страда́ньем [99\точн.\грам.] Ж
 лобза́нья – страда́нья [147-2\точн.\грам.] Ж
 лови́л – пусти́л [60-2\точн.\грам.]
 ложи́лся – резви́лся [273-2\точн.\грам.] Ж
 ло́жью – подно́жью [172-3\точн.] Ж
 локомоти́вом – счастли́вым [153-2\приблизит.] Ж
 луг – нау́к [200-1\точн.]
 лугáх – лучáх [237\точн.\грам.]
 луно́й – земле́й [99\точн.\грам.]
 луно́й – реко́й [53\точн.\грам.]
 луно́й – речно́й [54-1\точн.]
 луны́ – вышины́ [99\точн.\грам.]
 луны́ – сны [324-1\точн.]
 луны́ – стены́ [164-2\точн.\грам.]
 луч – могу́ч [277\точн.]
 луч – туч [54-2\точн.]
 лучáми – ветвя́ми [49\точн.\грам.] Ж
 лучáми – вода́ми [50-1\точн.\грам.] Ж
 лучáми – волна́ми [60-2\точн.\грам.] Ж
 лучáми – звезда́ми – очáми [90\точн.\грам.] Ж
 лучáми – торгоша́ми – рука́ми [135-2\точн.\грам.] Ж
 лучáх – реча́х [196-1\точн.\грам.]
 лучáх – страх [159\точн.]

луча́х – цвета́х [154-2\точн.\грам.]
 лучеза́рный – благода́рной [73] Ж
 луче́й – ветве́й [282-2\точн.\грам.]
 луче́й – госте́й [294\точн.\грам.]
 луче́й – дете́й [245-2\точн.\грам.]
 луче́й – люде́й [297\точн.\грам.]
 луче́й – моёй [325-3\точн.] 2
 луче́й – море́й [193-1\точн.\грам.]
 луче́й – поле́й – руче́й [99\точн.\грам.]
 луче́й – поле́й [224-2\точн.\грам.]
 луче́й – поле́й [273-2\точн.\грам.]
 луче́й – своёй [136-2\точн.]
 луче́й – тене́й [200-1\точн.\грам.]
 луче́й – тесне́й [232-1\точн.]
лучо́м – чело́м – веково́м – алтарём [107]
 лучо́м – веково́м [107\точн.]
 лучо́м – чело́м – алтарём [107\точн.\грам.]
 льётся – смеётся [268-2\точн.\грам.] Ж
 льсти́вой – краси́вой [280\точн.\грам.] Ж
 лью́тся – раздаю́тся [76\точн.\грам.] Ж
 любви́ – алтари́ [75\неточн.]
 любви́ – живи́ [196-2\точн.]
 любви́ – коле́й [209-2\грам.]
 любви́ – крове́й [181-1\грам.] 3
 любви́ – моёй [60-1\неточн.] 2
 любви́ – своёй [134-1]
 любви́ – твоёй [170] 2
 люби́л – говори́л [196-2\точн.\грам.] 2
 люби́л – жил [305\грам.]
люби́л – затвори́л – откры́л – ни сил – моги́л [198-1]
 люби́л – затвори́л – откры́л [198-1\точн.\грам.]
 люби́л – моги́л [198-1\точн.]
 люби́л – носи́л [286\точн.\грам.]
 люби́л – сил [198-1\точн.]
 люби́ли [ль] (нач.) – моли́лись [ли] (нач.) [82-2\грам.\неточн.] Ж
 люби́м – пилигрíм [224-1\точн.]
 люби́мых – невыно́симых [266\точн.\грам.] Ж
 люби́ть – вме́стить [246\точн.\грам.]
 люби́ть – жить [112-3\грам.]
 люби́ть – заглуши́ть [147-1\грам.]
 люби́ть – ободри́ть [68-2\точн.\грам.]
 люби́ть – оживи́ть [117\точн.\грам.]
 люби́ть – перели́ть [95\точн.\грам.]
 люби́ть – позабы́ть [141\грам.]
 люби́ть – проси́ть [196-2\точн.\грам.]
 любóвно – хладнокрóвно [56\точн.\грам.] Ж
 любóвь – внове́ [145\точн.] 3
 любóвь – внове́ [211-3\точн.]

любóвь – кровь [198-1\точн.\грам.]
 любóвью – изголóвью [136-2\точн.] 3 Ж
 любóвью – крóвью [151-2\точн.\грам.] 5 Ж
 любя́ – тебя́ [172-2\точн.] 2
 людéй – лучéй [171\точн.\грам.]
 людéй – моéй [133-1\точн.] 3
 людéй – ночéй [68-2\точн.\грам.]
 людéй – светлéй [179\точн.]
 людéй – своéй [56\точн.] 2
 людéй – страстéй [144\точн.\грам.]
людéй – твоéй – моéй [69]
 людéй – твоéй [144\точн.] 5
 людéй – теплéй [86-2\точн.]
 людéй – фарисéй [135-2\точн.] 2
 людéй – цепéй [310-2\точн.\грам.]
 людскáя – благословля́я [117\точн.] Ж
 людскíе – Росси́я [141\приблизит.] Ж
 людскíх – их [67\точн.]
 людскíх – них [297\точн.]
 людскóго – живóго [135-1\точн.\грам.] Ж
 людскóй – золотóй [183\точн.\грам.] м.р.
 людскóй – мной [86-2\точн.]
 людскóй – святóй [141\точн.] ж.тв. и м.им.
 людскóй – хулóй [75\точн.]
 малю́тки – шү́тки [90\точн.] ед и мн Ж
 ма́нит – вянет [274\точн.\грам.]Ж
 ма́ня – дня́ [240-2\точн.]
 ма́ня – меня́ [144\точн.]
 Мари́ю – голубы́е [90\приблизит.]Ж
 Мари́я – глухíе [90\приблизит.]Ж
 Мари́я – голубы́е [90\приблизит.]Ж
 Мари́я – роковы́е [90\приблизит.]Ж
 Мари́я – седы́е [90\приблизит.]Ж
 матерéй – людéй [164-2\точн.\грам.]
 мгла́ – звалá [80\точн.]
 мгла́ – углá [171\точн.]
 мгла́ – чела́ [151-2\точн.]
 мгле́ – землé [279-2\грам.]
 мгле́ – землé [75\точн.\грам.]
 мгли́стый – тени́стой [264\приблизит.]Ж
 мгло́й – грозóй [50-1\точн.\грам.]
 мгло́ю – весно́ю [201\точн.\грам.] Ж
 мгло́ю – пято́ю [255-2\точн.\грам.] Ж
 мгло́ю – судьбо́ю [153-2\точн.\грам.] Ж
 мгло́ю – красото́ю [201\точн.\грам.] Ж
 мгло́ю – тишино́ю [60-2\точн.\грам.] Ж
 мгло́ю – тропо́ю [54-2\точн.\грам.] Ж
 мглы́ – скалы́ [291\точн.\грам.]

мгновѣнно – вдохновѣнно [188\точн.\грам.] Ж
 мгновѣнье – движѣнье [307\точн.\грам.] Ж
 мгновѣнье – мучѣнья [175-1\ приближит.]Ж
 мгновѣнье – пѣнье [76\точн.\грам.]Ж
 мгновѣнью – отдалѣнью [259\ приближит.]Ж
 мгновѣнья – [без] сожалѣнья [132-2 точн] мн и ед Ж
 мгновѣнья – забвѣнья [148\точн.\грам.] ед Ж
 мгновѣнья – молѣнья [60-2\точн.\грам.] мн.в.Ж
 мгновѣнья – мучѣнья [172-4\точн.\грам.] мн.в. и мн.им.Ж
 мгновѣнья – оживлѣнье [207\ приближит.]Ж
 мгновѣнья – преступлѣнья [99\точн.\грам.] ед Ж
 мѣдныя – бѣдныя [67\точн.\грам.] Ж
 мелькаѣт – исчезает [90\точн.\грам.]Ж
 мелькаѣт – поглощѣет [90\точн.\грам.]Ж
 мелькала – упала [273-2\точн.\грам.] Ж
 мелькая – края [215\точн.] Ж
 мелькнѣт (нач.) – блеснѣт (нач.) [76\точн.\грам.]
 мелькнула – потонула [261\точн.\грам.] Ж
 мельчая – стая [278-2\точн.] Ж
 менуѣты – колѣты [188\точн.\грам.] Ж
 меня – дня [209-2\точн.] 5
 мерцаѣт – читаѣт – закрывѣет [178-2\точн.\грам.] Ж
 мерцали – трепетали [285-1\точн.\грам.]
 мерцанье – благоуханье [232-2\точн.\грам.] Ж
 мерцаньем – сияньем [99\точн.\грам.] Ж
 мерцаѣя – замираѣя [236\точн.\грам.] Ж
 мѣстах – петлях [60-2\точн.\грам.]
 метѣли – цѣли [302-1\точн.\грам.] ед
 мечѣй – огнѣй [294\точн.\грам.]
 мечом – злом [96-2\точн.\грам.]
 мечом – кругом [253-2\точн.]
 мечта – красота [80\грам.]
 мечта – чистота [221-2\грам.]
 мечта – встречал [143-1\точн.\грам.]
 мечта – зал [188\точн.]
 мечта – пересыхал [261\точн.\грам.]
 мечтали – печали [156\точн.] Ж
 мечтам – храм [298\точн.]
 мечтами – глазами [231\точн.\грам.] Ж
 мечтами – крылами – цветами [163\точн.\грам.] Ж
 мечтаний – испытаний [228-1\точн.\грам.] Ж
 мечтаний – страданий [175-2\точн.\грам.] 2Ж
 мечтанья – желанья [188\точн.\грам.] мн в и мн им Ж
 мечтанья – завоеванья [163\точн.] мн и ед Ж
 мечтанья – свиданья [60-1\точн.] мн и ед Ж
 мечтанья – страданья [51-2\точн.\грам.] мн им и мн в Ж
 мечтѣ – красотѣ [110-3\грам.]
 мечтой – [с] землѣй [112-1\точн.\грам.]

мечто́ю – мной [215\грам.\йотирован.] Ж
 мечто́ю – руко́ю [217-3\точн.\грам.] Ж
 мечты́ – красotý [309-1\точн.\грам.] ед
 мечты́ – красotý [54-2\точн.] мн и ед
 мечты́ – толпы́ [132-3] мн и ед
 меша́я – оживля́я [236 точн. грам.] Ж
 миг – стары́к [268-1\точн.\грам.]
 мига́ет – рыда́ет [138\точн.\грам.] Ж
 мимолётной – безотчётной [219\точн.\грам.]
 ми́ндаль – шаль [282-2\точн.]
 ми́ну́ют – взволну́ют [280\точн.\грам.] Ж
 мир – пир [117\точн.\грам.]
 ми́ра – пи́ра [172-4\точн.\грам.] Ж
 ми́ре – ли́ры [54-2\ приближит.] Ж
 ми́ре – пи́ре [108-1\точн.\грам.] Ж
 ми́ром – куми́ром [99\точн.\грам.] Ж
 мишуро́й – руко́й [75\точн.\грам.]
 мишуро́й – стопо́й [52\точн.\грам.]
 мишуро́й – тюрьмо́й [59\точн.\грам.]
 мне – глубине́ [152-2]
 мной – бирюзой́ [268-2\точн.]
 мной – бой [147-1\точн.]
 мной – душо́й [145\точн.]
 мной – мечто́й [88-2\точн.]
 мной – руко́й [207\точн.]
 мной – старино́й [286\точн.]
 мной – тоско́й [172-3\точн.]
 мно́ю – борьбо́ю [151-1\точн.] 2 Ж
 мно́ю – грозо́ю [188\точн.] Ж
 мно́ю – звездо́ю [179\точн.] Ж
 мно́ю – красо́ю [188\точн.] Ж
 мно́ю – мишуро́ю [228-1\точн.] Ж
 мно́ю – Москво́ю [138\точн.] Ж
 мно́ю – реко́ю [181-4\точн.] Ж
 мно́ю – руко́ю [163\точн.] 2 Ж
 мно́ю – собо́ю [80\точн.\грам.] Ж
 мно́ю – стено́ю [303\точн.] Ж
 мог – бог [72\точн.]
 мог – поблёк [286\точн.\грам.]
 мог – подстерёг [287-2\точн.\грам.]
 мог – помо́г [104\точн.\грам.]
 моги́л – уходи́л [291\точн.]
 моги́лы – си́лы [154-1\точн.\грам.] ед Ж
 моги́лы – си́лы [72\точн.] ед и мн Ж
 моги́льной – бесси́льной [268-1\точн.\грам.] Ж
 могла́ – родила́ [204\точн.\грам.]
 могла́ – чела́ [117\точн.]
 могли́ – земли́ [168-1\точн.]

могу́ – мозгу́ [304\точн.]
 могу́ч – луч [151-1\точн.]
 могу́чей – певу́чей [220-1\точн.\грам.] Ж
 могу́чи – ту́чи [210-2\точн.]Ж
 мо́ду – приро́ду [248\точн.\грам.] Ж
 моёй – дождёй [291\точн.]
 моёй – лучёй [257-2\точн.] 2
 моёй – людёй [164-1\точн.] 3
 моёй – ней [114\точн.] 2
 моёй – полёй [264\точн.]
 моёй – речёй [300\точн.]
 моёй – ручёй [154-2] \точн.
 моёй – скорбёй [188\точн.]
 моёй – степёй [273-1\точн.]
 моёй – страстёй [196-2\точн.]
 моём – днём [138\точн.]
 моём – клеймо́м [56\точн.]
 моём – коро́лём [294\точн.]
 моём – крыло́м [302-2\точн.]
 моём – ножо́м [196-2\точн.]
 моём – роково́м [68-2\точн.]
 моёю – нею [172-2\точн.] Ж
 мо́жет – глóжет [304\точн.\грам.]Ж
 мо́й – любви́ [112-2\неточн.]
 мо́йм – дым [204\точн.]
 мо́йм – невыно́сим [265-2\точн.]
 мо́йм – недви́жим [215\точн.]
 мо́й – слезо́й –молодо́й [70-3\точн.]
 моле́ний – наслажде́ний [221-2\точн.\грам.] Ж
 моли́л – вступи́л [204\точн.\грам.]
 моли́твы – битвы [204\точн.] мн и ед 2 Ж
 моли́ть – губи́ть [175-1\точн.\грам.]
 моли́ть – люби́ть [179\точн.\грам.]
 моли́ться – прости́ться [99\точн.\грам.]Ж
 мо́лод – го́род [170\точн.]Ж
 молодáя – немáя [60-2\точн.\грам.] Ж
 молодáя – угасáя [254-2\точн.] Ж
 молодóй – красото́й [110-3\точн.]2
 молодóй – мечто́й [163\точн.]
молодо́й – мой – тоско́й – роково́й [56\точн.]
 молодóй – роково́й[56\точн.\грам.]
 молодóй – мой [56\точн.]
 молодóй – тоско́й [152-1\точн.]
 молодóм – вдвоём [207\точн.]
 молодóм – челóм [205\точн.]
 молча́нье – сия́нье [54-1\точн.\грам.] 2 Ж
 молча́нье – сострада́нье [60-2\точн.\грам.] Ж
 молча́ньем – благоуха́ньем [107\точн.\грам.] Ж

молча́ньем – рукоплеска́ньям [188\приблизит.] Ж
 молча́ньи – негодова́нья [70-3\приблизит.] Ж
 молча́т – гремя́т [184-2\точн.\грам.]
 молчи́ – ночи́ [186-2\точн.]
 молчи́т – говори́т [186-1\точн.\грам.]
 молчи́т – мертви́т [308\точн.\грам.]
 мольба́м – нача́м [204\точн.\грам.]
 мольбо́й – волно́й [282-2\точн.\грам.]
 мольбо́ю – руко́ю [221-2\точн.\грам.] Ж
 мольбо́ю – толпо́ю [99\точн.\грам.] Ж
 моноло́г – раёк [244-2\точн.\грам.]
 мо́ре – го́ре [134-1\точн.\грам.] Ж
 мо́ре – просто́ре [159\точн.] Ж
 мо́ре – собо́ре [240-1\точн.] 2 Ж
 морей́ – своёй [149\точн.]
 морские́ – снего́вые [115-2\грам.] Ж
 морско́й – волно́й [294\точн.]
 морско́й – дорого́й [256-2\точн.] м и ж
 морско́й – снегово́й [291\точн.] ж и м
 морско́ю – волно́ю [214-2\точн.] Ж
 моря́ – горя́ [113\точн\грам.] ед Ж
 мостово́й – трудово́й [188\точн.]
 мочь – ночь [317-2\точн.]
 мою́ – предаю́ [311-1\точн.]
 мою́ – семью́ [60-2\точн.]
 мудреца́ – лица́ [307\грам.]
 мудрецо́в – рабо́в [308\точн.\грам.]
 музей – моёй [311-2\точн.]
 му́к – недуг [278-2\точн.]
 му́ки – зву́ки [178-1\точн.\грам.] 2 Ж
 муки – руки [138\точн.] ед и мн Ж
 му́ки – ску́ки [309-1\точн.\грам.] ед Ж
 му́ку – ру́ку [104\точн.\грам.] 5 Ж
 муче́ний – песнопéний [288-1\точн.\грам.] Ж
 муче́ний – сомне́ний [176-1\точн.\грам.] Ж
 муче́ний – творе́ний [289\точн.\грам.] Ж
 муче́ния – презре́ния [66-1\точн.\грам.] ед Ж
 муче́ньем – обольще́ньем [214-1\точн.\грам.] Ж
 муче́ньем – опьяне́ньем [164-2\точн.\грам.] Ж
 муче́ньем – презре́ньем [218\точн.\грам.] Ж
 муче́ньем – презре́ньем [99\точн.\грам.] Ж
 муче́нья – глумле́нья [112-3\точн.\грам.] ед Ж
 муче́нья – забвёнье [114\неточн.] Ж
 муче́нья – забвёнья [136-2\точн.] мн и ед Ж
 муче́нья – сожале́нья [77 точн] мн и ед Ж
 муче́нья – сомне́нья [174-1 точн. грам.ед.] Ж
 мучи́тельной – спаси́тельной [196-1\точн.\грам.] Д
 мха – тиха́ [136-2\точн.]

мча́лась – прикаса́лось [172-4\приблизит.] Ж
 мча́тся – стру́ятся [225-2\точн.\грам.] Ж
 мы́зы – ры́зы [318-2\грам.] Ж
 наблюда́ю – улета́ю [261\точн.\грам.] Ж
 наболе́вшая – накипа́вшую [53] Д
 наве́гда – стыда́ [175-1\точн.]
 нагоня́я – золотáя [90\точн.] Ж
 наго́рной – чёрный [80\приблизит.] Ж
 нагото́ю – руко́ю [164-2\точн.\грам.] Ж
 награ́ды – поща́ды [297 точн. грам.ед.] Ж
 надвига́ется – сжима́ется [147-1\точн.\грам.]Д
 надуто-либерáльных – журна́льных [143-2\точн.\грам.] Ж
 нажи́вы – поры́вы [112-3\точн.] Ж
 наза́д – звуча́т [240-1\точн.]
 назва́нья – страда́нья [234\точн.\грам.] ед Ж
 назва́ть – о́пять [73\точн.]
 наизу́сть – грусть [286\точн.]
 наказа́нья – страда́нья [99\точн.] ед и мн Ж
 накипа́вшую – наболе́вшую [196-1\точн.\грам.]Д
 наклонённый – погружённый [291\точн.\грам.] Ж
 нам – труда́м [187\точн.]
 наме́ки – стро́ки [269\точн.\грам.] Ж
 наме́ком – далёком [213-2\точн.] Ж
 наме́т – год [273-2\точн.\грам.]
 на́ми – луча́ми [88-1\точн.] Ж
 на́ми – судьба́ми [72\точн.] Ж
 на́ми – цвета́ми [115-2\точн.] Ж
 на́ми – штриха́ми [169-2\точн.] Ж
 напе́в – гнев [288-1\точн.\грам.]
 напева́ет – колыха́ет [253-1\точн.\грам.] Ж
 написа́л – истерза́л [261\точн.\грам.]
 напока́з – глаз [201\точн.]
 направля́ть – гладь [50-1\точн.]
 напроле́т – высóт [241-1\точн.]
 напряже́нья – сомне́нья [187\точн.] ед и мн Ж
 наро́д – гнё́т [284\точн.\грам.] ед.им.
 наро́да – свобóда [96-2\точн.] 5 Ж
 наро́дной – свобóдной [288-1\точн.\грам.] Ж
 наро́ду – свобóду [268-1\точн.] Ж
 наро́ды – свобóды [288-1\точн.] мн и ед Ж
 наруша́л – сверша́л [273-2\точн.\грам.]
 наряд – взгляд [111\точн.\грам.] 2
 наряд – взгляд [294\точн.\грам.]
 наряд – шумя́т [294\точн.]
 наряди́лась – наряди́лась – скати́лась [302-2\точн.\грам.] Ж
 нарядом – я́дом [209-1\точн.\грам.]Ж
 наряжена́ – она́ [145]
 нас – вас [138\точн.\грам.]

нас – глаз [156\точн.]
 наскúчили – измúчили [196-1\точн.\грам.] Д
 наслаждéний – лишéний [261\точн.\грам.] Ж
 наслаждéний – мучéний [281\точн.\грам.] Ж
 наслаждéний – сожалéний [60-2\точн.\грам.] Ж
 наслаждéний – сомнéний [152-2\точн.\грам.] 2 Ж
 наслаждéнья – искушéнья [154-2\точн.\грам.] ед Ж
 наслаждéнья – смущéнья [108-2\точн.\грам.] ед Ж
 наслаждéнья – сомнéнья [115-2\точн.] ед и мн 2 Ж
 насмéшкой – пéшкой [320-2\точн.\грам.] Ж
 настáл – [не] дерзáл [108-2\точн.\грам.]
 наúки – рúки [188\точн.] ед и мн Ж
 научáла – завещáл [119\приблизит.] Ж
 находíть – лить [232-2\точн.\грам.]
 начáла – идеáла [58\точн.] Ж
 нашёл – произвóл [291\точн.]
 нáши – чáши [274\точн.] Ж
 нéба – хлéба [226-2\точн.\грам.] Ж
 небéс – исчéз [225-2\точн.]
 небéс – лес [210-2\точн.] 3
 небесá – лесá [241-2\грам.] 2
 небесá – парусá [214-2\грам.] 2
 небесáми – рукáми – крылáми [221-1\точн.\грам.] Ж
 небесáх – лучáх [260\точн.\грам.]
 небесáх – прах [293\точн.]
 небесáх – рукáх [185\точн.\грам.]
 небесáх – садáх [325-3\точн.\грам.]
 небесáх – стволáх [105\точн.\грам.]
 небосвóд – ждёт [97-1\точн.]
 небосвóд – идёт [253-2\точн.]
 небосвóда – прирóда [193-1\точн.] Ж
 небосклóн – восхищён [318-2\точн.]
 невзгóд – зовёт [256-1\точн.]
 невзгóд – черёд [317-1\точн.]
 невзгóды – свобóды [145\точн. грам.ед.] Ж
 неvíдный – обíдной [254-2\приблизит.] Ж
 нево́ле – доли [96-2\приблизит.] Ж
 нево́льно – дово́льно [182\точн.\грам.] Ж
 негó – моего́ [147-2\точн.]
 негодовáнье – воспоминáнье [179\точн.\грам.] Ж
 негодовáнье – уповáнье – громыхáнье [199-2\точн.\грам.] Ж
 негодовáньем – дыхáньем [231\точн.\грам.] Ж
 негодовáнья – желáнья [71\точн.] ед и мн Ж
 негодовáнья – ликовáнья [288-1\точн.\грам.] Ж
 негодовáнья – сознáнье [66-2\приблизит.] Ж
 негодúет – чарúет [258-1\точн.\грам.] Ж
 неда́вни – стáвни [198-1\точн.] Ж
 недвижíмы – серафíмы [188] Ж

недуг – юг [273-1\точн.\грам.]
 недуга – друга [319-2\точн.\грам.] Ж
 недугом – другом [195\точн.\грам.] Ж
 недугом – кругом [147-2\точн.] Ж
нежна́ – она́ – рождена́ [182\точн.]
 нежнее – моею [255\приблизит.] Ж
 нежный – белоснежной [90\приблизит.] Ж
 нежный – неизбежный [143-1\точн.\грам.] Ж
 нежных – мятежных [164-2\точн.\грам.] Ж
 неземным – ним [60-2\точн.]
 ней – [не] людей [268-1\точн.]
 ней – дней [188\точн.]
 ней – друзей [319-2\точн.]
 ней – людей [116\точн.]
 ней – моей [72\точн.]
 ней – огней [260\точн.]
 ней – полей [243-2\точн.]
 некрасива – молчалива [222-2\точн.\грам.] Ж
 нём – прудом [142-2\точн.]
 немало – трепетало [261\точн.] Ж
 немая – вспоминая [90\точн.]Ж
 немногих – строгих [280\точн.\грам.] Ж
 немой – судьбой [97-2\точн.]
 немой – тоской [60-2\точн.]
 немом – крестом [291]
 немом – молодым [164-2\точн.\грам.]
 немых – твоих [187\точн.]
 ненастье – счастье [146\точн.\грам.] 8 Ж
 ненастьем – счастьем [302-1\точн.\грам.]Ж
 ненастьем – участьем [135-1\точн.\грам.] 3Ж
 необъятная – ароматная [118\точн.\грам.] 2 Д
неотразимо – помимо – мимо [309-1\точн.]
 Непала – даровала [274\точн.] Ж
 непогоды – природы [303\точн.\грам.] 2 Ж
 непросвещения – освещения [318-1\приблизит.] Ж
 непрощённый – коленопреклонённый [99\точн.\грам.] Ж
 неслá – развелá [241-1\грам.]
 неслышно – пышно [273-2\точн.\грам.] Ж
 несмело – присела [324-2\приблизит.] Ж
 несмело – тело [204\точн.]Ж
нестерпимо – мимо (подр.) [286\точн.]
 несут – приют [169-1\точн.]
 нет – бред [164-2\точн.]
 нет – расцвет [181-2\точн.]
 нет– как нет (подр.) – поэт [318-2\точн.]
 нет вести – чести [90\точн.\грам.]Ж
 нет спасения – мучение [90\приблизит.] Ж
 нетерпеливо – визгливо [60-2\точн.\грам.] Ж

сѣлы – могѣлы [223-1 точн. грам.ед.] ед в Ж
 неукротѣмый – любѣмый [147-2\точн.\грам.] Ж
 неутомѣмо – мѣмо [227-1\точн.\грам.] Ж
 нечѣйно – случѣйно [282-1\точн.\грам.] Ж
 нѣю – своѣю [281\точн.] Ж
 нѣвы – обрѣвы [220-2\точн.] Ж
 нигдѣ – водѣ [149\точн.]
 ним – живѣм [111\точн.]
 ним – ледянѣм [178-2\точн.]
 них – молодѣх [153-1\точн.]
 них – стих – их (вн.) – их (вн.) – их (вн.) [320-2\точн.]
 ниц – жриц [271-3\точн.]
 нищѣтѣ – ты [212\точн.]
 нищѣтѣ – цветѣ [307\точн.]
 нѣвой – сурѣвой [50-1\точн.\грам.] Ж
 ног – потѣк [239-2\точн.]
 ногѣ – берѣгѣ [303\точн.]
 ногѣми – садѣми [291\точн.\грам.] Ж
 нѣженьки – сапѣженьки [67\точн.\грам.] Д
 ножѣм – крестѣм [307\точн.\грам.]
 ножѣ – подхожѣ [205\точн.]
 нор – простѣр [304\точн.]
 носѣл – любѣл [209-1\точн.\грам.]
 носѣл – любѣл [209-1\точн.\грам.] 2
 нѣются – донѣются [237\точн.\грам.] Д
 нѣты – Дон-Кихѣты [68-1\точн.\грам.] Ж
 нѣчѣми – лучѣми [132-3\точн.\грам.] Ж
 нѣчѣми – слѣзѣми [82-2\точн.\грам.] Ж
 нѣчѣми – цветѣми [145\точн.\грам.] Ж
 нѣчѣй – еѣ [172-3\точн.]
 нѣчѣй – людѣй [140\точн.\грам.]
 нѣчѣй – моѣй [213-1\точн.]
 нѣчѣй – рассѣй [85\точн.]
 нѣчѣй – скорбѣй [163\точн.\грам.]
 нѣчѣй – цепѣй [131-2\точн.\грам.]
 нѣчи – ѣчи [156\точн.\грам.] мн 8 Ж
 нѣчногѣ – покрѣва [204\прибл.] Ж
 нѣчноѣ – боевоѣ [146 точн] м и ж
 нѣчноѣ – бой [241-1\точн.]
 нѣчноѣ – больноѣ [78\точн.\грам.]
 нѣчноѣ – роковоѣ [99 точн] ж и м
 нѣчноѣ – толпоѣ [254-2\точн.]
 нѣчноѣ – тоскоѣ [203\точн.]
 нѣчном – больном [88-2\точн.\грам.]
 нѣчном – кругѣм [136-1\точн.] 2
 нѣчном – кругѣм [151-1\точн.]
 нѣчном – торжествѣм [176-2\точн.]
 нѣчными – людскѣми [90\грам.] Ж

ночь – помóчь [176-1\точн.]
 ночь – прочь [158\точн.] 5
 нуждá – годá [242\точн.]
 нуждé – трудé [154-2\точн.]
 нуждóй – мастерскóй [233\точн.\грам.]
 нуждóй – мольбóй [56\точн.\грам.]
 нуждú – ходú [282-1\точн.]
 нúжно – дрúжно [281\точн.\грам.] Ж
 ныряет – благоухáет [243-1\точн.\грам.] Ж
 óба – грóба [163-2\точн.]
 обаяньем – лобзáньем [88-1\точн.\грам.] Ж
 обаяньем – сияньем [99\точн.\грам.]
 обаяньи – страдáньи [117\точн.\грам.] Ж
 обвёяны (нач.) – взлелéяны (нач.) [201\точн.\грам.] Д
 обéдал – повéдал [319-1\точн.\грам.] Ж
 обездóлен – бóлен [209-1\точн.\грам.] 2 Ж
 обеща́ний – лобзáний [302-3\точн.\грам.] Ж
 обидно – сты́дно [271-2\грам.] Ж
 обла́ву – сла́ву [274\точн.\грам.] Ж
 облака́ – маяка́ [299-1\точн.]
 облака́ – река́ [157\точн.]
 облака́м – волна́м [265-2\точн.\грам.]
 облака́х – теня́х [274\точн.\грам.]
 облако́в – трудо́в [239-1\точн.\грам.]
 обма́н – ран [227-1\точн.]
 обма́н – румя́н [145\точн.]
 обма́н – тумáн [212\точн.\грам.]
 обма́на – тумáном [106\неточн.] Ж
 обма́ном – тумáном [286\точн.\грам.] Ж
 обманчиво-прекрасный – стра́стной [266\приблизит.] Ж
 обма́ны – ра́ны [150-2\точн. грам.мн.] 2 Ж
 обнажи́лись – расступи́лись [90\точн.\грам.] Ж
 обняла́ – залила́ [99\точн.\грам.]
 обнять – отда́ть – [не] отнять [246\точн.\грам.]
 ободря́л – звуча́л [303\точн.\грам.]
 обойде́н – сон [164-2\точн.]
 оборва́лась – промча́лась [199-1\точн.\грам.] Ж
 обрати́лась – смири́лась [179\точн.\грам.] Ж
 обращё́н – распале́н [221-2\точн.\грам.]
 обрече́нный – окруже́нный [99\точн.\грам.] Ж
 обры́вом – отли́вом [188\грам.] Ж
 обры́ву – оли́ву [257-1\точн.] Ж
 объя́т – Геростра́т [164-2\точн.]
 объя́та – возвра́та [301-1\точн.] Ж
 объя́та – заката́ [199-1\точн.] Ж
 объя́тья – прокля́тья [311-1\точн.\грам.] Ж
 объя́тья – прокля́тья [90\точн.\грам.] Ж
 обы́чной – столи́чный [254-2\приблизит.] Ж

овладéло – дéло [308\точн.] Ж
 оглушённóй – многомилльóнной [235\приблизит.] Ж
 огнé – вышинé [49\точн.]
огнéй – детéй – твоéй [178-2]
 огнéй – детéй [178-2\точн.\грам.]
 огнéй – твоéй [178-2\точн.]
 огнéй – людéй – речéй [283\точн.\грам.]
 огнéй – цепéй [181-4\точн.\грам.]
 огнём – гром [255-2\точн.]
 огнём – кругóm [187\точн.]
 огнём – ночнóm [174-2\точн.]
 огнём – путём [225-2\точн.\грам.]
 огнём – торжествóm [204\точн.\грам.]
 огни – дни [221-2\грам.] 2
 огнjáми – дверjáми [132-2\точн.\грам.] 2 Ж
 огнjáми – крылáми [249-3\точн.\грам.] Ж
 огнjáми – кудрjáми [184-1\точн.\грам.] Ж
 огнjáми – столáми [164-2\точн.\грам.] Ж
 огнjáми – шагáми [288-1\точн.\грам.] Ж
 огнjáх – камышáх [158\точн.\грам.]
 оградóй – досáдой [111\точн.\грам.] Ж
 огрómное – тёмное [310-2\точн.\грам.] Д
 одёт – бред [305\точн.]
 одín – господín [282-1\точн.]
 одín – маслín [273-2\точн.]
 одинóкий – глубóкой [54-2\приблизит.] 2 Ж
 одинóкий – далёкой [291\приблизит.] Ж
 одинóкий – жестóкой [287-2\приблизит.] Ж
 одинóко – глубóко [132-3\точн.\грам.] 2 Ж
 одиноко-несчáстные – стрáстные [196-1\точн.\грам.] Д
 однá – темнá [110-2\точн.]
 однé – старинé [89\точн.]
 одни – дни [187\точн.]
 одной – колбасóй [317-1\точн.]
 одолéли – «Недéли» [319-1\точн.] Ж
 оживáют – выползáют [304\точн.\грам.] Ж
 оживя́т – заменя́т [66-2\точн.\грам.]
 ожида́л – призывáл [179\точн.\грам.]
 ожида́ло – жáло [320-2\точн.] сущ и гл Ж
 ожида́ний – терзáний [239-2\точн.\грам.] Ж
 ожида́нья – лобзáнье [159\приблизит.] Ж
 ожида́нья – молчáнье [90\приблизит.] Ж
 озаренá – холоднá [164-2\грам.]
 озарённóй – утомлённóй [253-2\точн.\грам.] Ж
 озарённóй – бездóнный [274\точн.\грам.] Ж
 озарíла – могíла [164-2\точн.] Ж
 озарíт – замолчíт [217-3\точн.\грам.]
 озаря́ть – подáть [164-2\точн.\грам.]

озёр – узёр [257-2\точн.]
 озлоблѣньи – движѣньи [235\точн.\грам.] Ж
 озолотѣт – плит [163-2\точн.]
 океáne – вулкáne [251-1\точн.\грам.] Ж
 окликаѣтся – ударяѣтся [118\точн.\грам.] Д
 окна – возмущена [60-2\точн.]
 окна – должна [265-2\точн.]
 окна – ясна [159\точн.]
 окне – [ко] мне [245-2]
окно – давным-давно – полно [217-1\точн.]
 окно – темно [171\точн.]
 окном – голубом [201\точн.]
 окном – ночью [305\точн.]
 окном – серебром [203\точн.\грам.]
 окóв – веко́в [229\точн.\грам.]
 окóв – дневникóв [213-2\точн.\грам.]
 окóв – часóв [318-1\точн.\грам.]
 окóв – язычников-жрецóв [140\точн.\грам.]
 окóвы – со́вы [270-1\точн.\грам.] Ж
 окóнце – со́лнце [132-1\точн.\грам.] Ж
 окраски – гла́зки [88-2\точн.] Ж
 округлѣнный – освещѣнный [106\точн.\грам.] Ж
 окружѣн – закóн [273-2\точн.]
 окружѣн – сон [158\точн.]
 окружи́ли – обступили́ [106\точн.\грам.] Ж
 о́лив – за́лив [282-2\точн.] 2
 омрача́ет – [не] навевáет – пугáет [283\точн.\грам.] Ж
 омрача́т – летя́т [302-3\точн.\грам.]
 она́ – волна́ [294\точн.]
 она́ – видна́ [72\точн.]
 она́ – грустна́ [222-2\точн.]
 она́ – душна́ (подр.) [168-1\точн.]
 она́ – полна́ [172-4\точн.] 2
 она́ – сна [156\точн.]
 она́ – темна́ [257-2] 2
 онемѣлый – несмѣлый [220-1\точн.\грам.] Ж
 онѣ – твоѣ [323-2\неточн.]
 оно́ – дано́ [157\точн.]
 оно́ – полно́ [269\точн.]
 опасѣнья – утешѣнья [147-2\точн.\грам.] Ж
 оправдáнья – лобзáнья [108-2\точн.\грам.] Ж
 оправдáнья – страдáнья [186-1\точн.\грам.] Ж
 опуска́ли – увенча́ли [82-2\точн.\грам.] Ж
 опьянѣньи – мгновѣньи [193-1\точн.\грам.] Ж
 опьяня́ет – лобза́ет [221-2\точн.\грам.] Ж
 опя́ть – пробужда́ть [255-1\точн.]
 опя́ть – созидáть [193-2\точн.]
 орга́н – тумáн [153-1\точн.\грам.]

орлиной – муравьиный [293\приблизит.] Ж
 осенил – вилл [291\точн.]
 оскорбил – покрыл [60-2\грам.]
 оскорбил – язвил [252-1\точн.\грам.]
 ослепленье – сближенье [150-2\точн.\грам.] Ж
 осой – луной [309-2\точн.\грам.]
 оставить – [не] лукавить [261\точн.\грам.] Ж
 остаётся – отзоётся [200-2\точн.\грам.] Ж
 остановил – сохранил [159\точн.\грам.]
 остановились – доносились [113\точн.\грам.] Ж
 остановить – благословить [163\точн.\грам.]
 осуждена – она [60-2\точн.]
 осуществленье – мученье [229\точн.\грам.] Ж
 отважной – продажной [289\точн.\грам.] Ж
 отважным – продажным [54-2\точн.\грам.] Ж
 отвёл – произвёл [303\точн.]
 ответ – берёт [305\точн.\грам.]
 ответа – букета [258-2\точн.\грам.] Ж
 ответа – рассвета [193-1\точн.\грам.] Ж
 ответа – света (вн.) – света [308\точн.\грам.] Ж
 отворили – впустили [188\точн.\грам.] Ж
 отворяя – засыпая [169-1\точн.\грам.] Ж
 отвык – лик [286\точн.]
 отгонил – отдохнул [53\грам.]
 отдаётся – несётся [239-2\точн.\грам.] Ж
 отдаленье – крушенье [193-2\приблизит.] Ж
 отдать – прощать [228-1\точн.\грам.]
 отдаться – расстаться [170\точн.\грам.] Ж
 отдохнуть – грудь [131-2\точн.]
 отдохнуть – протянуть [72\точн.\грам.]
 отдохнуть – стряхнуть [211-1\точн.\грам.]
 отдыхает – благословляет [248\точн.\грам.] Ж
 отдыхаю – мерцаю [163\точн.\грам.] Ж
 отдыхаю – рыдаю [86-2\точн.\грам.] Ж
 отец – венец [274\точн.\грам.]
 открой – живой [204\точн.]
 открываю – умираю [60-2\точн.\грам.] Ж
 открыт – пирамид [115-2\точн.]
отложил – заговорил – заговорил (вн.) [305]
 отозвалась – испугалась [195\точн.\грам.] Ж
 отойди – груди [198-1\точн.]
 оторвана – она [108-2\точн.]
 оторваться – поправляться [253-1\точн.\грам.] Ж
 отплывали – дышали [242\точн.\грам.] Ж
 отравили – осудили [56\точн.\грам.] Ж
 отражались – закачались [303\точн.\грам.] Ж
 отрезвленный – изнеможенный [234\точн.\грам.] Ж
 отрицанья – страдания [243-2\точн.\грам.] Ж

отрица́я – [не] понима́я [58\точн.\грам.] Ж
оттеня́ет – лобза́ет [159\точн.\грам.] Ж
отхва́татъ – доста́ть [67\точн.\грам.]
отцвела́ – пчела́ – тепла́ [248\точн.]
отцо́в – лесо́в [274\точн.\грам.]
отыска́лись – попро́щались [181-3\точн.\грам.] Ж
охо́та – воро́та [299-2\точн.] Ж
охра́няют – приподыма́ют [287-2\точн.\грам.] Ж
охра́няя – нага́я [244-2\точн.] Ж
оцени́ть – любя́ть [164-2\точн.\грам.]
оча́м – плеча́м [221-2\точн.\грам.]
оча́ми – волна́ми [234\точн.\грам.] Ж
оча́ми – слеза́ми [228-2\точн.\грам.] Ж
оча́ми – уста́ми [144\точн.\грам.] Ж
оча́ми – цвета́ми [193-2\точн.\грам.] Ж
оча́х – уста́х [138\точн.\грам.]
оча́х – цвета́х [294\точн.\грам.]
очёй – дней [156\точн.\грам.]
очёй – изле́й [229\точн.]
очёй – кудре́й [164-2\точн.\грам.]
очёй – луче́й [294\точн.\грам.]
очёй – моёй [163\точн.] 2
очёй – огне́й [220-1\точн.\грам.]
очёй – рече́й [280\точн.\грам.]
очёй – своёй [154-1\точн.]
очёй – слабе́й [225-2\точн.]
очёй – солове́й [142-2\точн.]
очёй – твоёй [151-2\точн.] 2
очертáнья – свидáнья [76\точн.] мн и ед Ж
очертáньях – сочетáньях [105\точн.\грам.] Ж
óчи – но́чи [138\точн.\грам.] 3 Ж
очну́лся – метну́лся [60-2\точн.\грам.] Ж
п'сла́нье – свидáнье (подр.) [318-1\точн.\грам.] Ж
падёт – забóт [146\точн.]
палача́ – бича́ [245-1\грам.]
палача́м – небеса́м [60-2\точн.\грам.]
палача́ми – врага́ми [218\точн.\грам.] Ж
палаче́й – вожде́й [229\точн.\грам.]
палаче́й – иде́й [225-1\точн.\грам.]
палаче́й – ней [60-2\точн.]
пали́мый – неуголи́мой – гони́мый – неулови́мый – неумоли́мый – пали́мый [322-1\точн.\грам]
пали́мый – гони́мый – неулови́мый – неумоли́мый – пали́мый [322-1\точн.\грам] Ж
пали́мый – неуголи́мой [322-1\приблизит.\грам] Ж
пали́т – гранит [136-2\точн.]
пар – дар [321\точн.\грам.]
паруса́ – небеса́ [255-2\грам.]
паути́на – жасми́на [132-1\точн.] Ж
па́шня – ба́шня [225-2\точн.\грам.] Ж

певáл – дрожа́л [294\точн.\грам.]
 певец-чароде́й – моёй [294\точн.]
 певца́ – лица́ [294\грам.]
 певца́ – сердца́ [233\точн.]
 певцо́в – рабо́в [158\точн.\грам.]
 певцо́в – садо́в [291\точн.\грам.]
 певцо́в – строф [308\точн.\грам.]
 певцо́м – огнём [294\точн.\грам.]
 пел – смотре́л [82-2\точн.\грам.]
 пел (нач.) – горе́л (нач.) [231\точн.\грам.]
 пёнье – терпе́нья [82-1\приблизит.] Ж
 пера́ – «ура́» [322-1\точн.]
 пера́ – жара́ – утра́ – «ура́» – порá – жара́ [322-1\точн.]
 переда́ть – лома́ть [305\точн.\грам.]
 пережи́то – забы́то [145\точн.\грам.] Ж
 пережито́й – поко́й [265-1\точн.]
 перело́м – своём [303\точн.]
 перене́с – слёз [96-1\точн.]
 перо́м – тайко́м [305\точн.]
 персто́м – огнём [294\точн.\грам.]
 пёсен – тёсен [178-1\точн.] Ж
 песко́в – листо́в [294\точн.\грам.]
 петь – гляде́ть [252-2\точн.\грам.]
 печа́ли – поража́ли [268-1\точн.] Ж
 печа́ль – вдаль [176-2\точн.]
 печа́ль – даль [157\точн.\грам.] 4
 печа́ль – роя́ль [169-1\точн.]
 печа́льной – да́льной [259\приблизит.\грам.] Ж
 пилигрíм – роково́ым [231\точн.]
 писа́тель – создáтель [311-2\точн.\грам.] Ж
 писа́ть – набросáть [319-1\точн.\грам.]
 пла́тья – объя́тья [297\точн.\грам.] Ж
 плауно́в – берего́в [224-2\точн.\грам.]
 племе́н – знаме́н – сторо́н [288-1\точн.\грам.]
 плеча́ми – волна́ми [163\точн.\грам.] Ж
 плеча́х – рука́х [110-2\точн.\грам.]
 плéчи – рéчи [207\точн.\грам.] 3 Ж
 плечо́ – горячо́ [242]
 плито́й – мной [302-3\точн.]
 плито́й – тобо́й [144\точн.]
 площа́дях – струя́х [60-2\точн.\грам.]
 площа́дях – цвето́х [259\точн.\грам.]
 плывёт – вод [224-2\точн.]
 плыла́ – зерка́ла [188]
 побéд – привéт [199-2\точн.\грам.]
 победи́ли – смутíли [60-2\точн.\грам.] Ж
 победíть – совершíть [279-2\точн.\грам.]
 побежда́ющий – спаса́ющий [181-1\точн.\грам.] Д

побродить – бороздить [196-2\точн.\грам.]
 повесть – совесть [184-2\точн.\грам.] Ж
 повидать – переждать [196-2\точн.\грам.]
 повис – карниз [106\точн.]
 повторяют – бросают [323-2\точн.\грам.] Ж
 погна́ли – слы́хали [138\точн.\грам.] Ж
 погребальный – гениальный [164-2\точн.\грам.] Ж
 погребальных – заунывно-печальных [200-2\точн.\грам.] Ж
 погребальных – красиво-печальных [291\точн.\грам.] Ж
 погребён – орошён [99\точн.\грам.]
 погребёнья – сожалёнья [211-3\точн.\грам.] Ж
 погружённый – раскалённый [179\точн.\грам.] Ж
 подавай – бросай [50-2\точн.\грам.]
 подаёнья – сострада́нья [254-1\точн.\грам.] Ж
 подаёнья – страда́нья [256-1\точн.\грам.] Ж
 подмы́л – сторожи́л [207-1\точн.\грам.]
 поднести́ – прийти́ [261\грам.]
 поднять – дыша́ть [196-1\точн.\грам.]
 подымаёт – вырывает [164-2\точн.\грам.] Ж
 подымаёт – терзаёт [170\точн.\грам.] Ж
подыма́ть – оторва́ть – благода́ть [248\точн.]
 поёт – несёт [242\точн.\грам.]
 поёт – обдаёт [323-1\точн.\грам.]
 поёшь – живёшь [280\точн.\грам.]
 пожа́ра – уга́ра [315-1\точн.\грам.] Ж
 пожела́ний – испытáний [233\точн.\грам.] Ж
 пожелаю – слагаю [233\точн.\грам.] Ж
 позабу́дут – бу́дут [302-3\точн.\грам.] Ж
 позабыва́ла – нача́ла [184-1\точн.] Ж
 позабыва́я – уныва́я [238-2\точн.\грам.] Ж
 позабы́то – изли́то [269\грам.] Ж
 позабы́тым – разви́тым [297\грам.] Ж
 позабы́ть – жить [179\точн.\грам.]
 позна́нья – расто́янья [229\точн.\грам.] Ж
 позна́нья – сия́нье [58\приблизит.] Ж
 позо́р – взор [108-2\точн.\грам.] 2
 позо́р – приговóр [281\точн.\грам.]
 позо́рном – покóрно [212\неточн.] Ж
 пойму́ – уму́ [196-2\точн.]
 показáли – пожа́ли [187\точн.\грам.] Ж
 пока́ньем – мечта́ньем [283\точн.\грам.] Ж
 поко́й – [со] мной [196-2\точн.]
 поко́й – большо́й (прил.) [136-2\точн.]
 поко́й – грозóй [106\точн.]
 поко́й – людско́й [72\точн.]
 поко́й – слезóй [84\точн.]
 поко́й – стопóй [56\точн.]
поко́й – струёй – голово́й [69\точн.]

покоряет – доцветает [228-2\точн.\грам.] Ж
 покóя – былóе [49\приблизит.] Ж
 покóя – застóя [136-2\точн.\грам.] Ж
 покрóв – образóв [88-1\точн.]
 покрывáла – скрывáла [204\точн.\грам.] Ж
 полéй – кобзарéй [265-2\точн.\грам.]
 полéй – лучéй [182-1\точн.\грам.]З
 полéй – людéй [104\точн.\грам.]
 полéй – ней [216-2\точн.]
 полéй – ручéй [272-1\точн.]
 полéй – скорбéй [246\точн.\грам.]
 ползёт – бьёт [132-1\точн.\грам.]
 ползл́и – издали́ [245-2\точн.]
 ползúт – жгут [114\точн.\грам.]
 ползúщий – кúщи [273-2\йотирован.] Ж
 полнá – она́ [188\точн.] 4
 полнá – сна́ [86-1\точн.]
 полнебосклóна – Кедрóна [99\точн.\грам.]Ж
 пóльны – вóлны [264\точн.] Ж
 полосóй – голубóй [105\точн.]
 полосóй – рекóй [54-1\точн.\грам.]
 полосóю – мглóю [60-2\точн.\грам.] Ж
 полосóю – струёю [60-2\точн.\грам.] Ж
 полубогóв – трудóв [188\точн.\грам.]
 полузакрýв – озолотív [163грам.]
 полумглé – челé [188]
полунагáя – молодáя – рáя [117]
 полунагáя – молодáя [117\точн.\грам.] Ж
 полунагáя – рáя [117\точн.] Ж
 полуснé – странé [324-1\точн.]
 полутёмных – влюблённых [261\неточн.\грам.] Ж
 получил – клеймíl [70-3\точн.\грам.]
 полюбíла – сквозíла [253-1\точн.\грам.] Ж
 поля – земля́ [323-1\точн.]
 полями – штрихáми [114\точн.\грам.] Ж
 поменяться – смеяться [252-2\точн.\грам.]Ж
 помогла́ – стеклá [193-2\точн.]
 помóчь – ночь [286\точн.]
 попáлся – принялся [56\точн.\грам.] Ж
 попира́ла – пробегáла [303\точн.\грам.]Ж
 порá – добрá [305\точн.] З
 поража́л – иска́л [261\точн.\грам.]
 порóге – тревóге [215\точн.] Ж
 порóй – тобо́й [169-1\точн.]
 порóй (нареч) – густóй [179\точн.]
 порóй (нареч.) – «петуший» бой» [68-1\точн.]
 порóй (нареч.) – тоскóй [255-2\точн.]
 порóй (сущ.) – темнотóй [261\точн.\грам.]

порóй(нареч.) – враждóй [99\точн.]
 порóк – итóг [144\точн.\грам.]
 порóка – жестóка [235\точн.] Ж
 порóком – упрёком [238-2\точн.\грам.] Ж
порóю – [перед] тобóю – душóю [148\точн.] Ж
 порóю – рекóю [226-3\точн.] Ж
 порóю – тишинóю [240-2\точн.\грам.] Ж
 порóю (сущ.) – рекóю [157\точн.\грам.] 2 Ж
 порóю (сущ.) – тоскóю [90\точн.\грам.] Ж
 порóю (сущ.) – волнóю [174-2\точн.\грам.] Ж
 портáл – зал [254-2\точн.\грам.]
 порýв – сиротлív [143-1\точн.]
 порýв – счастлív [285-2\точн.]
 порывáнья – воспоминáнья [265-1\точн.\грам.] Ж
 порýвы – нажívы [108-1\точн.\грам.] 3 Ж
 поскорée – фарисеи [170\приблизит.] Ж
 послáнья – отрицáнья [316\точн.\грам.] Ж
 посмеялась – сжалось [172-3\приблизит.] Ж
 поспеваёт – ломаёт [138\точн.\грам.] Ж
 потóк – цветóк [259\точн.\грам.]
 потóк – челнóк [301-1\точн.\грам.]
 потому – всему [277\точн.]
 потрясён – времён [229\точн.]
 потрясён – разрешён [285-2\точн.\грам.]
 потрясенá – глубинá [232-1\точн.]
 потрясенý – сильнý [251-1\точн.]
 похóда – нарóда [230\точн.\грам.] Ж
 похóды – вóды [291\точн.\грам.] Ж
 похоронённýй – благовóннýй [217-2\точн.\грам.] Ж
 похоронили – позабыли [181-3\грам.] Ж
 почёт – приход [117\точн.\грам.]
 почыл – поыл [82-1\точн.\грам.]
 пошла – угла [210-2\точн.]
 пошадí – уйдí (вн.) – [не] глядí [99\грам.]
 поэта – комéта [318-2\точн.] Ж
 поэта – рассвёта [150-1\точн.\грам.] Ж
 поэтов – портрéтов [300\точн.\грам.] Ж
 поэты – свёта [168-1\приблизит.] Ж
 пою – подаю [188\грам.]
 правдívый – счастлívый [187\точн.\грам.] Ж
 прах – очáх [257-2\точн.]
 превозмóчь – помóчь [250-2\точн.\грам.]
 предáний – страдáний [164-2\точн.] Ж
 предáнье – приказáнье [90\точн.\грам.] Ж
 предáнье – сиянье [159\точн.\грам.] Ж
 предлагáли – приписáли [261\точн.\грам.] Ж
 предстáл – сказа́л – заглушáл – подымáл [54-2\точн.\грам.]
 презираю – знáю [164-1\точн.\грам.] Ж

презираю – краю [174-1\точн.] Ж
 презрения – смирения [67\точн.\грам.] Д
 презрением – мучением [99\точн.\грам.] Ж
 презрением – озлоблением [50-2\точн.\грам.] Ж
 презрения – мгновения [260\точн.\грам.] Ж
 презрения – сожаления [256-1\точн.\грам.] Ж
 презрения – убеждение [135-1\приблизит.] Ж
 преклонил – огласил [188\точн.\грам.]
 прекрасна – согласна [311-2\точн.\грам.] Ж
 прекрасной – ясной [60-2\точн.\грам.] Ж
 прекрасный – бесстрастной [217-3\приблизит.] Ж
 прекрасный – ясный [159\точн.\грам.] Ж
 преступление – учение [310-2\точн.\грам.] Ж
 преступления – сомнения [203\точн.\грам.] Ж
 приведена – сна [60-2\точн.]
 привёт – вослед [224-1\точн.]
 привёт – расцвет [233\точн.\грам.]
 привёт – свет [285-2\точн.\грам.]
 привёта – ответа [211-1\точн.\грам.] Ж
 привёта – света [195\точн.\грам.] Ж
 приветный – беспросветной [136-1\приблизит.] Ж
 привык – язык [264\точн.] 2
 разговором – укором [99\точн.\грам.] Ж
 призвал – погребал [193-2\точн.\грам.]
 призвание – познания [274\приблизит.] Ж
 признаний – лобзаний [205\точн.\грам.] Ж
 признания – сострадания [281\точн.\грам.] Ж
 призыв – нетерпелив [293\точн.]
 призывает – венчает [71\точн.\грам.] Ж
 призывали – желали [58\точн.\грам.] Ж
 призывая – обнажая [156\точн.\грам.] Ж
 призывом – молчаливым [308\приблизит.] Ж
 призывы – наживы [170\точн.] Ж
 прикрытый – разлитый [261\грам.] Ж
 приласкала – осмеяла [222-1\точн.\грам.] Ж
 прилетит – зазвенит [84\точн.\грам.]
 прилив – правдив [193-2\точн.]
 приливает – качает [301-1\точн.\грам.] Ж
 приманка – вакханка [307\точн.\грам.] Ж
 примирения – сомнения [175-1\точн.\грам.] Ж
 приму – чему [278-2\точн.]
 принёс – Христос [138\точн.]
 принесёт – блеснёт [115-2\точн.\грам.]
 принести – пути [60-2\точн.] 3
 принести – весть [154-2\точн.]
 приносить – клеймить [58\точн.\грам.]
 принять – дышать [246\точн.\грам.]
 принять – отдать [150-2\точн.\грам.]

приро́да – исхо́да [217-3\точн.] Ж
 приро́де – свобо́де [157\точн.\грам.] 3 Ж
 приро́де – свобо́де [169-2\точн.\грам.] Ж
 приро́де – свобо́де [193-1\точн.\грам.] Ж
приро́ды – во́ды – сво́ды [238-1]
 приро́ды – во́ды [210-2\точн.] 4 Ж
 приро́ды – мо́ды [291\точн.\грам.] Ж
 приро́ды – свобо́ды [226-3\точн.\грам.] ед 3 Ж
 приста́нешь – уста́нешь [175-1\точн.\грам.] Ж
 прита́ись – ограда́ись [156\точн.\грам.]
 прихо́д – гнетёт [110-2\точн.]
 прихотли́вый – суетли́вой [307\приблизит.] Ж
 причíну – впло́вину [150-2\точн.] Ж
 пришлá – принеслá [297\грам.]
 пробуждённой – зачумлённой [228-2\точн.\грам.] Ж
 проводи́л – сил [261\точн.]
 прогля́нет – ста́нет [163-2\точн.\грам.] Ж
 прогрéсс – небéс [318-1\точн.]
 продава́ли – печа́ли [142-1\точн.]Ж
прожигáл – идеáл – задрожáл – ждал [70-3]
 прозвучáвший – взволновáвшей [187\приблизит.] Ж
прóзы – рóзы – грёзы [152-1]
 пройде́т – пойме́т [285-2\точн.\грам.]
 про́ка – издале́ка [150-1\точн.] Ж
 прокли́наю – сжига́ю [311-1\точн.\грам.]Ж
 прокля́тий – бра́тий [151-2\точн.\грам.] Ж
 прокля́тий – объ́ятий [115-2\точн.\грам.] Ж
 прокля́тия – объ́ятия [147-1 точн. грам.ед.]Д
 прокля́тый – объ́ятый [261\точн.\грам.] Ж
 прокля́тья – бра́тья [108-1\точн.\грам.] мн 2 Ж
 прокля́тья – объ́ятья [85\точн.\грам.] ед Ж
 прокля́тья – пожа́тья [195\точн.] ед и мн Ж
 пролага́ет – покоря́ет [253-2\точн.\грам.] Ж
 пролета́я – одева́я [232-1\точн.\грам.] Ж
 пролива́ет – страда́ет [323-1\точн.\грам.] Ж
 проли́тых – ядови́тых [214-1\точн.] Ж
 прольём – сорвём [58\точн.\грам.]
 промча́лись – расста́лись [58\точн.\грам.] Ж
 пронесётся – дождётся [317-1\точн.\грам.] Ж
 проника́ет – рассти́лает – обнима́ет [99\точн.\грам.] Ж
 проро́к – увлék [310-2\точн.]
 проро́ка – пото́ка [278-2\точн.\грам.] Ж
 проро́ков – уро́ков [308\точн.\грам.] Ж
 проси́л – окропи́л [56-1\точн.\грам.]
 просия́ет – роня́ет [291\точн.\грам.] Ж
 просну́лся – оглянúлся [70-3\точн.\грам.] Ж
 проста́ – нищета́ [209-2\точн.]
 прости́те – смотре́йте [320-2\точн.] Ж

простóр – гор [279-2\точн.] 2
 простóра – бóра [107\точн.\грам.] Ж
 простóра – кругозóра [209-2\точн.\грам.] Ж
 простóре – мóре [268-2\точн.] Ж
 простоя́л – скал [240-1\точн.]
 протяну́л – гул [303\точн.]
 прохлáды – цика́ды [273-2] ед и мн Ж
 прочь – ночь [111\точн.] 3
 прошлá – числá [299-2]
 прошáнья – лобзáнья [82-2\точн.\грам.] Ж
 прощёнья – преступлénья [99\точн.\грам.] ед Ж
 прудóм – голубóм [50-1\точн.]
 псов – бойцóв [284\точн.\грам.]
 птиц – гробни́ц [291\точн.\грам.]
 пугли́вым – счастли́вым [164-2\точн.\грам.] мн тв и мн дат Ж
пустóй – трудовóй – тишинóй [283]
 пустотóю – красотóю [232-1\точн.] Ж
 пусты́не – святы́не [249-2\точн.\грам.] Ж
 пусты́не – святы́ни [140\приблизит.] Ж
 путевóдной – свобóдный [188\приблизит.] Ж
 путí – иди́ [51-2\точн.]
 путí – иди́ти [229\точн.]
 путí – найти́ [187\точн.]
 путь – грудь [159\точн.] 2
 путь – отдохну́ть [106\точн.]
 путь – протяну́ть [86-1\точн.]
 путя́х – [на всех моих] парáх [153-2\точн.\грам.]
 пыла́ет – рыда́ет [310-1\точн.\грам.] Ж
 пыла́я – молодáя [114\точн.] Ж
 пыли́ – земли́ [200-1\грам.]
 пылít – гранít [154-2\точн.]
 пытáть – слыхáть – дышáть [182\точн.\грам.]
 пытли́во – прихотли́во [273-2\точн.\грам.] Ж
 пышнéе – светлéе [274\точн.\грам.] Ж
 пьедестáла – Ваáла [104\точн.\грам.] Ж
 пýтен – аккура́тен [322-2\точн.] Ж
 пýтою – мнóю [291\точн.] Ж
 раб – Глазена́п [317-2\точн.\грам.]
 раба́ – судьба́ [225-1\грам.]
 рабóв – столбóв [110-2\точн.\грам.]
 рабóв – цветóв [294\точн.\грам.]
 рабóм – бичóм [245-1\точн.\грам.]
 рабóта – пóта [209-2\точн.] Ж
 работáть – стоя́ть [67\точн.\грам.]
 рабóтой – [с] забóтой [252-2\точн.\грам.] Ж
 рабóту – гнёту [291\точн.] Ж
 рабóты – забóты [207\точн.] ед и мн Ж
 рабóю – собóю [211-3\точн.] Ж

рабы́ – борьбы́ [159\грам.]
равно́ – полно́ – оно́ [182]
равно́ – полно́ [182\точн.\грам.]
равно́ – оно́ [182\точн.]
равноду́шно – ду́шно [223-2\точн.\грам.] нар Ж
равня́ть – о́пять [153-2\точн.]
раз – вас [82-2\точн.]
разбе́гутся – порву́тся [159\точн.\грам.] Ж
разбира́я – золоти́я [261\точн.] Ж
разверну́л – вдохну́л [70-3\точн.\грам.]
разверну́лся – просну́лся [304\точн.\грам.] Ж
развлече́ний – оле́ней [188\приблизит.] Ж
разводи́ли – проходи́ли [242\точн.\грам.] Ж
разврати́та – брати́та [154-2\точн.\грам.] 2 Ж
разврати́та – собрати́та [56\точн.\грам.] Ж
разврати́ту – брати́ту [164-2\точн.\грам.] Ж
разв́язки – ска́зки [115-1\точн.\грам.] ед Ж
разгада́ть – пода́ть [51-2\точн.\грам.]
разгляжу́ – укажу́ [290-1\грам.]
разгора́лся – слива́лся [187\точн.\грам.] Ж
разгора́лся – смея́лся [204\точн.\грам.] 2 Ж
раздаю́тся – несю́тся [164-2\точн.\грам.] Ж
раздраже́н – сон [245-2\точн.]
разла́д – яд [193-2\точн.\грам.]
разли́та – [из] си́та [265-2\точн.] Ж
разли́чной – столи́чной [89\точн.\грам.] Ж
разлу́ки – зву́ки [300\точн.] ед и мн Ж
разлу́ки – му́ки [51-2\точн.\грам.] ед Ж
разлуча́ет – закипа́ют [51-2\приблизит.] Ж
размышля́я – молодáя [229\точн.] Ж
разобрати́ть – жда́ть [320-1\точн.\грам.]
разобьё́тся – напьё́тся [239-2\точн.\грам.] Ж
разобьё́тся – смеё́тся [240-1\точн.\грам.] Ж
разогна́л – дал [54-2\точн.\грам.]
разошли́сь – Ози́рис [271-3\точн.]
разреше́нья – сомне́нья [249-1\точн.] ед и мн Ж
разруше́нье – селе́нья [303\приблизит.] 2 Ж
разрыва́ет – подыма́ет [205\точн.\грам.] Ж
разьяре́нный – затаё́нной [245-1\приблизит.] Ж
раке́та – све́та [260\точн.\грам.] Ж
ран – обма́н [196-2\точн.] 3
ра́на – левиафа́на [314\точн.] Ж
ра́на – тумáна [138\точн.] Ж
раскалёнными – со́нными [237\точн.\грам.] Ж
раскида́ла – набросáла [258-2\точн.\грам.]
распахну́вший – прильну́вший [220-1\точн.\грам.] Ж
распева́ть – лета́ть [232-2\точн.\грам.]
рассве́та – оде́та [239-1\точн.] Ж

рассу́ета – привёта [174-2\точн.\грам.] Ж
 рассу́йте (нач.) – развёйте (нач.) [268-2\точн.\грам.] Ж
 рассу́кает – закрыва́ет [90\точн.\грам.] Ж
 рассу́каз – вас [261\точн.]
 рассу́казы – зара́зы [138\точн.] мн и ед Ж
 рассу́меялись – рассу́тались [261\точн.\грам.] Ж
 рассу́просить – омрачи́ть [274\точн.\грам.]
 рассу́читал – усту́ал [119\точн.\грам.]
 рассу́ений – испарёний [273-2\точн.\грам.] Ж
 рассу́рачу – пла́чу [302-3\точн.\грам.] Ж
 рассу́ветилась – застру́илась [232-1\точн.\грам.] Ж
 рассу́я – нага́я [110-3\точн.] Ж
 рассу́я – рокова́я [151-1\точн.] Ж
 рассу́ёнок – зво́нок [302-3\точн.] Ж
 рассу́ка – лозняка́ [249-3\точн.]
 рассу́ке – челнокé [76\точн.]
 рассу́ки – огоньки́ [196-2\точн.] 2
 рассу́ки – руки́ [220-2\грам.]
 рассу́ки – светляки́ [273-2\точн.]
 рассу́кой – весно́й [158\точн.]
 рассу́кой – волно́й [131-1\точн.\грам.]
 рассу́кой – голу́бой [116\точн.]
 рассу́кой – густо́й [76\точн.]
 рассу́кой – земле́й [60-2\точн.\грам.]
 рассу́кой – листьво́й – душо́й [237\точн.\грам.]
 рассу́кой – роково́й [98-1\точн.]
 рассу́кою – водо́ю [199-1\точн.\грам.] Ж
 рассу́кою – семье́ю [60-2\точн.\грам.] Ж
 рассу́кою – тишино́ю [96-1\точн.\грам.] Ж
 рассу́ни́ц – птиц [280\точн.\грам.]
 рассу́чах – серде́цах [187\точн.\грам.]
 рассу́чей – друзе́й [117\точн.\грам.]
 рассу́чей – люде́й [117\точн.\грам.] 2
 рассу́чей – оче́й [186-1\точн.\грам.] 2
 рассу́чей – своё́й [200-2\точн.]
 рассу́чей – страсте́й [238-2\точн.\грам.]
 рассу́чей – твоё́й [112-3\точн.] 2
 рассу́чей – торгоше́й [145\точн.\грам.]
 рассу́чей – це́пей [172-4\точн.\грам.]
 рассу́чи – встре́чи [163\точн.] мн и ед 3 Ж
 рассу́чи – встре́чи [221-2\точн.\грам.] мн им 2 Ж
 рассу́чные – Мари́я [90\приблизит.] Ж
 рассу́ченá – волна́ [302-1\точн.]
 рассу́чить – жить [170\точн.\грам.]
 рассу́гов – оку́в [274\точн.\грам.]
 рассу́да – приро́да [135-1\точн.] Ж
 рассу́дímые – любímые [67\точн.\грам.] Д
 рассу́дная – ласка́я [207\точн.] Ж

родная – отдавая [143-2\точн.] 2 Ж
 родная – святая [89\точн.\грам.] Ж
 родной – мглой [187\точн.]
 родные – голубые [60-2\точн.\грам.] Ж
 родов– сортов – дураков [311-2\точн.\грам.]
 рожденья – всепрощенья [218\точн.\грам.] Ж
 роз – волос [156\точн.\грам.]
 роз – слез [200-1\точн.\грам.]
 роз – тубероз [274\точн.\грам.]
 розы – грозы [271-2\точн.\грам.] Ж
 розы – слезы [323-1\точн.\грам.] Ж
рой – больной – тобой – мечтой [77\точн.] сущ.в. и ж
 рой – больной [59\точн.]
 рой – мглой [66-2\точн.\грам.]
 рой – тобой [114\точн.] сущ
 роковой – живой [99\точн.\грам.] м
 роковой – ночной [99\точн.] м и ж
 роковых – мировых [193-1\точн.\грам.]
 роптать – воевать [138\точн.\грам.]
 рос – гроз [304\точн.\грам.]
 росистый – душистой [233\приблизит.] Ж
 росюю – волною [211-2\точн.\грам.] Ж
 росюю – рекою [216-2\точн.\грам.] Ж
 Россия – Мессия [270-2\точн.] Ж
 рояли – печали [187\точн.\грам.] 2 ед.д.ж. и ед.р. Ж
 рояли – трепетали [184-1\точн.] Ж
 рук – вокруг [249-3\точн.\грам.]
 рука – века [238-2\точн.]
 рука – смельчака [146\точн.]
 руками – очами [226-2\точн.\грам.] Ж
 руками – тенями [184-1\точн.\грам.] Ж
 руками – цветами [152-2\точн.\грам.] Ж
 руках – очах [60-2\точн.\грам.]
 руках – устах [216-1\точн.\грам.]
 руках – щеках [294\точн.\грам.]
 руки – звуки [216-1\точн.\грам.] 2 Ж
 руки – муки [135-1\точн.] мн и ед 4 Ж
 руки – муки [181-4\точн.\грам.] мн в и мн им
 руки – науки [50-2\точн.] мн и ед Ж
 руки – строки [233\грам.]
 рукой – [над] толпой [220-1]
 рукой – бой [140\точн.]
 рукой – грозой [66-1\точн.\грам.]
 рукой – другой [261\точн.]
 рукой – твой [261\точн.]
 рукой – толпой [188\точн.\грам.]
 рукой – хулой [235\точн.\грам.]
 рукоплесканий – желаний [188\точн.\грам.] Ж

рукоплеска́нья – молча́нье [188\приблизит.] Ж
 руко́ю – водо́ю [90\точн.\грам.] Ж
 руко́ю – глубино́ю [242\точн.\грам.] Ж
 руко́ю – зарёю [50-1\точн.\грам.] Ж
 руко́ю – красото́ю [204\точн.\грам.] Ж
 руко́ю – мгло́ю [51-1\точн.\грам.] Ж
 руко́ю – саранчо́ю [258-2\точн.\грам.] Ж
 руко́ю – тоско́ю [153-2\точн.\грам.] Ж
 ру́ку – му́ку [56\точн.\грам.] Ж
 ру́ку – разлу́ку [182\точн.\грам.] Ж
 румя́н (кр.прил.) – тумáн [211-2\точн.]
 румя́на (сущ.) – обма́на [222-1\точн.] Ж
 румя́ны – Окса́ны [265-2\точн.] Ж
 руче́й – дней [220-1\точн.]
 руче́й – луче́й [206-1\точн.] 2
 ручья́ – бытия́ [217-3\грам.]
 рыда́ет – разрыва́ет [99\точн.\грам.] Ж
 рыда́ний – упова́ний [86-1\точн.\грам.] Ж
 рыда́нье – ожида́нья [85\приблизит.] Ж
 рыда́нье – свидáнья [98-1\приблизит.] Ж
 рыда́нье – созна́нье [70-3\точн.\грам.] Ж
 рыда́нье – страда́нье [99\точн.\грам.] Ж
 рыда́ньем – завывáньем [90\точн.\грам.] Ж
 рыда́нья – воспомина́нья [223-1\точн.] мн и ед Ж
 рыда́нья – преда́нье [90\приблизит.] Ж
 рыда́нья – страда́нья [169-2\точн.] мн и ед Ж
 рыда́нья – страда́нья [72\точн.\грам.] мн им
 рыда́ть – жда́ть [72\точн.\грам.]
 рыда́я – мертвенно-нема́я [144\точн.] Ж
 ряд – ма́нят [279-2\точн.]
 сад – аромáт [213-1\точн.\грам.] 2
 сад – горя́т [298\точн.]
 сад – грома́д [309-2\точн.]
 сад – журча́т [60-2\точн.]
 сад – серена́д [149\точн.]
 сад – спят [50-1\точн.]
 са́да – огра́да [76\точн.] Ж
 са́да – прохла́да [217-3\точн.] Ж
 сада́ми – цепя́ми [159\точн.\грам.] Ж
 сада́х – луча́х – зерка́лах [149\точн.\грам.]
 сада́х – цвета́х – луча́х [237\точн.\грам.] 2
 садо́в – голосо́в [249-3\точн.\грам.]
 садо́в – дворцо́в [60-2\точн.\грам.]
 садо́в – облако́в [106\точн.\грам.] 2
 садо́в – облако́в [232-2\точн.\грам.]
 садо́в – соловье́в [285-1\точн.\грам.]
 садо́в – шипо́в [282-2\точн.\грам.]
 са́ду – взгля́ду [247\точн.\грам.] Ж

садú – звездú [142-2\точн.]
 самá – умá [131-2]
 сáми – волна́ми [90\точн.] Ж
 сáми – мечта́ми [52\точн.] Ж
 сбивáлся – раздава́лся [315-2\точн.\грам.] Ж
 сбíто – серди́то [258-2\точн.] кр прил и нар 2
 свелá – [без] числа́ [196-1]
 сверка́ет – избега́ет [258-1\точн.\грам.] Ж
 сверка́л – оза́рял [99\точн.\грам.]
 сверка́л – разби́вал [299-2\точн.\грам.]
 сверка́ют – убивáют [261\точн.\грам.] Ж
 свершáлась – волновáлась [174-2\точн.\грам.] Ж
 свет – букéт [132-1\точн.\грам.]
 свет – лет [179\точн.]
 свет – побéд [164-2\точн.]
 свет – поёт [54-2\точн.\грам.] 2
 свет – привёт [169-2\точн.\грам.]
 свéта – лёта [249-3\точн.\грам.] Ж
 свéта – поэта́ [112-3\точн.\грам.] 2 Ж
 свéта – привéта [72\точн.\грам.] Ж
 свéта – рассвéта [75\точн.\грам.] Ж
 свети́ла (гл.) – моги́ла [193-2\точн.] Ж
 свети́лам – легкокры́лым [226-2\приблизит.] Ж
 светла́ – зла [235\грам.]
 светлоо́кой – вы́сокой [270-2\точн.\грам.] Ж
 свéтом – лётом [201\точн.\грам.] Ж
 свéтом – поётom [54-2\точн.\грам.] Ж
 свéтом – привéтом [284\точн.\грам.]
 свéян – осме́ян [258-2\точн.\грам.] Ж
 свидáнья – страда́нья – лобза́нья – желáнья [164-2\точн.\грам.] ед р и мн им и мн в и мн им Ж
 свидáнья – упова́нья [89\точн.\грам.] Ж
 свинцо́вых – вишне́вых [273-1\точн.\грам.] Ж
 свобóда – наро́да [96-2\точн.] Ж
 свобóдный – безусхо́дный [268-2\точн.\грам.] Ж
 свобóду – (в) уго́ду [229\точн.\грам.] Ж
 свобóды – приро́ды [198-1\точн.\грам.] ед Ж
 сво́дов – похóдов [265-2\точн.\грам.] Ж
 своéй – друзéй [60-2\точн.]
 своéй – людéй [108-1\точн.]
 своéй – морéй [294\точн.]
 своéй – ней [88-1\точн.]
 своéй – очéй [278-1\точн.]
 своéй – поскорéй [252-2\точн.]
 своéй – твоéй [113\точн.\грам.]
 своéй – тенéй [253-2\точн.]
 своём – гром [303\точн.]
 своéю – аллею́ [234\точн.] Ж
 свой – [господь вас] храни́ [67\неточн.]

свой – любві [181-4] 2
 своїх – стих [198-1\точн.]
 связь – князь [305\точн.]
 Святитель – обитель [138\точн.] Ж
 свято – когда-то [261\точн.] 2 Ж
святой – больнóй – борьбóй [69\точн.]
 святой – больнóй [82-2\точн.] ж и м
 святой – покой [75\точн.]
 святой – роднóй [209-2\точн. грам.ж.]
 святой – толпóй [99\точн.]
 святою – живою [69\точн.\грам.] Ж
 святые – родные [86-2\точн.\грам.] прил Ж
 святые – слепые [56\точн.\грам.] Ж
 святые – долине [226-1\грам.] Ж
 святые – пустыне [195\точн.\грам.] Ж
 сдвiло – пробудило [56\точн.\грам.] Ж
 себе – судьбе [230\грам.]
 себя – любя [143-2\точн.] 2
 седи́на – [от] сна [302-3\грам.]
 седи́нам – доли́нам [80\точн.\грам.] Ж
 седóй – молодóй [80\точн.] ж и м
 седóю – сохóю [90\точн.] Ж
 сейча́с – вас [258-2\точн.]
 селе́нья – муче́нья [96-2\точн.\грам.] мн Ж
 семье́й (подр.) – людско́й [297\точн.]
 семье́ю – голово́ю [195\точн.\грам.] Ж
 семьи́ – свой [135-1\точн.]
 сени – тени [104\точн.\грам.]
 сердца́м – дням [185\точн.\грам.]
 сердца́м – струна́м [209-1\точн.\грам.]
 серебрé – зарé [76\точн.]
 серебри́стым – души́стом [285-1\приблизит.] Ж
 сжима́я – молодáя [60-2\точн.] Ж
 сигна́льной – погребáльной [185\точн.\грам.] Ж
 сидéл – шумéл [299-2\точн.\грам.]
 Сидора́та – арома́та [274\точн.\грам.] Ж
 сил – [не] научи́л [140\точн.]
 сил – [не] уби́л [272-2\точн.]
 сил – люби́л [159\точн.]
 си́ла – [не] смути́ла [176-1\точн.] Ж
 си́ла – моги́ла [163-2\точн.\грам.] Ж
 си́лах – моги́лах [154-2\точн.\грам.] Ж
 силён – увлечён [284\точн.\грам.]
 си́лу – моги́лу [200-2\точн.\грам.] Ж
 си́лы – моги́лы [144\точн.\грам.] мн в и мн им 8 Ж
 си́лы – моги́лы [184-2\точн.] мн и ед 2 Ж
 сильне́й – моéй [316\точн.] 2
 сильны́ – стороны́ [163-2\точн.]

синевóю – волнóю [204\точн.\грам.] Ж
 сійний – святы́ней [271-3\приблизит.] Ж
 сирéни – тéни [188\точн.] Ж
 сирóт – пройдёт [67\точн.]
 сиротлív – локомотív [153-2\точн.]
 сиротóю – головóю [181-3\точн.\грам.] Ж
 сия́вший – звуча́вший [179\точн.\грам.] Ж
 сия́ет – замира́ет [88-1\точн.\грам.] Ж
 сия́ет – мешáет [185\точн.\грам.] Ж
 сия́ет – призывáет [136-1\точн.\грам.]
 сия́л – сто́ял [80\точн.\грам.]
 сия́ла – задрожáла [304\точн.\грам.] Ж
 сия́ла – ласка́ла [154-2\точн.\грам.] Ж
 сия́нье – знáнье [58\точн.\грам.] Ж
 сия́нье – молча́нье [172-4\точн.\грам.] Ж
 сия́ньем – дыха́ньем [82-1\точн.\грам.] Ж
 сия́ньи – ликовáньи [260\точн.\грам.] Ж
 сия́ть – указа́ть [250-2\точн.\грам.]
 сия́ют – мелька́ют [268-2\точн.\грам.] Ж
 сия́я – выплывáя [60-2\точн.\грам.] Ж
 сия́я – ра́я [54-2\точн.] Ж
 сказа́лась – подыма́лась [187\точн.\грам.] Ж
 сказа́нье – предáнье [60-2\точн.\грам.] Ж
 сказа́нке – развя́зки [181-2\приблизит.] Ж
 сказа́нки – кра́ски [300\точн.] ед и мн Ж
 сказа́нки – ла́ски [163\точн.\грам.] ед Ж
 скал – покрывáл [299-2\точн. грам.] мн ч
 скал – шака́л [239-2\точн.]
 скамьёю – красото́ю [261\точн.\грам.] Ж
 сквози́ли – переходи́ли [261\точн.\грам.] Ж
 скита́ний – воспомина́ний [230\точн.\грам.] Ж
 скло́ны – балко́ны [291\точн.\грам.] Ж
 склоня́ет – дерза́ет [108-2\точн.\грам.] Ж
 скорбе́й – евре́й [284\точн.]
 скорбе́й – своёй [229\точн.]
 скорба́ми – слезáми [138\точн.\грам.] Ж
 скорéе – пошлéе [141\точн.\грам.] Ж
 ску́ки – ру́ки [181-2\точн.] ед и мн Ж
 скупи́ться – струи́тся [273-2\точн.] Ж
 скупóй – голубóй [143-1\точн.\грам.]
 сла́вный – своенра́вной [60-2\приблизит.] Ж
 сла́вой – крова́вой [164-2\точн.] Ж
 сла́вы – крова́вый [163-2\йотирован.] Ж
 слагáю – страда́ю [188\точн.\грам.] Ж
 сла́дкой – укра́дкой [216-1\точн.] Ж
 следи́л – серди́л [285-2\точн.\грам.]
 слёз – вопро́с [229\точн.] 2
 слез – грез [60-2 точн.грам.]

слѣз – роз [186-2\точн.\грам.] 2
 слѣз – унёс [228-2\точн.]
 слезáми – вáми [134-1\точн.] Ж
 слезáми – волнáми [188\точн.\грам.] Ж
 слезáми – мольбáми [99\точн.\грам.] Ж
 слезáми – нáми [72\точн.] Ж
 слезáми – огнjáми [115-2\точн.\грам.] Ж
 слезáми – рукáми [234\точн.\грам.] Ж
 слезáх – днях [154-2\точн.\грам.]
 слезóй – дорогóй [71\точн.]
 слезóй – людскóй [66-1\точн.]
 слезóй – судьбóй [70-\точн.\грам.1]
 слезóю – мечтóю [98-1\точн.\грам.] Ж
 слѣзы – грѣзы – рóзы [188\точн.\грам.] Ж
 слѣзы – грѣзы [171\точн.\грам.] 2 Ж
 слѣзы – угрóзы [303\точн.\грам.]Ж
 слепá – толпá [148]
 слепáя – рáя [221-2\точн.] Ж
 слепóй – [с] собóй [54-2\точн.]
 слепóй – судьбóй [217-3\точн.]
 слепцóв – врагóв [228-2\точн.\грам.]
 слепцóв – цветóв [270-1\точн.\грам.]
 слетáет – рыдáет [169-1\точн.\грам.] Ж
 слетáют – собира́ют [297\точн.\грам.] Ж
 слетёл – звенёл [147-2\точн.\грам.]
 сливáются – теря́ются [237\точн.\грам.] Д
 слили́сь – отозвали́сь [134-1\точн.\грам.]
 сли́ты – повíты [232-1\точн.\грам.] Ж
 сли́ться – мчíтся [206-1\точн.]
 слов – готóв [255-1\точн.]
 слов – окóв [288-1\точн.\грам.]
 слов – снов [205\точн.\грам.]
 слова́ – головá [175-2] 2
 слóва – готóва [169-2\точн.] 2 Ж
 слова́ – живá [206-2]
 слова́ми – слезáми [244-2\точн.\грам.] Ж
 слова́ми – стихáми [319-1\точн.\грам.] Ж
 слóво – сурóво [70-3\точн.] Ж
 сложíть – рядíть [269\грам.]
 служёнье – мгновёнье [106\точн.\грам.] Ж
 слыхáл (нач.) – внимáл (нач.) [294\точн.\грам.]
 слыхáть – гладь [253-1\точн.]
 слышнѣй – соловѣй [164-2\точн.]
 смеётся – [не] проснётся [261\точн.\грам.] Ж
 смел – пел [294\точн.] кр прил и гл
 смелá – мгла [288-1\точн.]
 смелее – светлее [280\точн.\грам.] Ж
 смéло – дéло [170\точн.] Ж

смéло – тéло [281\точн.]Ж
 смéлой – бéлой [60-2\точн.\грам.] Ж
 смéлый – стрéлы [204\точн.\йотирован.] Ж
 смертéй – лучéй [200-1\точн.\грам.]
 смешнóй – похвалóй [279-2\точн.]
 смеялись – колыхáлись [201\точн.\грам.] Ж
 смирённо – вдохновéнно [188\точн.\грам.] Ж
 смирёнья – мщéнья [225-1\точн.\грам.] Ж
 смолкáл – стал [138\точн.\грам.]
 смотре́ть – жалéть [60-2\точн.\грам.]
 смотре́я – говоря́ [169-1\грам.]
 смугля́нка – вакха́нка [259\точн.\грам.] Ж
 смущáет – вызывáет [60-2\точн.\грам.] Ж
 смущён – он [305\точн.]
 смущённой – непреклóнной [303\точн.\грам.] Ж
 смущены́ – сны [260\точн.]
 смущéнья – вдохновéнья [188\точн.\грам.] Ж
 смычóк – потóк [220-1\точн.\грам.]
 смятёнья – вдохновéнья [272-1\точн.\грам.] Ж
 смятёнья – забвéнья [239-2\точн.\грам.] Ж
 смятёнья – спасéнья [229\точн.\грам.] Ж
 снам – горáм [106\точн.\грам.]
 сна́ми – лесáми [199-1\точн.\грам.] Ж
 сна́ми – слезáми [212\точн.\грам.] Ж
 сначала – запылáла [138\точн.] Ж
 снегáми – ночáми [144\точн.\грам.] Ж
 снегáх – садáх [273-2\точн.\грам.]
 снегóв – готóв [320-1\точн.]
 снеговы́х – беговы́х [317-2\точн.\грам.]
 сне́жной – не́жный [80\приблизит.] Ж
 снима́я – рыда́я [215 точн грам] Ж
 сно́ва – былóго [221-2\точн.] Ж
 сном – кругóм – леснóм [149\точн.]
 сном – кругóм [245-2\точн.]
 сном – челóм [164-2\точн.\грам.]
 снопа́ми – лучáми [176-2\точн.\грам.] Ж
 носи́л – сил [136-2\точн.]
 сны – весны́ [154-2] 2
 сны – смешны́ [58\точн.]
 соберётся – заведётся [207\точн.\грам.] Ж
 собóй – больно́й [178-2\точн.]
 собóй – враждóй [151-2\точн.]
 собóй – пережитóй [230\точн.]
 собóй – сохóй [138\точн.]
 собóй – толпо́й [244-2\точн.]
 собóй – тоско́й [211-1\точн.]
 согрева́ло – сия́ло [187\точн.\грам.] Ж
согрéй – ночéй – полéй [69]

согрѣть – [не] горѣть [172-4\точн.\грам.]
 сожалѣнья – прощѣнья [99\точн.] Ж
 сожалѣнья – значѣнья [280\точн.] ед Ж
 сожалѣнья – мучѣнья [54-2\точн.] ед и мн Ж
 сожалѣнья – отмщѣнья [163-2\точн.\грам.] ед Ж
 создалá – челá [204]
 сознáл – променял [99\точн.\грам.]
 сознáнье – обаянье [109\точн.\грам.] Ж
 сознáнья – мироздáнья [238-1\точн.\грам.] Ж
 созовѣм – уснѣм [115-2\точн.\грам.]
 сокрýблись – расступíлись [90\грам.] Ж
 солгáть – страдáть [181-4\точн.\грам.]
 солгý – могý [193-1\грам.]
 солжѣт – обоймѣт [106\точн.\грам.]
 соловѣй – морѣй [294\точн.]
 соловѣй – своѣй [324-2\точн.]
 столóм – огнѣм [305\точн.\грам.]
 сом – дневникóм [203\точн.] Ж
 сомнѣний – волнѣний [205\точн.\грам.]
 сомнѣний – впечатлѣний [51-2\точн.\грам.] Ж
 сомнѣний – гѣний [151-2\точн.] 3 Ж
 сомнѣний – заблуждѣний [226-1\точн.\грам.] Ж
 сомнѣний – сновидѣний [50-1\точн.\грам.] Ж
 сомнѣний – ступѣней [159\приблизит.] Ж
 сомнѣнье – прощѣнья [90\приблизит.] Ж
 сомнѣнье – уединѣнье [274\точн.\грам.] Ж
 сомнѣньем – презрѣньем [164-2\точн.\грам.]
 сомнѣнья – волнѣнья [49\точн.\грам.] мн им Ж
 сомнѣнья – волнѣнья [84\точн.\грам.] Ж
 сомнѣнья – забвѣнья – примирѣнья [133-2\точн.\грам.] ед 2 Ж
 сомнѣнья – забвѣнья – примирѣнья [199-2\точн.] мн и ед и ед
 сомнѣнья – мгновѣнья – [188] мн им и мн в и мн в Ж
 сомнѣнья – молѣнья [193-2\точн.] мн и ед Ж
 сомнѣнья – молѣнья [75\точн.\грам.] мн им и мн в
 сомнѣнья – обвинѣнья [108-2\точн.\грам.] ед Ж
 сомнѣнья – ободрѣнья [228-1\точн.\грам.] ед Ж
 сомнѣнья – отречѣнья [174-2\точн.\грам.] ед Ж
 сомнѣнья – примирѣнья (подр.) [114\точн.\грам.] ед Ж
сомнѣнья – размышлѣнья – всепрощѣнья – забвѣнья [212\точн.] мн в и ед р ед в и ед р Ж
 сомнѣнья – решѣнье [193-1\приблизит.] Ж
сомнѣнья – сожалѣнья – мучѣнья [70-1\точн.] мн и ед р и мн в Ж
 сомнѣнья – сожалѣнья [54-2\точн.] мн и ед Ж
 сомнѣнья – стремлѣнья [188\точн.\грам.] Ж
сомнѣнья (вн.) – сомнѣнья – поколѣнья [279-2\точн.\грам.] мн им Ж
 сомнѣнья – убеждѣнья [193-2\точн.\грам.] Ж
 сон – занесѣн [254-2\точн.]
 сон – Пигмалиóн [238-1\точн.\грам.]
 сон – прощѣн [215\точн.]

сонёта – привёта [150-1\точн.\грам.] Ж
соорудíл – озарíл [315-2\точн.\грам.]
сорва́ли – печáли [112-2\точн.] Ж
сосéд – отсвёт [254-2\точн.\грам.]
сосéда – бесéда [261\точн.] Ж
сосед-генерáл – [не] снял [138\точн.]
сострадáнье – страдáнья [178-2приблизит.\грам.] 4 Ж
сострадáнья – страдáнья [134-1\точн.] ед и мн Ж
сострадáнья – страдáнья [60-1\точн.\грам.] ед 2 Ж
сохóй – голубóй [294\точн.]
сохранíл – перелíл [188\точн.\грам.]
сохранíть – любíть [60-2\точн.\грам.]
сочлá – мгла [192\точн.]
сошли́сь – полили́сь [196-1\точн.\грам.]
спал – сказа́л [324-2\точн.\грам.]
спáли – сказа́ли [268-1\точн.\грам.] Ж
спáло – замолка́ло [299-1\точн.\грам.] Ж
спаса́л – [не] иска́л [163\точн.\грам.]
спасéнья – отверже́нья [284\точн.\грам.] Ж
спасéнья – сомне́нья [250-2\точн.\грам.] Ж
спасéнья – спасéнья (вн.) – наслажде́нья [140\точн.\грам.] ед Ж
спасíтель – учíteль [60-2\точн.\грам.] 2 Ж
спечён – поднесён [317-2\точн.\грам.]
спешáт – боготворя́т [52\точн.\грам.]
спешíл – изли́л [99\точн.\грам.]
спешíл – облегчíл [99\точн.\грам.]
спешíт – кипíт [60-2\точн.\грам.]
спешíть – [не] воротíть [293\точн.\грам.]
спешíть – уловíть [311-2\точн.\грам.]
спиной – собóй [299-2\точн.]
спит – [не] прозвучíт [159\точн.\грам.]
спит – стои́т [60-2\точн.\грам.]
спlíну – вплово́ину [140\точн.] Ж
спор – раздо́р [170\точн.\грам.]
спор – штор [159\точн.]
спою́ – мою́ [154-2\точн.]
спра́вимся – опра́вимся [67\точн.\грам.] Д
спросíл– реши́л [212\точн.\грам.]
спугну́ла – гу́ла [259\точн.] Ж
сраже́ния – паде́ния [147-1\точн.\грам.] ед Д
сраже́нье – прощё́нья [90\точн.\грам.]
сраже́нья – вдохнове́нья [319-1\точн.\грам.] ед Ж
сраже́нья – прощё́нья [90\точн.] мн и ед Ж
средá – вражда́ [278-2\грам.]
срок – звонóк [89\точн.\грам.]
стал – слыха́л [319-1\точн.\грам.]
ста́ла – пьедеста́ла [221-2\точн.] Ж
стан – тумáн [241-1\точн.\грам.]

ста́на – океа́на [255-2\точн.\грам.] Ж
 ста́ну – ра́ну [287-2\точн.] Ж
 старáнья – страда́нья [60-2\точн.\грам.] мн и ед р и ед р Ж
 ста́я – уто́пая [291\точн.] Ж
 стекло́м – тепло́м [201\точн.\грам.]
 стена́ми – образа́ми [169-1\точн.\грам.] Ж
 стена́ми – скала́ми [163-2\точн.\грам.] Ж
 стена́ми – слеза́ми [176-2\точн.\грам.] 2 Ж
 стена́х – сердца́х [207\точн.\грам.]
 стена́х – уста́х [163-2\точн.\грам.]
 стена́й – волна́й [73\точн.\грам.]
 стена́й – голова́й [254-2\точн.\грам.]
стена́й – густа́й – жива́й [149]? М им густой или глухой?
 стена́й – душа́й [196-2\точн.\грам.]
 стена́ю – струёю [282-2\точн.\грам.] Ж
 стена́ю – толпо́ю [188\точн.\грам.] Ж
 стена́ы – страна́ы [273-2\грам.]
 стих – живы́х [150-1\точн.]
стих – мо́их – други́х – заги́х [305\точн.]
 стиха́ми – вензеля́ми [132-1\точн.\грам.] Ж
 стиха́ми – слова́ми [233\точн.\грам.] Ж
 стиха́х – ах [316\точн.]
 стихо́м – чело́м [206-1\точн.\грам.]
 столбо́м – кусто́м [116\точн.\грам.]
 столе́ – полумгле́ [236\точн.]
 столи́ца – струи́тся [273-1\точн.] Ж
 столи́цы – больни́це [318-2] Ж
 столи́цы – гробни́цы [243-1\точн.\грам.] ед р Ж
 столо́м – вино́м [273-2\точн.\грам.]
 столо́м – круго́м [200-2\точн.]
 столо́м – кружка́м [131-1\точн.] ед тв
 столо́м – огнё́м [141\точн.\грам.]
 столо́м – пятно́м [281\точн.\грам.]
 стопа́й – молодóй [58\точн.]
 стопа́й – соба́й – мглой [66-2\точн.]
 стопа́й – тоско́й [89\точн.\грам.]
 сторожево́й – тоско́й [231\точн.]
 сторона́ – должна́ [230\точн.]
 сторона́ – сна [308\точн.]
 сторона́й – [Бело́й] Москва́й [138\точн.\грам.]
 сто́ял – зазвуча́л [60-2\точн.\грам.]
 сто́ят – ма́нят [52\точн.\грам.]
 сто́ят – спят [105\точн.\грам.]
 страда́ла – возвыша́ла [280\точн.\грам.] Ж
 страда́ла – нашепта́ла [204\точн.\грам.] Ж
 страда́ние – пода́яния [67\приблизит.] Д
 страда́ний – восклица́ний [142-1\точн.\грам.] Ж
 страда́ний – жела́ний [308\точн.\грам.] 3 Ж

страданий – рукоплесканий [60-2\точн.\грам.] Ж
 страданий – рыданий [148\точн.\грам.] Ж
 страдания – негодования [66-1\точн.] мн и ед. Д
 страдание – благоухание [210-2\точн.\грам.] Ж
 страдание – рыдание [96-1\точн.\грам.] Ж
 страданием – рыданием [96-1\точн.\грам.] Ж
 страданием – стенаниям [261\приблизит.] Ж
 страданием – упованием [97-2\точн.\грам.] Ж
 страдания – воспоминания [268-1\точн.\грам.] ед Ж
 страдания – желания – страдания [73\точн.] ед р и мн в и ед р и ед им Ж
 страдания – здания [225-2\точн.\грам.] ед Ж
 страдания – испытания [154-1\точн.] мн и ед Ж
 страдания – колебания [250-2\точн.\грам.] ед Ж
 страдания – мироздания [132-3\точн.] мн и ед 2 Ж
 страдания – молчания [90\точн.\грам.] Ж
 страдания – невнимания [219\точн.] мн и ед Ж
 страдания – негодования [134-2\точн.] ед в и ед р Ж
 страдания – очарования [238-1\точн.] мн и ед Ж
 страдания – подаяния [56\точн.] ед р и ед в Ж
 страдания – рыдания [98-2\точн.\грам.] мн им Ж
 страдания – сияние [50-2\приблизит.] Ж
 страдания – свидание [73\приблизит.] Ж
 страдания – сострадания [86-1\точн.] мн и ед Ж
 страдания – упования [114\точн.] мн и ед Ж
 страдать – удерживать [196-2\точн.\грам.]
 страдать – узнать [164-2\точн.\грам.]
 страдаю – раю [314\точн.] Ж
 страдаю – [не] опускаю [230\точн.\грам.] Ж
 страдаю – запятная [99\точн.\грам.] Ж
 страдаю – обозначаю [288-1\точн.\грам.] Ж
 страдаю – стираю [178-2\точн.\грам.] Ж
 страницы – вереницы [198-1\точн.\грам.] мн им 2 Ж
 страной – рукой – собой – враждой [151-2\точн.] Ж
 страну – тишину [159\грам.]
 страны – волны [291\грам.]
 страстей – братьев-людей [252-1\точн.\грам.]
 страстей – ветвей [206-2\точн.\грам.]
 страстей – друзей [246\точн.\грам.]
 страстей – лучей [310-2\точн.\грам.]
 страстей – моей [241-2\точн.]
 страстей – огней [107\точн.\грам.]
 страсти – власти [60-1\точн.\грам.] ед р Ж
 страстно – прекрасно [198-1\точн.\грам.] Ж
 страх – небесах [266\точн.\грам.]
 страх – устах [141\точн.]
 страх – цепях [96-2\точн.]
 страшна – она [196-2\точн.]
 стрелой – красотой [274\точн.\грам.]

стрелóю – глухóю [90\точн.] Ж
 стрелú – скалú [299-2\грам.]
 стремлéние – брожéние – стремлéние [118\точн.\грам.] Д
 стремлénий – сомнénий [156\точн.\грам.] 2 Ж
 стремлénье – вдохновénье [68-2\точн.\грам.] Ж
 стремлénье – творénьи [52\приблизит.] Ж
 стремлénьем – нетерпénьем [317-2\точн.\грам.] Ж
 стремлénья – сожалénья [230\точн.\грам.] ед Ж
 стремлénья – наслаждénья [186-2\точн.] мн и ед Ж
 стремлénья – отвержénья [75\точн.] мн и ед Ж
 стремлénья – томлénья [234\точн.] мн и ед Ж
 стремлénьям – озлоблénьем [187\приблизит.] Ж
 стрóго – [ради] бóга [311-2\приблизит.] Ж
 стройна́ – печально-бледна́ [294\грам.]
 стрóйный – беспокóйный [265-2\точн.\грам.] Ж
 строк – срок [318-1\точн.]
 строкáм – господáм [319-1\точн.]
 стрóки – далéки [176-1\точн.] Ж
 стрóки – упрёки [320-2\точн.\грам.] Ж
 строф – садóв [233\точн.\грам.]
 строф – стихóв [305\точн.\грам.]
струёй – живóй – тобóй – покóй [71]
 струёй – листвóй – глубинóй [69\точн.\грам.]
 струй – любví [105] мн и ед
 струйтся – зары́ться [297\грам.] Ж
 струна́х – небеса́х [188\точн.\грам.]
 струна́х – слова́х [169-2\точн.\грам.]
 ступáла – сия́ла [117\точн.\грам.] Ж
 ступáя – слагáя [217-2\точн.\грам.] Ж
 ступéни – колéни [150-1\точн.\грам.] Ж
 ступíв – о́лив [291\точн.]
 стучáт – гремя́т – разя́т [261\точн.\грам.]
 стучíт – скрипíт [247\точн.\грам.]
 стыда́ – навсегда́ [239-2]
 стыдлívым – горделívым [254-2\точн.\грам.] Ж
 стыдо́м – дождём – торжествóм [201\точн.\грам.]
 стыдо́м – торжествóм [164-2\точн.\грам.]
 судáми – цепя́ми [201\точн.\грам.] Ж
 судéй – ней [108-2\точн.]
 судéй – очéй [99\точн.\грам.]
 судíл – возбуди́л [317-1\точн.\грам.]
 судíть – поработíть [96-2\точн.\грам.]
 судьбóй – одно́й [89\точн.]
 судьбóй – полуживóй [235\точн.]
 судьбóй – твой [96-1\точн.]
 судьбóй – тобóй [98-1\точн.]
 судьбóй – толпо́й [287-2\точн.\грам.]
 судьбóю – грозóю [164-2\точн.\грам.] Ж

судьб́ою – душ́ою [60-1\точн.\грам.] Ж
 судьб́ою – нужд́ою [50-1\точн.\грам.] Ж
 судьб́ы – борьб́ы [229\грам.] 2
 судьёй – душ́ой [198-1\точн.]
 суетли́вой – молчали́вый [299-2] Ж
 суетн́е – сне [181-4\точн.]
 суето́ю – душ́ою [243-1\точн.\грам.] Ж
 суето́ю – Куро́ю [107\точн.] Ж
 сужденá – яснá [188\грам.]
 сужд́енья – муч́енья [288-1\точн.] мн и ед Ж
 сули́т – [не] страши́т [278-1\точн.]
 суму́ – ему́ [181-4\точн.]
 супру́г – друг [311-2\точн.\грам.]
 суро́в – цвето́в [244-1\точн.]
 суро́во – сло́ва [145\ приблизит.] Ж
 суро́вый – око́вы [96-2\точн.\йотирован.] Ж
 суро́вый – терно́вый [230\точн.\грам.] 2 Ж
 существова́нье – созна́нье [273-2\точн.\грам.] Ж
 схвати́л – опусти́л [147-2\точн.\грам.]
 сча́стье – нена́стье [106\точн.\грам.] 2 Ж
 сча́стье – нена́стья [90\ приблизит.] Ж
 сча́стье – уча́стье [51-2\точн.\грам.] Ж
 сча́стье – уча́стья [69\приблизит.] Ж
 сча́стья – нена́стья [171\точн.\грам.] ед Ж
 сча́стья – уча́стья [54-2\точн.\грам.] 3 Ж
 съем – поём [305\точн.]
 сын – оди́н [148\точн.] 2
 сын – христиани́н [60-2\грам.]
 сыро́й – сумо́й [67\точн.]
 сыро́й – больно́й [80\точн.] ж и м
 сыро́й – голово́й [60-2\точн.]
 тайко́м – гро́м [200-2\точн.]
 тайко́м – перо́м [258-2\точн.]
 тако́в – отцо́в [248\точн.]
 там – листáм [273-2\точн.]
 тать – подня́ть [99\точн.]
 тая́ – моя́ [175-2\точн.]
 тверди́л – начерти́л [196-2\точн.\грам.]
 тверды́ни – пусты́ни [279-2\точн.\грам.] Ж
 твоё – своё [108-1\грам.]
 твоёй – дней [151-2\точн.] 2
 твоёй – люде́й [106\точн.]
 твоёй – ноче́й [84\точн.]
 твоёй – очёй [77\точн.]
 твоёй – пала́чей [184-2\точн.]
 твоёй – рече́й [305\точн.]
 твой – любви́ [135-1\неточн.] 6
 твои́м – дым [164-2\точн.]

тво́йм – родны́м [252-2\точн.]
 тво́их – молоды́х [200-2\точн.]
 твой – мной [223-1\точн.\грам.]
 творе́ний – лише́ний [142-1\точн.\грам.] Ж
 творе́нья – назначе́нья [181-4\точн.\грам.] ед р Ж
 творе́нья – стремле́нье [68-1\ приблизит.] Ж
 тво́я – быти́я [132-3\точн.]
тебе́ – борьбе́ – судьбе́ [182\точн.]
 тебе́ я – пламене́я [215\точн.] Ж
 тебя́ – любя́ [112-3\точн.] 5
 тебя́ – себя́ [131-2\точн.\грам.]
тебя́ – я (вн., подр.) – я – любя́ – любя́ (вн., подр.) [252-1\точн.]
 текла́ – цвела́ [273-2\точн.\грам.]
 те́ла – гляде́ла [234\точн.] Ж
 те́ла – отлете́ла [239-1\точн.] Ж
 те́ло – де́ло [146\точн.\грам.] Ж
 те́ло – сме́ло [222-1\точн.] Ж
 темна́ – окна́ [201\точн.]
 темни́цы – жар-пти́ца [163\приблизит.] Ж
 темни́цы – столи́цы [243-2\точн.\грам.] 2 ед р Ж
 темно́ – окно́ [257-2\точн.]
 темно́ – оно́ [281\точн.]
 те́мной – бездо́нной [239-2\ неточн.\грам.] Ж
 темноты́ – красоты́ [301-2\грам.]
 те́мный – отдале́нный [273-2\неточн.\грам.] Ж
 тени́ – дни [196-2\точн.]
 тени́ – огни́ [211-1\точн.]
 те́ни – сире́ни [50-1\точн.] мн и ед Ж
 те́ни – ступе́ни [164-2\точн.] мн им и мн в Ж
 тень – сире́нь [309-2\точн.\грам.]
 тепло́ – чело́ [193-2\грам.] ед в 2
 теплото́ю – [над] тобо́ю [223-1\точн.] Ж
 терза́лся – каза́лся [206-1\точн.\грам.] Ж
 терно́вый – суро́вый [99\точн.\грам.] Ж
 теря́лся – расстилáлся [247\точн.\грам.] Ж
 тесне́е – фарисе́я [256-1\приблизит.] Ж
 тесне́й – рече́й [291\точн.]
 те́сной – небе́сной [299-2\точн.\грам.] Ж
 тетра́дь – жда́ть [305\точн.]
 тира́нов – тита́нов [96-2\точн.\грам.] Ж
 тиха́ – стиха́ [95\точн.]
 тиши́ – души́ [168-2\точн.\грам.] 3
 тишина́ – стройна́ [249-3\точн.]
 тишинé – выши́не [266\точн.\грам.]
 тишинé – мне [217-2\точн.]
 тишинé – стене́ [286\точн.\грам.]
 тишино́й – красото́й [60-2\точн.\грам.]
 тишино́ю – душо́ю [184-1\точн.\грам.] Ж

тишинóю – мнóю [221-1\точн.] Ж
 тишь – камьш [133-2\точн.]
 тобóй – враждóй [212\точн.]
 тобóй – глубинóй [299-1\точн.]
 тобóй – людскóй [290-2\точн.]
 тобóй – покóй [324-1\точн.]
 тобóй – порóй [150-2\точн.]
 тобóй – роковóй [99\точн.]
 тобóй – сторонóй [271-2\точн.]
тобóй – тоскóй – чужóй – мглой [51-2\точн.]
 тобóю – зарёю [214-1\точн.] Ж
 тобóю – рекою [136-2\точн.] 2 Ж
 тобóю – рукою [311-1\точн.] Ж
 тобóю – тоскою [192\точн.] Ж
 тогда – следá [265-1]
 толкáет – бросáет [156\точн.\грам.] Ж
 толпáми – волнáми [60-2\точн.\грам.] 2 Ж
 толпáми – звездáми [109\точн.\грам.] Ж
 толпé – тропé [290-1\грам.]
 толпíтся – гордíтся [151-2\точн.\грам.] Ж
 толпóй – больнóй [249-2\точн.]
 толпóй – вой [243-2\точн.]
 толпóй – душóй [154-1\точн.\грам.] 2
 толпóй – рекóй [288-1\точн.\грам.]
 толпóй – святóй [52\точн.]
 толпóй – собóй [285-2\точн.]
 толпóю – мольбóю [152-1\точн.] Ж
 толпóю – головóю [188\точн.\грам.] Ж
 толпóю – душóю [213-2\точн.\грам.] Ж
 толпóю – мишурóю (подр.) [52\точн.\грам.] Ж
 толпóю – мачехой-судьбóю [90\точн.\грам.] Ж
 толпóю – собóю [307\точн.] Ж
 толпóю – тобóю [206-2\точн.] 2 Ж
 толпóю – чистотóю [179\точн.\грам.] Ж
 толпú – скорлупú [150-2\грам.]
 толпý – красотý [52\грам.]
 том – венкóм [150-1\точн.]
 том – судóм [244-2\точн.]
том – хребтóм – сном [149\точн.]
 томím – ночнým [246\точн.]
 томít – глядít [222-1\точн.\грам.]
 томít – щемít [131-2\точн.\грам.]
 томíться – молíться [172-3\точн.\грам.] Ж
 томú – тюрьмú [115-2\точн.]
 торжествóм – кругóм [188\точн.]
 торжествúя – негодúя [141\точн.\грам.] Ж
 тоскá – исподтишкá [238-2]
 тоскá – облакá [157\точн.] 2

тоскѣ – вдалекѣ [183\точн.]
 тоскѣ – рукѣ [82-2\грам.]
 тоскѣ – доскѣ [168-1\грам.]
 тоскѣй – [над] тобѣй [84\точн.]
 тоскѣй – [с] собѣй [131-2\точн.]
 тоскѣй – больно́й [144\точн.] 2
 тоскѣй – бронѣй [196-2\точн.\грам.]
 тоскѣй – глухо́й [239-2\точн.]
 тоскѣй – грозѣй [209-1\точн.\грам.]
 тоскѣй – землѣй [75\точн.\грам.]
 тоскѣй – реко́й [76\точн.\грам.]
 тоскѣй – ро́й [49\точн.]
 тоскѣй – свято́й [82-2\точн.]
 тоскѣй – судьбо́й [235\точн.\грам.]
 тоскѣй – тобо́й [323-1\точн.]
 тоскѣй – тюрьмо́й [291\точн.\грам.]
 тоскѣю – [над] тобо́ю – клевето́ю [270-1\точн.] Ж
 тоскѣю – душо́ю [112-2\точн.\грам.] 2 Ж
 тоскѣю – землѣю [206-2\точн.\грам.] Ж
 тоскѣю – рабо́ю [182\точн.\грам.] Ж
 тоскѣю – успоко́ю [285-1\точн.] Ж
 тот – живѣт [140\точн.]
 тревѣг – [не] мог [150-2\точн.]
 тревѣг – бог [198-1\точн.]
 тревѣг – венѣк [257-2\точн.]
 тревѣг – лесѣк [240-2\точн.]
 тревѣг – стрѣк [169-2\точн.]
 тревѣга – бо́га [193-2\точн.] Ж
 тревѣга – доро́га [268-1\точн.\грам.] Ж
 тревѣге – черто́ге [318-1\точн.] Ж
 тревѣги – бо́ги [266\точн.] ед и мн Ж
 тревѣги – доро́ге [154-2\точн.] Ж
 тревѣги – доро́ги [209-2\точн.] мн и ед 5
 тревѣги – доро́ги [216-1\точн.] мн и ед
 тревѣги – доро́ги [231\точн.] мн и ед
 тревѣги – доро́ги [255-1\точн.] мн и ед
 тревѣги – доро́ги [89\точн.\грам.] ед
 тревѣги – ито́ги [280\точн.] Ж
 тревѣги – полдоро́ги [136-2\точн.] мн и ед Ж
 тревѣгу – доро́гу [82-2\точн.\грам.] Ж
 тревѣжно – ничто́жно [229\точн.] нар и кр прил Ж
 триумфа́льной – погребáльной [117\точн.\грам.] Ж
 тромбѣне – то́не [315-2\точн.\грам.] Ж
 трѣна – оборо́на [90\точн.] Ж
 трѣпой – голу́бой [282-2\точн.]
 трѣпой – тоскѣй [85\точн.\грам.]
 трѣпой – трудо́вой [50-2\точн.]
 трудо́ – [не] чужда́ [240-2]

трудáм – дневникáм [213-2\точн.\грам.]
 трудé – борьбé [66-2\неточн.]
 трудítься – делítься [56\точн.\грам.] Ж
 трудítься – молítься [70-2\точн.\грам.] Ж
 трудóв – лесóв [309-2\точн.\грам.]
 трудóм – лицóм – огнём [272-2\точн.\грам.]
 трудóм – людскóм [290-2\точн.]
 трудóм – твоём [243-1\точн.]
 трудóм – холодкóм [107\точн.\грам.]
 трусливóй – справедливóй [184-2\точн.\грам.] Ж
 тумáн – оргáн [282-2\точн.\грам.] 2
 тумáн – ран [257-2\точн.]
 тумáна – океáна [303\точн.\грам.] Ж
 тумáна – рьяно [317-2\точн.] Ж
 тумáнах – [в] фонтáнах [232-2\точн.\грам.] Ж
 тумáнные – заткáнные [118\точн.\грам.] Д
 тумáнов – фонтáнов [159\точн.\грам.] Ж
 тумáном – великáнам [99\точн.] Ж
 тумáном – полянам [90\точн.] Ж
 тумáны – поляны [90\точн.\грам.] Ж
 тóчи – кру́чи [291\точн.\грам.] 2 Ж
 ты – нищеты́ [305\точн.]
 ты – темноты́ [289\точн.]
 ты – цветы́ [304\точн.]
 тьма – тюрьма́ [307\точн.\грам.]
 тьмо́ю – живо́ю [70-3\точн.] Ж
 тьмо́ю – тобо́ю [71\точн.] Ж
 тишиною – тоско́ю [217-1\точн.\грам.] Ж
 тьму – тюрьму́ [163-2\грам.]
 тьмы – тюрьмы́ [215\грам.]
 тюрьмо́ю – мечто́ю [234\точн.\грам.] Ж
 тюрьмы́ – тьмы [115-2\грам.] 3
 тяжелó – повезлó [311-1\грам.]
 тяжелó – челó [174-2\точн.]
 тяжелы́ – волы́ [321\точн.]
 тяжёлых – весёлых [283\точн.\грам.] Ж
 тяжкá – тоскá [261\точн.]
 убежáть – тать [131-2\точн.]
 убеждéний – гéний [278-2\точн.] Ж
 убеждéнием – сожалéнием [244-2\точн.\грам.] Ж
 убивáл – отгоня́л [203\точн.\грам.]
 убíл – дожíл [56\точн.\грам.]
 убíл – разбíл [60-2\точн.\грам.]
 убíла – могíла [90\точн.] Ж
 убíта – зары́та [277\грам.] Ж
 убíть – любíть [135-1\точн.\грам.]
 убíть – позабы́ть (подр.) [261\точн.\грам.]
 уверя́ю – благословля́ю [311-2\точн.\грам.] Ж

увлѣк (вн.) – увлѣк – цветѣк [278-2\точн.]

увлекáет – остывáет [227-1\точн.\грам.] Ж
увлекáла – идеáла [172-3\точн.] Ж
увлекáющий – карáющей [310-2\точн.] Д
увлечѣн – сон [88-2\точн.]
увлечѣний – сомнѣний [145\точн.\грам.] Ж
увядáет – разгоня́ет [277\точн.\грам.] Ж
увя́ла – идеáла – чаровáла [309-1\точн.]
увя́ла – чаровáла [309-1\точн.\грам.] Ж
увя́ли – печáли [209-1\точн.\грам.] Ж
угадáть – превращáть [261\точн.\грам.]
угáром – кошмáром [59\точн.\грам.] Ж
углáм – фимиа́м [164-2\точн.]
углóm – столóm [289\точн.\грам.]
угнетáет – убегáет [274\точн.\грам.] Ж
уго́ду – погóду [320-2\точн.\грам.] Ж
уголѣк – кружѣк [206-2\точн.\грам.] 2
уголѣк – упрѣк [201\точн.\грам.]
угрожáло – начáло [279-2\точн.] Ж
угрю́мом – думáм [291\ приближит.]Ж
угрю́мый – думой [164-2\приблизит.] 4 Ж
ужáсна – упоительно-прекрасна [108-2\точн.\грам.] Ж
узнáл – скрывáл [56\точн.\грам.]
узнáла – зáла [220-1\точн.]Ж
узнаю – люблю [88-2грам.]
узѣром – взѣром [176-2\точн.\грам.] Ж
укѣр – приговѣр [50-2\точн.\грам.]
укра́дкой – слáдкой [286\точн.] Ж
украшáть – спать [88-1\точн.\грам.]
ум – дум [131-2\точн.]
умá – тьма [186-2\точн.]
умерлá – пришлá [86-2\грам.]
умерлá – углá [228-2\грам.]
умерлá – унеслá [72\грам.]
умира́я – меня́я [242\точн.\грам.] Ж
умира́я – нема́я [112-1\точн.]Ж
умные – безумная [67] Д
умóm – кругóm [193-1\точн.]
умóm – рабóm [279-2\точн.\грам.]
умóm – торжествóm [303\точн.\грам.]
умчáт – сад [324-1\точн.]
унеслѣ – челѣ [110-3\точн.]
унижѣний – мучѣний [278-1\точн.\грам.]Ж
уносится – прѣсится [118\точн.\грам.]Д
уны́лый – могíлы [70-2\йотирован.]Ж
упадáл – рокотáл [201\точн.\грам.]
упáл – прочитáл [206-2\точн.\грам.]
упáла – рыдáла – игрáла [271-3\точн.\грам.] Ж

упováний – желáний [60-2\точн.\грам.] Ж
 упováний – испытáний [193-2\точн.\грам.] Ж
 упováньем – сияньем [188\точн.\грам.] Ж
 упováнья – мечтáнья [140\точн.\грам.] мн им и мн в Ж
 упováнья – мироздáнья [249-1\точн.\грам.] ед Ж
 упоёнья – размышлénья [112-1\точн.\грам.] ед Ж
 упóрной – чёрной [274\точн.\грам.] Ж
 упрёк – [не] прорóк [70-3\точн.\грам.]
 упрёк – берёг [138\точн.]
 усíлья – крýлья [210-1\грам.] Ж
усн́й (вн.) – отдохн́й (подр.) – в тен́й [136-2]
 усну́вший – блесну́вший [221-1\точн.\грам.] Ж
 усну́ть – отдохну́ть [99\точн.\грам.]
 успе́й – своéй [110-2\точн.]
 успе́ла – де́ла [135-1\точн.] Ж
 успе́ха – сме́ха [143-2\точн.\грам.] Ж
 успокоéнья – осуждénья [99\точн.\грам.] Ж
 устá – красотá [108-2\точн.]
 устá – крестá [109\точн.]
 устá – Христá [60-2\точн.]
 устá – чистá [188\точн.] 2
 уставáл – угасáл [147-2\точн.\грам.]
 устáл – раздражáл – ждал [217-1\точн.\грам.]
 устáм – ночáм [159\точн.\грам.]
 устáми – горáми [90\точн.\грам.] Ж
 устанёт – грянет [319-2\точн.\грам.] Ж
 устáх – мечтáх [172-3\точн.\грам.]
 устáх – сердцáх [60-2\точн.\грам.]
 утешénья – сожалénья [238-1\точн.\грам.] ед Ж
 утомíлись – насладíлись [188\точн.\грам.] Ж
 утомлénный – озарénный [168-1\точн.\грам.] Ж
 утопáя – рáя [75\точн.] Ж
 утопáя – сверкáя [60-2\точн.\грам.] Ж
 утопáя – стáя [265-2\точн.] Ж
 утра – докторá – хандрá [286]
 уходíл – грустíл [273-2\точн.\грам.]
 уходíл – золотíл [261\точн.\грам.]
 уча́сьем – нена́сьем [56\точн.\грам.] Ж
 уча́стья – нена́стья [112-3\точн.\грам.] ед Ж
 уча́стья – сча́стья [143-1\точн.\грам.] 4 Ж
 учени́к – прини́к [99\точн.]
 учёнье – прощёнья [75\приблизит.] Ж
 учёнья – примирénья [60-2\точн.\грам.] ед Ж
 ушли́ – заросли́ [159\грам.]
 Фаусéк – век [322-2\точн.\грам.] произносилось «Фавсек»
 Фет – букéт [316\точн.\грам.]
 Фéта – сонéта [316\точн.\грам.] Ж
фимиáм – небесáм – ногáм – цветáм [188\точн.]

флёра – взора [204\точн.]Ж
 фонтана – каштана [159\точн.\грам.] Ж
 фразы – заразы [187\точн.] мн и ед Ж
 франтова́той – запла́той [254-3\точн.] Ж
 ха́бс – слёз [212\точн.]
 хвало́ю – тобо́ю [113\точн.] Ж
 хвата́юсь – стара́юсь [235\точн.\грам.] Ж
 хлеба́ми – костя́ми [164-2\точн.\грам.] Ж
 хлебо́в – цвето́в [200-1\точн.\грам.]
 хлопоче́шь – хо́чешь [68-1\точн.\грам.] Ж
 хму́рой – белоку́рой [300\точн.\грам.] Ж
 холма́ми – ветвя́ми – струя́ми [99\точн.\грам.] Ж
 холмо́в – гото́в [241-2\точн.]
 холмо́в – кресто́в [291\точн.\грам.]
 холмо́в – парусо́в [264\точн.\грам.]
 холодне́е – скорее́ [199-2\точн.\грам.] Ж
 холо́дной – свобо́дный [261\приблизит.] Ж
 холо́дный – беспло́дный [172-4\точн.] Ж
 холо́дный – свобо́дный [249-2\точн.\грам.] Ж
 хор – убо́р [132-2\точн.\грам.]
 хороши́ – души́ [221-2\точн.]
 хо́ры – амфо́ры [141\точн. грам.] мн им Ж
 хо́ры – узо́ры [188\точн.\грам.] Ж
хоте́л – [не] смел – преде́л [273-2\точн.]
 хоте́л – кипе́л [104\точн.\грам.]
 хоте́те – брани́те [68-1\точн.\грам.] Ж
 храм – нога́м [151-2\точн.]
 храм – фимиа́м [193-2\точн.\грам.] 2
 хра́ма – да́ма [135-1\точн.]Ж
 храня́т – наря́д [265-2\точн.]
 хребта́ми – кудря́ми [159\точн.\грам.] Ж
 хребто́в – луго́в [107\точн.\грам.]
 Христо́с – нёс [99\точн.]
 худо́й – мной – грозо́й [305\точн.]
 царит – висит [99\точн.\грам.]
 царит – плит [159\точн.]
 царит (нач.) – горит (нач.) [66-2\точн.\грам.]
 ца́рской – боя́рской [90\точн.\грам.] Ж
 царь – алта́рь [152-2\точн.\грам.]
 цвето́вами – слеза́ми [176-1\точн.\грам.] 3 Ж
 цвето́вами – сна́ми [153-1\точн.\грам.] Ж
 цвето́вами – струя́ми [299-2\точн.\грам.] Ж
 цвето́вах – черта́х [144\точн.\грам.]
 цвето́к – дика́ [159\точн.]
 цвето́в – бого́в [164-2\точн.\грам.]
 цвето́в – борцо́в [266\точн.\грам.]
 цвето́в – лесо́в [226-3\точн.\грам.]
 цвето́в – луго́в [247\точн.\грам.]

цветóв – рабóв [164-2\точн.\грам.]
 цветóв – снов [164-2\точн.\грам.]
 цветóк – венóк [142-1\точн.\грам.]
 цветóк – потóк [221-2\точн.\грам.]
 цветóк – прорóк [285-2\точн.\грам.]
 цветы́ – красоты́ [142-1\грам.]
 цветы́ – листы́ [201\грам.]
 цветы́ – персты́ [181-4\грам.]
 цветы́ – черты́ [110-3\грам.] 2
 це́ли – ослабéли [111\точн.] Ж
 ценóю – мечтóю [293\точн.\грам.] Ж
 цепéй – людéй [178-1\точн.\грам.] 3
 цепéй – людéй [250-1\точн.\грам.]
 цепéй – людéй [291\точн.\грам.]
 цепéй – моéй [215\точн.]
 цепéй – плетéй [142-1\точн.\грам.]
 цепéй – своéй [294\точн.]
 цепя́ми – слезáми [154-1\точн.\грам.] Ж
 цепя́х – плеча́х [270-2\точн.\грам.]
 цепя́х – рука́х [104\точн.\грам.]
 ча́рам – уда́рам [293\точн.\грам.] Ж
 чародéя – синéя [159\точн.] Ж
 ча́ры – уда́ры [159\точн.\грам.] Ж
 час – глаз [299-2\точн.]
 часовóй – стенóй [184-2\точн.] м им суц и р п
 челá – крыла́ [274\точн.\грам.]
 челá – мгла [309-1\точн.]
 челá – сошла́ [117\точн.]
 чёлн – волн [51-1\точн.]
 челно́к – цветóк [133-2\точн.\грам.]
 челó – жгло [172-4]
 челóм – бойцóм [228-1\точн.]
 чём – потóм [261\точн.]
 чемú – тьму́ [207\точн.]
 червём – стыдóм [307\точн.\грам.]
 червя́к – как [305\точн.]
 чередóй – инóй [58\точн.]
 черне́ет – цепене́ет [225-2\точн.\грам.] Ж
 черта́ми – лучáми [90\точн.\грам.] Ж
 черта́х – оча́х [219\точн.\грам.]
 черта́х – щекáх [159\точн.\грам.]
 чертéй – твоéй [305\точн.]
 черто́га – бо́га [159\точн.\грам.] Ж
 числа́ – мила́ [301-2\точн.]
 числа́ – светла́ [238-1\точн.]
 числа́ – создалá [311-2\точн.]
 чíстой – души́стый [270-1\ приблизит.] Ж
 чу́вства – иску́ства [168-1\точн.\грам.] ед 6 Ж

чудес – небес [257-2\точн.\грам.]
 чужбине – долине [256-2\точн.\грам.]Ж
 чужбине – пустыне [195\грам.]Ж
 чужда – вражда [280\точн.]
 чужие – святые [77\точн.\грам.]Ж
 чуть-чуть – грудь [159\точн.]
 шагами – горами [95\точн.\грам.]Ж
 шагами – крестами [206-2\точн.\грам.]Ж
 шагами – кустами [90\точн.\грам.]Ж
 молчи – лучи [251-2\тчн.]
 шагов – часов [184-2\точн.\грам.]
 шатров – костров [241-1\точн.\грам.]
 шевелят – разврат [164-2\точн.]
 шейка (вн.) – чародейка (подр.) – злодейка [316\точн.\грам.]Ж
 шёл – сёл [154-2\точн.]
 шептал – страдал [154-2\точн.\грам.]
 шипит – томит [143-2\точн.\грам.]
 широко – одиноко [226-2\точн.\грам.] нар Ж
 широкой – высокой [54-2\точн.\грам.]Ж
 штыками – ручьями [270-2\точн.\грам.]Ж
 штыков – мертвецов [185\точн.\грам.]
 штыков – оков [184-2\точн.\грам.]
 шум – ум [272-1\точн.\грам.]
 шума – дума [144\точн.] 2Ж
 шумят – звучат [186-1\точн.\грам.]
 шумящий – животворящей [235\ приближит.]Ж
 шутов – слов [217-3\точн.\грам.]
 шутов– льстецов (подр.) – цветов [158\точн.\грам.]
 щебетанье – сиянье [216-2\точн.\грам.]Ж
 шеголять (нач.) – [не] разъезжать [119\точн.\грам.]
 Элладой – громадой [164-2\точн.\грам.]Ж
 эмаль – педаль [316\точн.\грам.]
 Энгельгардт – дискант [315-1\грам.]
 эти – дети [248\точн.]Ж
 эту – комету [317-2\точн.]Ж
 юг – недуг [268-2\точн.\грам.]
 Юга – друга [107\точн.\грам.]Ж
 я – дитя [147-2\точн.]
 я – меня [289\точн.]
 я – моя [205\точн.]
 я – небытия [229\точн.]
я (вн.) – моя – я [243-2\точн.]
 яд – заговорят [305\точн.]
 ядовитой – открытой [213-2]Ж
 ядом – рядом [153-2\точн.]Ж
 язвит – звучит [99\точн.\грам.]
 ярмом – гром [288-1\точн.]
 ясен – прекрасен [228-1\точн.\грам.]Ж

ясна́ – весна́ [116\точн.]
я́сная – стра́стная [53\точн.\грам.]Д
я́сной – прекра́сный [88-1\точн.]Ж
ясны́ – весны́ [200-1\точн.]
я́сных – прекра́сных [280\точн.\грам.]Ж
mercí – си [320-2\точн.]
se touchent – чушь [305\точн.]

СЛОВАРЬ ВНУТРЕННИХ РИФМ

алéли (вн.) – пестрéли (вн.) [201\точн.\грам.]
 бежáл – воссылáл – сверкáл (вн.) [99\точн.\грам.]

благодáть – врачевáть (вн., подр.) – мать [138]
 благодáть – врачевáть (вн., подр.) [точн.]
 благодáть – мать [точн.\грам.]
 врачевáть (вн., подр.) – мать [точн.]

блеснёт (нач.) – поёт (вн.) – поёт (вн., подр.) [76\точн.\грам.]
 блеснёт (вн.) – прильнёт (вн.) [211-3\точн.\грам.]
 блестя́т (вн.) – горíт (вн.) [268-2\точн.\грам.]
 блиста́ют (вн.) – восседа́ет (вн.) [294\неточн.]
 [бог] дал (вн.) – [бог и] взял (вн., подр.) [138\точн.\грам.]
 бо́льно – во́льно (вн.) – нево́льно (вн., подр.) [261\точн.\грам.]
 больно́й (вн.) – душо́й (вн., подр.) [286\точн.]
 борцо́в – тельцо́в [52\точн.\грам.]

борьбо́й (вн.) – больно́й – судьбо́й (вн.) – дорого́й [51-2]
 борьбо́й (вн.) – больно́й [точн.]
 борьбо́й (вн.) – судьбо́й (вн.) [точн.\грам.]
 борьбо́й (вн.) – дорого́й [точн.]
 больно́й – судьбо́й (вн.) [точн.]
 судьбо́й (вн.) – дорого́й [точн.]

босо́й – весно́й (вн.) – зной – молодóй [154-2]
 босо́й – весно́й (вн.) [точн.]
 босо́й – зной [точн.]
 босо́й – молодóй [точн.\грам.]
 весно́й (вн.) – зной [точн.]
 весно́й (вн.) – молодóй [точн.]
 зной – молодóй [точн.]

брат (вн.) – брат – царя́т [110-2]
 брат (вн.) – брат [точн.\грам.]
 брат (вн.)/брат – царя́т [точн.]

бре́мя – вре́мя – вре́мя (вн.) [49\точн.\грам.]
 бродíл (вн.) – проходíл (вн.) [264\точн.\грам.]
 будíл (вн.) – сули́л [303\точн.\грам.]

вдаль (вн.) – хруста́ль (вн.) [299-2\точн.]

венча́ть (вн.) – слагáть (вн.) [152-2\точн.\грам.]
 вéчно – вéчно (вн.) – бесчеловéчно [316\точн.\грам.]
 видáл (вн.) – слыхáл (вн.) – помешáл (вн.) – встал [119\точн.\грам.]
 ви́ллы (вн.) – би́ли (вн.) [282-2\точн.]

взять (вн.) – читать – мечтáть [258-2\точн.\грам.]

видáл (вн.) – страдáл – волновáл [285-2\точн.\грам.]

влачítь – жить (вн., подр.) – [не] жить [290-1\точн.\грам.]

влекúт – труд – труд (вн.) [293]

влекúт – труд [точн.]

труд – труд (вн.) [точн.\грам.]

внимáет – забывáет (вн.) – призывáет [90\точн.\грам.]

внимáла – страдáла – умира́ла (вн.) [187\точн.\грам.]

воплощённый (вн.) – вдохновённый (вн.) [159\точн.\грам.]

вослéd – нет – нет (вн.) [235]

вослéd – нет/нет (вн.) [точн.]

нет – нет (вн.) [точн.\грам.]

вот – узнаёт – тот (вн.) – тот (вн.) [99]

вот – узнаёт [точн.]

вот – тот (вн.) [точн.]

узнаёт – тот (вн.) [точн.]

тот (вн.) – тот (вн.) [точн.\грам.]

вперёд (вн.) – вперёд (подр.) – зовёт [136-2]

вперёд (вн.) – вперёд (подр.) [точн.\грам.]

вперёд (вн.)/вперёд (подр.) – зовёт [точн.]

всей (вн.) – моёй (вн., подр.) [259\точн.]

всех – всех (вн., подр.) – смех [285-2]

всех – всех (вн., подр.) [точн.\грам.]

всех/ всех (вн., подр.) – смех [точн.]

вспоминáя (вн.) – ожидáя (вн.) [90\точн.\грам.]

вставáл (вн.) – гнал (вн.) [99\точн.\грам.]

глúхо – глúхо (вн.) – слúха [159]

глúхо – глúхо (вн.) [точн.\грам.]

глúхо/глúхо (вн.) – слúха [точн.]

гнёт – пройдёт – вперёд (вн.) [281]

гнёт – пройдёт [точн.\грам.]

гнёт – вперёд (вн.) [точн.]

пройдёт – вперёд (вн.) [точн.]

гнетёт (вн.) – предпочтёт (вн.) [274\точн.\грам.]

годá – никогдá (вн.) – никогдá (подр.) [294]

годá – никогдá (вн.)/никогдá (подр.)

никогдá (вн.) – никогдá (подр.) [грам.]

годá – никуда́ (вн.) – никуда́ (подр.) [237\точн.]

годá – никуда́ (вн.)/никуда́ (подр.)

никуда́ (вн.) – никуда́ (подр.) [точн.\грам.]

голубáя – седáя (вн.) [90\точн.\грам.]

гора́х – уста́х [294\точн.\грам.]

гори́т (вн.) – слепи́т (вн.) – гори́т (вн.) [119\точн.\грам.]

горе́л (вн.) – звене́л (вн.) [223-1\точн.\грам.]

грёз – слёз – грёз (вн.) [196-2\точн.\грам.]

грёзы – слёзы (вн.) – слёзы [297\точн.\грам.]

гробово́й – толпо́й – живо́й (вн.) [277]

гробово́й – толпо́й [точн.]

гробово́й – живо́й (вн.) [точн.]

толпо́й – живо́й (вн.) [точн.]

грудь – путь – путь (вн., подр.) [112-2]

грудь – путь/путь (вн., подр.) [точн.]

путь – путь (вн., подр.) [точн.\грам.]

грусти́шь – затормоши́шь (вн.) [119\точн.\грам.]

грустна́ (вн.) – больна́ (подр.) – от сна [294]

грустна́ (вн.) – больна́ (подр.) [грам.]

грустна́ (вн.) – от сна [точн.]

больна́ (подр.) – от сна [точн.]

дитя́ (вн.) – дитя́ (вн.) – дитя́ (вн.) – шути́я – я (вн.) – я (вн., подр.) – я (вн.) – я (вн.) – я (вн.) [228-1]

дитя́ (вн.) – дитя́ (вн.) [точн.\грам.]

дитя́ (вн.) – шути́я [точн.]

дитя́ (вн.) – я (вн.) [точн.]

дитя́ (вн.) – я (вн.)/ я (вн., подр.)

шутя́ – я (вн.) [точн.\грам.]

шутя́ – я (вн.)/ я (вн., подр.)

я (вн.) – я (вн.)/ я (вн., подр.) [грам.]

дней (вн.) – дней – дете́й [147-2\точн.\грам.]

днём – днём (вн.) – путём – дойдём [70-1]

днём – днём (вн.) [точн.\грам.]

днём – путём [точн.\грам.]

днём – дойдём [точн.]

путём – дойдём [точн.]

до́ле – во́ля (вн.) – во́ля (вн., подр.) [119]

до́ле – во́ля (вн.)/во́ля (вн., подр.)

во́ля (вн.) – во́ля (вн., подр.) [точн.\грам.]

дом – дом (вн.) – круго́м [254-2]

дом – дом (вн.) [точн.\грам.]
дом/дом (вн.) – кругом [точн.]

дрожа́л (вн.) – зал (вн.) [188\точн.]

душóй – мной – [не] тоскóй (вн.) [80]

душóй – мной [точн.]
душóй – [не] тоскóй (вн.) [точн.\грам.]
мной – [не] тоскóй (вн.) [точн.]

душóй – твой (вн.) – больнóй [228-1]

душóй – твой (вн.) [точн.]
душóй – больнóй [точн.]
твой (вн.) – больнóй [точн.\грам.]

душóю (подр.) – водóю [318-1\точн.\грам.]
душóю – землёю (вн.) – землёю [106\точн.\грам.]
дышáл (вн.) – внимáл (вн., подр.) – видáл [247\точн.\грам.]
дышáл (вн.) – звучáл (вн.) [204\точн.\грам.]
её (вн.) – бытиё [264\точн.]

емý – одно́му – емý (вн.) [285-2]

емý/ емý (вн.) – одно́му [точн.]
емý – емý (вн.) [грам.]

ерунды́ – воды́ (вн.) – воды́ (подр.) [320-2\грам.]
ждёт – зажжёт (вн.) – сойдёт – сойдёт (вн.) [159\точн.\грам.]
ждёт (вн.) – зальёт (вн.) – осмеёт (вн.) [73\точн.\грам.]
ждут (вн.) – кнут (вн.) [96-2\точн.]

живóт – пойдёт (вн.) – наро́д [282-1]

живóт – пойдёт (вн.) [точн.]
живóт – наро́д [точн.\грам.]
пойдёт (вн.) – наро́д [точн.]

жил (вн.) – жил (вн.) – ходи́л (вн.) [90\точн.\грам.]
жить (вн.) – жить (вн.) – плыть (вн.) [193-2\точн.\грам.]
жить (вн.) – люби́ть (вн.) [175-1\грам.]
жить (вн.) – служи́ть – прожи́ть [58\точн.\грам.]
рекóй (вн.) – полосóй (вн., подр.) [53\точн.\грам.]

забвёнье (вн.) – размышлénья – творénья [71]

забвёнье (вн.) – размышлénья [неточн.]
забвёнье (вн.) – творénья [неточн.]
размышлénья – творénья [точн.\грам.]

забвёнье (вн.) – сомнénья – примирénья [97-2]

забвёнье (вн.) – сомнénья [неточн.]
забвёнье (вн.) – примирénья [неточн.]
сомнénья – примирénья [точн.\грам.]

заглуши́л (вн.) – разби́л (вн.) [77\точн.\грам.]
 загорíteсь (вн.) – развернíteсь (вн.) [238-2\точн.\грам.]
 задыхáться – метáться – рвáться (вн., подр.) [234\точн.\грам.]

закáт – сто́ят – глядя́т (вн.) [221-1]

закáт – сто́ят [точн.]
 закáт – глядя́т (вн.) [точн.]
 сто́ят – глядя́т (вн.) [точн.\грам.]

закáта (вн.) – объ́ята – богáто [49\точн.]
 замира́ет – мерца́ет (вн.) – игра́ет – вопроша́ет – мерца́ет [183\точн.\грам.]

запекли́сь – очни́сь (вн.) – отзови́сь (подр.) [245-2]

запекли́сь – очни́сь (вн.) [точн.]
 запекли́сь – отзови́сь (подр.) [точн.]
 очни́сь (вн.) – отзови́сь (подр.) [точн.\грам.]

запéл – запéл (вн.) – звенéл – пел (вн.) – пел (вн.) – пел (вн.) – пел (вн.) [294\точн.\грам.]
 зацепи́лись (вн.) – остано́вились (вн.) [106\точн.\грам.]
 звалá (вн.) – жгла (вн.) [280\грам.]

звездá – никогдá (вн.) – никогдá (подр.) [294]

звездá – никогдá (вн.)/никогдá (подр.) [точн.]
 никогдá (вн.) – никогдá (подр.) [точн.\грам.]

звенóм – моём (вн.) – больно́м [249-1\точн.]
 звúки – звúки (вн.) – рúки [150-2\точн.\грам.]
 звучáл (вн.) – раздража́л (вн.) [140\точн.\грам.]

звучáла – сия́ли (вн., подр.) – укачала [207]

звучáла – сия́ли (вн., подр.) [точн.]
 звучáла – укачала [точн.\грам.] [точн.\грам.]
 сия́ли (вн., подр.) – укачала [неточн.]

звучи́т (вн.) – тесни́т (вн.) [239-2\точн.\грам.]
 звучи́т (вн.) – язви́т (вн.) [251-1\точн.\грам.]

земле́ – allez (вн.) – allez (подр.) [320-2]

земле́ – allez (вн.)/allez (подр.) [точн.]
 allez (вн.) – allez (подр.) [точн.\грам.]

злой (вн.) – больно́й – борьбо́й [50-1]

злой (вн.) – больно́й [точн.\грам.]
 злой (вн.) – борьбо́й [точн.]
 больно́й – борьбо́й [точн.]

зна́ло – расцветáла – смолка́ла (вн.) [147-2]

зна́ло – расцветáла [точн.]
 зна́ло – смолка́ла (вн.) [точн.]
 расцветáла – смолка́ла (вн.) [точн.\грам.]

зна́мя (вн.) – зна́мя – пла́мя [66-2\точн.\грам.]
 знать (вн.) – дыша́ть – порва́ть [228-2\точн.\грам.]
 зна́ю – встреча́ю [304\точн.\грам.]
 зна́ю (вн.) – зна́ю – страда́ю [169-2\точн.\грам.]
 зна́ют (подр.) – пыла́ют [323-2\точн.\грам.]

золота́я – догора́я (вн.) – голу́бая – обвива́я – пробужда́я (вн.) – оживля́я [90]

золота́я – догора́я (вн.) [точн.]
 золота́я – голу́бая [точн.\грам.]
 золота́я – обвива́я [точн.]
 золота́я – пробужда́я (вн.) [точн.]
 золота́я – оживля́я [точн.]
 догора́я (вн.) – голу́бая [точн.]
 догора́я (вн.) – обвива́я [точн.\грам.]
 догора́я (вн.) – пробужда́я (вн.) [точн.\грам.]
 догора́я (вн.) – оживля́я [точн.\грам.]
 голу́бая – обвива́я [точн.]
 голу́бая – пробужда́я (вн.) [точн.]
 голу́бая – оживля́я [точн.]
 обвива́я – пробужда́я (вн.) [точн.\грам.]
 обвива́я – оживля́я [точн.\грам.]
 пробужда́я (вн.) – оживля́я [точн.\грам.]

игра́ет – рассти́лает – игра́ет – поджида́ет – вызыва́ет (вн.) [90\точн.\грам.]
 идеа́л/идеа́л (вн.) – уста́л [112-3\точн.]
 идеа́л – идеа́л (вн.) [точн.\грам.]
 иду́т (вн.) – зову́т (вн., подр.) – зову́т (вн.) [288-1\точн.\грам.]

иска́л (вн.) – ждал (вн.) [199-2\точн.\грам.]
 испыта́ть (вн.) – узнáть (вн.) [119\точн.\грам.]

како́й (вн.) – нет друго́й [119\точн.]

клейми́л (вн.) – тверди́л (вн.) [171\точн.\грам.]

когда́ (вн.) – как всегда́ (вн.) – как всегда́ (вн.) [238-1\грам.]

коро́тать – мечта́ть – мечта́ть (вн.) [286\точн.\грам.]

кра́я (вн.) – [до] кра́я (подр.) – сконча́я [308]

кра́я (вн.) – кра́я (подр.) [точн.\грам.]
 кра́я (вн.) – сконча́я [точн.]
 кра́я (подр.) – сконча́я [точн.]

крови́ – любви́ (вн.) – любви́ [110-2\точн.]

кста́ти (вн.) – тетра́ди – ра́ди [316]

кста́ти (вн.) – тетра́ди [неточн.]
 кста́ти (вн.) – ра́ди [неточн.]
 тетра́ди – ра́ди [точн.]

Кúза (вн.) – мúза (вн., подр.) – мúзы (вн.) [318-2]

Кúза (вн.) – мúза (вн., подр.) [точн.\грам.]

Кúза (вн.) – мúзы (вн.) [неточн.]

мúза (вн., подр.) – мúзы (вн.) [неточн.]

лáской (вн.) – брáтской (вн., подр.) [78\неточн.]

лежáл – сиял – сиял (вн., подр.) – звал (вн., подр.) [288-1\точн.\грам.]

леснáя (вн.) – морскáя – охраня́я [159]

леснáя (вн.) – морскáя [точн.\грам.]

леснáя (вн.) – охраня́я [точн.]

морскáя – охраня́я [точн.]

летáл (вн.) – переплывáл (вн.) [279-2\точн.\грам.]

летáла – дышáла (вн.) – вонзáла [147-2\точн.\грам.]

летит (вн.) – щадит (вн.) [252-2\точн.\грам.]

лжéте (вн.) – лжéте (подр.) – зажжéте [225-1\точн.\грам.]

ликовáнья – сия́ньи (вн.) – страдáнье [181-4]

ликовáнья – сия́ньи (вн.) [неточн.]

ликовáнья – страдáнье [неточн.]

сия́ньи (вн.) – страдáнье [точн.]

ликúя (вн.) – чарúя (вн.) [117\точн.\грам.]

лобзáнья – лобзáнья (вн.) – свидáнья [325-2\точн.\грам.]

ломáя (вн.) – мечтáя (вн.) [176-1\точн.\грам.]

луны́ – сны (вн.) – сны [297]

луны́ – сны (вн.)/сны [точн.]

сны (вн.) – сны [точн.\грам.]

лыóтся (вн.) – несúтся (вн.) [90\точн.\грам.]

любил (вн.) – боготворил – сносил [60-1\точн.\грам.]

любить (вн.) – любить – перелить [216-1\точн.\грам.]

молоды́е – золоты́е [90 точн.\грам.]

мал (вн.) – закрывáл (вн.) – познал (вн.) [154-1]

мал (вн.) – закрывáл (вн.) [точн.]

мал (вн.) – познал (вн.) [точн.]

закрывáл (вн.) – познал (вн.) [точн.\грам.]

мáя – голубáя (вн.) – молодáя – разгоня́я (вн.) [157]

мáя – голубáя (вн.) [точн.]

мáя – молодáя [точн.]

мáя – разгоня́я (вн.) [точн.]

голубáя (вн.) – молодáя [точн.\грам.]

голубáя (вн.) – разгоня́я (вн.) [точн.]

молодáя – разгоня́я (вн.) [точн.]

мгло́й (вн.) – ночнóй (подр.) – землéй [58]

мгло́й (вн.) – ночнóй (подр.) [точн.]

мгло́й (вн.) – землéй [точн.\грам.]

ночно́й (подр.) – землёй [точн.]

мгнове́нный (вн.) – впечатле́ний – сомне́ний [150-2]

мгнове́нный (вн.) – впечатле́ний [неточн.]

мгнове́нный (вн.) – сомне́ний [неточн.]

впечатле́ний – сомне́ний [150-2\точн.\грам.]

мертв́а (вн.) – мертв́а – голов́а [249-1]

мертв́а (вн.) – мертв́а [точн.\грам.]

мертв́а (вн.)/ мертв́а – голов́а [точн.\грам.]

мерца́нье – внима́нье – сия́ньи (вн.) [201]

мерца́нье – внима́нье [точн.\грам.]

мерца́нье – сия́ньи (вн.) [точн.]

внима́нье – сия́ньи (вн.) [точн.]

мест́а (вн.) – куст́а [221-1\точн.]

мечта́л (вн.) – журча́л (вн.) [272-1\точн.\грам.]

миг (вн.) – миг – вели́к [299-2]

миг (вн.) – миг [точн.\грам.]

миг (вн.)/ миг – вели́к [точн.]

минда́ль – колыха́л (вн.) – шаль [282-2]

минда́ль – колыха́л (вн.) [неточн.]

минда́ль – шаль [точн.]

колыха́л (вн.) – шаль [неточн.]

мой (вн.) – больно́й (подр.) – [предо] мно́й [86-2\точн.]

мой (вн.) – дорого́й (подр.) – голу́бой [323-1]

мой (вн.) – дорого́й (подр.) [точн.]

мой (вн.) – голу́бой [точн.]

дорого́й (подр.) – голу́бой [точн.\грам.]

мой (вн.) – поко́й (подр.) – волно́й [219\точн.]

молча́л (вн.) – [не] ста́л (вн.) – попа́л [305\точн.\грам.]

молча́ть (вн.) – уня́ть – молча́ть [169-2\точн.\грам.]

мо́я (вн.) – семья́ (вн., подр.) [242]

му́ки – ру́ки (ль) (вн.) – ру́ки [86-2\точн.\грам.]

наза́д – взгля́д – взгля́д (вн., подр.) [204]

наза́д – взгля́д/взгля́д (вн., подр.) [точн.]

взгля́д – взгля́д (вн., подр.) [точн.\грам.]

назва́ть – о́пячь – отрица́ть – звать (вн., подр.) – презира́ть (вн.) [248]

назва́ть – о́пячь [точн.]

назва́ть – отрица́ть [точн.\грам.]

назва́ть – звать (вн., подр.) [точн.\грам.]

назва́ть – презира́ть (вн.) [точн.\грам.]

о́пячь – отрица́ть [точн.]

о́пячь – звать (вн., подр.) [точн.]

опя́ть – презира́ть (вн.) [точн.]
 отрица́ть – звать (вн., подр.) [точн.\грам.]
 отрица́ть – презира́ть (вн.) [точн.\грам.]
 звать (вн., подр.) – презира́ть (вн.) [точн.\грам.]

найдёт – найдёт (вн.) – высот [226-1\точн.]

найдёт – найдёт (вн.) [точн.\грам.]
 найдёт/ найдёт (вн.) – высот [точн.]

напомина́ет – напомина́ет (вн.) – вызыва́ет [179\точн.\грам.]

наро́д (вн.) – назовёт – гнёт [218]

наро́д (вн.) – назовёт [точн.]
 наро́д (вн.) – гнёт [точн.]
 назовёт – гнёт [точн.]

наслажде́ньи – песнопéньи [229 точн.\грам.]
 начина́ет – запева́ет [170 точн.\грам.]

небеса́х – страх (вн.) – страх [99]

небеса́х – страх (вн.) / страх [точн.]
 страх (вн.) – страх [точн.\грам.]

неземно́ю (вн.) – голово́ю – толпо́ю [60-2]

неземно́ю (вн.) – голово́ю [точн.]
 неземно́ю (вн.) – толпо́ю [точн.]
 голово́ю – толпо́ю [точн.\грам.]

необъя́тная – непрогля́дная (вн.) – арома́тная [118 точн.\грам.]

не́ту (вн.) – отве́та (вн., подр.) [85\неточн.]
 но́жка (вн.) – кро́шка (вн., подр.) [316\точн.\грам.]

ночь – ночь (вн.) – прочь (вн.) – прочь [115-2\точн.]

ночь – ночь (вн.) [точн.\грам.]
 ночь /ночь (вн.) – прочь (вн.) / прочь [точн.]
 прочь (вн.) – прочь [точн.\грам.]

облегчи́т (вн.) – освети́т (вн.) [86-1\точн.\грам.]
 объ́ятъя – бра́тъя (вн.) – бра́тъя [115-2\точн.\грам.]
 облетéли (вн.) – догорéли (вн.) [257-2\точн.\грам.]

оглуше́н (вн.) – ослепле́н (подр.) – сон [294]

оглуше́н (вн.) – ослепле́н (подр.) [точн.\грам.]
 оглуше́н (вн.) – сон [точн.]
 ослепле́н (подр.) – сон [точн.]

одни́ (вн.) – они́ (вн., подр.) [119\точн.]
 одно́ (вн.) – окно́ (вн., подр.) [254-2\точн.]

окна́ – грустна́ (вн.) – бледна́ (подр.) [142-2]

окна́ – грустна́ (вн.) [точн.]
 окна́ – бледна́ (подр.) [точн.]

грустна́ (вн.) – бледна́ (подр.) [точн.\грам.]

о́кружён – влю́блён (вн.) – влю́блён [265-2\точн.\грам.]

о́кружи́т (вн.) – почи́т (вн.) [73\точн.\грам.]

о́на – о́на (вн.) – пробужде́на (подр.) [148]

о́на – о́на (вн.) [точн.\грам.]

о́на/о́на (вн.) – пробужде́на (подр.) [точн.]

о́ни – о́ни – дни (вн.) [285-2]

о́ни – о́ни [точн.\грам.]

о́ни/о́ни – дни (вн.) [точн.]

освящё́н (вн.) – окроплён (вн.) [84\точн.\грам.]

осмея́л – идеа́л – ста́л (вн.) – ста́л (вн.) [75]

осмея́л – идеа́л [точн.]

осмея́л – ста́л (вн.) [точн.\грам.]

идеа́л – ста́л (вн.) [точн.]

ста́л (вн.) – ста́л (вн.) [точн.\грам.]

отверга́ет – страда́ет – страда́ет (вн.) [134-1\точн.\грам.]

оторва́ть – иска́ть – услыха́ть (вн.) [223-1\точн.\грам.]

оча́х – кудря́х – щека́х (вн.) [204\точн.\грам.]

па́л (вн.) – не ста́л (вн.) [56\точн.\грам.] 2

Парна́с (вн.) – Пе́гас (вн.) [305\точн.\грам.]

перерыва́л – оста́вля́л (вн.) – бока́л – покида́л (вн.) [246]

перерыва́л – оста́вля́л (вн.) [точн.\грам.]

перерыва́л – бока́л [точн.]

перерыва́л – покида́л (вн.) [точн.\грам.]

оста́вля́л (вн.) – бока́л [точн.]

оста́вля́л (вн.) – покида́л (вн.) [точн.\грам.]

бока́л – покида́л (вн.) [точн.]

писа́л – мелька́л – навеща́л (вн.) [305\точн.\грам.]

плащо́м – огонько́м – огонько́м (вн.) [254-2\точн.\грам.]

плито́й – засто́й – зной (вн., подр.) [246]

плито́й – засто́й [точн.]

плито́й – зной (вн., подр.) [точн.]

засто́й – зной (вн., подр.) [точн.\грам.]

плоды́ (вн.) – цветы́ – черты́ [229\точн.\грам.]

погребены́ (вн.) – клеймены́ (вн.) – окружены́ (вн.) [185\точн.\грам.]

погребёнья (вн.) – селе́нья [90\точн.]

подня́ть (вн.) – нажа́ть (вн.) [316\точн.\грам.]

подшуты́ла – надели́ла – [не] надели́ла (вн., подр.) – си́ла [222-2]

подшуты́ла – надели́ла/[не] надели́ла (вн., подр.) [точн.\грам.]

подшуты́ла – си́ла [точн.]

надели́ла – [не] надели́ла (вн., подр.) [точн.\грам.]

наделила/[не] наделила (вн., подр.) – сила [точн.]
 подать (вн.) – плясать [74\точн.\грам.]
 подставлял (вн.) – мечтал (вн.) – упал (вн.) [293\точн.\грам.]

поёт – растёт (вн.) – растёт (подр.) [268-2\точн.\грам.]
 пожить – учить (вн.) – любить [231\точн.\грам.]
 позабываю – принимаю – принимаю (вн.) [88-2\точн.\грам.]

позорной – безмолвной (вн.) – покорный (вн.) [218]

позорной – безмолвной (вн.) [точн.\грам.]
 позорной – покорный (вн.) [неточн.]
 безмолвной (вн.) – покорный (вн.) [неточн.]

пойдёшь (вн.) – поведёшь (вн.) – не умрёшь (вн.) – переживёшь – найдёшь [54-2\точн.\грам.]
 поклонился (вн.) – смутился (вн.) [294 точн.\грам.]
 покой (вн.) – рукой – больно́й [52-1\точн.]

покой (вн.) – покой – мной [237]

покой (вн.) – покой [точн.\грам.]
 покой (вн.)/покой – мной [точн.]

покрыл – сил – сквозил (вн., подр.) [273-2]

покрыл – сил [точн.]
 покрыл – сквозил (вн., подр.) [грам.]
 сил – сквозил (вн., подр.) [точн.]

ползёт (вн.) – ползёт (вн.) – плетёт (вн.) [200-1\точн.\грам.]
 помогла – пошла (вн.) – была [138\грам.]
 понимала – пятнала [99\точн.\грам.]
 пообещал (вн.) – сказал (вн.) [320-2\точн.\грам.]
 порой (подр.) – друго́й [149\точн.]
 порывался (вн.) – урывался (вн.) – боялся (вн.) [246\точн.\грам.]

починил – прорыл – открыл (вн.) [279-2\точн.\грам.]

починил – прорыл [точн.\грам.]
 починил – открыл (вн.) [точн.\грам.]
 прорыл – открыл (вн.) [точн.\грам.]

поют – встают [74\точн.\грам.]
 презирай (вн.) – пускай (част.)(вн.) [148\точн.]
 прикован (вн.) – замурован (вн.) [282-1\точн.\грам.]
 принесёт (вн.) – ждёт (вн.) [266\точн.\грам.]
 присела (вн.) – загляделась (вн.) [309-2\грам.]
 припадал (вн.) – наблюдал (вн.) [273-2\точн.\грам.]
 пробежал – предстал – предстал (вн., подр.) [159\точн.\грам.]
 пробуждали (вн.) – волновали (вн.) [272-1\точн.\грам.]
 проклинал (вн.) – подавал (вн.) – забушевал (вн.) [261\точн.\грам.]
 пролетит (вн.) – шевелит (вн.) [90\точн.\грам.]
 просил – залил – не смутил (вн.) [56\точн.\грам.]

прости́ (вн.) – прости́ – пути́ [215]

прости́ (вн.) – прости́ [точн.\грам.]

прости́ (вн.)/прости́ – пути́ [точн.]

простой (вн.) – лесной (вн., подр.) [233\точн.\грам.]

прошла́ (вн.) – замерла́ – [не] умерла́ [277\грам.]

прощай́ (вн.) – прощай́ – май [273-1]

прощай́ (вн.) – прощай́ [точн.\грам.]

прощай́ (вн.)/прощай́ – май [точн.]

пти́це (вн.) – мчи́тся – пти́ца [253-2]

пти́це (вн.) – мчи́тся [неточн.]

пти́це (вн.) – пти́ца [неточн.]

мчи́тся – пти́ца [точн.]

пути́ [твой] (вн.) – пути́ – груди́ [136-2\точн.]

пути́ [твой] (вн.) – пути́ [точн.\грам.]

пути́ [твой] (вн.)/пути́ – груди́ [точн.]

пыла́л (вн.) – осеня́л (вн.) – крича́л [315-1\точн.\грам.]

разбива́я – прожива́ю (вн.) – страда́ю [169-2]

разга́ре (вн.) – уда́ры (вн.) [246\неточн.]

раздава́лся – мча́лся [288-1\точн.\грам.]

рассе́ял (вн.) – разве́ял (вн.) [159\точн.\грам.]

расцвела́ (вн.) – принесла́ (вн.) [304\грам.]

раю́ – вступа́ю (вн.) [78\точн.]

рвись (вн.) – трудись (вн.) [106\точн.\грам.]

реко́й – тоско́й (вн.) – тоско́й [96-1\точн.\грам.]

реча́х (вн.) – стиха́х (вн.) [158\точн.\грам.]

реча́х (вн.) – цвета́х (вн.) [235\точн.\грам.]

родна́я – жива́я (вн.) [86-2\точн.\грам.]

родно́й – [на] бой (вн.) – бой [96-2]

родно́й – [на] бой (вн.)/бой [точн.]

[на] бой (вн.) – бой [точн.\грам.]

ро́зы (вн.) – гре́зы – слёзы (вн.) – угро́зы (подр.) [316\точн.\грам.]

роково́й – гробово́й (вн.) – доско́й (подр.) [286]

роково́й – гробово́й (вн.) [точн.\грам.]

роково́й – доско́й (подр.) [точн.]

гробово́й (вн.) – доско́й (подр.) [точн.]

рука́ мне – ка́мня (вн.) – на ка́мне (подр.) [215]

руко́й – тобо́й – людско́й (вн.) – людско́й (вн.) [206-2]

руко́й – тобо́й [точн.]

руко́й – людско́й (вн.) [точн.]

тобо́й – людско́й (вн.) [точн.]

людско́й (вн.) – людско́й (вн.) [точн.\грам.]

рыда́ний (подр.) – страда́ний [311-1\точн.\грам.]

собой – твой (вн.) – дорогóй [179\точн.]

судьбой – твой – твой (вн., подр.) [301-1]

судьбой – твой/твой (вн., подр.) [точн.]

твой – твой (вн., подр.) [точн.\грам.]

сверка́я (вн.) – ослепля́я (вн.) [156\точн.\грам.]

свободы – го́ды – го́ды (вн.) [302-3]

свободы – го́ды/го́ды (вн.) [точн.]

го́ды – го́ды (вн.) [точн.\грам.]

своёй – дверёй (вн.) – церквей [135-1]

своёй – дверёй (вн.) [точн.]

своёй – церквей [точн.]

дверёй (вн.) – церквей [точн.\грам.]

своёй – люде́й – моёй (вн.) [266]

своёй – люде́й [точн.]

своёй – моёй (вн.) [точн.\грам.]

люде́й – моёй (вн.) [точн.]

своём – орло́м – днё́м (вн.) [290-1]

своём – орло́м [точн.]

своём – днё́м (вн.) [точн.]

орло́м – днё́м (вн.) [точн.\грам.]

свой (вн.) – сыро́й (подр.) – душо́й [56\точн.]

семья́ – [а] я (вн., подр.) – я (вн., подр.) – кра́я [261]

семья́ – [а] я (вн., подр.) [точн.]

семья́ – я (вн., подр.) [точн.]

семья́ – кра́я [точн.]

[а] я (вн., подр.) – я (вн., подр.) [грам.]

[а] я (вн., подр.) – кра́я [точн.]

я (вн., подр.) – кра́я [точн.]

сил – уходíл (вн., подр.) – бродíл [234]

сил – уходíл (вн., подр.) [точн.]

сил – бродíл [точн.]

уходíл (вн., подр.) – бродíл [точн.\грам.]

сил (вн.) – был (вн.) – не жил (вн.) [246]

сил (вн.) – был (вн.) [грам.]

сил (вн.) – не жил (вн.) [грам.]

был (вн.) – не жил (вн.) [точн.\грам.]

сильне́й (вн.) – ей – сильне́й – ей [170]

сильне́й (вн.) – сильне́й [точн.\грам.]

сильне́й (вн.)/сильне́й – ей [точн.]

сильнѣй (вн.) – живѣй (вн.) [179\точн.\грам.]
 сильны́ (вн.) – умны́ (подр.) – смешны́ [68-1.\грам.]
 сияет – согрева́ет (вн.) – наполня́ет [213-2\точн.\грам.]
 сияет (вн.) – исцеля́ет – лобза́ет [141\точн.\грам.]
 сияющих (вн.) – благоухающих (вн.) [325-3\точн.\грам.]

сияя – [от] кра́я (вн.) – [до] кра́я (подр.) [176-2]

сияя – [от] кра́я (вн.) [точн.]
 сияя – [до] кра́я (подр.) [точн.]
 [от] кра́я (вн.) – [до] кра́я (подр.) [точн.\грам.]

скауно́в – рабо́в – лесо́в (вн.) [274\точн.\грам.]

скал – услыха́л – взбежа́л (вн.) [303]

скал – услыха́л [точн.]
 скал – взбежа́л (вн.) [точн.]
 услыха́л – взбежа́л (вн.) [точн.\грам.]

скрипа́т (вн.) – гремя́т (вн.) [239-2\точн.\грам.]

скрыва́я – кра́я – [не] зна́ю (вн.) [138]

скрыва́я – кра́я [точн.]
 скрыва́я – зна́ю (вн.) [неточн.]
 кра́я – [не] зна́ю (вн.) [неточн.]

скры́ли (вн.) – утоми́ли (вн.) [67\грам.]
 слеза́ми – слеза́ми (вн., подр.) – луча́ми [151-1\точн.\грам.]

слепá – [божество]-толпа́ (вн.) – [титан]-толпа́ (подр.) [148]

слепá – [божество]-толпа́ (вн.) [точн.]
 слепá – [титан]-толпа́ (подр.) [точн.]
 [божество]-толпа́ (вн.) – [титан]-толпа́ (подр.) [точн.\грам.]

слепы́м (вн.) – глухи́м (вн., подр.) [170\грам.]
 слета́ет (вн.) – озаря́ет (вн.) [232-1\точн.\грам.]
 слета́л – шепта́л – дрожа́л (вн.) [273-2\точн.\грам.]
 слета́ть (вн.) – шепта́ть – воева́ть? [297\точн.\грам.]
 слили́ся (вн.) – раздали́сь (вн.) [90\грам.]

сло́во – сло́во (вн.) – суро́во [187] , [144]

сло́во – сло́во (вн.) [точн.\грам.]
 сло́во/сло́во (вн.) – суро́во [точн.]

случа́йный – случа́йный (вн.) – та́йной [76]

случа́йный – случа́йный (вн.) [точн.\грам.]
 случа́йный/ случа́йный (вн.) – та́йной [неточн.]

слышнѣй (вн.) – слышнѣй (вн.) [точн.\грам.]
 слышнѣй (вн.)/слышнѣй (вн.) – моѣй [точн.]

слы́шу (вн.) – ви́жу (вн.) [178-2\грам.]

смеялась – разрыдалась [285-1\точн.\грам.]
 смеются (вн.) – льются (вн.) [90\точн.\грам.]
 смеялся – поднялся – испугался (б) (вн.) [70-3\точн.\грам.]
 смолкал (вн.) – стал (вн.) [153-1\точн.\грам.]

смолкают (вн.) – сияет (вн.) – ласкают (вн.) [255-1]
 смолкают (вн.) – сияет (вн.)
 смолкают (вн.) – ласкают (вн.) [точн.\грам.]
 сияет (вн.) – ласкают (вн.) [неточн.]

смыть – забыть – простить [99 точн.\грам.]
 смывать – забывать [точн.\грам.]
 смывать – простить [грам.]
 забывать – простить [грам.]

снами – рабами (вн.) – глупцами (подр.) [193-2\точн.\грам.]

сном – неземном – родном (вн.) [213-2]
 сном – неземном [точн.]
 сном – родном (вн.) [точн.]
 неземном – родном (вн.) [точн.\грам.]

собой – твой (вн.) – голубой – постой (вн.) [302-3\точн.]
 собою – струёю [281\точн.]
 сойтись (вн.) – разойтись (вн.) [153-2\точн.\грам.]
солгала (вн.) – солгала – идеала [168-1\точн.]
 солгала (вн.) – солгала [точн.\грам.]
 солгала (вн.)/ солгала – идеала [точн.]

сольём – гром – пронесём (вн.) – воспоём [308\точн.]
 сольём – гром [точн.]
 сольём – пронесём (вн.) [точн.\грам.]
 сольём – воспоём [точн.\грам.]
 гром – пронесём (вн.) [точн.]
 гром – воспоём [точн.]
 пронесём (вн.) – воспоём [точн.\грам.]

сомнений – смёной (вн.) – впечатлений (п?) [301-2]
 сомнений – смёной (вн.) [неточн.]
 сомнений – впечатлений [точн.\грам.]
 смёной (вн.) – впечатлений [неточн.]

священный (вн.) – смиренный (вн.) [193-2 точн.\грам.]
 сомненья – биенья – мгновенья (вн.) [207\точн.\грам.]

сон (вн.) – погружён – небосклон [159\точн.]
 сон (вн.) – погружён [точн.]
 сон (вн.) – небосклон [точн.\грам.]
 погружён – небосклон [точн.]

сорвали – растоптали (вн.) – печали [110-3\точн.]

сорва́ли – растопта́ли (вн.) [точн.\грам.]
 сорва́ли – печáли [точн.]
 растопта́ли (вн.) – печáли [точн.]
 собо́й – на бо́й (вн.) – свято́й – мглой (вн.) – мглой [66-2\точн.]
 сошла́ (вн.) – несла́ (вн.) [110-3\грам.]
 спал (вн.) – шепта́л (вн.) [174-2\точн.\грам.]
 спит (вн.) – сиди́т (вн.) [60-2\точн.\грам.]
 стал – рыда́л [бы] (вн.) – рыда́л – рыда́л (вн., подр.) [164-1\точн.\грам.]
 стара́ясь – отзы́ваясь [250-2 точн.\грам.]
 стои́т (вн.) – не вопи́т (вн.) [74\точн.\грам.]
 столи́цы – светли́цах (вн.) [74\неточн.]
 стихо́м (вн.) – нипочём (вн.) [319-1\точн.]
 стои́т (вн.) – стои́т (вн.) – шелести́т (вн.) [291\точн.\грам.]
 стара́нья – обеща́нья (вн.) – страда́нья (подр.) [60-2\точн.\грам.]
 сто́ял (вн.) – догора́л (вн.) [274\точн.\грам.]
 сто́ял (вн.) – лежа́л (вн.) – гнал (вн.) – спал (вн.) [299-1\точн.\грам.]
 сто́ял (вн.) – прокли́нал (вн.) [261\точн.\грам.]

сто́ят (вн.) – кады́т (вн.) [107\точн.\грам.]
 страда́л (вн.) – [не] мал [он] (вн.) [209-1\точн.]

страда́нья – свидáнье – свидáнье (вн.) [72]
 страда́нья – свидáнье/свидáнье (вн.) [неточн.]
 свидáнье – свидáнье (вн.) [точн.\грам.]

прозвучáть (вн.) – пробужда́ть (вн.) [164-2\точн.\грам.]
 строка́ми – слезáми – слезáми (вн., подр.) [200-2\точн.\грам.]
 стучáла – угрожа́ла (вн.) – ласка́ла – опьяня́ла (вн.) [80\точн.\грам.]
 стучáла – угрожа́ла (вн.) – ласка́ла – опьяня́ла (вн.) [80\точн.\грам.]
 схожу́ (вн.) – брожу́ (вн.) [131-1\грам.]
 таи́т – плени́т (вн.) – утоли́т [280\точн.\грам.]

твой – душо́й – твой (вн.) [280\точн.]
 твой/ твой (вн.) – душо́й [точн.]
 твой – твой (вн.) [точн.\грам.]

твой (вн.) – живо́й (вн.) [281\точн.]
 твой (вн.) – поко́й (вн., подр.) [229\точн.]

тебе́ – тебе́ (вн.) – борьбе́ [112-3\точн.]
 тебе́ – тебе́ (вн.) [грам.]
 тебе́/тебе́ (вн.) – борьбе́ [точн.]

темна́ (вн.) – глубина́ (вн., подр.) [294\точн.]

теря́й – подыма́й – пуска́й (вн.) – пуска́й (вн.) [50-2]
 теря́й – подыма́й [точн.\грам.]
 теря́й – пуска́й (вн.) [точн.]
 подыма́й – пуска́й (вн.) [точн.]
 пуска́й (вн.) – пуска́й (вн.) [точн.\грам.]

тишина – окна [203\точн.]

тишина – тишина (вн., подр.) – сторона [251-1\грам.]

тобой (вн.) – герой (подр.) – больно́й [285-2\точн.\грам.]

тобой (вн.) – одно́й (вн., подр.) [119\точн.]

тогда́ (вн.) – когда́ (вн.) [243-2\грам.]

толпо́й – тоско́й (вн.) – душо́й (вн.) – борьбо́й – красо́й (вн.) – свято́й (вн.) [54-2]

толпо́й – тоско́й (вн.) [точн.\грам.]

толпо́й – душо́й (вн.) [точн.\грам.]

толпо́й – борьбо́й [точн.\грам.]

толпо́й – красо́й (вн.) [точн.\грам.]

толпо́й – свято́й (вн.) [точн.]

тоско́й (вн.) – душо́й (вн.) [точн.\грам.]

тоско́й (вн.) – борьбо́й [точн.\грам.]

тоско́й (вн.) – красо́й (вн.) [точн.\грам.]

тоско́й (вн.) – свято́й (вн.) [точн.]

душо́й (вн.) – борьбо́й [точн.\грам.]

душо́й (вн.) – красо́й (вн.) [точн.\грам.]

душо́й (вн.) – свято́й (вн.) [точн.]

борьбо́й – красо́й (вн.) [точн.\грам.]

борьбо́й – свято́й (вн.) [точн.]

красо́й (вн.) – свято́й (вн.) [точн.]

торжествова́ла – похища́ла – побежда́ла (вн.) [288-1\точн.\грам.]

тоско́й – толпо́й – поро́й (вн.) – поро́й (вн.) [287-2]

тоско́й – толпо́й [точн.\грам.]

тоско́й – поро́й (вн.) [точн.]

толпо́й – поро́й (вн.) [точн.]

поро́й (вн.) – поро́й (вн.) [точн.\грам.]

тоско́й (вн.) – тоско́й – покóй [97-2]

тоско́й (вн.) – тоско́й [точн.\грам.]

тоско́й (вн.)/тоско́й – покóй [точн.]

ты – цветы́ – ты (вн.) – ты (вн.) [304]

ты – цветы́ [точн.]

ты – ты (вн.) [грам.]

тяготя́т – брат – брат (вн.) [178-2\точн.]

тяготя́т – брат / брат (вн.) [точн.]

брат – брат (вн.) [точн.\грам.]

уга́р (вн.) – пожа́р (вн., подр.) [316\точн.\грам.]

уголо́к (вн.) – ног – пото́к – уголо́к (вн.) [291]

уголо́к (вн.) – ног [точн.]

уголо́к (вн.) – пото́к [точн.\грам.]

уголо́к (вн.) – уголо́к (вн.) [точн.\грам.]

ног – пото́к [точн.]

ног – уголо́к (вн.) [точн.]

пото́к – уголо́к (вн.) [точн.\грам.]

увлекáй (вн.) – обеща́й (вн.) [231\точн.\грам.]
 уда́ром – пожа́ром [82-1 точн.\грам.]
 узна́л – разгада́л [261\точн.\грам.]

узна́л (вн.) – страда́л – звуча́л – звал (вн.) [291\точн.\грам.]
 ума́м (вн.) – сердца́м (вн.) [164-2\точн.\грам.]
 умира́л (вн.) – погибáл (вн.) [54-2\точн.\грам.]
 умолка́ет (вн.) – выплывáет [90\точн.\грам.]
 умчи́т (вн.) – опьяни́т (вн.) [217-3\точн.\грам.]
 умчи́тся (вн.) – склони́тся (вн.) [114\точн.\грам.]
 упáли (вн.) – узна́ли – шепта́ли [249-3\точн.\грам.]
 устава́л (вн.) – изнемога́л (вн.) [179\точн.\грам.]
 уста́ми – уста́ми (вн.) – реча́ми [159\точн.\грам.]
 хитри́ть (вн.) – служи́ть (вн.) [119\точн.\грам.]

храни́л – пробíл – пробíл (вн., подряд) – позабы́л (вн.) [60-1\точн.\грам.]
 храни́л – пробíл/пробíл (вн., подряд) [точн..]
 храни́л – позабы́л (вн.) [точн.]
 пробíл/пробíл (вн., подряд) – позабы́л (вн.) [грам.]

хруста́ль – даль (вн.) – даль [258-1\точн.\грам.]
 цве́том – цве́том (вн.) – приве́том [174-2\точн.\грам.]

чемú – чемú (вн., подр.) – тьму [280]
 чемú – чемú (вн., подр.) [грам.]
 чемú/чемú (вн., подр.) – тьму [грам.]

черне́й (вн.) – черне́й (подр.) – друзе́й [147-1\точн.]
 черне́й (вн.) – черне́й (подр.) [точн.\грам.]
 черне́й (вн.)/черне́й (подр.) – друзе́й [точн.]
 чита́ла (вн.) – вида́ла – управля́ла [119\точн.\грам.]
 чу́ства – иску́ства (вн.) – иску́ства (подр.) [110-3\точн.\грам.]
 шатра́ми (вн.) – цвета́ми (вн.) [224-2\точн.\грам.]
 шла – дошла́ (вн.) – провела́ [138\точн.\грам.]
 шли (вн.) – жгли (вн.) [217-3\точн.\грам.]
 шуми́т – серебри́т – не пьяни́т (вн.) [256-2\точн.\грам.]
 щади́л (вн.) – говори́л (вн.) [193-2\точн.\грам.]
 щемя́щей (вн.) – маня́щий (вн.) [254-2\точн.]
 язви́т (вн.) – громи́т (вн.) [320-2\точн.\грам.]
 язвя́т (вн.) – клеймя́т (вн.) [143-2\точн.\грам.]